

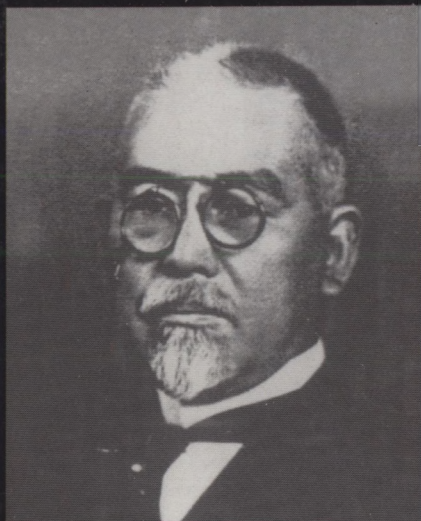
**ВАСИЛИЙ
МОЛОДЯКОВ**

**ЗАПАД
ПРОТИВ
РОССИИ**

**РОССИЯ И
ЯПОНИЯ:
ПОВЕРХ
БАРЬЕРОВ**

**ВЕЛИКИЕ
ПРОТИВОСТОЯНИЯ**

**ВЕЛИКИЕ
ПРОТИВОСТОЯНИЯ**

**ВАСИЛИЙ
МОЛОДЯКОВ**

**ЗАПАД
ПРОТИВ
РОССИИ**

**РОССИЯ
И ЯПОНИЯ:
ПОВЕРХ
БАРЬЕРОВ**

ВАСИЛИЙ МОЛОДЯКОВ

Россия и Япония: поверх барьеров

Неизвестные и забытые страницы
российско-японских отношений
(1899—1929)

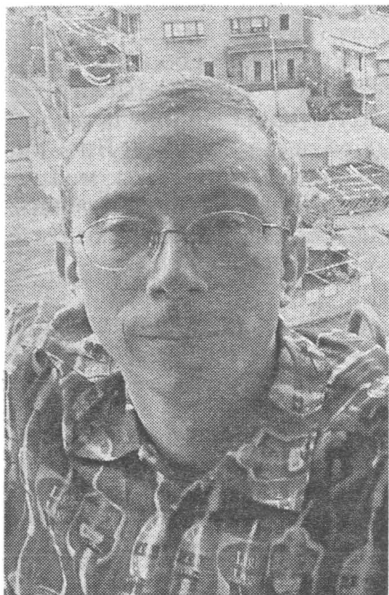
Историческое исследование

Молодяков В.

Россия и Япония: поверх барьеров: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929) / В. Молодяков.

Книга посвящена малоизвестным, а то и замалчиваемым страницам в истории российско-японских и советско-японских отношений первой трети XX века. В своем исследовании автор показывает, как складывались отношения между двумя странами до и после революции в России. Почему японские русофилы поддерживали интервенцию на Дальнем Востоке? Как большевики пытались нормализовать отношения с Японией? Почему Токио отказался купить Северный Сахалин, а японские «ультраправые» были за улучшение отношений с «красными»? Почему некоего пожилого японца, прибывшего в Москву в канун 1928 года с сугубо частным визитом, принимали все первые лица, включая Сталина? Для ответа на эти и другие вопросы автор использовал российские, японские, европейские и американские источники, но главное — материалы из архивов Москвы и Токио, таким образом впервые ставшие достоянием гласности.

Василий Элинархович МОЛОДЯКОВ

Русский. Родился 3 июня 1968 г. в Москве. Сын известного историка-японоведа профессора Эльжены Васильевны Молодяковой. Окончил историко-филологический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ по специальности «история Японии» и аспирантуру при нем по специальности «политология». С 1995 г. живет и работает в Токио. Докторант отделения международных отношений Токийского университета (1996–2000). Приглашенный научный сотрудник Института социальных наук Токийского университета (2000/2001). Представитель ежегодника «Япо-

ния» (Ассоциация японоведов России) в Японии (с 2001 г.). Старший научный сотрудник Института японской культуры Университета Такусёку (с 2003 г.).

Кандидат исторических наук (ИСАА при МГУ, 1996); диссертация: «Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX вв.». Доктор социальных наук (Токийский университет, 2002); диссертация: «Сиратори Тосио и внешняя политика Японии, 1930–1941». В марте 2004 г. защитил на философском факультете МГУ докторскую диссертацию по политологии «Консервативная революция в Японии: политика и идеология».

Публикуется в России с 1989 г., в Японии и США – с 1998 г. Сфера научных интересов: геополитика; политическая и интеллектуальная история России, Японии и Европы XIX–XX вв.; история религий и традиционных учений; русская литература и культура Серебряного века. Автор бо-

более 250 публикаций, включая книги «Подсудимые и победители. (Заметки и размышления историка о Токийском процессе)» (1996), «Мой сон, и новый, и всегдашний... Эзотерические искания Валерия Брюсова» (1996), «Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX веков» (1996), «Неизвестные поэты. Рассказы библиофила» (Кн. 1–2, 1995–1996), «Консервативная революция в Японии: идеология и политика» (1999), «Несостоявшаяся ось: Берлин–Москва–Токио» (2004), «Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель» (в печати), более 100 статей, более 100 архивных публикаций и рецензий. Член научных обществ России и Японии. Участник многих коллективных научных проектов, международных симпозиумов и конференций. Собирает первые издания русских поэтов начала XX века и старые книги о Японии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Глава 1. Призрак бродит по России: «желтая опасность» в русском сознании	10
Глава 2. «Союз искусственный и случайный»: Лондон и Токио против Санкт-Петербурга	43
Глава 3. Кто вы, доктор Гото: неизвестный друг России.....	85
Глава 4. Искусство возможного: на пути к русско-японской «антанте»	121
Глава 5. За кулисами интервенции: Япония между «красными» и «белыми»	155
Глава 6. Дальневосточное Рапалло: миссия Адольфа Иоффе.....	197
Глава 7. Пекинские гамбиты: переговоры Карахана—Ёсидзава	234
Глава 8. Революция не состоялась: Коминтерн и японские коммунисты	270
Глава 9. Разговор за блинами: «дипломатия Танака» и Советский Союз	293
Глава 10. Частный визит на высшем уровне: московские встречи Гото	314
Послесловие	342
Приложение	345
Примечания	347
Источники и литература.....	361

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую Вы держите в руках, посвящена малоизвестным, а то и замалчиваемым страницам истории российско-японских и советско-японских отношений первых трех десятилетий минувшего, двадцатого века: в 1899 г. Владимир Соловьев написал «Краткую повесть об антихристе», рассказывающую о будущем завоевании японцами почти всей Евразии; в 1929 г. умер граф Гото, сделавший для развития российско-японского сотрудничества больше, чем какой-либо другой японец.

В этой книге я уделяю не так уж много внимания русско-японской войне, в канун столетия которой пишу эти строки, и японской интервенции на Дальнем Востоке — двум самым известным событиям в отношениях между нашими странами. Почему? И что, за их вычетом, остается? — может спросить читатель.

Во-первых, потому что написано о них уже много (в том числе и очень хорошо) и будет, не сомневаюсь, еще много публикаций. Хотя ни от одной, ни от другой темы, конечно, не уйти. Во-вторых, я решил рассказать именно о малоизвестных страницах истории, которых без труда набралось на целую книгу, а хватило бы, уверяю, еще на несколько. В русско-японских отношениях кроме войны и интервенции очень много интересного...

Как и почему в России, задолго до Хасана и Халхин-Гола и даже до революции, сформировался образ Японии как «желтой опасности»? Какую роль в его формировании сыграли Владимир Соловьев, Валерий Брюсов и Андрей Белый? Кто стоял за кулисами русско-японской войны и кому она была выгодна? Кто из японских государственных деятелей выступал за сотрудничество с Россией и почему? Почему токийские русофилы поддерживали интервенцию на Дальнем Востоке, а русофобы были против нее? Как большевики пытались нормализовать отношения с Японией, кто им в этом помогал, а кто мешал? За сколько Москва предлагала Японии купить Северный Сахалин, и почему та не купила его? Почему тогдашние японские «ультраправые» были за улучшение отношений с «красными», и что такое японский «моральный коммунизм»? О чем разговаривали за блинами советский полпред и

японский премьер? Почему генерал Танака не писал упорно приписываемого ему «меморандума»? Почему в Японии были популярны Маркс и Ленин, а социалистическая революция не состоялась? Почему некоего пожилого японца, прибывшего в Москву в канун 1928 года с сугубо частным визитом, принимают все первые лица, включая Калинина и даже Сталина?

Чтобы ответить на эти вопросы, я потратил немало часов в архивах и библиотеках. В книге использованы российские, японские, европейские и американские источники, но главное — материалы из архивов Москвы и Токио, только начавшие появляться в печати*. Поэтому много цитат: документы эпохи, даже торопливые и стилистически несовершенные записи переводчиков и секретарей, настолько красноречивы, что говорят сами за себя, а в пересказе они бы потеряли всю прелесть. На чем конкретно я основывался, можно узнать из помещенного в конце списка источников и литературы. Я старался не перегружать книгу сносками, которые, как показывает опыт, интересны немногим, и обычно прибегал к ним лишь в случае цитирования или близкого к тексту пересказа.

В основу своего исследования — а порой расследования — я положил *геополитический подход*, признавая геополитические факторы приоритетными по отношению ко всем остальным. Что это такое? Один из основоположников геополитики Карл Хаусхофер писал: «Геополитический способ рассмотрения, цель которого — представить функционирующие в определенном жизненном пространстве жизненные формы политики как обусловленные одновременно и стабильной географической средой, и динамикой исторического процесса, имеет для всех проблем... большое преимущество, ибо он больше, чем всякий другой подход, позволяет видеть эти проблемы независимо от какой-либо партийно-политической установки и мировоззренческой односторонности... В то же время он весьма полезен для философии истории, ибо не подвержен искажениям со стороны социологических и общественно-политических доктрин и избавляет от той значительной доли предвзятости, которую они

* В цитатах сохранена орфография оригинала, поэтому, например, одни и те же слова могут быть написаны по-разному: «советское правительство» и «Советское Правительство»; пунктуация исправлена в соответствии с современными нормами. Пояснения автора книги внутри цитат заключены в скобки с пометой «В.М.»; купюры обозначены простым отточием. Все подстрочные примечания принадлежат автору книги. События и документы в России до февраля 1918 г. датируются или по старому стилю, или по обоим одновременно, через косую черту.

обыкновенно порождают» (1). Современные специалисты разъясняют: «Геополитическое положение государства является намного более важным, нежели особенности политического устройства этого государства. Политика, культура, идеология, характер правящей элиты и даже религия рассматриваются в геополитической оптике как *важные, но второстепенные факторы* по сравнению с фундаментальным геополитическим принципом — *отношением государства к пространству*» (2).

Применяя этот подход на практике, я использую оппозицию «евразийство — атлантизм», введенную в широкий обиход в России А.Г. Дугиным. «Евразийство» («теллуракратия», «власть земли») связано здесь не только с евразийским континентом как таковым, но с «континентальным» — в противоположность «морскому» — типом сознания и цивилизации, к которому, несмотря на островное географическое положение, относится Япония, естественно сопоставляемая, таким образом, с Германией и Россией. Вывод Хаусхофера о «континентальном» характере Японии мотивируется ее неразрывной исторической связью с континентом, откуда она еще в древности получила большинство даров цивилизации от иероглифической письменности до буддизма. Японская экспансия, начиная с походов древней императрицы Дзингу, была ориентирована на континент и только во время Второй мировой войны вышла на просторы Тихого океана. Другая же островная империя — Британская — создавалась и развивалась как империя морская, а затем и океанская, а потому стала воплощением «атлантизма» («талласократия», «власть моря»). После Первой мировой войны силовой центр «атлантизма» начал перемещаться, а после Второй — окончательно утвердился в США, которые в геополитике нередко называют «мировым островом».

Противостояние Суши и Моря насчитывает не одно тысячелетие и может быть прослежено на протяжении едва ли не всей человеческой истории. Научное осмысление этого началось, однако, гораздо позже, немногим более столетия назад, и, собственно, вызвало к жизни геополитику как самостоятельную научную дисциплину, которую сначала называли «политической географией».

Сегодня в нашей стране геополитика в большой моде, даже в Государственной думе есть соответствующий комитет. Но в выборе методологии автор этих строк, первым в России более десяти лет назад применивший концепции и инструментарий геополитики к изучению японской истории, руководствовался, разумеется, не личными пристрастиями и уж тем более не модой. Приоритетность геополитического подхода опреде-

ляется очевидной необходимостью изучать историю XX века, отрешившись от идеологизированных схем.

Патриарх американской историографии Дж. Толанд писал мне 16 сентября 1996 г.: «Я не отношусь ни к какой группе историков. Я сам по себе, я пишу не идеологическую историю... Я пишу об истории с нейтральных позиций и стараюсь показать все ее стороны... Я надеюсь, что вы и другие молодые историки продолжите мое дело. Просто пишите правду... У меня только один окончательный критерий: правда это или нет?» Именно этим я и стараюсь руководствоваться, хотя от ошибок — как всякий смертный — не застрахован.

Эта книга посвящена памяти графа Гото, и он — один из ее главных героев. Я писал о нем в Университете Такусёку, где работаю уже несколько лет. Стены этого учебного заведения знали многих выдающихся людей, которым была небезразлична Россия. И именно граф Гото с 1919 по 1929 гг. был ректором этого университета. Сам этот факт был источником моего вдохновения, создавал ощущение причастности к давним историческим событиям...

Хочу поблагодарить друзей и коллег за советы и замечания: профессора Марка Раева (Tenaflly NJ, USA), Танака Такэюки* (Токио), Георгия Брылевского (Ниигата), Петра Подалко (Осака), Марину Ковальчук (Осака). Я признателен сотрудникам Архивов внешней политики Российской империи и Российской Федерации Историко-документального департамента МИД России, Архива МИД Японии (Diplomatic Record Office, The Ministry of Foreign Affairs), Центра современных исследований Института японской культуры Университета Такусёку и лично профессору Икэда Норихико (Prof. Ikeda Norihiko, Takushoku University, Institute of Japanese Identity, The Research Center for Modern and Contemporary Studies), библиотек Токийского университета (Tokyo University, Central Library) и International House of Japan за создание прекрасных условий для работы.

Отдельная благодарность — маме, профессору Эльгене Васильевне Молодяковой, советчику и критику.

7 ноября 2003 г. — 18 марта 2004 г.

Токио

* Все японские имена собственные в книге не склоняются и приводятся в соответствии с принятым в Японии порядком: сначала фамилия, потом имя, а также, за единичными устоявшимися исключениями, в соответствии с принятой в России «поливановской» транскрипцией (названа в честь выдающегося лингвиста Е.Д. Поливанова).

ГЛАВА 1

Призрак бродит по России: «желтая опасность» в русском сознании

«Желтая опасность» — штамп из лексикона бульварных газет и речей демагогов-популистов. В нем отражены негативные представления европейцев о Японии, теневая сторона ее образа в сознании «белого мира», обратная пленительной сказке о стране гейш и чайных домиков. Сначала под «желтой опасностью» понимался косный, и в этой косности агрессивный, Дальний Восток и мир буддизма в целом как историческое противодействие христианскому Западу. Но постепенно содержание понятия изменялось и конкретизировалось. После Японо-китайской войны 1894–1895 гг. «желтая опасность» стала ассоциироваться исключительно с Японией.

Миф о «живописной Японии» сформировался в Европе и был воспринят Россией и русским сознанием «в готовом виде». Сто с лишним лет назад наши соотечественники с большей охотой читали приторно-экзотическую «Госпожу Хризантему» Пьера Лоти, нежели глубокие, но не менее увлекательные путевые записки Всеволода Крестовского «В дальних водах и странах» или Григория де Воллана «В Стране восходящего солнца». Россия узнала «страну вееров» не столько путём непосредственных контактов, которые остались на периферии массового сознания, сколько как пришедшую с Запада «европейскую моду». Увлечение классической японской гравюрой русские художники привезли из Германии, а подавляющее большинство образованного общества впервые узнало об Утамаро и Хокусай из книг Эдмона де Гонкура. Однако миф о «желтой опасности» принял окончательную форму именно в России, где стал обыденным явлением политики и культуры. И здесь русские мыслители и аналитики во многом оказались более прозорливыми и самостоятельными, нежели их европейские современники.

Французский писатель Андре Бельсор, чья книга «Японское общество» была издана в России в разгар русско-японской войны, начинает предисловие к ней с характерной реплики:

— Вы вернулись из Японии: ну расскажите нам о «желтой опасности».

— Она восхитительна (1).

Впрочем, дальнейший диалог с воображаемым собеседником (или, скорее, собеседницей) Бельсор продолжает много серьезнее. В ответ на его слова: «Можно совсем не любить японцев, но невольно поддаешься их очарованию», он слышит новый, не менее характерный и совершенно конкретный вопрос: «Все это прекрасно, однако эти очаровательные люди строят военные суда и выставляют сотни тысяч солдат: разве это не опасность для Европы?» Русские философы и писатели задались этим вопросом много раньше не только европейцев, но и русских политиков. И если для русской политической и деловой элиты (за единичными исключениями) Дальний Восток еще сто лет назад оставался не более чем «задворками великой империи», то люди, казалось бы, далекие от конкретной политики и лишённые возможности влиять на историческую судьбу России, оказались много прозорливее. Это Владимир Соловьев, Валерий Брюсов и Андрей Белый, государственно-политические взгляды которых в целом развивались в рамках русского империализма евразийского типа.

Современники и особенно потомки склонны были воспринимать Владимира Сергеевича Соловьева (1853—1900) как мечтателя, мистика и визионера. Однако этот выдающийся философ был не только крупным теоретиком, оригинальным богословом и темпераментным публицистом, но также замечательным поэтом и... зорким политическим аналитиком, хотя эта его ипостась незаслуженно осталась в тени. Причем все грани таланта существовали в нем не «порознь», но в органическом единстве — и только в таком единстве должны рассматриваться. Стихи — не иллюстрация к его политическим или философским взглядам, но одна из форм их выражения, равноправная теоретическому трактату или журнальной статье, а порой и превосходящая их по остроте, точности и силе выражения. Особенно это относится к таким стихотворениям, как «Ex Oriente lux», «Панмонголизм» или «Дракон», о которых речь пойдет дальше.

Миф о «желтой опасности» и — шире — восприятие Японии русским сознанием развивались в рамках общего процес-

са решения «вечного вопроса» об отношениях Востока и Запада, положения России «меж двух враждебных рас» (А. Блок) и ее роли в мировом историческом процессе. Для России познать Восток и Запад означало познать самое себя, так как именно в этой «системе координат» она традиционно определяла свое место в мире. Николай Бердяев был прав, говоря, что «русское национальное самосознание родилось в постановке проблемы Востока и Запада» (2). Притом и тот, и другой были изначально мифологизированы, что проницательно отметил Андрей Белый: «Борьба «запада» и «востока» — борьба химеры с драконом; оба — мифы, не уплотненные еще никогда и желающие воплотиться впервые» (3).

Запад для русских всегда был неким монолитным образованием вне зависимости от отношения к нему. Он мог казаться миром истинного христианства, прогресса и добродетели, но и — средоточием зла, безверия и разврата. Восток же с самого начала включал в себя целый спектр неоднородных понятий и не мог казаться чем-то единым уже на раннем этапе развития русской мысли. Он совмещал Ближний Восток как родину христианства, мусульманский мир как злейшего врага христиан на протяжении многих веков, Египет и Индию как воплощение древней, дохристианской мудрости (и, добавим, место бытования традиционных знаний), легендарную Среднюю империю с многотысячелетней цивилизацией, монголов, превратившихся в абстрактный, но грозный символ. Именно при Соловьеве и благодаря ему в этот ряд встала Япония, появление которой на мировой арене в корне изменило представления русских (и не только их) о Востоке вообще. Но если Запад в XIX в. был уже «открыт» и определенно оценен русской политической и философской мыслью, то «открытие» Востока еще только начиналось и в будущем шло параллельно с ее развитием. Поэтому пример Соловьева особенно интересен.

Его главной идеей было «положительное всеединство» синтеза, противостоящего односторонности. Уже в магистерской диссертации «Кризис западной философии. Против позитивистов» (1874 г.) он писал о необходимости органического соединения результатов рационального познания западной философии с «истинами, которые в форме веры и духовного созерцания утверждались великими теологическими учениями Востока (отчасти древнего, а в особенности христианского)». В статье «Три силы» (1877 г.) Соловьев прямо утверждал противоположность Востока и Запада как царства «бесчело-

вечного бога» и «безбожного человека», расценивая и то, и другое как односторонность. При этом под Западом он понимал Европу, а под Востоком — мусульманский мир. Россию и мир славянства, объединенных православием, он считает третьей, исторически прогрессивной, в отличие от двух первых, силой, миссия которой — преодолеть искусственную ограниченность двух миров и соединить их лучшие достижения. Двумя десятилетиями позже он афористически сформулировал свой идеал: «Империя двуглавого орла есть мир Востока и Запада, разрешение этой вековой распри великих исторических сил...» (статья 1896 г. «Мир Востока и Запада»).

Непосредственно к Дальнему Востоку Соловьев обратил свой взор в 1890 г., когда им были написаны и опубликованы стихотворение «Ex Oriente lux» («С Востока свет») и статьи «Китай и Европа» и «Япония. Историческая характеристика». Стихотворение ставит перед Россией историческую дилемму:

О Русь! В предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?»

Теперь он фактически отказывается от противопоставления Востока и Запада как таковых. Друг другу он противопоставляет Восток Христа и Восток Ксеркса — в рамках принципиально новой оппозиции «прогресс» — «порядок». Да и Запад он рассматривает уже не с географической и даже не с политической, а скорее с религиозной точки зрения. Запад для него — мир христианства, неразрывно связанный с Востоком Христа. Христос против Ксеркса — это христианство против ислама, и, что особенно любопытно, буддизма, в котором Соловьев усматривал высшее воплощение восточного созерцательного начала. К этому времени он перестал воспринимать мир ислама как реальную угрозу христианству и европейской цивилизации, обратив взоры на Дальний Восток, куда, по его замечанию 1899 г., «всемирная история переносит свой центр тяжести». Наверно, не случайно в те же самые годы те же самые слова произнес государственный секретарь Джон Хэй, идеолог и практик американской экспансии в Азии.

Для Соловьева «прогресс» был связан с христианством как динамичным учением, философией деятельной любви. Это идеализированное христианство было основой его исторического оптимизма, возлагавшего особые надежды на Россию.

«Порядок» воплощал косность, обращенность в прошлое и самодовольную ограниченность, с одной стороны, и безразличие, пассивность и недеяние, с другой. Символом первого стало для русского мыслителя китайское государство, символом второго — буддизм, изрядно, заметим, мифологизированный. Главной опасностью «китайщины» и «буддизма» (здесь это слово уместно взять в кавычки) Соловьев считал стремление навязать свои духовные и нравственные начала всему миру. Четверть века спустя это положение заострил и конкретизировал Брюсов в статье «Новая эпоха во всемирной истории»: «В опасности окажутся наши лучшие достояния, и Шекспир, и Рафаэль, и Платон, которых захотят заменить стихами Саади, картинами Утамаро, мудростью Конфуция. В опасности окажется весь строй нашей жизни, весь ее дух, а перед такой угрозой все европейцы не могут не почувствовать себя гражданами единой страны, детьми единой семьи». В статье под знаменательным заголовком «Враг с Востока» (1891 г.), посвященной... распространению оврагов в России, Соловьев снова возвращался к этой мысли: «Есть основания думать, что дальняя Азия, столько раз выславшая опустошительные полчища своих кочевников на христианский мир, готовится в последний раз против него выступить с совершенно другой стороны: она собирается одолеть нас своими культурными и духовными силами, сосредоточенными в китайском государстве и буддийской религии».

Сегодня нельзя не признать, что этот вывод оказался более дальновидным и обоснованным, нежели подсчеты мобилизационных ресурсов Китая и возможностей его военного флота в статье «Китай и Европа»: тогда Китай считался серьезной военной угрозой «цивилизованному миру». Ошибочность таких расчетов показала Японо-китайская война, которая произвела на философа глубокое и тягостное впечатление. Она открыла ему глаза на Японию, в корне изменила его отношение к этой стране и ее восприятие.

Заслуживает внимания сам факт написания Соловьевым в 1890 г. особой статьи, содержащей «историческую характеристику» Японии. Она была написана явно на заказ и ради денег, в которых философ постоянно нуждался, даже когда неплохо зарабатывал. Эта тщательно выполненная компиляция обнаруживает у автора вполне профессиональное для того времени знание предмета, который вроде бы никак не входил в круг его научных интересов. Более того, Соловьев, даже в случае острой нужды, не писал о чем попало, тем более о том, что ему

было вовсе неинтересно и чуждо. То, что он придавал этой работе определенное значение, подтверждается и наличием в ней ряда принципиально важных для него положений, хотя большинство из них, надо признать, проверку временем не выдержало.

Автор уверенно относил Японию к силам «прогресса» и спешил зачислить ее в союзники сил добра в будущем столкновении Христа и Ксеркса. Он решительно противопоставлял «подвижный, поступательный характер японской истории» консервативно-статичному Китаю. Близость Японии к христианскому миру для него несомненна. Более того, Соловьев всерьез утверждал, что «Япония нуждалась в христианстве». Не отрицая роли буддизма как одной из важнейших духовных основ жизни японцев, он тем не менее уверовал в искренность их отказа от традиционных ценностей после консервативной революции *Мэйдзи исин* (1868 г.), которую не совсем правильно называют «реставрацией Мэйдзи», и строил радужные прогнозы относительно вестернизации: «Японцы не очень ценят особенности своей культуры, судя по той поспешности, с которой они перенимают не только техническую сторону европейской цивилизации, но и жизненные ее принципы». Понадобилось всего несколько лет, чтобы сам автор убедился в ошибочности этих оценок.

Здесь, пожалуй, надо указать и на один сугубо личный момент. С 1892 г. русским посланником в Токио был Михаил Александрович Хитрово (1837–1896), в жену которого Софью Петровну долгие годы был страстно и безнадежно влюблен Соловьев. Философ поддерживал вполне дружеские отношения и с ее мужем, а когда дипломат умер, посвятил его памяти некролог со словами о том, что его смерть «для нашей политики на Дальнем Востоке утрата незаменимая» (4). Коллеги, правда, были о нем несколько иного мнения. Бельгийский посланник в Токио Альбер д'Анетан, занимавший этот пост шестнадцать лет (1894–1910 гг.) и считавшийся одним из лучших знатоков Японии среди иностранных дипломатов, писал в Брюссель в апреле 1895 г.: «Его (Хитрово. — В.М.) прошлое в Болгарии и Румынии наводит на мысль, что он более всего полагается на интриги и политическую агитацию. Не похоже, чтобы в Японии существовала благодатная почва для применения талантов такого рода» (5). Невысокого мнения о нем как о дипломате были и советские историки, хотя незаурядная личность Хитрово, несомненно, заслуживает внимания. В молодости он был сослуживцем и знакомым Константина Леон-

тьева, а позже получил некоторую известность как поэт. Переводил он и японскую поэзию, но, видимо, не с оригинала, а с переводов на западные языки. Кстати, сам Владимир Сергеевич в те же годы, обращаясь в стихах к предмету своего нового сердечного увлечения Софье Мартыновой, именoval ее... «греза милая счастливого японца». Ясно, что речь идет о входивших в моду японских гравюрах, но об интересе Соловьева к ним мы ничего более не знаем.

Гром грянул летом 1894 г., с началом Японо-китайской войны, показавшей не только реальную слабость Китая, а большинство европейских аналитиков предрекало победу именно ему, но и не менее реальную силу и агрессивность Японии. Соловьев почувствовал это с самого начала, не дожидаясь развязки. Кстати, в этом с ним был един и проницательный бельгиец д'Анетан, еще в начале войны писавший: «Японцы уже видят себя протекторами Кореи и хозяевами острова Формоза (Тайвань. — В.М.), считают оккупацию Пекина простой военной экспедицией и прикидывают, куда потратят те миллиарды золотом, которые Китай заплатит» (6). Вопреки прежним оптимистическим прогнозам Соловьева, японский народ к христианскому миру «не припал» и не стал «желанным союзником тех исторических сил, которым суждено потрудиться для торжества царства Божия на земле». Проявляя живейший интерес к ходу событий, он просил немедленно сообщать ему все военные и дипломатические новости и написал пророческое стихотворение «Панмонголизм» (1 октября 1894 г.), получившее большую известность (напомню, что из него Александр Блок взял эпиграф к «Двенадцати»). Здесь несомненный дар исторического предвидения и мистической интуиции сочетался с точным политическим прогнозом, основанным на анализе ситуации:

От вод малайских до Алтая
Вожди с восточных островов
У стен поникшего Китая
Сбирали тьмы своих полков.

«Вожди с восточных островов» — это, разумеется, японцы. Интересно, что этот принципиально важный и, более того, совершенно очевидный факт не был отмечен никем из комментаторов — вплоть до ранней статьи вашего покорного слуги в 1991 г. А ведь это так просто — достаточно взглянуть на карту...

Отныне «панмонголизм» как конечное выражение антихристианской идеологии связан в понимании Соловьева ис-

ключительно с Японией. Это в полной мере отразилось в «Краткой повести об антихристе», вошедшей в знаменитые «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899–1900 гг.). Основное содержание «Краткой повести...» — потрясения, ожидающие человечество в XX веке. Это новое «монгольское» нашествие на христианский мир, его быстрая победа, полувековое господство над Россией и Европой и столь же стремительное низвержение. Это приход антихриста, искушение и прельщение им большей части христианского мира. Наконец, это единение всех верных завету Христа, сокрушение антихриста и воссоединение Церквей — исполнение заветной мечты автора. Финал ее вполне оптимистичен — в отличие от трагических пророчеств «Панмонголизма»:

О Русь! забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен...
И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть. ♣

Оптимизм «Трех разговоров» корректируется самой последней статьей, вышедшей из-под пера Соловьева, заголовок которой «По поводу последних событий» (1 июля 1900 г., за месяц до смерти) звучит мрачной иронией. Но к этому мы еще вернемся.

Писавшие о «Краткой повести...» (прежде всего, В.В. Розанов и С.М. Соловьев, племянник и биограф философа) уделяли основное внимание истории антихриста, но нам сейчас интересен только сюжет о «монгольском» нашествии. Слово «монгольское» употреблено здесь, конечно, в переносном смысле, что разъяснено автором уже в самом начале: «Двадцатый век по Р<ождеству> Х<ристову> был эпохой последних великих войн, междоусобий и переворотов. Самая большая из внешних войн имела свою отдаленную причину возникшее еще в конце XIX века в Японии умственное движение панмонголизма». Дальнейшее повествование о японских завоеваниях с поразительной точностью и в деталях предсказывает не только географию, но и идеологию и методы захвата Кореи, войны в Китае, а затем и на Тихом океане — не хуже пресловутого «меморандума Танака». Генерал Танака Гити, с которым мы еще не раз встретимся, пресловутого меморандума не писал,

а вот Соловьева читать мог. Как? Когда? Потерпите до предпоследней главы! Пока же слово Владимиру Сергеевичу:

«Подражательные японцы, с удивительной быстротой и успешностью перенявши вещественные формы европейской культуры, усвоили также и некоторые европейские идеи низшего порядка. Узнав из газет и из исторических учебников о существовании на Западе панэллинизма, пангерманизма, панславизма, панисламизма, они провозгласили великую идею панмонголизма, т.е. собрание воедино, под своим главенством, всех народов Восточной Азии с целью решительной борьбы против чужеземцев, т.е. европейцев». Здесь Соловьев предсказывает развитие идей паназиатизма, которые только-только появлялись в Японии, а их главные декларации «Пробуждение Японии» Окакура Какудзо (1904 г.), «Национализм» Рабиндраната Тагора (1917 г.) и «Проблемы возрождения Азии» Окава Сюмэй (1922 г.) еще не были написаны. Что уж говорить о концепции «сферы процветания Великой Восточной Азии», основном геостратегическом проекте японского евразийского империализма конца 1930-х — начала 1940-х гг., который разрабатывался в окружении принца Коноэ Фумимаро. Дальнейший текст конкретизирует сказанное и содержит совсем уж занятные совпадения с тем, что произошло через годы и десятилетия после смерти Соловьева.

«Воспользовавшись тем, что Европа была занята последней решительной борьбой с мусульманским миром в начале XX века, они (японцы. — *В.М.*) приступили к осуществлению великого плана — сперва занятием Кореи, а затем и Пекина, где они с помощью прогрессивной китайской партии низвергли старую маньчжурскую династию и посадили на ее место японскую». Азия в начале XX века, действительно, «пробудилась» — в виде младотурецкой и младоперсидской революций, а затем и первой балканской войны. Откликаясь на это в стихотворении «Проснувшийся Восток» (1911 г.), Брюсов правильно связал причину и следствие: «Не гул ли сумрачной Цусимы сон древней грезы разбудил?» Маньчжурская династия в Китае, действительно, была свергнута не без помощи японцев революцией 1911 г. Посадить на китайский престол японскую династию было нереально, но полностью подчиненный японцам глава Великой Маньчжурской Империи (Маньчжоу-го) Пу И — не кто иной, как последний маньчжурский император Китая — в 1940 г. вынужден был принять в качестве государственного культа национальную религию Японии Синто (в несколько модифицированном виде) и не дал женить себя на

японке только ценой упорного сопротивления. Кроме того, японцы на протяжении многих лет пытались создать в Китае подконтрольную себе центральную власть, что завершилось созданием нанкинского правительства Ван Цзинвэя в 1940 г.

«Владычество японцев, упраздняя внешние формы китайской государственности, оказавшиеся притом очевидно никуда не годными, не касалось внутренних начал национальной жизни, тогда как преобладание европейских держав... грозило глубочайшим духовным устоям Китая». Это утверждение Соловьева, ставившего знак равенства между Китаем и Японией, уже полностью мифологично и основано на искусственном заключении их в общее понятие «Восток Ксеркса». Но, по его же прогнозу, японцы не просто покоряют Китай, а, покорив, объединяются с китайцами на общей платформе ненависти к европейцам, к «цивилизованному миру». Их позицию автор излагает следующим образом: «Если вы (китайцы. — *В.М.*) соединитесь с нами (японцами. — *В.М.*) и примете наше практическое руководство, то мы скоро не только изгоним белых дьяволов из нашей Азии, но завоюем и их собственные страны и оснуем настоящее Срединное царство над всею вселенною». Этому пророчеству не суждено было сбыться не в силу его заведомой несбыточности, хотя именно так представляли себе будущее Великой Восточной Азии японские евразийцы. Реализацию далеко идущих планов сорвали главным образом японские же военные, прошедшиеся по тому же Китаю огнем и мечом и думавшие о завоевании и разграблении, а не об объединении и интеграции. Поэтому же не состоялось и предсказанное Соловьевым создание объединенной армии, которая могла бы сочетать познания японцев в области последних достижений европейской военной науки и военного дела, «японскую энергию, подвижность и предприимчивость» с китайской хитростью и, конечно, колоссальными людскими и материальными ресурсами. На таком соотношении сил основан сценарий завоевательного похода «богдыхана» на Россию, когда «при отсутствии предварительного плана войны и при огромном численном перевесе неприятеля боевые достоинства русских войск позволяют им только гибнуть с честью».

После поражения России Европа оказалась один на один с новыми монголами. Соловьев проницательно предсказывал отсутствие европейского единства даже перед лицом общей и притом столь грозной опасности. Германская армия успешно отражает натиск войск богдыхана, но «в это время во Франции берет верх партия запоздалого реванша, и скоро в тылу у нем-

цев оказывается миллион вражьих штыков». Германия пала, французы братаются с завоевателями, но вскоре сами будут перерезаны «за ненадобностью». Здесь дают о себе знать паневропейские настроения Соловьева, видевшего в них средство преодоления национальных и межгосударственных противоречий. Он все-таки верил в мудрость Европы, которая в его футурологическом повествовании терпела монгольское иго всего полвека. Колоссальный заговор середины столетия сокрушил японо-китайское владычество, что хронологически почти совпало с поражением Японии в 1945 г., лишившим ее (и по сей день) самостоятельной геополитической значимости. Впрочем, в предисловии к «Трем разговорам» Соловьев расширил границы своего паневропеизма: «В теснейшем сближении и мирном сотрудничестве всех *христианских* народов и государств я вижу не только возможный, но необходимый и нравственно обязательный путь спасения для христианского мира от поглощения его низшими стихиями».

Книга Соловьева, посвященная, по его собственным словам, исследованию вопроса о Зле в современном мире (три года ранее он выпустил капитальный труд «Оправдание добра») и связанных с ним «жизненных сторонах христианской истины», вызвала в русском обществе явное недоумение, проявившееся уже в реакции на публичное чтение автором «Краткой повести...». С.М. Соловьев писал: «Можно представить, какой дерзостью и безумием показалась эта лекция русской публике 1900 г. Правда, часть публики аплодировала Соловьеву, но Розанов демонстративно свалился со стула^{*}, газеты наполнились глумлением, а студенты Московского университета прислали Соловьеву письмо, смысл которого сводился к следующему: «скажите, сумасшедший Вы или нет?». Соловьев ответил им очень строго» (7).

О его пророчествах вспомнили только четыре года спустя — с началом русско-японской войны, казавшейся буквальным подтверждением всего сказанного им. Популярный справочник — Малый энциклопедический словарь издательства Брокгауза и Ефрона — уже в первой половине 1904 г. писал о России как о щите против новых монголов-японцев и вспоминал великого провидца: «Ныне эта идея панмонголизма начинает переходить из области мечтаний на почву практической

^{*} Впоследствии он уверял, что это произошло совершенно случайно и без какого-либо умысла или значения, но ему, великому мистификатору и «умственному провокатору», никто не поверил.

политики. Опасность, которую предвидел Вл. Соловьев, становится все более близкой и грозной. Япония смело выступает вперед и решительно берет на себя миссию возрождения и объединения народов Азии для будущей «мировой борьбы». Пока Япония действует сама по себе, она представляется просто честолюбивой и воинственной нацией... но в соединении с Китаем она может создать огромное расовое движение, которое и явится действительной «желтой опасностью» (8).

Соловьев понимал кажущуюся неправдоподобность своих построений, а потому счел нужным в предисловии к книге сделать следующую оговорку в отношении «монгольского нашествия»: «В общем эта история есть ряд основанных на фактических данных соображений вероятности. Лично я думаю, что эта вероятность близка к достоверности, и не одному мне так кажется, а и другим, более важным лицам... Для связности повествования пришлось придать этим соображениям о грядущей монгольской грозе разные подробности, за которые я, разумеется, не стою и которыми старался не злоупотреблять».

Отмечу, что предисловие было написано специально для отдельного издания, после журнальной публикации «Трех разговоров», публичного чтения «Краткой повести...» и столь неоднозначной реакции на нее.

До русско-японской войны Соловьев, как известно, не дожил, но уже последние месяцы его жизни были омрачены предвестием того, что его пророчества начинают сбываться. В 1899 г. в Китае вспыхнуло восстание ихэтуаней, или «Больших кулаков» (тогда и позже его называли «боксерским»), отличавшееся антиевропейской направленностью. Невнимание к его прогнозам политиков и дипломатов особенно терзало Соловьева. Поэтому он приветствовал кайзера Вильгельма II за решение послать войска в Китай — от имени всего «цивилизованного мира»! — для подавления восстания, сравнивал его в стихотворении «Дракон» (24 июня 1900 г.) с Зигфридом и называл «наследником меченосной рати», который «перед пастью дракона понял: крест и меч — одно». О «китайских делах» он говорил во время предсмертной болезни с С.Н. Трубецким, вспоминая две недели спустя в своем поминальном слове (оно появилось в том же номере «Вестника Европы», что и *последняя* статья Соловьева): «Мы говорили об убожестве европейской дипломатии, проглядевшей надвигавшуюся опасность, о ее мелких алчных расчетах, о ее неспособности обнять великую проблему, которая ей ставится... Затем речь снова вернулась к нам, и Владимир

Сергеевич высказал ту мысль, которую проводил еще десять лет тому назад в своей статье «Китай и Европа», — что нельзя бороться с Китаем, не преодолев у себя внутренней китайщины... Владимир Сергеевич говорил и о внешних осложнениях, о грозящей опасности панисламизма, о возможном столкновении с Западом» (9). Восстание ихэтуаней, впервые поставившее Европу (и Россию, в данном случае как ее составную часть) лицом к лицу с грозной и жестокой вооруженной силой Востока Ксеркса, стало одним из важнейших событий русской жизни начала XX века. Недаром Андрей Белый впоследствии так охарактеризовал в романе «Петербург» эпоху перед первой русской революцией: «Проволновался Китай и пал Порт-Артур».

Владимир Соловьев оказал, без преувеличения, огромное воздействие на русскую политическую и философскую мысль и на неотделимую от нее литературу той эпохи, которую принято называть Серебряным веком. Говоря о восприятии Японии русским сознанием, можно ограничиться всего лишь двумя авторами. Но это — центральные фигуры Серебряного века: Валерий Яковлевич Брюсов (1873—1924) и Андрей Белый (псевдоним Бориса Николаевича Бугаева; 1880—1934). Оба испытали, хотя и в разной степени, мощное влияние Соловьева (в случае Белого особую роль сыграла близость к семье Соловьевых), что не могло не сказаться на интерпретации ими многих фундаментальных проблем, в том числе проблем России и Востока и «японского мифа». Что же касается разницы их воззрений и подходов, то это во многом разница поколений не только в жизни, но и в литературе, «старших» и «младших» символистов.

Как при жизни, так и через восемь десятилетий после смерти Брюсов известен читателям почти исключительно как литератор — поэт, прозаик, переводчик, критик. Литература была, безусловно, главным, но не единственным делом его жизни. С явным опозданием мы открываем для себя Брюсова-историка, создателя оригинальной культурно-исторической концепции, Брюсова-эзотерика, полностью опровергающего легенду о его материализме и атеизме, и, наконец, Брюсова — политического мыслителя и аналитика, чьи идеи и искания соответствовали передовому уровню европейской науки его времени.

Общественно-политические и историософско-геополитические взгляды Брюсова формировались в конце 1890-х гг., когда, отказавшись и от напускного юношеского радикализма

(влияние отца-«шестидесятника»), и от столь же напускного безразличия к проблемам современности («Родину я ненавижу!»), он серьезно обратился к проблемам текущей мировой политики, причем сразу в глобальном масштабе. К этому он был подготовлен основательными университетскими занятиями по истории у В.О. Ключевского, П.Г. Виноградова и В.И. Герье и по философии у Н.Я. Грота и Л.М. Лопатина (кстати, оба — ближайшие друзья Вл. Соловьева). Другая причина — детская любовь к географии, к карте, воображаемым путешествиям и описаниям подвигов реально существовавших мореплавателей и землепроходцев. Видимо, не случайно едва ли не первое стихотворение Брюсова (написанное в 8 лет!) называлось «Австралия».

Заметное влияние на взгляды молодого Брюсова оказали Хомяков и Тютчев, идеи которых во многом предвосхитили русскую геополитику. С эпохой славянофилов молодого поэта и ученого связывали личные контакты со знаменитым издателем «Русского архива» П.И. Бартеневым, не только историком, но и современником того, что было историей для Брюсова, появившегося на свет в год смерти Тютчева. Велико искушение добавить к ним имя Константина Леонтьева, с философией, эстетикой, да и личностью которого у Брюсова можно найти немало общего или, по крайней мере, созвучного. Это и «хищная эстетика», и ненависть к «мещанству», и любование имперской мощью Византии и России, и даже «географический патриотизм» (выражение самого Брюсова). Однако Брюсов как будто прошел мимо Леонтьева; во всяком случае, никаких прямых следов знакомства с его сочинениями ни в статьях, ни в письмах или дневниках Брюсова обнаружить не удалось (10).

Особое место занимал Соловьев: в 1900—1901 гг. молодой Брюсов был близок к тому, чтобы называть его учителем. Впрочем, «ученичество» требует конкретизации. К соловьевскому христианству с его католическими симпатиями и настойчивым стремлением к соединению церковей Брюсов никакого интереса не проявлял; остался он чужд и к «софиологии» Соловьева. Его влекло другое: исторические оценки и политические прогнозы философа, причем в неразрывном единстве с его поэзией, которую высоко ценил и написал о ней одну из лучших статей. Поэт и политик в Брюсове были неотделимы друг от друга, как и в другом его кумире — Тютчеве. Практически все, что писал Брюсов о Востоке, в том числе о Японии, проходит «под знаком» Тютчева и Соловьева.

Свою позицию в «великой войне континентов» Брюсов определил уже в 1899 г., но отложим рассказ об этом до начала следующей главы.

В 1903 г. Брюсов впервые попробовал себя в роли политического аналитика, помещая обозрения текущих событий в журнале Мережковских «Новый путь». Однако дело сразу не задалось. Помимо обычной светской цензуры, а также цензуры духовной (которой журнал подвергался как выступавший на церковные темы), статьи Брюсова терзала и внутриредакционная «цензура» Мережковского и секретаря редакции Егорова, которым были не по душе его «империализм» и «правизна». Много лет спустя его вдова И.М. Брюсова писала литературоведу Д.Е. Максимову: «Сам Валерий Яковлевич про свои политические писанья всегда говорил с легкой насмешкой над собой и уверял, что никогда не сумеет «потрафить» современным ему редакторам» (11). Лозунг «трафить надо» и впрямь был не для Брюсова. Сотрудничество продолжалось меньше года и закончилось открытым конфликтом автора с редакцией, после которого Брюсов принял соломоново решение: от писания обозрений отказался, с журналом не порвал (тогда лишь немногие издания открывали ему свои страницы), но и взглядам своим не изменил. Рискуя впасть в упрощение, к которому приводит использование расхожих и потому расплывчатых терминов, эти взгляды можно определить как империализм, паневропеизм (и панславизм как его часть) и антидемократизм. С этими настроениями он пришел к русско-японской войне.

Хроникой отношения Брюсова к войне стали стихотворения, вошедшие позднее в раздел «Современность» сборника «Stephanos» (1905). Их можно считать идеологическим оправданием русской экспансии на Тихом океане, как делали это вульгарные марксисты 1920—1930-х гг., но нельзя не заметить, что брюсовский империализм основан на понимании геополитической и даже сакрально-географической миссии России:

Снилось ты нам с наших первых веков
Где-то за высью чужих плоскогорий,
В свете и в пеньи полдневных валов,
Южное море.

Брюсов решительно заявляет о преимущественных, по сути дела, монопольных правах России в качестве ведущей державы региона на Дальний Восток:

Дай утолить нашу старую страсть
Полным простором!..
Чудо свершилось: на грани своей
Стала Россия.

19 марта 1904 г. в доверительном письме к другу и единомышленнику, еще более «правому» журналисту Петру Перцову Брюсов писал с максимальной откровенностью: «Россия должна владычествовать на Дальнем Востоке. Великий Океан — наше озеро, и ради этого «долга» ничто все Японии, будь их десяток! Будущее принадлежит нам, и что перед этим не то что всемирным, а космическим будущим — все Хокусаи и Оутомара вместе взятые». Недаром видный идеолог русского империализма Петр Струве (несколько лет спустя Брюсов станет его ближайшим сотрудником по журналу «Русская мысль») назвал «К Тихому океану» «поэтической жемчужиной патриотической мечты» (12).

Руководимый Брюсовым лучший журнал русского символизма и вообще, пожалуй, лучший журнал русского Серебряного века «Весы» не мог, при всей декларативной аполитичности, остаться в стороне от событий. Политическая линия «Весов», если можно говорить о таковой, совпадала с официальной, но орган русских эстетов не мог, разумеется, позволить себе вульгарного японофобства в духе бульварной прессы. Его позиция отчетливо выразилась в рецензии на апрельский номер «Вестника Европы» за 1904 г., написанной самим Брюсовым: «Великие события, переживаемые нами, объединили в одном общем чувстве всю Россию. Русским людям всех направлений понятно, что ставки идущей теперь борьбы — будущее России. Ее мировое положение, вместе с тем судьба наших национальных идеалов, а с ними и родного искусства, и родного языка зависят от того, будет ли она в XX веке владычицей Азии и Тихого океана». Он не испытывал высокомерного презрения к «желтым макакам», но, несколько снисходительно отозвавшись в той же рецензии о «даровитом народе восточных островитян», решительно повторил: «Наши симпатии (к японцам и японской культуре. — *В.М.*) не могут не потонуть в нашей любви к России, в нашей вере в ее назначение на земле».

Война России и Японии однозначно воспринималась как столкновение Европы и Азии. «Весы» цитировали популярного французского критика и публициста Реми де Гурмона: «Русские на Востоке — представители всех европейских рас. Необ-

ходимо, чтобы победителями остались они и чтобы эти слишком ученые обезьяны, убежавшие из того цирка, каким сделалась Япония, были возвращены в свое первоначальное состояние. Пусть они расписывают веера: они так способны к этому. Это низшая раса, народ ремесленников, которому нельзя оставить ни малейшей надежды, что он будет принят среди господ» (13). Полемизировать сегодня с высокомерной бранью французского эстета, разумеется, нет никакого смысла. Не стоило бы и вспоминать о ней, если бы не существовало противоположного мнения. Реми де Гурмон выразил русофильскую ориентацию, присущую в ходе войны практически всем европейским державам, — кроме, конечно, Англии. А вот японский «европеец» маркиз Ёрисака из романа Клода Фаррера «Битва» (в России издавался под заглавием «Душа Востока») обращался к своим европейским друзьям с такими речами*: «Кто говорит — русский, говорит — азиат. А мы вскоре станем европейцами. Победа наша принадлежит вам столько же, сколько и нам, потому что — это победа Европы над Азией... Вам, милостивые государи, мы обязаны прогрессом, которым наслаждаемся теперь» (14). До чего похоже на слова Ленина из статьи «Падение Порт-Артура»: «Прогрессивная передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе».

Брюсов стремился сделать линию «Весов» как можно более нейтральной, хотя в частных письмах порой давал волю эмоциям: «Ах, война! Наше бездействие выводит меня из себя. Давно нам пора бомбардировать Токио... Я люблю японское искусство. Я с детства мечтаю увидеть эти причудливейшие японские храмы, музеи с вешами Кионаги, Оутомара, Йейши, Тойкуны, Хирошимы (Хиросигэ? — *В.М.*), Хокусаи и всех, всех их, так странно звучащих для арийского уха. Но пусть русские ядра дробят эти храмы, эти музеи и самих художников, если они там еще существуют. Пусть вся Япония обратится в мертвую Элладу, в руины лучшего и великого прошлого, а я за варваров, я за гуннов, я за русских!» Перцов, которому это письмо было адресовано, на стратегические выкладки своего друга дал сугубо иронический ответ: «А стратегия Ваша — та более эстетична, нежели практична. Конечно, красиво, как Хокусаи дробятся от бомб, — вопрос: как до них добраться? «По морю, аки по суху»? Сменить Порт-Артур на Токио, вероятно, никто бы не отказался, но отдать первый легче, чем получить второй».

* Действие романа происходит в мае—июне 1905 г. в Нагасаки, накануне и во время Цусимского сражения.

Стоит обратить внимание и на признание Брюсова, что он любит японское искусство и хотел бы своими глазами увидеть его шедевры не только в Москве, Петербурге или Европе, но в самой Японии. Интерес к японской культуре лишь мимоходом отразился в его творчестве (хотя именно Брюсов несколькими годами позже сочинил первые оригинальные *танка* и *хайку* на русском языке), но оставил вполне «материальные» следы в руководимом им журнале. Приведенные слова де Гурмона соседствуют на журнальных страницах с благожелательной статьей о Харунобу, а октябрьский и ноябрьский 1904 г. выпуски «Весов» были оформлены в японском стиле и содержали статьи о традиционном искусстве и культуре Японии. Появившиеся настолько «не вовремя» — в Маньчжурии как раз шли ожесточенные бои — «японские номера» вызвали большой резонанс. Почти апология культуры врага в дни, когда все связанное с Японией бралось в одни кавычки «желтой опасности», выглядела по меньшей мере вызывающей. Инициатору рискованной затеи пришлось объясняться: «Как только возникла у нас с Сергеем Александровичем (Поляковым, издателем «Весов». — В.М.) мысль сделать «японский» №, мы спросили себя: не будет ли это бестактно. И, рассудив, решили, что нет. «Весы» должны среди двух партий японофильствующих либералов и японофобствующих консерваторов занять особое место. «Весы» должны во дни, когда разожглись политические страсти, с мужеством беспристрастия исповедать свое преклонение перед японским рисунком. Дело «Весов» руководить вкусом публики, а не потворствовать ее инстинктам» (15).

В этих словах — и политическая, и эстетическая программа Брюсова. Разумеется, его невозможно представить среди русских либералов, посылающих японскому императору поздравления по случаю победы над русским самодержавием, а на самом деле — над Россией. Заметим, что Владимиру Соловьеву было бы труднее сделать выбор в ситуации, когда «новых монголов» поддерживали милая его сердцу Англия и отечественные конституционные демократы, включая многих друзей вроде Трубецкого...

Ко времени появления «японских» номеров ситуация на театре военных действий складывалась явно не в пользу России: ожидаемый «блицкриг» сменился затяжной позиционной войной, которую российское командование вело крайне unsuccessfully и неорганизованно. В столицах тем временем гул японофобии несколько улегся, а в начале 1905 г. в Петербурге и Москве с успехом прошли японские выставки. Публикуя репродукции японских гравюр (при многих помета «собствен-

ность редакции»), «Весы» — опять-таки устами Брюсова или, по крайней мере, при его непосредственном участии — декларировали: «Помещая в этом номере ряд воспроизведений японских рисунков... мы хотим напомнить читателям о той Японии, которую все мы любим и ценим, о стране художников, а не солдат, о родине Утамаро, а не Ойамы» (16).

Именно строгая и взвешенная позиция таких наиболее дальновидных деятелей, как Брюсов, позволила отделить «страну художников» от «страны солдат» и впервые познакомить широкие круги русского образованного сословия с культурой и искусством Японии. Война вообще вызвала в русском обществе небывалый интерес к Японии — к ее истории, литературе, быту, а не только к политике или военному делу. Достаточно заглянуть в библиографические справочники, чтобы увидеть: два военных года дали русскому читателю столько книг и статей по самым разным сторонам и аспектам японской жизни, сколько, пожалуй, не дали предыдущие полвека. Как это ни парадоксально, именно война дала России и русскому обществу колоссальный импульс в изучении и восприятии Японии. Можно с уверенностью сказать, что не будь войны, не было бы такого интереса и внимания, а культура, история, искусство Японии остались бы уделом узкого круга специалистов и знатоков-эстетов, как это было раньше.

В августе 1904 г. Брюсов написал примечательное стихотворение, остававшееся неопубликованным почти девяносто лет. Мне довелось разыскать его в архиве и напечатать.

То в этой распре роковое,
То выше бренной жажды слав,
Что нет греха на слитых в бое:
Мы правы — и противник прав.
Свершая воли роковые,
Их труд подъяв на рамена,
Не может уступать Россия —
Торжествовать она должна!
А ты, народ иного Рока,
Ты, ветхих стран передовой,
Ты, встав бойцом за жизнь Востока,
Лишь выполняешь подвиг твой!
Но все же, пав в борьбе упорной,
Весь мир напрасно обагря,
Запомни, смелый: не позорно
Пасть от руки богатыря.

Брюсов еще полностью уверен в победе России, его стихи явно перекликаются с письмом к Перцову, но он отдает должное противнику, причем не только его храбрости и мужеству, но и значимости и оправданности его исторической миссии. Здесь он вполне следует за соловьевской схемой «прогресса» и «порядка» — и Япония, «ветхих стран передовой», возглавляет силы последнего. Брюсов, очевидно, не успел сразу опубликовать эти стихи, а после ляоянских боев и позорной сдачи Порт-Артура они казались бы, мягко говоря, несвоевременными. «Кажется мне, Русь со дня битвы на Калке не переживала ничего более тягостного... Победа, настоящая победа нужна нам не столько по военным, даже не по психологическим, а по почти мистическим причинам», — писал Брюсов Перцову после сдачи Порт-Артура.

В начале 1904 г. знаменитый бельгийский писатель Морис Метерлинк закончил новую книгу эссе «Двойной сад», вышедшую в свет летом и к осени добравшуюся до Москвы. В кругу «Весов» автора «Слепых» и «Пеллеаса и Мелизанды» («Синяя птица» тогда взрослыми всерьез не воспринималась) читали, а потому книга была прочитана с особым вниманием, в том числе и Брюсовым. При всем уважении к мэтру, он обрушился на его наивные и легкомысленные суждения о политических проблемах, посвятив книге умную и весьма язвительную статью «Метерлинк-утешитель (о «желтой опасности»)». (Впервые она была опубликована мной вместе со стихотворением. — В.М.) Метерлинк писал, что «желтая опасность» «кажется, не серьезной», и Брюсов вопрошал: «Откуда эта самоуверенность тона? И откуда это сытое самодовольство? Оправдывают ли их история и события дня?... Не ирония ли Случая, что эти самоуверенные и самодовольные слова прозвучали именно в дни Ляоянских боев?»

«Желтая опасность»! Выражение успело опошлиться и принять комический оттенок. Предостерегали от «желтой опасности» и искренние прозорливцы, как Вл. Соловьев, и просто сметливые люди, как император Вильгельм. События кричали прямо в уши: за японо-китайской войной следовало боксерское движение, за ним наша война с Японией... два мира, европейской и азиатской цивилизации, могли развиваться рядом, пока их разделяли пустыни: океан, баснословный Тибет, дикая Маньчжурия. Столкнувшись лицом к лицу, они почувствовали, что им на земле тесно. Поскольку Россия хочет быть представительницей Европы, поскольку Япония — передовой боец Азии, их борьба может окончиться только порабо-

шением одного из противников. Всякий иной мир будет лишь перемирием, за которым позднее последует новая «пуническая» война». Брюсов конкретно указывает своих предшественников — Владимира Соловьева и Вильгельма II, отсылая понимающего читателя к «Панмонголизму» и «Дракону».

Обратим внимание на почти дословные переклички с приведенным выше стихотворением. В этом проявилась одна из важнейших особенностей Брюсова как политического комментатора, для которого Поэзия и Политика были неразрывны. Он мог откликнуться на одно и то же событие и стихотворением, и статьей, не делая принципиального различия между «высокими» и «низкими» темами и жанрами, но лишь варьируя сказанное применительно к избранной форме. «Это вне всякого сомнения, — писал Брюсову Перцов, — что Вы останетесь политическим поэтом новой России (помимо других Ваших чинов), как Тютчев, Майков, Хомяков и прочие постарше — были поэтами старой. Смотрите же, пишите так, как нужно писать такому поэту».

Разгром русского флота в Цусимском сражении показал, что Россия войну окончательно проиграла, точнее, не смогла победить. Не смогла ни добиться своих целей, ни сохранить приобретенное ранее влияние за своими границами. Цусима стала для Брюсова личной трагедией. После русско-японской войны он почти не писал о Японии, а трагический опыт военных лет стал неотъемлемой частью его размышлений о судьбе России, в которых часто присутствуют воспоминания о Цусиме и Мукдене (стихотворения «Служителю муз», «Наш демон», «К моей стране»). Темы «желтой опасности» он не оставляет, однако с начала 1910-х гг. на место «врага номер один» выдвигаются Турция и мусульманский мир.

На первую Балканскую войну 1912 г., когда коалиция славянских государств нанесла поражение Турции, Брюсов откликнулся статьей «Новая эпоха во всемирной истории», в основу которой положил текст неопубликованного «Метерлинка-утешителя». «Японские» фрагменты были отброшены как потерявшие политическую злободневность, но принципиальные соображения автора остались без изменений. Более того, события, произошедшие после написания первого варианта, только укрепили Брюсова в сознании своей правоты. Утверждая неправомерность евроцентристского взгляда на мир и мировую историю, он писал о беспощадной борьбе рас (белых и желтых, арийцев и семитов, арийцев и монголов), видя в этом непреложный закон исторического развития. Теперь статья была насыщена новой конкретикой.

«Многовековая дремота Дальнего Востока была разбужена громом скорострельных пушек... Гул японских побед пронесся далеко по Азии, всколыхнул не только Китай, но даже, казалось бы, чуждую Индию, нашел свой отголосок и в странах ислама, почувствовавших, что борьба идет с общим врагом. Первая, в новое время, открытая победа не-европейцев над европейцами, быть может, самое замечательное событие последних веков». Связь активизации национального движения в Индии, младотурецкой и младоперсидской революций с военными успехами Японии Брюсов уловил совершенно правильно. Всего через несколько лет то же самое будет говорить Рабиндранат Тагор во время лекционного турне по Японии (переводчиком был молодой Окава Сюмэй, его имя еще встретится нам). А совсем недавно, в апреле 2002 г., известный публицист Касэ Хидэаки заявил в лекции «Смысл русско-японской войны», что если бы Япония не одержала победу над Россией, то вся Азия так и осталась бы под колониальным владычеством европейских держав и США (17).

«Придет час, когда ислам встанет на защиту своей религии и своей культуры, на борьбу с христианской Европой, притязающей быть самодержцем на земном шаре. Можно ли предугадать, какие неожиданные силы найдет в себе ислам, если мы не сумели предугадать сил обновленной Японии? Панмонголизм и панисламизм — вот две вполне реальные силы, с которыми Европе скоро придется считаться. Третья такая сила должна зародиться в черной Африке... Мы скоро услышим еще один лозунг: «Африка для черных!».

Таков вывод Брюсова. Мы, бесспорно, имеем дело с блестящим политическим предсказанием, сбывающимся на глазах далеких потомков поэта. Потому что во время написания статьи не было никаких конкретных оснований для пророчества ни о «пробуждении Африки», ни об идеологии «негритюда».

Но если Брюсов в большей степени унаследовал от Соловьева дар политического и стратегического анализа, то к Андрею Белому перешла мистическая интуиция философа и поразительная восприимчивость к деталям повседневной жизни, за которыми скрывается глубокий тайный смысл. Подобный взгляд на происходящее в мире был присущ Белому с юности, а его первые литературные опыты прошли «под знаком» Соловьева. Прежде всего это относится к сохранившимся лишь во фрагментах мистериям «Пришедший» и «Антихрист», написанным параллельно с «Тремя разговорами» и под влиянием непосредственного общения с философом и семьей его брата

Михаила, с которой юного Борю Бугаева связывала близкая дружба. Именно там ему придумали псевдоним «Андрей Белый», поскольку сыну известного профессора-математика было неприлично публиковать под своей фамилией «декадентские» произведения, позорящие семью. О Японии в мистери-ях еще ни слова, но они уже пронизаны идеями и образами последней книги Соловьева. Сын философа вспоминал, что во время одной из встреч в их доме весной 1900 г., после чтения Владимиром Сергеевичем «Краткой повести об антихристе» Белый собирался прочитать ему свою мистерию «Пришедший» на схожий сюжет. «Андрей Белый находился в экстазе. Соловьев с радостным удивлением следил за этим молодым человеком, разделявшим его идеи, которые для всех в то время казались безумием» (18). Но было уже поздно, чтение мистерии отложили, и Соловьев и Белый попрощались «до осени». «Осень» для Соловьева уже не наступила, а молодой поэт сохранил воспоминание об этой встрече на всю жизнь.

Оглядываясь в 1909 г. на прошедшее десятилетие, он писал в стихотворном послании С. М. Соловьеву:

Ты помнишь? Твой покойный дядя,
Из дали безвременной глядя,
Вставал в метели снеговой
В огромной шапке меховой,
Пророча светопреставленье...
Потом — японская война,
И вот — артурское плененье...

Исключительный интерес представляет и недавно опубликованная дневниковая запись Белого, в которой он говорит о своем мистическом восприятии конца XIX и начала XX вв. Она служит ключом к восприятию им смены веков, «Трех разговоров...» и русско-японской войны: «...в 1896 году кончается ясная жизнь старого столетия; в 1897 году чувствуется смутный сдвиг вверх; 1898 год — начало поднятия на кручи, откуда должны открыться горизонты новой, огромной эры; 1899 год — продолжение этого поднятия; 1900 год — смутные прорезы новых горизонтов; 1901 год — ослепительные прорезы к далекому, еще и ныне недостигнутому свету; 1902 год — сознание, что мы свет из грядущего приблизили и этим приближением впали в ошибку; 1903 год — начало спуска в долину будущей эры, которую должно прийти (вероятно: пройти. — В.М.); 1904 год — вступление в полосу туманов и ужасов далекого пути к свету» (19).

Несмотря на мистическую «туманность» этого текста, акценты в нем расставлены очень четко. «Вступление в полосу туманов» — начало русско-японской войны, предсказанной Соловьевым, — было воспринято Белым исключительно мистически. Темы Японии он впервые касается в программной статье «Апокалипсис в русской поэзии» (1905 г.), название которой говорит само за себя. Мистические переживания, связанные с войной, соседствуют в ней с воспоминаниями о Соловьеве. «Грозно вырос призрак монгольского нашествия. Над европейским человечеством пронесся вихрь, взметнул тучи пыли... Ужасы современной войны с Японией — войны, в которой видим явившийся нам символ встающего хаоса... Япония — маска, за которой — невидимые».

Мистическое ощущение ужаса происходящего вообще было присуще Белому, а его «безумие» оказалось на удивление заразительным. На что уж, пожалуй, все символисты были мастерами мифотворчества, когда каждый из крупных художников или мыслителей создавал свой собственный, оригинальный миф, но даже среди них он выделялся, с одной стороны, «разнузданностью» своих фантазий и откровений, а с другой, редким даром убеждения и внушения. Миф о «желтой опасности», понятой в мистическом ключе, начал формироваться до него, но в Белом он нашел самого ревностного адепта и проповедника. В дни ляоянских боев он продолжал иступленно твердить: «фантасмагория, марево — вот что неизменно вырастает из соприкосновения двух противоположных начал мира. Красный ужас борьбы, хохочущий на полях Маньчжурии, а также заголосивший между нами петух огня — все это внешний покров вселенской борьбы, в которой тонут раздвоенные глубины наших душ». Неглубокий, но эффектный, а потому нашумевший «Красный смех» Леонида Андреева пересекается здесь с впечатлениями от русской революции. Если война — событие мистическое, то революция уж тем более.

Взгляд Белого на проблему Востока нашел наиболее полное выражение в романе «Петербург» — одной из вершин прозы русского символизма. Он писал его в 1911–1912 гг., в те же годы, что и «Проснувшийся Восток» и «Новая эпоха во всемирной истории» Брюсова, для публикации в «Русской мысли». Брюсов редактировал литературный отдел журнала и выступил инициатором публикации, однако главный редактор Петр Струве, ознакомившись с несколькими главами романа, категорически воспротивился. Неприятие Струве вызвали, во-первых, необычный язык и стиль Белого, а во-вторых, ан-

тизападнические и антилиберальные мотивы, присутствовавшие в самой ранней редакции романа. В окончательном варианте, переработанном для сборников издательства «Сирин» (так называемая «сиринская» редакция «Петербурга»), они претерпели существенные изменения, но не исчезли вовсе.

Соотношение Востока и Запада в России — главная, по существу, тема романа. Но если интерпретация Востока во многом определялась у Белого идеями Соловьева, то с Западом дело обстояло иначе. Белый, в отличие от своего учителя, относился к Западу (Европе) резко критически, в чем можно усматривать отголоски славянофильских концепций. 12 апреля 1911 г. он писал из Палестины московскому издателю Александру Кожебаткину: «Пятимесячное отношение с европейцами, этими ходячими палачами жизни, обозлило меня очень; мы, слава Богу, русские — не Европа» (20). Белый однозначно противопоставлял Россию как мир Христа — Западу как миру Ксеркса (в романе западную стихию символизирует «призрачный» город Петербург). Запад у Белого неотделим от Востока Ксеркса (понимаемого вполне по Соловьеву), поэтому многое из сказанного им о Востоке может быть отнесено и к Западу. Вспоминаются слова Бердяева: «Восточно-монгольская стихия безличности проникла и в западную цивилизацию... Крайний Восток и крайний Запад таинственно сошлись» (21).

Вспомним хотя бы желтый цвет петербургских казенных зданий — и одновременно символ «желтой опасности». Один из главных героев романа — крупный петербургский сановник, европеец до мозга костей, сенатор Аполлон Аблеухов оказывается не просто «желтеньким старичком», но и «древним туранцем» (термин «Туран» употреблялся для собирательного обозначения тюркских народов в противоположность арийским), «киргиз-кайсацкие предки» которого «находились в сношениях с тибетскими ламами». «Старинное монгольское дело» подсознательно живет в душе его сына Николая, неокантианца, последователя новомодного европейского учения, испытывающего «нежность» к буддизму. Сын сенатора призван «исполнить одну стародавнюю, заповедную цель: расшатать все устои; в испорченной крови арийской должен был разгореться Старинный Дракон и все пожрать пламенем». Интересно сочетание Турана с Драконом — символом апокалипсическим и одновременно дальневосточным. Запад и Восток Ксеркса здесь окончательно сливаются воедино. Можно вспомнить и фрагмент из предыдущего ро-

мана Белого «Серебряный голубь»* (1909 г.), где западник с карикатурной фамилией Тодрабе-Граабен говорит: «Россия — монгольская страна; у нас всех — монгольская кровь, не ей удержать нашествие: нам всем предстоит пасть ниц перед богдыханом» («богдыхан», разумеется, из «Краткой повести...» Соловьева).

«Восточные» кошмары преследуют и другого главного героя книги — мистика-террориста Александра Ивановича Дудкина. Один из постоянных персонажей его видений, балансирующих между призрачной действительностью и откровенным сумасшествием, — «персидский подданный» (он же «младоперс»!) Шишнарфнэ, который развивает ему идею будущего поглощения мира... папуасами, то есть еще одной темной, нецивилизованной и агрессивной силой. Шишнарфнэ оказывается чертом, оборотнем, родственным персу или греку из гоголевского «Портрета» или же черту, явившемуся Ивану Карамазову. В речах оборотня-«младоперса» возникает и японская тема. Он говорит Дудкину: «Наши пространства не ваши; все течет там в обратном порядке... И просто Иванов — там *японец* (выделено мной. — В.М.) какой-то, ибо фамилия эта, прочитанная в обратном порядке, — японская: *Вонави*».

В японском языке такая фамилия невозможна, и ничего «японского» в ней нет. Важно другое — принцип анаграммы, устойчиво связанный у Белого с чертовщиной (сам Шишнарфнэ — Энфраншиш, то есть «шиш», ничто). Путем дьявольской анаграммы русский превращается в японца, то есть свою противоположность, — это и есть внутренняя угроза «желтой опасности», проникающей в Россию через «незаконный» и «неправильный» город Петербург.

Однажды вечером Дудкин возвращается домой по Сенатской площади, где стоит Медный Петр — один из ключевых отрицательных символов романа. «Тут раздался — оглушающий, нечеловеческий рев: проблиставши огромным рефлексом невыносимо, мимо пронесся, пыхтя керосином, автомобиль — из-под арки к реке. Александр Иванович рассмотрел, как желтые монгольские рожи прорезали площадь...

— Господи, что это?

— Автомобиль: *именитые японские гости* (выделено мной. — В.М.)».

* Согласно первоначальному замыслу «Серебряный голубь» и «Петербург» составляли первую и вторую части трилогии «Восток или Запад», полностью замысел трилогии не был осуществлен.

Осенью 1905 г. в Петербурге (время действия романа) не было и не могло быть никаких «именитых японских гостей». Мир был уже заключен и отношения восстановлены, но даже новый посланник еще не приехал. Абстрактные «монгольские рожи» наполнились конкретным содержанием — самым злободневным на момент действия и на момент написания романа. Интересно, что в «берлинской» редакции «Петербурга» (1922 г.) Белый «монгольские рожи» оставил, а «японских гостей» убрал, сократив сцену. Переделывая роман, он избавлялся от деталей, утративших злободневность, но многое поэтому «повисло в воздухе». Роман лишился не только примет, но и атмосферы времени, что существенно нарушило его художественную ткань. «Берлинская» редакция — это по сути новое произведение, относящееся уже к иной эпохе и к иному периоду творчества Белого.

Наблюдать за эволюцией «японских» образов в разных редакциях «Петербурга» интересно и поучительно. Известный критик и близкий друг автора, Р.В. Иванов-Разумник, первым указавший на непосредственную связь трактовки Белым Востока Ксеркса, в частности Японии, с Соловьевым, приводит в одной из статей следующий фрагмент ранней редакции «Петербурга», которую отверг Струве: «Смутное место на небе называли астрологи всех времен драконовым хвостом. Сам Дракон, совершая небесный свой круг, подплывал к нашей бедной планете, и драконово племя собирало силы свои. Мир с Японией был только что заключен, но пята желтолицых продвигалась вперед за отступающей армией; но в невидимых сферах война продолжалась; толпы убитых японцев, осаждаясь в мозглой слякоти сентября, в октябре отвердели и уплотнились с морозом: теперь бегали эти отвердевшие тени по проспектам и островам. Это было в то время. Началось это под Петербургом...» (22).

Текст требует комментария, как реального, так и археографического. Для этого надо заглянуть в «творческую лабораторию» Белого, хотя бы ненадолго. Чтобы читатель не успел соскучиться.

Самая ранняя редакция (ее еще называют «журнальной») была отпечатана на пишущей машинке в нескольких экземплярах. По одному из них Белый правил текст (вычеркивал фразы и абзацы, заменял слова, делал вставки) для сборников «Сирин», а потом эта рукопись оказалась на хранении у Иванова-Разумника. Приведенный фрагмент открывал главку «Степка» (к этому персонажу мы еще вернемся) в конце вто-

рой главы романа, непосредственно перед которой следует сцена с «именитыми японскими гостями». Перерабатывая текст, Белый снял все начало главки, где говорится о японцах. Исключенный из окончательного варианта абзац проясняет в замысле романа *слишком* много. Во-первых, снова Дракон — на сей раз во вполне конкретном японском контексте. Во-вторых, становится ясным, кто же эти пресловутые «тени», населяющие город, — постоянный, сквозной образ романа (см. главку «Тени»; по одному из первоначальных замыслов весь роман должен был называться «Злые тени»). Проясняется и смысл мелькающих в романе «маньчжурских шапок», которые обычно истолковываются комментаторами как солдаты русской армии, вернувшиеся из под Мукдена и Порт-Артура (историческая деталь), — но это и «толпы убитых японцев». Определенно из их числа и оборотень Шишнарфнэ, и, возможно, провокатор Липпанченко, спутник и «злой гений» Дудкина, во внешности которого и автор, и герои настойчиво подчеркивают «монгольские» черты. Вот его характерный диалог с Дудкиным, невольно вызывающий в памяти Тодрабе-Граабена из «Серебряного голубя»:

«— Извините, Липпанченко: вы не монгол?

— Почему такой странный вопрос?..

— Так, мне показалось...

— Во всех русских течет монгольская кровь...»

Липпанченко своего «монгольства», значит, и принадлежности к Востоку Ксеркса не отрицает. А где у Белого монголы — там и Япония.

Япония и «желтая опасность» в целом тесно связаны с главными, причем неотделимыми друг от друга темами романа — революции и провокации. Аполлон Аблеухов, один из виднейших сановников Империи (его наиболее вероятный прототип — К. П. Победоносцев), должен стать жертвой террористического акта революционеров. Его сын Николай (в котором отразились некоторые черты автора) должен привести этот план в исполнение, как некогда неосторожно пообещал революционерам. Дудкин должен осуществить подготовку к террористическому акту и передать Николаю бомбу. Липпанченко (прототипами которого называют знаменитого провокатора Евно Азефа и известного контрразведчика и борца с революционным подпольем XIX века Ивана Липранди) «курирует» убийство, чтобы полиция затем могла использовать его для новых расправ над революционерами. Все эти герои опутаны сетью провокации и действуют по ее законам.

Все они в то же время связаны с Востоком. Как пишет исследователь творчества Белого Леонид Долгополов, «Восток проник в самое сердце России, объединился и с политической реакцией, и с террористами. Создалась, по мнению Белого, единая сеть провокации, грозящая России полным внутренним перерождением. В атмосферу восточных видений, призраков, деталей быта прочно втянуты все персонажи романа... Между всеми этими людьми существует какая-то странная связь» (23). Остается добавить, что связь эта во многом определена темой Востока и Японии как «желтой опасности».

Ныне широко известно, что в начале века, особенно в годы Русско-японской войны и первой русской революции, японская разведка активно снабжала деньгами русских революционеров и националистов-сепаратистов через полковника Акаси Мотодзиро, о котором можно написать и научную монографию, и шпионский роман. Деньги от Акаси, военного атташе в Петербурге с 1902 г., а затем в Стокгольме (поближе к русским границам), брали все: кадеты, эсеры (включая Азефа), социал-демократы, бундовцы, польские и финские сепаратисты. Сам полковник, с окончанием войны отозванный на родину из Европы, оставил об этом подробный отчет для Генерального штаба (24). Не было это секретом ни для русской контрразведки, ни для русской публики, особенно после публикации в 1906 г. сенсационной брошюры «Изнанка революции: вооруженное восстание в России на японские деньги». Однако писали об этом почти исключительно «правые», потому что «левые» эти деньги как раз и брали.

Не случайной, конечно, была и тема «японского шпионажа», которую использовал Александр Куприн в знаменитом рассказе «Штабс-капитан Рыбников» (1907 г.), а в наши дни Борис Акуниң (он же знаток Японии Георгий Чхартишвили) в романе «Алмазная колесница» (2003 г.). Шпионов, впрочем, и на самом деле хватало. Одного из них красочно описал художник и коллекционер князь Сергей Щербатов, привезший из Германии и любовь к японским гравюрам, и их внушительную коллекцию. Отвлечемся ненадолго от «Петербурга» ради подлинной картинки из петербургской жизни тех лет:

«Ко мне повадился торговец-японец, узнавший (от кого — неизвестно), что я собираю гравюры. Приносил он их в большом количестве, и плохие, и среднего качества, а также и самого лучшего, лубочные и ценные, видимо, плохо разбираясь столь же в их оценке, сколько и в их качестве. Носил он их и Грабарю, и мы изумлялись их дешевизне, позволившей значи-

тельно пополнить наши без того уже содержательные собрания. Такая оказия словно с неба свалилась! Когда японец меня не заставлял дома, он подолгу ждал меня, терпеливо беседуя с моим старым словоохотливым слугой Федором, расхваливавшим мне его «обходительность». «Хоть и торговец, а такой деликатный и, видать, умный». Каково было наше изумление, когда мы впоследствии в иллюстрированном журнале признали в богато увешанном орденами адмирале японского флота нашего японца—торговца гравюрами, каждая черточка лица которого нам была так хорошо известна. Как оказалось, он под разными личинами шпионил в Петербурге. Он много со мной говорил, но от меня полезных тайн не узнал: это сознание было для меня успокоительно» (25).

Белый, конечно, не мог пройти мимо такой приметы времени. В выразительной, остро сатирической и в то же время такой правдоподобной сцене бала у Цукатовых «редактор консервативной газеты» в споре с «либеральным профессором статистики» задает одной из присутствующих дам вопрос: «Понимаете, теперь, сударыня, связь между японской войною, жидами, угрожающим нам монгольским нашествием и крамолой? Жидовские выходки и выступление в Китае Больших Кулаков имеют меж собой теснейшую и явную связь» (автограф этого фрагмента «сиринской» редакции находится в моем собрании. — В.М.). Но если в образе «редактора» автор высмеивал «правых» (которым никогда не сочувствовал) с их толками о «японцах и жидях», то в «либеральном профессоре» безошибочно узнал себя Струве. Очень вероятно, что именно поэтому он отказался публиковать «Петербург» в своем журнале. Что же касается расхожего мнения о причастности японцев ко всем бедам России, то его выражает и Степка — между прочим, единственный персонаж, перешедший в «Петербург» непосредственно из «Серебряного голубя»: «от табаку да водки все пошло; знаю то, и кто спаивает: японец». В спаивании русского народа обычно обвиняли «жидов»...

Вспомнив эту сцену, Иванов-Разумник заметил: «И ведь, пожалуй, автор мог бы с полным основанием повторить в новом смысле вопрос реакционного редактора: понимаете ли вы теперь связь между японской войной, грядущим монгольским нашествием и революцией 1905 года, — а значит, и всякой русской революцией?» (26). Белый отвечает на этот вопрос всем своим романом. Он не приемлет Империю, основанную на «неправильном» и «незаконном», «нерусском» и враждебном Христу Петербурге, который в равной мере является осуще-

ствлением грез Медного Петра и «старинного монгольского дела». Но в равной мере не приемлет он и революции, основанной на терроре и сотрудничестве с «монголами» и густо замешанной на провокации. Роман «Петербург» — вообще средоточие «отрицательных идеалов» (как сказал бы Вл. Соловьев). Помимо главных героев, это «реакционный редактор» и «либеральный профессор». Это связанные с провокацией карикатурные образы сыщика Морковина, дворника Матвея Моржова и «гражданской жены» Липпанченко Зои Захаровны Флейш. Наконец, это благосклонно принимающая ухаживания Липпанченко Софья Петровна Лихутина, мешанка, зараженная «японской модой». О ней следует сказать подробнее.

Двадцатитрехлетняя супруга небогатого и глубоко несчастного поручика, Софья Петровна из всех сил стремилась не отстать от моды и быть «на уровне». От иронии Белый легко переходит к злому сарказму, он просто ненавидит свою героиню, как ненавидел всех вульгаризаторов «нового искусства» и «нового» вообще. «Софья Петровна Лихутина на стенах поразвесила японские пейзажи, изображавшие вид горы Фузи-Ямы, — все до единого; в развешанных пейзажиках вовсе не было перспективы; но и в комнатках, туго набитых креслами, софами, пуфами, веерами и живыми японскими хризантемами, тоже не было перспективы: перспективой являлся то атласный альков, из-за которого выпорхнет Софья Петровна, или с двери слетающий, шепчущий что-то тростник, из которого выпорхнет все она же, а то Фузи-Яма — пестрый фон ее роскошных волос; надо сказать: когда Софья Петровна Лихутина в своем розовом кимоно по утрам пролетала из-за двери к алькову, то она была настоящей японочкой. Перспективы же не было».

Как отметил Л.К. Долгополов, «общее назначение в романе квартиры и семейства Лихутиных — в карикатурном, сниженном виде воспроизводить то, что происходит со всей страной» (27). В будуаре Софьи Петровны «живописная Япония» и «желтая опасность» сходятся и даже накладываются друга на друга. «Петербург» полон примет времени, придающих ему удивительную достоверность, несмотря на обилие фантастических коллизий и сугубо символических сцен и образов. Время действия романа — именно то, когда «в столицах появились модные японские духи, кимоно и некоторые чувственные замашки», как с иронией вспоминал художник Петров-Водкин (28).

Белый почти не преувеличивает. Подтверждение тому — его рецензия на сборник рассказов писательницы символист-

ского круга Нины Петровской, связанной трагической любовью сначала с ним самим, потом с Брюсовым. Разбирая в 1908 г. книгу Петровской «Sanctus Amor» («Святая любовь»), Белый строит свой отклик на образе «японской куклы», имеющем сугубо отрицательную эмоциональную окраску. «— Разве так бывает... Это красивый японский рисунок, а не городская весенняя ночь, — восклицает героиня одного из рассказов «Sanctus Amor». «Разве так бывает? — восклицаешь, прочтя книжечку Нины Петровской. — Это японский рисунок, а не святая любовь»... Герои и героини рассказов ходят как манекены, опьяненные любовью. Но и любовь их манекенная». Нина Петровская, к тому времени с Белым уже расставшаяся, — конечно, не Софья Петровна Лихутина, но зато ее герои вполне под стать последней. Николай Аблеухов в сердцах называет Лихутину «японской куклой». Белый заканчивает рецензию беспощадной фразой: «Оттого-то японский пейзаж ее творчества сбивается часто на картинку из журнала дамских мод». Комментаторы «Петербурга» эти два текста сопоставили, но в новейшем издании статей Белого «японский» подтекст рецензии вообще оставлен без внимания — как в связи с «Петербургом», так и сам по себе. Надо ли говорить, что подобная «потеря» контекста и внутренних связей между различными произведениями (а они у Белого всегда исключительно важны!) лишает современного читателя возможности правильно и полно понимать текст.

При переработке романа в «берлинскую» редакцию многие «японские» фрагменты были выброшены автором как потерявшие актуальность. Однако описание квартиры Лихутиных осталось в неприкосновенности, что подтверждает особую значимость этой детали для него и как приметы времени, и как «знака» с совершенно определенной эмоциональной окраской. Более мелкие, случайные черты стираются. В «сиринской» редакции «Софья Петровна Лихутина покрывалась испариной, будто теплой росой японская хризантема». В «берлинской» фраза осталась, но эпитет «японская» исчез. Это можно отнести к «мелочам» или «случайностям», но у таких художников, как Белый, да еще при разработке столь важных тем, ни мелочей, ни случайностей не бывает.

Разумеется, к японским мотивам переработка «Петербурга» не сводилась. В новой редакции Белый выразил свои новые воззрения, которые «между первым и вторым изданиями «Петербурга»... испытали коренное изменение». Прежде всего, существенно изменилось отношение Белого к революции,

которая раньше приравнивалась к безусловно отрицательному «монголизму» а теперь, в 1917–1918 гг., приравнялась к безусловно положительному «скифству», главным идеологом которого был Иванов-Разумник. Из новой редакции «Петербурга» уходит — хоть и не до конца — осуждение революции, а главное — «нас уже не давит этот кошмарный каменный сон монголизма». «Не давит» во многом потому, что из текста исчезли практически все сцены и мотивы, связанные с Японией как наиболее ярким и агрессивным выражением «желтой опасности». Но «скиф» Иванов-Разумник, обладавший редким художественным вкусом, а не только проницательностью анализа и способностью к синтезу, так подвел итог этой коренной — прежде всего идеологической — переделки: «Мне дорог и ценен не новый, а старый «Петербург» Андрея Белого, тяжелый, массивный, циклопический кошмарный сон «монголизма», а не облегченное, разгроможденное, ускоренное его проявление, — и, быть может, именно потому, что революция для меня не «монголизм», а «скифство». Новый «Петербург» — мне безразличен, перечитывать всегда буду я старый, глубоко враждебный мне (как теперь и автору) по основной идее, но сильный и мощный в своем выражении, в своем проявлении... Хочу... гнетущего каменного сна, издевательства над революцией, ненависти к ней как к порождению духа «монголизма»; и тем больше этого хочу, чем больше это мне враждебно» (29).

В 1906 г. французский публицист Андре Шерадам признавался: «По правде говоря, до войны (русско-японской. — В.М.) нам, за вычетом ограниченного числа специалистов и ученых, основывавшихся на собственных путешествиях и серьезных трудах (мало кем читанных), то есть остальным французам, было известно о Японии только то, что это страна Госпожи Хризантемы»* (30). Наконец европейцы поняли, что это не так. Русские поняли первыми. Причем наиболее проницательные из них — еще до войны и без войны.

* Популярный, хотя и совершенно анекдотический по содержанию роман Пьера Лоти (1887 г.), положивший начало «экзотическому» образу Японии в европейской массовой литературе.

ГЛАВА 2

«Союз искусственный и случайный»: Лондон и Токио против Санкт-Петербурга

30 января 1902 г. в Лондоне был заключен англо-японский союз. 9 февраля (27 января по старому стилю) 1904 г. внезапным нападением на флот в гаванях Порт-Артура и Чемульпо Япония начала войну против России, объявив ее только на следующий день. Современники, захваченные калейдоскопом сегодняшних событий, не всегда задумывались об их причинах и взаимной связи. Большое, как известно, видится на расстоянии. Отметив и пережив столетние юбилеи того и другого, стоит, пожалуй, поразмышлять о том, что откуда взялось и к чему привело.

Проницательным людям дано понимать связь событий друг с другом порой еще до того, как они произошли. В октябре 1899 г., в разгар англо-бурской войны, двадцатипятилетний Валерий Брюсов писал своему другу Михаилу Самыгину (литературный псевдоним «Марк Криницкий»): «Война Англии с бурами — событие первостепенной исторической важности и для нас, для России, величайшего значения. Только, конечно, наши политики медлят и колеблются и забывают, что рано или поздно нам все равно предстоит с ней великая борьба на Востоке, борьба не только двух государств, но и двух начал, все тех же, борющихся уже много веков. Мне до мучительности ясны события будущих столетий» (1).

Те же слова он почти дословно и в то же самое время повторил в письме к другому близкому человеку Владимиру Станюковичу. Повторил, очевидно, не просто так. Опубликованный впервые еще в 1933 г., этот фрагмент семь десятилетий оставался без внимания специалистов. О чем же здесь идет речь?

Смысл сказанного вполне ясен: Брюсов имеет в виду извечную борьбу двух противоположных начал, двух геополитических сил, которые я, вслед за Александром Дугиным, называю «атлантизм» и «евразийство». Брюсов четко осознавал

противостояние атлантистской Англии и евразийской России, что свидетельствует о его определившейся к тому времени позиции в «великой войне континентов». Как известно, русское общество встало на сторону буров и подталкивало правительство к более решительным действиям против Англии. «Вся Европа, увлекаемая привычными романтическими мечтами о святости национальной свободы, сочувствовала бурам, — писал Брюсов поздней осенью 1902 г. в статье «В эту минуту истории». — Сочувствие это сохранилось и до последних дней, выразившись в шумных овациях, какими везде встречали бургских вождей». Будущий военный и морской министр Временного правительства Александр Гучков сражался добровольцем в рядах армии буров против своего будущего «коллеги» — британского военного и морского министра Уинстона Черчилля. В истории бывают подобные шутки. Однако ни на какие резкие движения против «владычицы морей» Николай II не отважился.

Одним из немногих в России сторону англичан принял Владимир Соловьев, с начала 1880-х гг. вообще не чуждый атлантистских настроений. Вразрез с общественным мнением и даже дразня его, он заявлял в «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории»: «Говоря серьезно, эти буры, конечно, европейцы, но плохие. Отчужденные от своей славной метрополии, они в значительной степени потеряли и свою культурность, окруженные дикарями, сами одичали, загроубели, и ставить их на одну доску с англичанами и даже доходить до того, чтобы желать им успеха в борьбе с Англией — *«cela n'a pas de nom»* (этому нет названия. — *франц.*)!» По свидетельству С.М. Соловьева, «прячась за маской политика (персонаж, которому принадлежат приведенные слова. — В.М.), Соловьев в грубой форме высказал тот взгляд, который действительно принадлежал ему и высказывался им в беседах с друзьями... Национальным стремлениям народов противопоставлял он единство европейской культуры при гегемонии передовых и могучих наций Германии и Англии» (2). Владимир Сергеевич еще, конечно, мог на это рассчитывать, но Сергей Михайлович, закончивший свой труд в 1923 г., должен был бы уже понимать, что никакая *совместная* гегемония Англии и Германии в Европе — да и вообще где бы то ни было — невозможна. Философ видел одну из причин войны в «неразумной зависти континента к Англии», но англофильства (то есть атлантизма) своего — к возмущению большинства соотечественников — не скрывал: «Нет, я, конечно, от всей души сожа-

лею, что Англии... придется для умирения этих зазнавшихся варваров употребить такое отжившее, осужденное историческим разумом средство, как война. Но если уж она окажется неизбежной вследствие дикости этих зулусов, я хотел сказать — буров... я буду горячо желать, чтобы эта война поскорее кончилась полным умирением африканских буянов, так чтобы про их независимость больше и помину не было».

Маска Политика, одновременно прожженного циника и «миролюбивого» лицемера, отчасти служила громоотводом, отводившим упреки и критику от самого автора, заявившего, что признает за Политиком только «относительную правду». Однако прогнозы Соловьева-«политика» относительно русско-английского сотрудничества на Дальнем Востоке оказались неверными: «По географическому положению и другим условиям Россия может здесь сделать больше, чем все другие нации, за исключением, конечно, Англии. Значит, задача нашей политики с этой стороны состоит в постоянном и искреннем соглашении с англичанами, чтобы наше культурное сотрудничество с ними никогда не превращалось в бессмысленную вражду и недостойное соперничество».

Соловьев был решительно не прав, ~~хотя~~ на смертном одре и обсуждал с князем Трубецким перспективы англо-японского союза против России. Прав оказался Брюсов. Успехи в Южной Африке развязали Англии руки для более активных действий на Дальнем Востоке. Через четыре с небольшим года после писем поэта Криницкому и Станюковичу Япония напала на Россию. Впрочем, еще в конце 1902 г. Брюсов завершил первое политическое обозрение для «Нового пути» предсказанием «беспримерных столкновений где-нибудь на берегах Конго или Желтой реки», то есть Хуанхэ.

Япония давно «имела зуб» на европейские державы, навязавшие ей неравноправные Ансэйские договоры. Борьба за их пересмотр стала главным лозунгом, если не смыслом существования мэйдзийской дипломатии. Но поставить себя вровень с великими державами эпохи империализма — значило не только избавиться от экстерриториальности иностранцев и дискриминационных таможенных пошлин, но самой вести такую же империалистическую политику. Политику военных побед, территориальных захватов, экономического и дипломатического давления. Пробой сил стала война с Китаем, так напугавшая Соловьева. Победа была налицо, и Япония решила в полной мере воспользоваться ее плодами, продиктовав побежденным тяжелые, но вполне объяснимые

империалистической логикой условия Симоносекского мирного договора.

И тут вмешалась Европа. Китайское правительство уже в ходе войны обращалось к европейским державам, прежде всего к России, с просьбой о посредничестве при заключении мира — те не отказывались, но и не спешили. Наконец, японские условия были продиктованы. 23 апреля 1895 г. посланники трех континентальных держав — России, Германии и Франции (отсюда «Тройственное вмешательство») — «дружески посоветовали» Японии отказаться от территориальных приобретений на континенте (Ляодунский полуостров). Главной движущей силой демарша японцы однозначно посчитали Россию — как наиболее заинтересованную сторону, хотя предупреждения о возможности такого выступления со стороны держав не раз получали и раньше. Соединенные Штаты и Италия, к услугам которых в Токио попытались прибегнуть, отказались выступать в роли посредников. Реакция Японии была особо отрицательной, потому что она «потеряла лицо». Если бы державы вмешались со своим «советом» в процессе выработки условий договора, все было бы шито-крыто. А так только договор был подписан и ратифицирован императором, как божественному Тэнно пришлось брать свои слова обратно, к тому же под давлением «варваров», что выглядело откровенным унижением.

Историки до сих пор дискутируют о подлинных причинах и мотивах вмешательства, трактуя, например, инициативу кайзера Вильгельма II по вовлечению России в эту акцию как стремление вбить клин между Токио и Петербургом. Николай II, получив всего четырьмя годами ранее палашом по голове в городе Оцу, и сам откровенно не любил японцев, а вот к китайцам испытывал определенную симпатию. Не с подачи ли своего наставника по «восточным делам» князя Эспера Ухтомского, «великосветского буддиста», поэта, журналиста и... активного участника русской деловой активности в Поднебесной в качестве председателя правления Русско-Китайского банка?

Сюжет с участием России в «Тройственном вмешательстве» становится понятнее из дневников графа Владимира Ламздорфа, первого советника МИД России, а позже, во время русско-японской войны, министра иностранных дел. Этот весьма любопытный источник впервые был опубликован только в 1991 г., когда Россию волновали совсем иные проблемы, и потому остался без должного внимания, которого, несомненно, заслуживает.

15 февраля (нового стиля) 1895 г. посланник в Токио Михаил Хитрово — муж несчастной любви Владимира Соловьева — телеграфировал в Петербург, что Япония обеспокоена перспективой англо-русского соглашения относительно возможных гарантий Кореи и Китаю. Министр иностранных дел Муцу Мунэмицу сказал ему — первому из иностранных представителей, особо подчеркнув это обстоятельство, — что требования Японии к Китаю «будут состоять в денежном вознаграждении (то есть контрибуции. — В.М.) и территориальной уступке». Посланник пришел к выводу, что речь идет о Формозе. «Муцу прибавил, что Япония отнюдь не желает требовать чего-либо, что могло бы быть противным интересам или видам России, и что с этой целью он не замедлит вступить с нами в откровенный обмен мыслями для предупреждения всяких недоразумений».

Как и тогдашний премьер Ито Хиробуми, Муцу был настроен если не прорусски, то уж, во всяком случае, не русофобски — в отличие от своего заместителя Хаяси Тадасу, которому придется принимать ноты во время «Тройственного вмешательства», а потом вести переговоры об англо-японском союзе. Ламздорф записал, что двумя неделями ранее совет под председательством великого князя Алексея Александровича, дяди императора и главного начальника морского ведомства, решил «договариваться с Англией и Францией об умиротворении Дальнего Востока и совместно рекомендовать Японии проявить умеренность в ее требованиях к Китаю». Хитрово, судя по его собственным донесениям и депешам бельгийского посланника д'Анетана, проводил именно такую линию, но его предостережения успеха не имели. В Токио на Россию смотрели как на союзницу Китая, а друг моего врага...

Едва ли не самую жесткую позицию в отношении Японии занял стремительно набиравший силу министр финансов Сергей Витте, прямо писавший в мемуарах: «в то время вопросами Дальнего Востока занимался исключительно я» (3). Через три дня Николай II принял китайское чрезвычайное посольство, которое явно приехало искать не только посредничества в деле заключения мира, но и союза. «Если Япония приобретет в Азии слишком большую силу, это будет большим несчастьем для Китая, и русское правительство не может оставаться безразличным к подобному перемещению влияния, — писал китайский посланник в МИД России. — Вот почему мы просим хорошего средства, чтобы помочь нам выйти из этого несчастного положения». Николай наложил резолюцию: «Это

совершенно верное замечание». Записав со слов переводчика: «Главе посольства поручено также спросить у государя, зажила ли та рана, которая была ему нанесена в Японии?» — Ламздорф заметил: «Таковы тонкости китайского подхода!»

Донесения Хитрово из Токио становились все более настроенными, а тон посланника — все более антияпонским. В еще большей степени эти настроения были присущи русскому посланнику в Пекине графу Артуру Кассини. Тот еще перед новым 1895 годом писал: «Я никоим образом не могу разделить ни радости, ни надежд тех, кто восторженно аплодировал решительным успехам японского оружия... Подстрекаемая непомерным честолюбием и неудержимой жадой захватов Япония решила забрать в свои руки и удержать за собой первенствующую роль на Дальнем Востоке и никому не намерена уступать своей роли». И на этой депеше российский самодержец изволил начертать: «Совершенно верно!» (4). Можно задаться вопросом, кто влиял на мнения и решения молодого и все еще неопытного в политике самодержца...

Я остановился на истории «Тройственного вмешательства» главным образом потому, что Россия участвовала в нем, а Англия дистанцировалась от этого «континентально-европейского» и «антиазиатского» демарша, хотя ее приглашали присоединиться. Британские дипломаты в Токио иногда заявляли протесты против тех или иных акций Японии — например, в Корее, где шло ожесточенное русско-японское соперничество, — но протестами и ограничивались. Возникла проблема выбора: поддержать побежденного, чтобы не дать победителю слишком усилиться; «поставить» на победителя, который, вдохновленный победой, завтра может бросить тебе вызов; умыть руки, не связываясь с побежденным и не раздражая победителя. Париж, Берлин и Петербург выбрали первый вариант. Лондон — третий.

Правящие круги России были полны решимости подчинить себе весь Дальний Восток, не считаясь с объективным наличием сил и средств, и не воспринимали Японию на равных (впрочем, так думали и в других европейских столицах). В Петербурге — прежде всего, с подачи Витте — сделали ставку на Китай, хоть и потерпевший поражение, но контролировавший свою территорию. 3 июня 1896 г. министр иностранных дел князь Лобанов-Ростовский (престарелый вельможа ничего не смыслил в дальневосточных делах, но его умело направлял вездесущий Витте) и влиятельный китайский сановник Ли Хунчжан (в недалеком прошлом — глава

китайской делегации на мирных переговорах с Японией), прибывший в Россию на коронацию Николая II, подписали секретное соглашение, главным детищем которого стала Китайская Восточная железная дорога (КВЖД) — еще одна стальная стрела русской экспансии, направленная на Восток. Она не только соединяла Читу и Владивосток по кратчайшему пути (что, разумеется, было нужно и выгодно), но и тянулась от Харбина на юг, туда, где Россия вскоре получила опорную точку на побережье — незамерзающий Порт-Артур. Короче говоря, это был «оборонительный союз с Китаем в отношении Японии», как без лишних экивоков охарактеризовал его Витте.

Секретность соглашения была соблюдена на удивление тщательно: в мире о нем узнали только после Первой мировой войны, из посмертно опубликованных мемуаров Витте, за рукописью которых тщетно охотились русская разведка и контрразведка. Китайскому правительству пришлось обнародовать полный текст. «Открытие» вызвало бурю возмущения в Токио — дескать, вот как нас подло обманули! — но не могло не доставить японским сановникам и прессе тайной радости. У них появилось неплохое оправдание антирусского курса, приведшего к союзу с Англией, войне и полной аннексии Кореи.

Период после «Тройственного вмешательства» был озаглавлен активизацией европейской экспансии на Тихом океане, особенно в Китае, который державы оберегали от японцев не просто так, а для себя. «Дальнозоркие государства уже поняли это неизбежное значение Великого океана. Соединенные Штаты захватили Филиппины и стараются стать прочной ногой в Китае. Германия заняла Kia-Чiao. Англичане все не отдают Вей-Ха-Вея. Французы держатся в Новой Каледонии и еще на некоторых островах Полинезии, — писал Валерий Брюсов в июне 1904 г. — Но главная размежевка должна произойти по окончании русско-японской войны».

Сегодня причины этой войны вполне ясны — два империализма, русский и японский, столкнулись, что называется, лоб в лоб, и ни один не хотел уступать. С этим, кстати, соглашалось и большинство «буржуазных» историков. Конфликт был абсолютно неизбежен, хотя вовсе не обязательно должен был разрешаться на поле битвы. Даже напряженность в Корее, постоянно чреватую войной, удалось смягчить соглашением Ниси-Розена (апрель 1898 г.), хотя после победы над Китаем Япония считала эту полузависимую страну своей вотчиной

и делиться ни с кем не собиралась*. И министр иностранных дел Ниси Токудзиро, бывший посланник в России, учившийся в Петербургском университете еще в начале 1870-х годов, и посланник Роман Розен были полны решимости договориться, но от них зависело далеко не все.

В мемуарах, написанных четверть века спустя в изгнании, Розен горько сетовал, что министр иностранных дел Муравьев не оценил вполне разумных предложений прорусски настроенного Ниси и не хотел считаться с возрастающей силой Японии. В 1897 г. он составил пространный меморандум о необходимости дружественных отношений как с Японией, так и с Китаем. Основная мысль была изложена предельно четко: «Готовы ли мы поддерживать нашу агрессивную политику на Дальнем Востоке любой ценой и всеми ресурсами нашего государства? Если нет, продолжать такую политику значит навлечь на себя беду в виде военного поражения или же потери <международной> поддержки нашей позиции и нашего престижа» (5). Царю меморандум понравился, но точка зрения Муравьева, оценившего документ холодно-отрицательно, все равно возобладала.

Войну вызвало другое. Во-первых, правящие круги России, как военные, так и штатские, окончательно утратили чувство реальности в твердой уверенности, что легко закидают шапками «желтых макак» (прозорливость, проявленная на этот счет задним числом некоторыми мемуаристами, вызывает законные сомнения). Этому способствовал и опыт успешного «замирения» Средней Азии в 1870–1880-е годы и приход к руководству армией «туркестанских генералов» на смену «школе Милютина». Хотя Китай, не говоря уже о Японии, — не Бухара с Хивой...

Второе — Англия ненавязчиво, но старательно подталкивала Японию к войне, потому что совсем без союзников Страна восходящего солнца на такой риск пошла бы едва ли. Конечно, о прямом провоцировании говорить трудно — английская дипломатия всегда работала чисто и элегантно, стараясь не оставлять следов. Но в той ситуации было вполне достаточно поддерживать японские требования на уровне речей и деклараций первых лиц империи, по любому поводу пори-

* В этой книге я совершенно не касаюсь русской политики в Корее и роли корейского фактора в русско-японских отношениях. Этот вопрос хорошо исследован в статьях и диссертации М.К. Ковальчук, ныне готовящейся к изданию.

цать Россию и, главное, не удерживать Японию и не «вылезать» с предложениями о мирном посредничестве. Ну а «благожелательный нейтралитет» был уже гарантирован. Не зря военно-морской агент в Токио капитан 2 ранга Александр Русин предсказывал в марте 1902 г. из Токио: «Заключение англо-японского союза, дающего Японии командование морем, должно вызвать, в случае нарушения добрых отношений между Россией и Японией, со стороны последней более смелый, решительный образ военных действий» (6). Впрочем, бельгийский посланник еще в мае 1898 г. писал по поводу оккупации Вэйхайвэя Англией после того, как оттуда ушли японцы: «Известно, что Сент-Джеймский кабинет (британское правительство. — В.М.) предварительно договорился об этом с Японией, чтобы не оставлять Россию единственной хозяйкой Печелийского залива» после занятия Порт-Артура. Англо-японские отношения на тот момент он охарактеризовал как «самые сердечные» (7).

В Токио понимали, что русскую экспансию, масштабы которой расширялись год от года, может уравновесить только Англия, которая ничем не помогала Японии, но ничего и не требовала от нее. Розен прямо писал, что отказом договориться с Японией в конце девяностых Россия толкнула Токио в объятия Лондона. До Японо-китайской войны Англия не воспринимала Японию как равную себе, что выражалось в наличии неравноправных договоров и в торможении всех попыток их пересмотра. «Потепление» начала 1890-х годов было вызвано, в первую очередь, ростом опасений Лондона относительно российской экспансии на Дальнем Востоке, а также напряженным состоянием экономических отношений на Тихом океане, где активизировались Германия и Соединенные Штаты. 16 июля 1894 г. Британия милостиво согласилась подписать равноправный договор, отменявший унижительную для Японии статью об экстерриториальности иностранцев и их неподсудности японским судам.

Заключение договора почти совпало с Японо-китайской войной, в которой Англия первоначально приняла сторону Китая. В Лондоне, как и в других европейских столицах, явно переоценили военные возможности Срединной империи, нанесшей в 1885 г. ошутимое поражение Франции, и недооценили Империю восходящего солнца. Уже после первых успехов Японии тон лондонской прессы заметно изменился в ее пользу. Из поражения Китая были сделаны четкие выводы. Первое: рассчитывать на него как на противовес России больше нель-

зя. Второе: нельзя больше и пренебрегать силой Японии, которую лучше иметь союзником, нежели противником.

Англо-японскому сближению и повышению международного престижа Японии способствовало ее участие в подавлении «боксерского восстания», когда солдаты обеих стран участвовали в одних и тех же боевых действиях. «В китайском походе 1900 г. шли рядом, по берегам Желтой реки, войска английские, французские, русские, японские», — напоминал Брюсов летом 1904 г. Участие в карательной акции «цивилизованного мира» подбодрило атлантистов, включая лидера либералов Окума Сигэнобу, министра иностранных дел Като Такааки, бывшего посланника в Лондоне, и его преемника Хаяси Тадасу, ранее возглавлявшего миссии в Пекине и Петербурге.

Находившийся в оппозиции, Окума не раз выступал с откровенно русофобскими речами, призывая «нанести России решительный удар в Маньчжурии». Като быстро вступил в конфликт с российским посланником Извольским по вопросу о дальнейшей судьбе Кореи и Маньчжурии, проявляя к нему явно предвзятое отношение, на что самолюбивый и агрессивный Извольский отвечал соответствующим образом. Зато Хаяси, который, по отзывам современников, не только отлично говорил по-английски, но и держался как настоящий джентльмен, не жалел времени и сил для налаживания дружеских связей с английской элитой и обработки общественного мнения в желаемом направлении. Поэтому в подготовке и заключении союза он сыграл несравненно большую роль, нежели его британский коллега в Токио Макдональд. Хаяси был близок к главному идеологу японского «западничества» Фукудзава и уже летом 1895 г. выступил в его газете «Дзидзи симпо» с серией статей о пользе союза с Лондоном: «Чтобы противостоять России, Англия без колебаний объединила силы даже с такими находящимися в упадке странами, как Турция и Китай. Насколько же больше она будет иметь от союза с Японией. Не постесняюсь заявить, что Англия получит больше выгод от предлагаемого альянса, нежели Япония».

Идея получила положительный отклик, хотя многие британцы все еще косо смотрели на перспективу равноправного союза с «желтыми». «Сторонники англо-японского сближения появились сначала среди многочисленной колонии британских торговцев, дипломатических и иных чиновников и корреспондентов английских газет в Индии и на *Дальнем Востоке* (выделено мной. — В.М.). Здесь, в этом районе, остро сталкивались англо-русские интересы, и британские residen-

ты, считая, что оборона английских владений на Дальнем и Среднем Востоке весьма слаба, надеялись усилить ее союзом с Японией» (8).

Одним из первых стал капитан Фрэнк Бринкли, живший в Японии и издававший газету «Japan Daily Mail» (русские дипломаты не раз характеризовали его как злейшего врага России). Кроме того, с 1894 г. Бринкли был корреспондентом «Таймс», главного рупора прояпонской пропаганды. Тогда эта газета выходила сравнительно небольшим тиражом (35 000 экземпляров в начале века) и не гналась за массовостью, поскольку была рассчитана на «избранных» и содержала не только «информацию к размышлению», но и «руководство к действию». Ее редактировал Вильям Стэд, сторонник сближения с Японией и воспеватель ее успехов, контролировали круги, близкие к премьер-министру Солсбери, а министерство иностранных дел поставляло конфиденциальную информацию.

События на Дальнем Востоке на страницах «Таймс», кроме самого редактора, освещал шеф внешнеполитического отдела Валентайн Чирол, бывший корреспондент в Берлине, где его называли «вторым английским послом», и ярый германофоб. Среди лондонских политических аналитиков именно он одним из первых «сменил вехи» во время Японо-китайской войны — стал прославлять успехи Японии, порицая недалекость соотечественников, проморгавших ее усиление, и многозначительно повторять, что между двумя странами нет непреодолимых противоречий и причин для конфликта. Пекинский корреспондент «Таймс» Эрнст Моррисон разделял эти взгляды, но еще больше специализировался на разоблачении «происков» России, пуская в ход сомнительные слухи и даже откровенно недостоверные «документы». Путешествие Джорджа Керзона, будущего лорда, вице-короля Индии и министра иностранных дел, завершившееся публикацией нашумевшей книги «Проблемы Дальнего Востока» (1894 г., переиздана с дополнениями в 1896 г.), было оплачено той же газетой. Не случайно Хаяси в «Тайных записках», опубликованных в 1915 г. в Англии и одно время запрещенных в Японии за излишнюю откровенность, особо подчеркивал роль «Таймс» и лично Чирола в достижении англо-японского согласия. Анти-русская пропаганда газеты сыграла настолько явную роль в «оркестровке» русско-японского конфликта, что современники метко окрестили его «войной Таймс» («Times war»); ее же корреспонденты написали лучшую англоязычную историю событий, будучи допущены везде, где им было нужно. И это,

замечу, далеко не единственная война, к которой непосредственно приложила руку самая влиятельная и респектабельная газета Британской империи. Позади была англо-бурская война, а впереди — Первая мировая.

Однако Стэда, Чирола и Керзона объединяло не только сотрудничество в «Таймс». В 1949 г. американский историк Кэрролл Квигли написал интересную работу «Англо-американский истеблишмент», которая увидела свет лишь 32 года спустя и через четыре года после смерти автора (!). Официальная историография и тем более СМИ сделали вид, что такой книги нет, хотя, по логике вещей, она должна была произвести сенсацию.

Исследуя механизм функционирования британского истеблишмента конца XIX — первой половины XX вв., он доказал существование в нем неформальной, но четко структурированной и очень влиятельной группы, которая сформировалась вокруг пассионарного империалиста Сесила Родса и его единомышленника лорда Милнера, многократно занимавшего министерские посты. В ней мы также видим барона Натана Ротшильда, лордов Розбери, Бальфура и Керзона (позже Астора и Лотиана), а также «клику Таймс» — Чирола, Стэда и его преемника Доусона. Моррисон, возможно, входил в нее или, по крайней мере, был связан с ее видными участниками. Хотя никто из британских премьеров XX века, кроме Бальфура, не был членом группы, ее люди присутствовали в каждом кабинете, невзирая на его партийность. Надо ли говорить, что все они до мозга костей были убежденными атлантистами.

Их связывали общность образования (как правило, Оксфорд) и карьеры (служба за границей или в колониях, затем в Лиге Наций), тяга к интеллектуальной рисовке (выступления во влиятельных газетах и с лучших университетских кафедр, обычно с восхвалением сотоварищей по группе) и, наконец, родственные связи. Их Квигли описал так подробно, что у читателя начинает рябить в глазах от имен, титулов и дат. Все «официальные биографии» участников группы, включая статьи в авторитетном «Национальном биографическом словаре», написаны ее же членами. Это, кстати, характерно и для масонов.

Деятельность группы во многом подпадала под определение «тайное общество». Такова была первоначальная задумка Родса, не доверявшего «публичным людям», но верившего в личную преданность и взаимные интересы. В первых пяти вариантах завещания он оставлял свое огромное состояние

именно на эти цели (Стэд и Милнер были в числе душеприказчиков). В двух последних о «тайном обществе» ни слова, но, как верно замечает Квигли, это не дает оснований говорить, что Родс от своей идеи отказался. Фонд Сесиля Родса, которому посвящена значительная часть завещания, прокомментированного для печати Стэдом, выполнил свою миссию с не меньшим успехом. На протяжении многих десятилетий он финансировал разработки по внешней и колониальной политике и стал основой политической и интеллектуально-пропагандистской структуры, сыгравшей огромную роль в мировой политике.

Самоучка и авантюрист, Родс смолоду был склонен к заговорщической деятельности, без которой не смог бы реализовать свои грандиозные планы. Однако его единомышленники понимали, что без средств массовой информации и «мозговых центров» уже не обойтись. В сплетенную ими сеть кроме «Таймс» входили элитарный журнал «Круглый стол» («Round Table»), Оксфордский университет (особенно колледжи All Souls и Balliol), Королевский институт международных отношений, в котором тон задавал представитель младшего поколения группы Арнольд Тойнби. С усилением англо-японских противоречий в 1930-е гг. повышенное внимание уделялось Международному тихоокеанскому институту.

Именно с людьми из младшего поколения группы, которые в тридцатые годы часто собирались на традиционный уик-энд в загородном имении лорда Астора Клайвдена, связан созданный левыми журналистами, а затем историками миф о «клайвденской клике» консерваторов, желавших во что бы то ни стало расправиться с Советским Союзом, а потому «умиротворявших» Гитлера. Доля правды в этом есть, но незначительная, а сама интерпретация неверна и опасна, потому что игнорирует главное. Группа сложилась задолго до большевистской революции и вне какой-либо связи с Россией, хотя никогда не упускала ее из виду. Ее членов более всего волновало укрепление Британской империи, а затем Британского содружества наций, сама концепция которого вышла из ее недр. Индия, Ирландия, Египет, затем Палестина, доминионы, Лига Наций — вот что было в центре внимания наследников Родса и учеников Милнера.

Позиция группы была, в первую очередь, антигерманской, что четко проявилось во время Первой мировой войны и Парижской мирной конференции, в работе которой участвовали многие ее члены. В Германии, вне зависимости от политичес-

кого режима, они всегда видели главного врага, хотя формы и методы борьбы с ним могли меняться в зависимости от ситуации: отсюда всевозможные заигрывания с «демократами» в Берлине (оппозиция «жесткой линии» на рубеже 1918—1919 гг.) и с «красными» в Москве (поддержка идеи «коллективной безопасности» в середине 1930-х годов). Вполне понятно, что группа была настроена антирусски и антисоветски, но опасалась не столько «первого в мире государства рабочих и крестьян», сколько продолжения русской экспансии в Центральной Азии, особенно в направлении Индии.

Англо-японский союз пропагандировался Чиролом, Стэдом и Керзоном не только как эффективное средство защиты окраин империи, но и как выход из так называемой «блестящей изоляции», политика которой к началу XX в. обнаружила свои слабые стороны. Не связанная ни с кем четкими обязательствами, «царица морей» одновременно оставалась без союзников. К России в Лондоне всегда относились подозрительно. С Францией в 1898 г. едва не началась война из-за разграничения африканских колоний (так называемый «Фашодский инцидент»). Италия как равновеликая держава не воспринималась, тем более Испания, потерпевшая поражение в войне с Соединенными Штатами, которые пока заметной роли в британской политике не играли. Некоторый прогресс был достигнут только в отношениях с Германией (соглашение о Янцзы 16 октября 1900 г.). Роль Дальнего Востока в мировой политике возрастала, и это подсказывало очевидное направление поиска союзников. Так что интерес здесь был обоюдным.

Япония присоединилась к соглашению об «открытых дверях» в бассейне Янцзы через 13 дней после его подписания. Прочие державы были только оповещены о нем. Англо-германское сотрудничество так и не задалось, хотя Вильгельм II тоже испытывал определенную настороженность в отношении России, а вот англо-японское делало несомненные успехи. Способствовала этому и смена кабинета в Токио. В мае 1901 г. Ито, не испытывавший оптимизма по поводу будущего союза, оставил пост премьера, который занял ставленник Ямагата энергичный генерал Кацура Таро. Главой внешнеполитического ведомства по совместительству стал министр финансов виконт Сонэ, которого вскоре сменил «настолько же терпеливый, насколько и твердый»* дипломат Комура Дзютаро, ранее бывший посланником в Китае, США и России.

* Определение бельгийского посланника д'Анетана.

7 декабря 1901 г. Комура представил совещанию «государственных старейшин» меморандум о выборе партнера между Петербургом и Лондоном, отмечая, что приходится выбирать по принципу «или-или», но решительно склоняясь в пользу второго. Соглашение с Россией он считал временным и краткосрочным, с Англией же — долгосрочным, потому что первая ориентирована на расширение экспансии, а вторая заинтересована в сохранении status quo. Россия не согласится на японское доминирование в Корее, а Британия хотя бы закроет на это глаза. Далее, англо-японский союз, декларирующий в качестве главной цели сохранение и гарантии территориальной целостности Кореи и Китая, будет благожелательнее принят в мире. Во всем этом он отчасти был прав, но дальнейшие аргументы Комура больше походили на желаемое, чем на действительное. Союз с Лондоном, по его мнению, сулил Японии большие экономические выгоды: «Британские колонии распространились на пять континентов. Выгоды, которые Япония может получить от эмиграции и торговли в этих колониях, если отношения между Британией и Японией станут более дружественными, намного превосходят то, что можно получить из Маньчжурии и Сибири». Неужели он действительно верил в то, что англичане так просто пустят японцев в колонии и тем более в доминионы, достигшие к тому времени значительной самостоятельности в решении таких внутренних проблем, как иммиграция или таможенные тарифы?! Еще более сомнительным представляется утверждение Комура, опытного, напомним, дипломата и реалиста, что соглашение с Россией оттолкнет от Японии «китайцев всех сословий, которые в последнее время смотрят на нашу страну с восхищением и доверием». Тем не менее точка зрения министра возобладала. Следует учитывать и то, что Комура в соответствии с принятой в японской бюрократии практикой не сам писал меморандум, а дал лишь общие указания и одобрил его в окончательном варианте. Фактическим автором записки был начальник Политического департамента МИД Ямадза Эндзиро, настроенный антирусски, как и большинство его коллег (9).

После года переговоров, не богатых интригующими деталями и подробно описанных английским историком Иеном Нишем, посланник Хаяси и министр иностранных дел лорд Ленсдаун 30 января 1902 г. заключили соглашение, содержание которого сводилось к следующему.

Стороны «обоюдно признавали» не только независимость Китая и Кореи, но и собственные «специальные интересы»:

Великобритания — в Китае, Япония — в обеих странах. «Высокие Договаривающиеся Стороны признают, что будет допустимо для каждой из них защищать эти интересы, если им будут угрожать либо агрессивные действия какой-нибудь другой державы, либо беспорядки, возникающие в Китае или Корее» (статья 1). Думаю, переводить сказанное с дипломатического языка на обычный не требуется: стороны четко заявили, что их договор направлен против России как главного потенциального агрессора. Одновременно его можно было использовать и против Германии, оккупировавшей в конце 1897 г. Шаньдун и вынудившей Китай сдать его в аренду на 99 лет, если бы та вдруг решила на какие-то более активные действия. Что касается «беспорядков», то, помимо восстания ихэтуаней, речь шла о политической нестабильности в Корее, которую провоцировали то японцы, то русские, выдвигая ее в качестве предлога для вмешательства.

Но самое интересное было дальше — и тут цитаты необходимы, чтобы не было двусмыслицы. «В случае если Великобритания или Япония, при защите своих соответствующих интересов, как это выше указано, будет вовлечена в войну с другой Державой, другая Высокая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать строгий нейтралитет и приложит свои усилия к тому, чтобы воспрепятствовать другим Держavam присоединиться к враждебным действиям против ее союзницы» (статья 2). «Если при указанном выше случае какая-либо другая Держава или Державы присоединятся к враждебным действиям против союзницы, то другая Высокая Договаривающаяся Сторона придет к ней на помощь и будет вести войну сообща и заключит мир во взаимном с ней согласии». Интересно, что это условие фигурировало уже в проекте англо-германского соглашения, переговоры о котором велись несколько лет с 1898 г., но так ничего и не дали.

Внешне договор имел благородную цель — ограничить потенциальную войну из-за Китая или Кореи двумя странами, угрожая в противном случае «большой войной». Ни Корея, ни Китай как потенциальные военные противники не воспринимались — в европейских столицах на них давно смотрели как на объект, а не субъект международных отношений. Германия воевать из-за Китая или Кореи явно не стала бы. Так что опять оставалась Россия. Ну и, может быть, ее союзница Франция.

Власть имущих в Петербурге предупредили: умерьте свои аппетиты и соразмеряйте свою экспансию с интересами Англии и Японии, не то получите войну на Дальнем Востоке.

А если попытаетесь привлечь еще кого-то на свою сторону, то получите войну с обеими державами сразу. Вот тут для предложения вполне могли сгодиться и Китай, и Корея, формально остававшиеся независимыми. Россия и Китай (тем более Россия и Корея) против Британской империи и Японии — комбинация уж вовсе незавидная. Положение осложнялось еще и тем, что российская дипломатия откровенно «прозевала» договор, не придав никакого значения сведениям о встречах Ленсдауна и Хаяси. Содержание переговоров, действительно, держалось в секрете, но сам-то факт не был тайной. Особенно активно оправдывался из Токио Извольский, имевший репутацию активного, информированного и прозорливого дипломата...

Остальные статьи соглашения предусматривали не заключение соглашений с третьей стороной, противоречащих данному, немедленные взаимные консультации в случае опасности, а секретное приложение — сотрудничество обоих военных флотов, каждый из которых должен превосходить «флот любого третьего государства».

Хотя приложение было опубликовано только в 1927 г., антирусская направленность документа была очевидна всем — от его авторов и комментаторов до российских дипломатов. Вильгельм II заявил о сохранении Германией строгого нейтралитета в случае возможного конфликта. Союзная России Франция открыто выразила недовольство. Ответом стала русско-французская декларация 16 марта 1902 г. об общности политики на Дальнем Востоке, встревожившая ту часть лондонского истеблишмента, которая стремилась к дальнейшей нормализации отношений с Парижем. Были в Англии и сторонники сотрудничества с Россией, например Чарльз Гардиндж, будущий посол в Петербурге в годы русско-японской войны. Они видели в ней возможный противовес германской и японской экспансии, которая в обозримом будущем могла угрожать британским интересам. Но считавших так было мало.

Большинство японских государственных мужей восприняло договор как успех, хотя и не без оговорок. Прогерманская группировка во главе с Ямагата поддержала соглашение уже на стадии подготовки, но предлагала привлечь к нему еще и Берлин. Склонялся к этому и премьер-министр Кацура, полагавший, что русская экспансия Маньчжурией не ограничится. Ленсдаун вполне серьезно отнесся к этой идее, но из нее ничего не вышло — в том числе из-за «негромкого», но эффективного сопротивления антигерманских кругов Лондона. Так или иначе, когда договор был одобрен и подписан, Кацура

с видимым удовлетворением оповестил об этом палату пэров, а Комура — палату представителей японского парламента.

Против договора высказывался Ито, основной политической соперник Ямагата. Он не оставлял надежды на взаимопонимание с Петербургом на основе разграничения сфер влияния: Корею — Японии, Маньчжурию — России. Первую он считал гораздо более важным направлением экспансии, нежели вторую, и понимал, что «просто так» вытеснить Россию с занятых ею позиций нереально. Отправившись осенью 1901 г. за границу (официально для получения докторской степени в Йельском университете), он в конце ноября и начале декабря оказался в России, где вел переговоры с Николаем II, Ламздорфом и Витте. Как показывают документы, они проходили корректно и по-деловому, хотя и выявили серьезные разногласия. Однако быстрых результатов переговоры не дали, а потому не смогли переубедить никого из сторонников англо-японского союза, торопивших с ответом на британский план 6 ноября.

Через месяц, за день до принятия окончательного решения совещанием «государственных старейшин» *гэнро* с премьером Кацура, Ито послал в Токио телеграмму с просьбой повременить, поскольку договор с Англией сделает невозможным сближение с Россией. Но ждать больше не хотели уже в обеих столицах, поэтому мнением отсутствующего князя вежливо пренебрегли. Более того, как отметил один японский историк, Кацура активно поддерживал саму идею вояжа Ито, чтобы удалить из Токио основного противника англо-японского альянса на время принятия главного решения (10). Так что агент русского министерства финансов в Японии Алексеев был по-своему прав, докладывая своему шефу Витте, что влияние Ито и его группы постепенно ослабевает и что формальное принятие предложенного им курса вовсе не означает его скорого и неперменного осуществления.

Инициативу миссии Ито приписывал себе не кто иной, как... Извольский, всегда считавший его наиболее влиятельным из токийских друзей России: «Я настойчиво рекомендовал принять примирительную позицию по отношению к Японии и заключить соглашение с этой страной по вопросам, касающимся Маньчжурии и Кореи... Мои усилия в этом направлении имели своим последствием посылку в Европу такого достойного государственного деятеля, как маркиз Ито, в целях создать возможность сближения между Россией и Японией (как будто тот сам не мог принять такого решения

или первый раз выезжал за границу! — В.М.). Эта миссия, если бы она увенчалась успехом, была бы способна изменить весь ход событий и исключила бы возможность войны, но холодный прием, оказанный японским представителям в Петербурге (утверждение, не соответствующее действительности. — В.М.), и медлительные ответы, которые давались им русским правительством, к несчастью, определили полный успех этого предприятия» (11). В общем, я старался, а Ламздорф с Витте во всем виноваты (Витте, в свою очередь, тоже валил все на других). В мемуарах проигравших — за неудачу в разрешении боснийского кризиса 1908—1909 гг. Извольского называли «Наполеоном, начавшим с Ватерлоо» — всегда много обид, и потому события видятся иначе, чем они происходили на самом деле.

Миссия Ито не вызывала восторгов у сторонников союза. Конечно, никто, кроме императора, не мог запретить самому авторитетному государственному деятелю страны поездку, неофициальный характер которой подчеркивался японскими дипломатами и в Токио, и в Лондоне. Не могли контролировать его и на месте: ближайшим помощником, секретарем и переводчиком князя был барон Цудзуки Кэйроку, бывший вице-министр иностранных дел, известный прорусскими и антибританскими взглядами. Хаяси оставалось лишь осторожно сетовать, что конфиденциальные петербургские беседы могут быть восприняты как проявление двуличия и поставить под угрозу заключение альянса, подготовка которого вышла на финишную прямую. Не отсюда ли происходит явно атлантическая версия, что Ито поехал в Россию исключительно для того, чтобы припугнуть англичан возможностью японско-русского сближения и поторопить их с подписанием договора? Документы показывают, что это не так. Князь на самом деле хотел договориться, и не его вина, что этого не получилось. Кроме того, на сей раз с ответом медлили в Токио, а не в Лондоне, где, действительно, начали беспокоиться.

Из Петербурга Ито продолжил путешествие по другим европейским столицам и в первых числах января нового года встретился с Ленсдауном. Англо-японский союз был уже решенным делом, но *гэнро* все-таки решил продолжить свою игру. Вот наиболее интересный фрагмент их разговора.

«Ито: Между Россией и Японией существует соглашение по Корее (Ниси-Розена, 1898 г. — В.М.). Сейчас Япония очень ограничена им, но не может его расторгнуть. Это тяготит Японию и не может продолжаться дольше. Если мы изменим его

к взаимной выгоде путем консультаций между Россией и Японией, я надеюсь, что ваша милость поддержит нас.

Ленсдаун: Я не вполне понял вас. Вы имеете в виду заключение русско-японского соглашения, аналогичного англо-японскому, но отдельного от него?

Ито: Я очень опасаюсь какого-либо недопонимания по данному вопросу. Я не могу помыслить о двучичной политике в отношении Британии и России и не являюсь сторонником русско-японского союза. Я желаю только как можно более мирным путем достичь полного согласия с Россией и раздвинуть пределы существующего русско-японского соглашения, чтобы защитить наши интересы в Корее. По-моему, в будущем это существенно укрепит мир на Дальнем Востоке.

Ленсдаун: Не могу не согласиться. Но если Япония договорится с Россией на условиях, которые не будут соответствовать тому, что Британия готова предоставить Японии в Корее, Британия не согласится. Пока это не затрагивает наших договоренностей, между нами не будет ни малейших расхождений; напротив, это вполне соответствует мирным намерениям Британии» (12).

Этот диалог свидетельствует об одном из основных принципов британской дипломатии. Она подчеркнута «миролюбива» и на словах не препятствует партнерам вступать в союзные отношения с другими странами, даже если это потенциальные противники. Мы не вмешиваемся! Договоритесь — отлично, лучше жить в мире, чем воевать. Мы всегда за мирное разрешение конфликтов, но... У Британской империи нет «вечных союзников», но есть «вечные интересы», значение которых перевешивает любые союзы и обязательства. Защитить их мы всегда сумеем, поэтому подумайте, прежде чем делать резкие движения. Когда мы, наконец, откроем карты, может быть поздно.

Мастером этой игры — куда сильнее старомодного Ленсдауна — показал себя его преемник Эдуард Грей, на счету которого не только англо-японское соглашение 1911 г., но и развязывание Первой мировой войны в Европе. Как, может спросить читатель, разве не Центральные державы развязали войну против стран Антанты?! Да, в Версальском договоре именно так и записано, так утверждала атлантистская пропаганда во время войны и атлантистская же историография после войны. В том числе и в России: почитайте Евгения Тарле, который был одним из главных представителей этого направления в советское время. За это его, по ситуации, то одергивали, то

поощряли. Он охотно соглашался следовать «генеральной линии», лишь бы ему не напоминали о кадетском прошлом. Ведь именно эта партия, партия Милюкова, Родичева и братьев Набоковых (отец и дядя знаменитого писателя), наиболее последовательно выступала за проанглийский, профранцузский и антигерманский курс, который ни к чему, кроме войны, привести не мог.

Так чем же провинился «умеренный и аккуратный» Эдуард Грей? Он не делал воинственных заявлений, не угрожал, не выдвигал ультиматумов. Он просто ждал, когда ситуация на континенте достигнет «точки кипения». А дождавшись, бросил меч на весы, невозмутимо сообщив, какую из враждующих сторон Британская империя поддержит всей своей мощью. Кайзер Вильгельм пошел на решительные шаги не только в силу собственного безрассудства (в его характере оно присутствовало так же, как и желание сохранить мир в Европе), но и потому, что Грей сумел создать у него полную уверенность в британском нейтралитете. В свою очередь, Франция и Россия решились на мобилизацию, которая в тех условиях означала войну и ничто иное, получив от него же соответствующие гарантии. Этот сюжет слишком важен и интересен, чтобы касаться его походя, но и вовсе игнорировать его тоже нельзя: ведь именно при Грее было заключено англо-русское соглашение 1907 г., когда Лондон, Петербург и Токио вроде бы стали союзниками. Что же касается роли британца в июльском кризисе 1914 г., то отсылаю читателя к замечательным книгам Николая Полетики, особенно к «Возникновению мировой войны» в издании 1935 г. Тридцать лет спустя, получив возможность переиздать опальную книгу, он, уступая «генеральной линии», назвал Германию главным виновником, но оставил за Лондоном «почетное» второе место. Однако внимательное чтение приводит нас к совершенно четкому ответу на вопрос «кто виноват?».

«В июле 1914 г. Грею удалось осуществить наиболее выгодный для английского империализма вариант вступления в войну... Все попытки Грея «мирно уладить конфликт», все его предложения мирного посредничества... приходится считать своего рода дымовой завесой, подготовкой алиби и сваливанием вины с себя. Это была беспроектная игра. И в случае удачи, т.е. мирного разрешения конфликта, и в случае неудачи, т.е. войны, эти попытки одинаково подчеркивали миролюбие Англии... Увидев в «сараевском действе» возможность войны и решившись на нее с самого начала, «пятерка» мини-

стров из Комитета имперской защиты в июле 1914 г. разыграла дипломатическую игру по непревзойденным доселе в смысле мастерства образцам британской дипломатической школы, причем искусно и мастерски сфабрикованная на принципе «святости всех британских войн» легенда рассчитывалась не только на настоящее, но и на будущее» (13). Так что в 1902—1904 гг. это была только разминка перед большими делами.

Вернемся к англо-японскому союзу. В отличие от столь распространенных в то время тайных договоров, он был не только опубликован (кроме секретного приложения о сотрудничестве флотов), но широко пропагандировался в прессе, особенно японской. Книги и статьи, доказывавшие природное «родство» двух островных империй и единство их глобальных интересов, стали появляться в обеих странах, просто в Японии раньше и больше. Национальной гордости японцев, безусловно, льстил равноправный альянс с сильнейшей морской державой мира, что особенно подчеркивала влиятельная газета «Асахи». Восхищение Британией, страной безукоризненных джентльменов, храбрых мореплавателей, удачливых торговцев и умелых колонизаторов, было в Японии если не повсеместным, то очень распространенным уже с 1870-х годов.

Голосов «против» было мало. Но самая резкая критика раздалась отсюда, откуда ее меньше всего ожидали — с крайне правого фланга националистического движения. Союз осудили за направленность против России, невыгодную интересам Японии. Причем осудили те, кто еще недавно придерживался радикально русофобских взглядов.

В апреле 1902 г. переводчик русской миссии в Токио Траутшольд сообщал, что туда явился не кто иной, как Утида Рёхэй, глава созданного в 1901 г. «Общества реки Амур» (Кокурюкай)*, один из самых ярких лидеров радикальных националистов. Он был не только общественным деятелем, но имел опыт конспиративной работы в Корее, где руководил организацией «Небесное спасение угнетенных», и на Филиппинах, где был связан с национально-освободительным движением сначала

* За границей его часто именовали «Обществом черного дракона», поскольку японское название реки Амур — Кокурю — записывается иероглифами «черный дракон». Общество использовало изображение дракона в своей символике, однако никакого тайного или эзотерического значения этот образ не имел.

против испанцев, а затем против американцев. Утида смолоду считал исторической и духовной миссией Японии освобождение народов Азии от гнета «белого империализма» и призывал не ограничиваться теориями и декларациями, а переходить от слов к делу.

Он давно интересовался Россией, прожил в ней, изучив русский язык, несколько лет, много путешествовал по стране, собирая информацию, часть которой, конечно, попадала и в военные круги. Подобно большинству выходцев из националистических тайных обществ эпохи Мэйдзи, он был связан с военной разведкой, хотя считать его просто шпионом было бы несправедливо. Основу этих обществ составляли самураи, недовольные мэйдзийскими реформами: одним они казались слишком радикальными, другим, напротив, половинчатыми. Получив хорошее образование, но оставшись без дела, они становились журналистами и агитаторами, создавали школы и колледжи, газеты, журналы, издательства, политические клубы, кружки, а затем и партии. С укреплением центральной власти оппозиционные игры внутри страны стали «непатриотичны» и просто небезопасны, поэтому с конца 1880-х годов радикально-националистические круги все больше переносили свою активность за границу. Эта «работа» рассматривалась как нелегкий, но почетный «патриотический долг». Молодые члены тайных обществ — так сказать, в порядке «послушания» — отправлялись в Китай, Маньчжурию, Корею или Россию, где изучали географию, языки, быт и нравы, собирали информацию и налаживали отношения с местными жителями.

Молодой Утида был одним из них. Само название «Общество реки Амур» четко указывало, куда были направлены помыслы и действия его членов (кстати, оно создало одну из первых в Японии школ русского языка). Морской агент Русин сообщал: «Назначение общества — знакомить японцев с восточно-азиатскими областями России и странами, находящимися под русским влиянием, с целью не упустить каких-либо выгод и побудить японцев на всевозможные прибыльные предприятия в этом районе. В действительности же указанная выше цель сводилась до сих пор к правильно организованному шпионству под видом различных изысканий или изучения условий дел торговых и промышленных предприятий, к ряду печатных изданий статей враждебных, ничем не обоснованных, по адресу России, с намерением восстановить и неприязненно настроить японцев против рус-

ских и всего русского. Подобная деятельность Амурского общества достигла своего апогея в прошлом году изданием брошюры «Гибель России», стремившейся доказать, что Япония в случае столкновения с Россией имеет все шансы на успех и потому должна без промедления вызвать войну. Брошюра была написана в таких резких выражениях, что японское правительство, вообще крайне снисходительное к подобным образчикам гласности (в особенности по адресу России), сочло нужным запретить и конфисковать издание, почему достать таковую брошюру трудно, разве за большую цену» (14).

И вот полгода спустя этот человек «приходит в российское посольство с оттиском своей статьи, в которой среди прочих доводов за сближение с Россией имеется и такой: «Англо-японский союз лишь в том случае принесет пользу Японии, если она будет жить в дружбе с Россией». В этой статье** Утида выступает с проектом организации общества японско-русского сближения, заявляя, что, как бы ни были враждебны действия России по отношению к Японии, они не могут идти в сравнение с действиями англичан, которые презируют «желтых», считают себя первой нацией в мире, изгоняют из своих колоний и доминионов японцев. «Нам не следует увлекаться подобной временной мерой, какой является англо-японский союз, — пишет Утида. — Русские — наши соседи. Англия обеспечила интересы Японии в Китае и Корее. Но в Сибири у японцев тоже большие интересы... Амурское общество не ограничилось этим сообщением посольству, а заявило *об изменении своего отношения к России* (выделено мной. — В.М.) публично, в прессе. Указав на свои прежние задачи оказывать противодействие агрессии других государств в Маньчжурии и на Дальнем Востоке, общество заявляет далее: «Теперь, однако, времена переменялись, был основан англо-японский союз и подписано маньчжурское соглашение (русско-китайское соглашение о выводе войск из Маньчжурии от 8 апреля 1902 г. — В.М.). Поэтому руководители Амурского общества полагают, что наступило время культивировать дружественные отношения с Россией» (15). Морской агент удивился, вспоминая прежнюю деятельность Утида, и доложил начальству: «Конечно, подобным заявлениям верить нельзя».

* В первоизданном виде эта книга была переиздана в Японии в 1977 г.

** К сожалению, идентифицировать ее не удалось.

Временно переменял, или сделал вид, свое отношение к России даже такой русофоб и адвокат «решительной политики», как принц Коноэ Ацумаро, представитель одного из наиболее знатных аристократических родов и отец будущего премьера Коноэ Фумимаро. Во время визита Ито в Петербург контролируемая им газета «Ниппон» поносила бывшего премьера в выражениях, не просто недопустимых в приличном обществе, но наводящих на мысль о пользе цензуры. Ацумаро ратовал за союз с Китаем для совместного противостояния «белой» экспансии. Для пропаганды этих идей и собирания сил он основал в 1898 г. «Ассоциацию культурного единства Восточной Азии», а затем «Национальную лигу». Антирусская направленность лиги была очевидна, поэтому в апреле 1902 г. Коноэ демонстративно распустил ее как утратившую смысл своего существования, но заявил, что в случае необходимости она будет возрождена. Так и случилось. С новым обострением русско-японских отношений в августе 1903 г. принц создал «Антирусское общество», деятельность которого вызывала недоумение и тревогу не только у русских дипломатов. Только скоропостижная смерть в возрасте сорока лет в январе 1904 г. помешала ему развернуться в полной мере. Принцу не раз предлагали войти в правительство, а сторонники даже прочили его в премьеры, но потомок благородных Фудзивара, с давних времен состоявших в родстве с императорским домом, похоже, не желал подчиняться никому, кроме самого монарха.

Союз с Англией, бесспорно, усиливал позицию Японии в отношении России, но имеющихся противоречий не снимал и проблем не решал. В ответ на заключение альянса Россия в апреле отказалась эвакуировать из Маньчжурии вторую очередь своих вооруженных сил, как это было предусмотрено русско-китайским соглашением, и выполнения которого настойчиво требовала Англия. Раздумывая, что делать дальше, кабинет и *энтро* вернулись к идее Ито о разграничении взаимных сфер влияния, которая была принята в качестве основы переговоров с Россией на императорской конференции 23 июня. О решении сообщили в Лондон, но там оно, как и следовало ожидать, вызвало более чем прохладную реакцию, хотя в Токио сам Ито убеждал британского посла в его разумности и благотельности для всех заинтересованных сторон. Незадолго до того в Японию с большой свитой прибыл с официальным визитом военный министр генерал Алексей Куропаткин, которого принимали император, Ямагата и начальник генерально-

го штаба маршал Ояма. Российский посланник Розен и его бельгийский коллега д'Анетан в один голос свидетельствуют, что миссию встречали «с исключительным почетом и вполне искренней сердечностью». Куропаткин передал императору устное послание царя: «Ваша страна, в отличие от других, является нашим соседом, поэтому я надеюсь, что отношения между нами будут особенно тесными. Я также надеюсь, что теперь, с завершением строительства Сибирской железной дороги, наши отношения станут еще ближе» (16). В свите Куропаткина находился генерал-майор Константин Вогак, бывший военный агент в Китае и Японии, хорошо осведомленный и прозорливый, по современным оценкам, разведчик. Его наблюдения и выводы в середине 1890-х годов повлияли на взгляды начальника Главного штаба, «русского Мольте» генерала Николая Обручева – в первую очередь, в смысле необходимой переориентации с Китая на Японию, которая, правда, так и не состоялась. Что же касается роли Вогака, находившегося летом 1903 г. на Дальнем Востоке «с особо возложенным Его Величеством поручением», то этот сюжет до сих пор остается загадкой (17).

31 июля по решению кабинета Комура через посланника в Петербурге, русофила Курино Синъитиро, ранее представлявшего Японию в Вашингтоне, предложил Ламздорфу вступить в переговоры, на что тот ответил согласием. Однако дело не задалось. Тогда у русского министра появилась идея перенести переговоры в Токио и переложить их на Розена, чему посланник, в свою очередь, был совсем не рад. Во-первых, он прекрасно понимал, что они будут напряженными и неприятными, даже несмотря на вполне дружеский настрой Комура в отношении России. Во-вторых, он не был достаточно информирован о том, что происходило в Петербурге и до чего дошло обсуждение. В-третьих, чувствовал оторванность от центров власти, сковывавшую и замедлявшую его действия. В довершение всего Ламздорф просто не любил Розена, так что на понимание и поддержку министра особо рассчитывать не приходилось.

С начала 1903 г. в Петербурге все большую силу приобретали сторонники «твердой» экспансионистской политики: властолюбивый адмирал Евгений Алексеев, назначенный 12 августа (нового стиля) заместителем Дальнего Востока с резиденцией в Порт-Артуре, контр-адмирал Александр Абаза, статс-секретарь Александр Безобразов, мнивший себя русским Сесилом Родсом. Словом, та самая «камарилья», «свора,

тащившая государя на войну»*, на которую русское общество потом свалит всю ответственность. Их поддерживали министр внутренних дел Плеве, ратовавший за «маленькую победоносную войну», и, с оговорками, военный министр Куропаткин (но этот бравый покоритель Бухары казался чересчур «умеренным»). На происки «камарильи» задним числом охотно ссылались и те, с кого стоило бы спросить не менее строго, особенно Витте, считавший Алексеева своим личным врагом, или Извольский. Именно Витте особенно ратовал за строительство южной ветки КВЖД — от Харбина до Дальнего и Порт-Артура — поскольку имел личные «интересы» в железнодорожном бизнесе. Это пугало Японию куда больше лесных концессий Безобразова на корейской границе, хотя агрессивный подтекст последних был очевиден. Что в России своего леса не хватало, что ли?!

12 августа, в день назначения Алексеева, на которое в Токио отреагировали напряженным молчанием, Курино передал Ламздорфу японские предложения «окончательно размежеваться» в Корее и Маньчжурии на основе взаимного признания «преимущественных прав». Комура предвидел возражения, но считал свою программу реальной основой для переговоров. Сторонники «жесткой» линии думали по-иному. По мнению морского агента Русина, переговоры «едва ли приведут к соглашению: ненормально приподнятое самомнение японцев, при нравственной поддержке Англии и Америки (обратим внимание! — В.М.), не позволит кабинету графа Кацура принять условия, сколько-нибудь допустимые для интересов государства Российского, разграничения сфер влияния на Дальнем Востоке. Враждебная против России агитация, производившаяся почти без перерыва в течение последних лет японскими политическими деятелями и прессой, вместе со льстивыми заискиваниями Англии, Америки и даже Германии не могли не создать в конце концов серьезного препятствия к прочному соглашению между Россией и Японией. Тем более что даже грандиозные уступки с нашей стороны, скажу для примера, создающие отношения Кореи и Японии вроде вассальных и предоставляющие японцам многие права на Маньчжурию, не обеспечат надолго мира на Дальнем Востоке, так как и эти условия покажутся японцам недостаточными и Япония начнет домогаться новых уступок. Отрезвит Японию лишь

* Выражение Витте, подчеркивавшего отрицательное отношение Николая II к перспективе войны.

твердый отпор с нашей стороны, отпор, основанный на наличии такой русской военной силы на Дальнем Востоке, которая делала бы проблематичным даже в глазах японцев их успех, хотя бы первое время, на поле военных действий. Японцы, зная наличие наших военных сил и их распределение на Дальнем Востоке, сильно рассчитывают и даже, можно сказать, уверены в своем успехе в первый период войны. Этими первыми успехами японцы ожидают утвердить свой политический и военный престиж, благодаря которому мечтают заключить скорый, выгодный и почетный для себя мир» (18). Это донесение помечено 2 сентября/20 августа 1903 г.

«Мягкотелый» Витте был удален с поста министра финансов — его назначили председателем Комитета министров, формально повысив в должности, но отрешив от текущей политики (говоря попросту, «отфутболили на чердак»). Ламздорф не был «ястребом», но выдвигал заведомо неприемлемые для другой стороны условия: признание Кореи зоной исключительных прав Японии только южнее 39 параллели и нейтрализация ее северной части; полное подчинение Маньчжурии русскому влиянию с постоянным размещением там войск и т.д. Этих контрпредложений пришлось ждать до начала октября, поэтому японцы тоже не спешили с ответом и только 30 октября выступили с идеей создать нейтральную и демилитаризованную 50-мильную зону по *обе стороны* корейско-маньчжурской границы, а также, признавая преимущественные интересы России в Маньчжурии, потребовали гарантировать соблюдение там своих прав. Но русские войска ждать не стали и 29 октября заняли Мукден. Это было сделано без ведома наместника, которому ничего не оставалось, как принять на себя ответственность за непродуманный шаг, вызвавший восторг в армейских кругах (Русин в рапорте Алексееву назвал его «актом совершенно своевременным») и крайнее недовольство не только Токио, но и Пекина. Лондон и Вашингтон затаились, выжидая, что же случится, хотя вероятность мирного исхода с каждым днем становилась все прозрачнее.

Новый ответ из Петербурга, полученный в Токио 11 декабря, был совсем неутешительным, хотя не только Витте, но даже Куропаткин были готовы идти на уступки. По существу, Россия настаивала на сохранении status quo, закрепившись в Маньчжурии куда лучше, чем Япония в Корее, и в Токио рассчитывали существенно укрепить свои позиции. Иными словами, Япония предлагала не корейско-маньчжурский обмен,

как на том настаивала «мирная» партия в Японии, да и в Англии, а признание ее протектората над Кореей, как того требовала военная партия в Японии, без аналогичного признания тех же прав России над Маньчжурией. Ясно, что такая политика не имела шансов на успех и была лишь удобной ширмой для «оправдания» оборонительной войны. Конечно, не могла не понимать этого и английская дипломатия, которая не сделала ни одного шага, для того чтобы сдержать Японию. Скорее наоборот» (19). Действия России тоже приближали войну, но вряд ли можно согласиться с «Кембриджской историей британской внешней политики»: «Англо-японский союз не предотвратил конфликта между Россией и Японией, который стал неизбежен из-за чрезмерных претензий первой из этих стран, постоянно подстрекаемой из Берлина» (20). Написал эту главу — угадайте кто? Правильно — Валентайн Чирол, теперь уже «сэр». Группа Родса-Милнера стремилась не только делать историю, но и тщательно контролировать все, что об этом пишется. Не зря в ее составе было столько профессоров истории и права...

15 декабря текст русского ответа лежал на столе у Ленсдауна, который понял, что война скорее ~~все~~ неизбежна. Участвовать в ней правители Британии не хотели, но не хотели и ссориться с Японией. «Враг моего врага — мой друг» — этот принцип лежал в основе союза, со времени заключения которого не прошло и двух лет. В последних числах декабря Хаяси прямо спрашивал Ленсдауна, на какую помощь может рассчитывать Япония, добавив, что, помимо предоставления флоту стоянок, угля, провизии и воды, она более всего желает «благожелательного нейтралитета». Вопрос войны или мира был решен не в пользу последнего варианта.

Такой ход событий вполне устраивал премьер-министра Бальфура, бумаги которого свидетельствуют о несомненной заинтересованности в военном конфликте. Он считался с тем, что Япония может потерпеть поражение (так полагали многие британские аналитики), но и в этом не видел большой беды, так как война в любом случае влетит России в копеечку, а освоение тех территорий, которые она может приобрести в результате победы («бесполезная провинция», по его выражению), повлечет за собой еще большие расходы, а значит, экономически ослабит главного соперника империи. Кроме того, поражение Японии сделало бы ее вечным врагом России, вечным источником напряженности на российских дальневосточных границах. Как ни посмотри, нет худа без добра. Нет

вечных союзников — есть вечные интересы. «Вечные интересы» в интерпретации Бальфура — продолжателя политики Солсбери — максимальное ослабление России. Тогда в безопасности будут и Индия, и Персия, и Памир. Ну а если при этом пострадает наш «союзник», так и бог с ним, японцы ведь не «белые». Расовый мотив тоже был немаловажен для лондонских вершителей мировых судеб: убедительная победа «Азии», пусть даже по-европейски модернизированной, над «Европой» нанесла бы ущерб престижу «белого человека» вообще и в Британской империи в частности, как, кстати, и получилось.

Никакого энтузиазма не проявил Бальфур и в отношении перспектив посредничества, которое позволило бы Токио и Санкт-Петербургу решить назревшие проблемы, не прибегая к военной силе. Тактика Бальфура была предельно простой: посредничать мы не будем, потому что нас об этом не просят, а собственная инициатива будет воспринята как оскорбление их самолюбия, нечто вроде нового «Тройственного вмешательства». Кабинет единодушно поддержал премьера, придерживаясь этой линии вплоть до конца войны, даже тогда, когда Франция, Германия и США стали прилагать усилия в этом направлении. Против жесткой линии поначалу выступил министр иностранных дел, но что с того... Остин Чемберлен, министр того же кабинета, вспоминал: «Можно с уверенностью сказать, что Ленсдаун не предпринимал никаких важных шагов и на посылал никаких важных инструкций, не посоветовавшись, прежде всего, с ним (Бальфуром. — В.М.)» (21).

Документы, в которых Бальфур с обезоруживающей откровенностью излагал свою позицию, были опубликованы только в 1937 г. его племянницей и биографом Бланш Дагдейл. Бэффи, как ее звали в лондонском свете, была известна не только своим знаменитым дядей, но и тем, что в тридцатые годы была признанным лидером группы так называемых «гоев-сионистов» (*gentile zionists*), не евреев, выступавших за создание еврейского государства в Палестине — того самого «национального дома», который им обещал в 1917 г. не кто иной, как... Бальфур, тогдашний министр иностранных дел. Другим видным деятелем группы был Леопольд Эмери, бывший министр колоний и доминионов, а в молодости... международный обозреватель «Таймс», замещавший во время долгих командировок своего непосредственного начальника Чирола. Эмери долгие годы был одним из бли-

жайших соратников Уинстона Черчилля (в Англии их так и называли «churchillians», «черчиллевы»), а также членом группы Милнера, как Чирол и Бальфур (вполне возможно, что в нее входила и профессиональная лоббистка Дагдейл). Речь, конечно, не о «еврейском заговоре», но роль «еврейского фактора» в британской политике на протяжении многих десятилетий настолько велика, что сбрасывать его со счетов никак нельзя. Хотя бы потому, что Палестина, находившаяся после Первой мировой войны под управлением Великобритании по мандату Лиги Наций, стала одной из «болевых точек» империи, сохранение и укрепление которой всегда было главной задачей лондонских «князей мира сего». Квигли, на которого я ссылался выше, обошел этот вопрос, но этот пробел восполняет книга израильского историка Н. Розе «Гои-сионисты», которую тоже следовало бы издать в России.

Императора Вильгельма называли одним из главных виновников Первой мировой войны главным образом потому, что он мог удержать Австро-Венгрию от нападения на Сербию, но не сделал этого. Так и «дружеский совет» из Лондона мог бы предотвратить русско-японскую войну, но делать этого Бальфур и его приближенные не собирались. Россия и Япония — во многом усилиями посланника Курино, заклинавшего Витте и Ламздорфа не тянуть с ответом, — смогли договориться по некоторым вопросам. Однако в начале февраля 1904 г. кабинет Кацура, недовольный постоянными проволочками, за которыми видел попытки противной стороны выиграть время для укрепления армии и флота, решил прервать переговоры и отозвал Курино. Подталкивало к этому и общественное мнение, до предела разогретое националистами. «Дерзкий, недостойный цивилизованной нации тон прессы и политических кружков и деятелей, вовремя, в самом начале, не остановленный японским правительством (по-видимому, надеявшимся, что этот тон устроит нас и повлияет на уступчивость с нашей стороны), теперь легко может втянуть, увлечь за собою кабинет графа Кацура», — предупреждал в декабре капитан Русин (22). То же самое сообщал в Брюссель и д'Анетан, да и не он один. За войну ратовали не только авантюристы с сомнительной репутацией. Еще 10 июня 1903 г. семь докторов права (прямо как в группе Родса-Милнера) из Токийского университета представили премьеру записку о необходимости скорейшего нападения на Россию. Накапились страсти и в японском парламенте, большинство депутатов которого тре-

бовало покончить с «мягкой» политикой и перейти к решительным действиям. Наверно, в надежде, что «заграница нам поможет»...

Внезапная, без объявления войны, атака на русский флот в Порт-Артуре и Чемульпо была оценена британской и американской прессой как «великолепная», хотя в декабре 1941 г. аналогичное нападение на Перл-Харбор будет названо на тех же страницах «предательским».

После объявления войны Англия и Соединенные Штаты немедленно заявили о своем нейтралитете, однако его «благожелательность» также не замедлила проявиться. В Японию потекли жизненно необходимые деньги британских, а позже и американских, займов, за которыми в Лондон еще до войны ездили такие видные «гонцы», как банкир Сибудзава и бывший премьер Мацуката. Конечно, многие крупные финансисты, включая распинавшегося в дружеских чувствах к далекому союзнику Маркуса Сэмюэля, отнеслись к займам с опаской и не торопились раскошелиться, не будучи уверенными в победе японцев. Тем не менее на Дальний Восток потянулись «советники» и «наблюдатели», вроде капитана Фергана из романа Фаррера «Душа Востока». Приятель японского офицера маркиза Ёрисака и одновременно любовник его жены, Ферган может служить неплохим символом англо-японской дружбы... Наконец, лондонская пресса развернула беспрецедентную пропагандистскую кампанию, имевшую не только прояпонский, но и откровенно антирусский характер. «Империи царей» припомнили все, вплоть до еврейских погромов. Британские военные корреспонденты, особенно из «Таймс», так подробно и вдохновенно расписывали успехи японцев, как будто это Англия вела боевые действия. Успеху японской пропаганды способствовали и специальные «посланцы доброй воли» — бывший министр внутренних дел барон Суэмацу в Англии и выпускник Гарварда виконт Канэко в США, входившие в ближайшее окружение Ито Хиробуми. В толстом томе под заглавием «Взошедшее солнце» Суэмацу постарался как можно убедительнее представить читателям агрессивность России и прогрессивность Японии, но немного запоздал — книга вышла из печати уже после подписания мирного договора.

Содействовали англичане и укреплению японского флота, который к началу войны по тоннажу уже превышал русский флот на Тихом океане (ох и жалели же потом царские адмиралы и чиновники, противившиеся его усилению!). Достаточно

вспомнить нашумевшую историю с двумя крейсерами, построенными в Италии для Аргентины, которая, однако, отказалась от них в декабре 1903 г. Британская фирма «Энтони Гиббс» купила и перепродала корабли Японии, но деньги «союзникам» дали все те же англичане. «Гулльский инцидент» (обстрел то ли по недоразумению, а скорее в результате преднамеренной провокации, кораблями 2-й Тихоокеанской эскадры Рождественского английской рыболовной флотилии в Северном море в октябре 1904 г.) поставил Россию и Британию на грань войны. Бальфур выступил с очередным резким антирусским заявлением, которое советник посольства в Лондоне, будущий министр иностранных дел Сазонов прокомментировал иронической фразой: «Область внешней политики наименее доступна дарованиям первого министра. Каждое его вступление в этот заколдованный для него мир ознаменовывается каким-либо промахом или бестактностью» (23). Столкновение на сей раз было предотвращено оперативным вмешательством французского посла в Англии Поля Камбона, недвусмысленно пригрозившего Ленсдауну торговыми и финансовыми осложнениями. Такие аргументы в Лондоне всегда хорошо понимали.

Тем не менее угроза войны между Россией и Англией оставалась. Британское правительство разными способами пыталось задержать движение эскадры Рождественского или помешать ей (запретило, например, вывоз угля из Гонконга, как только снабдило им японский флот) и сообщало «союзнику» о всех ее передвижениях. Позаботились в Лондоне и о том, чтобы не пропустить русские военные корабли из Черного моря через Дарданеллы, оказав давление на Турцию и предупредив Россию, что такой шаг грозит «катастрофическими последствиями», т.е. попросту войной. А ведь еще Солсбери говорил, что решать вопрос о пропуске кораблей через проливы должна только Турция! Значит, нет не только вечных союзников, но и вечных обещаний... Однако Хаяси, надо думать, знал, что говорит, заявив в своих «Тайных записках»: «Блестящие победы нашей армии и флота были беспрецедентными в военной истории (надо полагать, Японии, а не вообще. — В.М.), но их никогда бы не было без англо-японского союза» (24). Более прозаично — без британских займов и поставок оружия и боеприпасов.

Апофеозом сотрудничества «островных империй» стало новое двустороннее соглашение, подписанное Хаяси и Ленсдауном 12 августа 1905 г., еще до истечения прежнего, которое

оставалось в силе до начала 1907 г. Связь его с ходом русско-японской войны очевидна (победа при Цусиме ускорила процесс согласования окончательного текста), а содержание заметно вышло за прежние рамки.

Во-первых, в нем говорилось уже не только о Китае и Корее, но и о Восточной Азии и Индии, которые включались в зону подлежащих охране «специальных интересов» договаривающихся сторон. Это обеспечивало Англии военную помощь Японии на границах Индии — в Тибете, Афганистане и Персии, — там, где англичане особенно боялись русской экспансии. Во-вторых, для получения немедленной военной помощи от союзника достаточно было вступить в войну с одной, а не с несколькими странами, как ранее. Оба изменения были внесены в соглашение по инициативе Лондона, который взамен отказался от статьи о признании независимости Кореи, полностью отдавая ее на откуп Японии. На этом настоял премьер Кацура, который вел с японской стороны завершающую стадию переговоров, когда министр иностранных дел Комура отправился на открывшуюся 10 августа мирную конференцию в Портсмуте. Главу внешнеполитического ведомства, конечно, ставили в известность, но последнее слово властолюбивый глава правительства решительно оставил за собой.

А.Л. Гальперин, автор лучшей отечественной работы об англо-японском союзе, точно охарактеризовал причины и последствия этих новаций: «В 1902 г. подготавливалась и ожидалась русско-японская война, и поэтому Англия старалась остаться в стороне от нее; в 1905 г. попытка реванша со стороны России в этом районе была на ближайшие годы мало вероятной. Но силы России, как их оценивала Англия, были еще достаточно значительны, чтобы предпринять наступление против Индии, Афганистана или Персии на суше. Следовательно, угроза для Англии была реальнее, чем для Японии» (25). «Индийский поход» русской армии не состоялся ни тогда, ни позже, но многие десятилетия волновал воображение русских военных и геополитиков. А потому принадлежал к числу наиболее неприятных для Великобритании «страшилок» — наравне с перспективой объединения держав Евразии в антиатлантический континентальный блок.

Новое соглашение принесло дивиденды и Японии, но скорее виртуальные. Расписывая его преимущества, Хаяси обращал внимание на следующее: Япония может рассчитывать на большие симпатии других держав во время мирной конференции; Япония может нейтрализовать русско-французскую

(поддержанную и Германией) пропагандистскую кампанию против «желтой опасности»; расширение сотрудничества с Англией может благотворно повлиять на отношение к Японии в «англо-саксонском мире», в частности в вопросе о японской иммиграции, который давно стал болезненным (и замечу, унижительным для Японии. — *В.М.*) в США и в Австралии. Но надо полагать, что Кацура и Комура убедило все-таки не это: экономически Япония была на грани истощения, а Россия, невзирая на серьезные поражения на суше и на море, все еще располагала огромным потенциалом, несмотря на неэффективность командования и разлагающее влияние нараставшей революционной борьбы. Япония хотела закончить войну как можно скорее, пока мир не забыл о ее победах при Мукдене и в Цусимском проливе, шумно разрекламированных британской и американской прессой. При поддержке Лондона она могла если не диктовать условия мира, то, по крайней мере, успешно изображать победителя. Любой успех русской армии (говорить о флоте уже не приходилось) или хотя бы неуспех японской могли изменить не только ситуацию, но и представление о ней. Таким образом, скорейший выход из войны становился важным условием максимально выгодного для Японии мира.

Это Японии удалось вполне, причем при посредничестве не только Лондона, но и Вашингтона. Президент США Теодор Рузвельт эффектно сыграл роль всеобщего примирителя и «честного маклера», заодно положив начало улучшению отношений с Лондоном, которое благополучно завершит его преемник Уильям Тафт. В качестве военного министра администрации Рузвельта Тафт побывал в Японии в январе 1904 г. и в июле 1905 г., заключив с Кацура во второй приезд тайное «джентльменское соглашение», по которому США принимали установление японского протектората в Корее в обмен на гарантии безопасности Филиппин. Одобрив гостя и новый англо-японский союз. В мае 1905 г. советник Рузвельта Джордж Кеннан (дядя знаменитого дипломата), связанный с русской политической эмиграцией и написавший книгу «Сибирь и каботажа», посоветовал президенту прямо присоединиться к альянсу. Рузвельт идею одобрил, но сослался на трудности ратификации в сенате. И в том же году с помпой принимал как своего личного гостя Валентайна Чирола.

На заключительном этапе войны Рузвельт затеял свою игру, заимствуя методы Лондона, а то и перехватывая его инициативу. Как и Бальфур со товарищи, он стремился «уравнове-

силь» русскую экспансию японской (или наоборот), заставляя обе страны как можно дольше пребывать в состоянии взаимно изнуряющего соперничества, хотя симпатии президента были открыто на стороне Японии. Вспоминая то время, русский посол в Вашингтоне барон Розен в 1910 г. дал однозначную оценку: «По впечатлению, вынесенному мною из весьма частых моих сношений с ним, г. Рузвельт, несмотря на все его старания высказываться всегда в самом дружественном нам смысле, несомненно не питал к России и Русскому народу искренней симпатии» (26). В мемуарах Розена, бывшего одним из представителей России на мирных переговорах, приведен и такой любопытный эпизод. Торопя русскую делегацию с подписанием мира, чтобы пополнить свой политический актив, Рузвельт настойчиво пугал ее возможностью новых военных успехов Японии — перспективой захвата всего Приморья и Восточной Сибири аж до Байкала (27). При этом он, конечно, знал, что японская армия, несмотря на всю шумиху, была почти на последнем издыхании, а экономика страны истощена до предела. Но Розен не обольщался насчет подлинного характера такой «дружеской заботы».

Новое англо-японское соглашение было подписано в самом начале мирных переговоров с Россией, а опубликовано, по настоянию Кацура, только через полтора месяца, уже после заключения Портсмутского мира. Мирный договор вызвал бурные протесты японских ультранационалистов, которые посчитали его условия слишком мягкими для «побежденных», а приобретения слишком скромными. Опьяненные шумной пропагандой военных успехов, они явно не представляли себе реального положения, прежде всего экономического и финансового, в котором страна находилась летом 1905 г. Кроме того, в воинственном азарте им, видимо, не приходило в голову, что любая дальнейшая экспансия на континенте означает постоянное соприкосновение с Россией, которая хоть и пошла на уступки, но из большой игры не выбыла.

Комура, конечно, добился в Портсмуте дипломатических успехов, постаравшись получить побольше, но при этом не особо злить «русского медведя». Впрочем, большинство его соотечественников не оценило его труда. Куда ближе к истине был Карл Хаусхофер, писавший в 1923 г.: «Если в 1895 г. японско-китайская война принесла Японии значение великой державы в регионе, если участие в 1900 г. в боксерской экспедиции принесло Японии возможность заключать союзы за пределами Азии, то победа над Россией в 1905 г. принесла Японии

значение мировой державы» (28). И. Ниш несколько корректирует эту оценку, считая, что в результате побед над Китаем и Россией Япония стала «континентальной» державой, в результате Первой мировой войны — «тихоокеанской», в результате участия в Парижской мирной конференции и в создании Лиги Наций — мировой (29).

И Лондон, и Токио представили заключение нового соглашения как победу. Пресса двух стран недвусмысленно намекала, что это победа над общим врагом. Император Мэйдзи получил высший британский Орден Подвязки, Кацура — Орден Бани, Комура — Орден Святого Михаила и Святого Георгия. Были награждены и видные японские военные, включая адмирала Того, что было трудно расценить как дружественный акт в отношении России. Напомню, что в 1895 г. Николай II отказался наградить японских генералов за победы в войне с Китаем, когда посланник Хитрово выступил с таким предложением, чтобы сгладить впечатление от «Тройственной интервенции». «Я решительно против выдачи военным иностранцам орденов за отличие в чужую войну» (30), — написал царь на его телеграмме. В Англии русско-японскую войну, надо полагать, «чужой» не считали, да и от традиций, когда надо, тоже умели отступать. Король Эдуард VII был, например, принципиально против награждения Орденом Бани нехристианских монархов, однако персидский шах получил его уже в 1903 г., когда этого потребовали политические интересы, и кабинет настоял на своем.

В конце 1905 г. консервативное правительство Бальфура пало, но сменивший его либеральный кабинет Кэмпбелл-Баннермана сразу же подтвердил верность союзу с Японией. Перед отставкой Бальфур добился его ратификации, поскольку не слишком доверял своему преемнику. Тот не принадлежал к сторонникам договора и не раз критиковал за него консерваторов, но не собирался вмешиваться во внешнюю политику, положившись на министра иностранных дел Грея. Главным «силовым центром» нового кабинета считался лидер «либералов-империалистов» лорд Розбери, формально не входивший в его состав, но выступавший за союз с Токио еще со времен японско-китайской войны. Тот же самый Розбери был одним из членов «внутреннего круга» группы Милнера, объединявшей консерваторов, либералов, а потом и лейбористов.

В начале 1906 г. кабинет Кацура тоже был вынужден уйти в отставку, однако премьер успешно доделал все важные де-

ла: добился ратификации Портсмутского мира, подписания договора с Кореей об установлении над ней японского протектората и договора с Китаем, закрепившим преимущественное положение Японии в Маньчжурии по итогам русско-японской войны. В сменившем его кабинете Сайондзи министром иностранных дел стал не кто иной, как Хаяси. Кажется, для дружбы нет границ, особенно когда есть против кого дружить.

Однако не успели Ленсдаун и Хаяси поставить свои подписи под договором, как породившая его ситуация начала меняться. Очередное «свидание на воде» «адмирала Атлантического океана» Вильгельма II с «адмиралом Тихого океана» Николаем II (оба «титла» придуманы кайзером) в Бьёрке 24 июля 1905 г. закончилось подписанием секретного соглашения, составленного «кузеном Вилли». Первая статья гласила: «В случае если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзница ее придет ей на помощь всеми своими сухопутными и морскими силами». Третья статья особо оговаривала, что договор вступает в силу после заключения мира между Россией и Японией. Четвертая предполагала ознакомление Франции с договором и возможное присоединение к нему. «Кузен Ники» с легким сердцем поставил свою подпись, не посоветовавшись ни с кем из министров, поэтому осторожный Ламздорф, узнав о случившемся, схватился за голову. Витте в беседах с кайзером высказывался в поддержку договора, но, вернувшись в Петербург, принял все меры, чтобы тот не реализовался. И это попавший в опалу Витте считал своей особой заслугой перед отечеством. Однако «кошмар Бьёрке» (русско-германский альянс против Японии) долго преследовал японских дипломатов и особенно военных. Осима Хироси, военный атташе, затем посол в Третьем рейхе и один из авторов Антикоминтерновского пакта 1936 г., считал своей главной задачей именно предотвращение «нового Бьёрке», возможность которого допускал даже с учетом взаимной враждебности двух стран в середине 1930-х годов*.

Русско-германское сближение в условиях войны угрожало Японии. Русско-германское сближение в любых условиях угрожало Англии, поэтому Извольский в мемуарах прямо писал об антибританской направленности соглашения в Бьёрке.

* Об этом Осима рассказывал историку Миякэ Масаки в 1960-е годы, а тот — автору этих строк в 2000 г.

В 1905—1907 гг. в Европе все явственнее обозначается тенденция к созданию англо-французского союза против Германии, к которому логично «пристегиваются» Россия как союзница Франции и Япония как союзница Англии. Извольский, сменивший Ламздорфа на посту министра в мае 1906 г., поддерживал создание такого блока, за что некоторые называли его настроенным «прояпонски». Равным образом Хаяси и Комура положительно относились к такой перспективе: сторонники пробританской ориентации, они понимали важность и скорейшей нормализации отношений с Россией, и французских займов. Оба монарха тоже хотели мира, а не войны.

Внешняя политика Англии под руководством Грея была ориентирована на противостояние Германии, в борьбе с которой хороши все средства и союзники. «Следовало из всех сил сколачивать антигерманский блок, ибо только такой блок и самое тесное единение между его участниками могли обеспечить английскому империализму возможность расправиться с германским... Английскому империализму удалось создать к 1913—1914 гг. более или менее благоприятную для Антанты международно-политическую расстановку сил в подготовляемом военном конфликте... Исторически можно считать установленным тот факт, что наиболее активную роль в организации политического и военного блока взяла на себя Англия как основной враг Германии», — суммировал Н.П. Полетика (31). Русско-японское соглашение 30 июля 1907 г., речь о котором пойдет в четвертой главе, было лишь «звеном в цепи». 10 июня было подписано франко-японское соглашение (Париж интересовала не только безопасность французского Индокитая, но и расширение присутствия в Китае), а 31 августа англо-русское, по которому Россия пошла на существенные уступки требованиям Лондона. «Извольский, — вспоминал дипломат Юрий Соловьев, — разыграл в России роль своего рода либерального английского лорда. Он проводил англофильскую политику, окончившуюся русско-английским соглашением 1907 г., встреченным с большим неодобрением во многих кругах и, в частности, среди виднейших русских дипломатов... При всех своих способностях он во всех шахматных ходах европейской политики и в придворных интригах добивался удовлетворения лишь своего тщеславия» (32). Розен же, напротив, называл Извольского «без сомнения, самым способным человеком на нашей (дипломатической. — В.М.) службе», «последним у нас компетентным министром (иностраннных дел. — В.М.)» и даже «редким в России... настоящим государственным деятелем

в европейском смысле слова» (33), хотя во многом расходился с ним во взглядах на международные проблемы и политику России.

Так мы окончательно присоединились к антигерманской «антанте» и в Европе, и на Дальнем Востоке. Волей-неволей это нейтрализовало антирусский характер союза Лондона и Токио, который утратил свое основное значение; аналогичную метаморфозу пережил и франко-русский союз, поначалу направленный не только против Берлина, но и против Лондона. Генерал-майор Танака Гиити, будущий военный министр и премьер, писал в феврале 1914 г.: «В день, когда мы увидели рукопожатие России и Британии, англо-японский союз стал пустым звуком» (34).

«Антирусская фаза» (И. Ниш) альянса завершилась. Он был торжественно обновлен 13 июля 1911 г., но такой роли, как два предыдущих, уже не играл. Еще в феврале того же года рупор группы Милнера «Round Table» посвятил отношениям двух держав большую (50 страниц) статью «восходящей звезды» британской политики Филиппа Керра, будущего лорда Лотиана. Как обычно в этом журнале, статья была анонимной: читателям давали понять, что это продукт «коллективного разума». Керр подчеркивал значение союза с Японией для охраны интересов Великобритании на Тихом океане, а также ее доминионов, причем потенциальным врагом прямо назывался германский флот. Аналогичные мысли высказывал в марте 1914 г. морской министр Уинстон Черчилль, напомнив, однако, что и Япония защищена британским флотом от любой европейской (читай: германской) агрессии. С скромные реверансы в сторону «союзника» были раздuty прессой. «Читая телеграмму Рейтера, — сообщал 11 мая Малевский-Малевич, — можно было думать, что великобританский первый лорд адмиралтейства произнес панегирик англо-японскому союзу как лучшему обеспечению сохранности английских колоний на Востоке» (35). Новозеландский премьер Уильям Мэсси отреагировал немедленно и жестко: «Не хочу обидеть господина Черчилля, но если он полагает, что Австралия и Новая Зеландия будут довольны защитой японских кораблей и японских моряков, то он глубоко ошибается» (36). В силу вступал расовый фактор: оба доминиона строго придерживались «белой» политики и всячески пресекали японскую иммиграцию, поэтому иметь «желтых» в качестве защитников своих границ казалось им особым унижением. В июне того же года, когда в Европе уже пахло войной, Керр снова выступил на страницах

«Round Table», ратуя (на сей раз уже на 72 страницах) за усиление английского военного присутствия на Тихом океане, но не забывал и о союзе, к созданию которого приложили руку его «воспитатели».

Японские авторы избрали другой тон и усердно подчеркивали, что Лондону союз теперь нужнее, чем Токио. Видный дипломат Исии Кикудзиро суммировал: «Союз сослужил добрую службу в течение трех лет (1902—1905), затем шесть лет (1905—1911) числился в резерве первой очереди и в конце концов закончил свое существование, состоя в резерве второй очереди. К этому времени японские деятели рассматривали его как отживший и бесполезный. Когда был заключен третий союз, Япония уже знала его подлинную цену, но в свете развивающихся мировых событий считала, что сохранение его, хотя бы в качестве украшения, принесет некоторую пользу и во всяком случае не причинит вреда» (37). Суждение интересное, хотя и не вполне верное. Других-то союзников у Японии тогда не было!

Историк П. Лоу точно подметил, что альянс эволюционировал «от сердечной близости до назревающего конфликта» (38). На рубеже 1910-х годов отношение к тихоокеанскому союзнику начинают менять даже «золотые перья» «Таймс» Чирол и Моррисон, ставший советником китайского диктатора Юань Шикая. С одной стороны, Японии, стремившейся укрепить свои позиции в Азии, было мало дела до обострявшегося противостояния в Европе. С другой — европейские державы, все сильнее ввязывавшиеся в междоусобную борьбу, уделяли меньше внимания Дальнему Востоку, где их влияние неуклонно ослабевало. Новой «болевым точкой» стало обострившееся после Портсмутского мира японско-американское соперничество, в котором вчерашние «миротворцы» вели себя все более агрессивно и даже оскорбительно (дискриминационные меры против японских резидентов в Калифорнии, предотвращение иммиграции и т.д.). А это побуждало Токио обращать взоры к России.

Неудивительно, что Америка в этой борьбе сделала ставку на Англию и Китай, в котором активно подпитывала анти-японские настроения. «В минувшей войне Англия и Америка были на стороне Японии, — говорил в 1909 г. британскому журналисту Э. Гаррисону редактор владивостокской газеты «Дальний Восток» Виктор Панов, — потому что боялись экономических и политических последствий русской монополии на маньчжурском и корейском рынках, а кроме того Россия

представляла опасность для Великобритании на юге. Теперь, однако, они поняли, что Япония заняла место России и обещает стать куда более мощным соперником, нежели Россия могла бы быть» (39). Неудивительно и то, что окончательная судьба англо-японского альянса решилась в Вашингтоне. И не только в том смысле, что о прекращении его существования было объявлено на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. Расторжение союза было одним из главных условий Соединенных Штатов — благодетеля и кредитора военных лет. После некоторых колебаний Лондон согласился, понимая, что теперь американская дружба несравненно важнее, да и с настроенными антияпонски доминионами договариваться будет проще. Снова «вечные интересы» и ничего более. Однако именно с этого решения начались и постепенное подчинение политики Лондона Вашингтону, и постепенная, но необратимая утрата Великобританией своих позиций на Тихом океане, а затем и во всей Азии.

Существует много оценок англо-японского союза. Пока он был в силе, его превозносили; когда он отошел в прошлое, жалели о «золотых временах» и «упущенных возможностях». Мне же хочется привести пророческие слова Брюсова, написанные осенью 1904 г.: «Союз Англии с Японией — искусственный и случайный. Англия готова ссужать деньги, чтобы помочь в борьбе со своей вековой соперницей, но, конечно, англичане первые откажутся признать желтокожих одинаковыми с собой существами. Англичане в своих восточных колониях никогда не сядут за один стол с туземцами, будь то и японцы». Валерий Яковлевич не преувеличивал. «Японцы в Китае требуют, — признавался в 1916 г. британец, давно живущий на Дальнем Востоке, — чтобы англичане принимали их на равных, совершенно на равных. Англичане не могут и не станут так поступать. Более того, даже не попытаются делать вид» (40).

ГЛАВА 3

Кто вы, доктор Гото: неизвестный друг России*

Гото Симпэй (1857–1929) – сначала «просто Гото», потом доктор медицины, барон, виконт и, наконец, граф – принадлежит к числу виднейших государственных и политических деятелей Японии конца XIX – первой четверти XX вв., эпох Мэйдзи и Тайсе, богатых яркими и неординарными личностями. Он успешно совмещал в себе ученого и администратора, дипломата и публициста, политика и бизнесмена. На родине Гото чтут и сегодня, но за пределами Японии он известен мало.

Пора рассказать о нем подробнее.

В России это имя знакомо только специалистам по истории Японии или международных отношений, хотя если где и должны вспоминать о нем с благодарностью, так это у нас. Потому что в первой трети XX века Гото сделал для развития японско-российского сотрудничества больше, чем кто бы то ни было из японцев его да и нескольких следующих поколений.

Гото родился в 1857 г. в префектуре Иватэ, на севере Хонсю, откуда происходили многие политики и государственные деятели, включая премьеров Хара Кэй, Сайто Макото и Енаи Мицумаса. Сын врача, он избрал ту же карьеру и, получив образование, принял «боевое крещение» во время подавления Сацумского восстания самураев против токийского правительства в 1877 г. В 23 года он начал работать в госпитале в Нагоя и настолько хорошо зарекомендовал себя во время холерной эпидемии, что уже через два года был назначен директором медицинской школы.

* Выражение «неизвестный друг России» взято из статьи С. Ермаченкова о командующем германским рейхсвером Х. фон Секте (Независимое военное обозрение. 1999. № 18).

Символический случай неожиданно столкнул молодого врача с миром большой политики. 6 апреля 1882 г. глава Либеральной партии Итагаки Тайсукэ, один из лидеров мэйдзийских преобразований, бывший министр, а ныне идеолог и трибун оппозиции, был ранен политическим противником после выступления в городе Гифу. Его слова (не исключено, впрочем, что только приписываемые ему) «Итагаки может умереть, но свобода — никогда!» вошли в историю. Зная, что местный губернатор принадлежит к противникам Итагаки, тамошние доктора отказались лечить его. На помощь пришел Гото. Итагаки выздоровел и вернулся к активной политической деятельности, которую продолжал еще много лет.

В 1889—1892 гг. Гото учился в Германии и получил степень доктора медицины, а по возвращении поступил на службу в министерство внутренних дел, где руководил отделением общественной гигиены (санитарно-эпидемиологическая служба). «Ряд инцидентов, в которых Гото проявил себя крайне самостоятельным, мало считающимся с мнением начальства и общественных кругов человеком, привели к тому, что он потерял службу, — говорилось в справке заведующего отделом Дальнего Востока Наркоминдела Мельникова, которая 5 декабря 1927 г. легла на стол наркома Чичерина. — Японская армия возвращалась с фронта после японо-китайской войны, и генерал Кодама (военмин) поручил Гото произвести дезинфекцию этой армии. Тот с успехом выполнил это трудное поручение. Несколько лет спустя (в 1898 г. — *В.М.*) Кодама, став генерал-губернатором Формозы (Тайваня. — *В.М.*), пригласил Гото гражданским губернатором этого острова». С этого времени Гото завязал тесные отношения с армейскими кругами, которые предпочитал не афишировать, хотя умело использовал.

В выборе ближайшего помощника Кодама не ошибся. Первое, что сделал Гото, — профессионально покончил с эпидемиями, опустошавшими остров. Затем он «чрезвычайно энергично принялся за работу: строил железные дороги, сооружал ирригационные системы, развил сахарную и чайную промышленность, ввел монополию на камфору, на продажу опиума, провел ряд санитарных мероприятий и т.п.» (1). Сегодняшняя «политкорректность» предписывает пореже вспоминать о том, что именно японские «колониалисты» (точнее, колонизаторы) фактически создали экономику Тайваня и Кореи (особенно ее южной части), пока эти территории принадлежали им. Конечно, они преследовали прежде всего свои цели и

работали на благо метрополии, но... неизвестно, состоялось бы в этих странах послевоенное «экономическое чудо», если бы не наследие «проклятого прошлого». А оно выражалось ведь не только в японизации или эксплуатации местного населения; возникли заводы и фабрики, железные и шоссейные дороги, телеграфные линии и шахты, школы и больницы, были созданы системы экономического планирования, статистики и образования, императорские университеты в Тайбэе и Кэйдзё (Сеуле) (2). Все это было сделано японцами и... оставлено в 1945 г.

Дальновидные и мудрые тайваньцы признают это и сегодня — особенно те, кто хорошо помнит гоминьдановскую диктатуру, начавшуюся с разграбления богатств острова и фактического порабощения его населения во второй половине 1940-х, после ухода японцев. Но и Японии Тайвань «дал неоценимый опыт управления империей, стал лабораторией колониальной политики и школой целого поколения имперских управленцев» (3). За восемь лет работы там Гото получил известность как выдающийся администратор и практик «научной колонизации», чем привлек внимание влиятельных лиц страны — сэ-нро Ито и Ямагата, а также премьера Кацура. Этих трех лидеров эпохи Мэйдзи (все они происходили из одного и того же влиятельного клана Тесю), не по одному разу возглавлявших правительство, связывали непростые личные отношения. Каждый был талантлив, энергичен, крут и властолюбив, но все сходились в том, что будущее Японии — на континенте. Это означало необходимость выстраивания отношений с Россией, в которой, однако, большинство их соплеменников видело соперника, а то и врага.

В отличие от русофобов — так можно называть и «ненавидящих Россию», и «боящихся России» — Гото усматривал в ней не столько вечного врага и конкурента, сколько потенциального партнера в экономическом освоении Дальнего Востока и Маньчжурии и союзника в противостоянии экспансии других держав. Его «континенталистские» идеи, которые с полным правом можно назвать евразийскими, складывались постепенно, но окончательно оформились под воздействием уроков русско-японской войны. Прагматик Гото пришел к совершенно четкому выводу: для обеспечения политической, экономической и военной безопасности Японии необходимо сочетать укрепление позиций на материке (прежде всего экономических, в силу ее зависимости от природных ресурсов Китая и Кореи) и сотрудничество с Россией

на основе принципа раздела сфер влияния, чтобы предотвратить возможные конфликты в будущем. Еще во время Портсмутской мирной конференции он призывал правительство и общественность: «Мы должны настаивать на максимальных размерах контрибуции и территориальных уступок, но мы не должны поддаваться вульгарному мнению толпы: успех или поражение этих требований не должен тревожить нас... Если они будут удовлетворены, и мы получим просимое, очень хорошо. Не получим — тоже хорошо... Нам следует пропустить это без особого внимания, если нам удастся разрешить более широкие проблемы, ценность которых в десятки и сотни раз более велика» (4).

Именно в российско-японском согласии и партнерстве Гото видел гарантию политической стабильности в регионе, которая была необходимым условием его успешного освоения и развития. Именно в союзе с Россией он видел возможность эффективно противостоять не только европейской, но и американской экспансии в Китае, прикрывавшейся лозунгами «открытых дверей» и «равных возможностей» («доктрина Хэя»). Ито, затем Ямагата и Кацура пришли к тем же выводам. «Перед Японией стоял вопрос о выборе дальнейшего пути: вместе с Россией против США или вместе с США против России. Гото лучше, чем кто-либо другой, видел, что последний путь неприемлем для японских капиталистов. Этот путь означал подчинение Японии гораздо более мощному и агрессивному американскому империализму. Сближение с Россией не создавало такой угрозы» (5).

Интересно, что и в России некоторые государственные деятели даже во время русско-японской войны считали США более опасным врагом. Когда группа американских банкиров в апреле—мае 1905 г. изъявила желание купить Сахалин, в то время частично оккупированный японцами, царский наместник на Дальнем Востоке адмирал Алексеев категорически заявил, что для интересов России гораздо безопаснее передать Сахалин Японии (перспектива таких требований с ее стороны была вполне реальна), нежели продать его американцам.

По условиям Портсмутского мира, заключенного 5 сентября 1905 г., Япония получила арендную территорию Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Дальним, а также южную ветку КВЖД длиной 941 км от Чаньчуня до Порт-Артура. Дальнейшая экспансия России в Маньчжурии была остановлена, японская же только начиналась. Экономическое проникновение держав в Китай шло прежде всего через получе-

ние концессий на строительство железных дорог, неминуемо «тянувших» за собой прочие права и «специальные интересы». На первый взгляд тема может показаться скучной, однако, вникая в нее, понимаешь, что это не менее увлекательно, чем «золотая лихорадка» или борьба за нефть. Но вопрос о железной дороге в отношениях России и Японии — тема для отдельной книги. Бог даст, напишу книгу «Россия и Япония: рельсы гудят». Тем более есть хороший пример — недавняя монография американского историка японского происхождения Есихиса Мацудзака «Создание японской Маньчжурии». Правда, автор не использовал русскоязычные источники, без которых тему в полной мере не осветить, но ничего не поделаешь. Времена, когда русский язык, хотя бы на уровне чтения, входил в образовательный минимум гуманитариев всего мира, похоже, миновали.

Япония не собиралась ограничиваться той тысячей километров полотна, которая теперь называлась Южно-Маньчжурской железной дорогой (ЮМЖД, по-японски Мантэцу). Правящие круги видели в ней лишь плацдарм для максимального расширения военного и экономического присутствия на континенте. В 1906 г. Мантэцу стала акционерной компанией с 80% акций у государства, поэтому ее руководство назначалось правительством. Токийские власти старались контролировать руководство ЮМЖД в Дайрене (бывший Дальний), но Мантэцу постепенно превращалась в «государство в государстве».

Сорокадевятилетний Гото, получивший титул барона, и стал ее первым президентом. Об этом периоде в его деятельности написано, правда, только в Японии, немало, но больше, конечно, о самой Мантэцу. Гото вдохновлял пример Британской Ост-Индской Компании, в которой он видел удачный пример комплексной колониальной политики, а также сотрудничества государства и частных лиц. Свою должность он воспринимал как руководство не столько самой дорогой, сколько будущей колонизацией прилегающей к ней территории. ЮМЖД уже была главной транспортной артерией южной Маньчжурии, имевшей стратегическое значение. Теперь вся система Мантэцу, прежде всего «полоса отчуждения», должна была стать второй после Кореи «малой Японией» на континенте. Показать миру, чего достигли японцы в технике, экономике и искусстве управления, и таким образом дать понять, кто должен быть хозяином Маньчжурии, — в этом была сверхзадача.

В новом качестве Гото приходилось постоянно контактировать с российскими властями. Он сразу стал агитировать за сотрудничество и попытался привлечь на свою сторону покровительствовавшего ему Ито, прорусски настроенного *гэнро*. Первой идеей было организовать встречу Ито с министром финансов Коковцовым, чтобы обсудить проблемы экономических и торговых отношений без посольской рутины и генеральского бряцания саблями. Однако совсем обойтись без дипломатов было невозможно, и Гото обратился к российскому посланнику в Токио Юрию (Георгию) Бахметеву, который 2 ноября 1907 г. писал министру иностранных дел Извольскому:

«Энергичный и влиятельный управляющий Маньчжурской железной дорогой с самого начала нашего знакомства неоднократно говорил мне о своем стремлении развить сношения между Россией и Японией на той почве, которая, по его мнению, представляет наибольшие залогов успеха, — на чисто практических основах обмена товаров и создания обоюдного торгового доверия. Недавно состоявшееся соглашение облегчает ему этот нелегкий и до сих пор мало торный путь, и он убежден, что это соглашение может быть разработано именно на том деле, которым он руководит; вследствие этого он желал бы без потери времени доказать, что наше сближение, так радостно принятое в Японии, есть не только чисто политический уговор, но может послужить основой для установления более практических, специальных связей, обоюдных интересов».

В качестве первого шага Гото предложил разместить в России заказы на изготовление рельсов — сначала для ЮМЖД, а потом, если дело пойдет, и для всех казенных железных дорог Японии. Барон сообщил, что сначала пошлет в Россию своих представителей для выяснения положения дел, а в феврале поедет туда сам и «предполагает пробыть недели две в Москве и месяца два-три в Санкт-Петербурге». При этом он особо просил посланника держать их разговор в строжайшей тайне даже от... собственной канцелярии (Бахметев просьбу уважил и послал министру личное письмо, написанное от руки), чтобы об этом раньше времени не узнали ни русские заводчики, которые могут взвинтить цены, ни тем более иностранцы — в Лондоне, Берлине и Вашингтоне. Все названы поименно.

«Барону Гото стоило не мало трудов, — сообщал Бахметев, — чтобы превозмочь предрассудки некоторых членов Генро — как-то Ямагата и Кацура — но он, наконец, успел заручиться их согласием — несмотря на то, что англичане, на основании

союза (?), считают, что имеют право монополизировать все подобные заказы или, по крайней мере, не допускать их в других странах без своего одобрения». С англичанами все понятно: они считали, что «снизошли» до союза с Японией, а потому та не должна ничего делать без их ведома и одобрения, тем более поддерживать Россию государственными (а значит, гарантированными) заказами. Ямагата и Кацура упомянуты в письме не столько как противники России, которых надо было как-то по-особому убеждать в пользе хороших отношений с ней (Ямагата представлял Японию на коронации Николая II в 1896 г.), сколько как наиболее влиятельные «континенталисты», от которых в первую очередь зависел будущий успех. Курс Гото на контакты с Россией они поддержали.

Но дело было не только в британских «союзниках». К Маньчжурии пристально приглядывались американцы — как правительство, так и бизнесмены. Железнодорожный «король» США Гарриман попытался получить право на совместную с Японией эксплуатацию железных дорог Южной Маньчжурии и после долгих переговоров 12 октября 1905 г. добился от премьера Кацура подписания соответствующего соглашения, подкрепленного обещаниями обильных американских инвестиций, в которых Япония остро нуждалась. Однако соглашение вызвало недовольство как военных, так и деловых кругов Токио и было расторгнуто уже в январе следующего года — не без участия министра иностранных дел Комура, в отсутствие которого Кацура начал переговоры с Гарриманом. Японский аналитик С. Нагао, детально изучавший историю железнодорожного строительства в Китае, еще в 1930 г. высказал предположение, что Кацура и Комура попросту «надули» американцев, будучи готовы идти на уступки ради выгодных для Японии условий Портсмутского мира и получения кредитов, а, добившись своего хотя бы отчасти, отыграли назад* (6). Однако эта версия пока не получила документального подтверждения.

С момента своего назначения в Мантэцу Гото был решительно против подобных планов. Именно он на рубеже 1909/1910 гг. выступил с резкой критикой плана так называемой интернационализации КВЖД и ЮМЖД, т.е. выкупа их международным консорциумом во главе с США, как предлагали госсекретарь Нокс и президент Тафт с подачи Гарримана и Якоба Шиффа, главы банкирского дома «Кун, Леб и К», фи-

* Благодарю проф. Икэда Норихико, указавшего мне на книгу Нагао.

нансировавшего Японию во время войны. Британское правительство положительно отнеслось к проекту Нокса, а «Таймс» оценила его как достойную всяческих похвал попытку обеспечения «равных возможностей».

Проникновение американцев в Маньчжурию, сначала экономическое, а в перспективе политическое, не соответствовало интересам ни России, ни Японии. Американские дипломаты страшали Японию русской экспансией, Россию — японской, предлагая каждой из них сотрудничество против другой стороны — конечно, во имя всеобщего мира и благоденствия. Воспоминания войны были слишком свежи, и в Токио, и в Петербурге находились люди, которые верили этим провокационным толкам и прислушивались к ним. Но их мнение не возобладавало, и авансы Вашингтона были отвергнуты Россией и Японией в один и тот же день — 21 февраля 1910 г. Британский журналист Э. Гаррисон, пристально наблюдавший за Японией и Россией, отметил такую деталь: против предложения Нокса выступила практически вся русская пресса... за исключением кадетских изданий (7).

Заслуживает внимания заключительная часть письма Бахметева: «С Гото и Японии и всем имеющим дело с ней надолго придется считаться; он теперь выставляет себя только духовным наследником Руссофильской политики Князя Ито — но несомненно метит ему и в политические преемники, когда первый Государственный человек Японии сойдет со сцены» (8). Здесь посланник был безусловно прав, но Ито оставил этот мир слишком рано, и Гото некоторое время пришлось довольствоваться ролью «правой руки» Кацура.

Коковцов был поставлен в известность о письме посланника и живо заинтересовался японскими предложениями. Когда вопрос о поездке был наконец решен, 3 апреля 1908 г. он писал министру путей сообщения Николаю Шаффгаузену-Шенберг-эк-Шауфусу (бумаги он подписывал просто «Шауфус»): «При посещении в минувшем году Высочайше командированным на Дальний Восток тайным советником Шиповым Японией, ему был оказан там особенно любезный прием, несмотря на то, что он ездил в эту страну в качестве частного лица^{*}. Помимо дружественных России демонстраций, целого ряда банкетов в его честь и т.д., было обращено особое внимание и на обеспечение ему со спутниками удоб-

^{*} Это особо отметили иностранные дипломаты в Токио, например д'Анетан.

ного проезда по железным дорогам как в Японии, так и в Южной Маньчжурии... Имея в виду, что барон Гото является первым японцем с высоким общественным положением, посещающим Россию после поездки тайного советника Шипова в Японию, и принимая во внимание значение, которым г. Гото пользуется в своем отечестве, — я с своей стороны полагаю бы, что нам необходимо отнестись к нему также с возможной любезностью, соответствующей как дружбе, существующей между Россией и Японией, так и добрососедским отношениям между нашей и японской линиями в Маньчжурии. Озабочиваясь ввиду этого обеспечением барону Гото наиболее удобного проезда в Петербург, я поручил Правлению Общества Китайской Восточной железной дороги предоставить барону Гото с спутниками служебный вагон дороги от Куанченцзы*, а равно оказать сему лицу при его проезде по дороге полное внимание и предупредительность. Вместе с тем, считаю долгом обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой не отказать выразить согласие на пропуск помянутого вагона до С. Петербурга со скорым поездом, отходящим из Харбина». 9 апреля Шауфус ответил на просьбу Коковцова столь же любезным письмом, переслав его копию в МИД, как раньше поступил и его адресат (9).

В Петербурге на Гото смотрели прежде всего как на «железнодорожника», а потому решили, как говорится, показать высший класс. Почетному гостю немедленно обеспечили максимально комфортабельный «вольный проезд». Но дело, разумеется, было не только в железных дорогах. Побывавший в Японии в ноябре 1907 г. бывший министр финансов Шипов, ранее участвовавший в портсмутских переговорах, был тепло встречен чиновными и деловыми кругами и удостоен аудиенции у императора Мэйдзи. В Петербурге даже заговорили о назначении его послом вместо Бахметева, работой которого начальство было недовольно. Президента Мантэцу решили принять не хуже.

Гото встречался с Коковцовым, Извольским, Шауфусом и премьером Столыпиным, а 5 мая был принят Николаем II. Подробности этих переговоров, или, как тогда выражались,

* Конечная станция, которая была оставлена за Россией по временной конвенции о соединении русских и японских железных дорог в Маньчжурии, предусмотренной Портсмутским мирным договором и подписанной 13 июня / 31 мая 1907 г.

«объяснений», не были преданы гласности, а потому вызвали оживленные толки в прессе. Главным предметом догадок был вопрос о возможности продажи японцам южной ветки русской части КВЖД от Харбина до Куаньченцзы длиной 222 версты, ежегодно приносившей России семнадцать миллионов рублей... убытков (такая цифра фигурировала в газетах). «Продажу этого участка, рассматривая ее с финансовой стороны, — писала петербургская «Русь» 19 апреля, при получении известий о выезде Гото в Харбин, — можно только приветствовать, но едва ли это явится благоразумным с точки зрения нашей дальневосточной политики». «С стратегической точки зрения, — вторил ей в тот же день «Голос Москвы», — пока у нас нет амурской дороги, такая продажа явилась бы верхом необдуманности». Беспокоились и за границей. Консул в Мукдене Грушецкий телеграфировал: «Если действительно существует предположение о продаже этой линии, то Китай охотно купил бы ее... (По мнению китайцев. — В.М.) покупка линии Японией, равно как и притязания ее на Цзяндао, имеют общее стратегическое значение — приблизиться к нашим коммуникационным линиям с Владивостоком и Приамурским краем» (10).

Министр иностранных дел Извольский переслал Коковцову телеграмму Грушецкого вместе с еще несколькими донесениями аналогичного содержания. 24 апреля министр финансов четко отвечал своему коллеге: «Указанный слух едва ли имеет какое-либо основание. Но во всяком случае, я, с своей стороны, имею в виду при предстоящих объяснениях с Бароном Гото категорически устранить самое предположение о том, что мы считаем допустимой уступку кому бы то ни было (выделено мной. — В.М.) линии Харбин-Куанченцзы» (11). Продавать дорогу не стали, хотя некоторые люди «в сферах» предлагали расстаться даже со всей КВЖД, если за нее дадут хорошую цену.

Съездил Гото не зря. И дело даже не в успешном размещении заказа на рельсы, хотя этот факт не прошел мимо внимания дипломатов и деловых людей в Токио. Он лично познакомился с русскими министрами и многими влиятельными людьми, включая председателя правления Русско-Китайского банка князя Эспера Ухтомского, который сопровождал цесаревича во время его злополучной поездки в Японию. Как деловой, во всех смыслах этого слова, человек, Гото не слишком доверял дипломатическим каналам, предпочитая прямые контакты с сильными мира сего, как дома, так и за границей.

6 мая, на следующий день после аудиенции у Николая II, правление КВЖД и Русско-Китайский банк дали обед в честь Гото в одном из лучших ресторанов Северной Пальмиры — у Эрнеста на Каменноостровском проспекте. Среди гостей были только что получившие новые назначения Иван Шипов (министр торговли), Николай Малевский-Малевич (посол в Токио на смену Бахметеву) и японский посол Мотоно Итиро, до недавнего времени имевший ранг посланника. Как водится, произносились речи и провозглашались тосты. Ответ барона, известный нам по тексту «Санкт-Петербургских ведомостей», явно выходил за пределы обычных светских любезностей. Привожу его с небольшими сокращениями:

«Несмотря на то, что географическое положение России и Японии уже по самой своей природе показывает, что оба государства должны прийти к тесному сближению, до сих пор, из-за отсутствия путей сообщения, оба государства не могли достичь этой цели. Теперь же, благодаря могущественной России, прямое и быстрое сообщение между Европою и Азией устроено. Время тесного сближения обоих государств уже наступило, и еще один шаг — обе соседние нации должны пойти от души рука об руку. Это послужит не только для блага обоих народов, но и для блага всех наций. Кроме того, совершенно естественно, что мы, неопытные в международных железнодорожных сообщениях, должны учиться у России, опытной и талантливой в этом деле... Железные дороги и банки столь же необходимы для развития и укрепления торговли и промышленности, как две пары колес для вагонов... Я и мои спутники покорнейше просим вас, чтобы вы продолжали свое дружеское отношение к нам и не отказывались учить нас еще многому. Ваше сочувствие и содействие, опять повторяю, имеет большое значение не только для блага Дальнего Востока, но для блага всего мира».

Гото был доволен итогами поездки и сердечно благодарил Извольского за содействие и гостеприимство. «Почетный и любезный прием, оказанный Барону Гото в России, и Милостивое награждение его высоким орденом, — писал 30 мая из Токио Бахметев, досиживавший последние дни во главе миссии, — не только польстили столь чуткому самолюбию японцев, но возбудили и более серьезный отголосок в стране, в особенности в финансовых и торговых кругах, надеющихся... что политическое сближение между нашими государствами также создаст и установит прямой обмен товаров между нами... Все уповают, что переговоры... приведут к дружескому

соглашению по главным пунктам и что торговое движение через Северную Маньчжурию и Сибирь в скором времени увеличится» (12). Посланник особо отметил успех японского заказа на рельсы, к которому имел непосредственное отношение, желая, видимо, подчеркнуть и свою пользу.

Доволен был не только сам визитер: в июле того же года Кацура, вторично назначенный премьером, предложил ему пост министра путей сообщения. Опыт Мантэцу стал использоваться в общенациональном масштабе, поскольку в самой Японии дела обстояли куда хуже. Для исправления положения парламент 27 марта 1906 г. принял закон о национализации основных железных дорог страны, которую предстояло провести за два года. По ее завершении бюро железных дорог Министерства путей сообщения было преобразовано в Управление с подчинением лично премьеру. Главой Управления стал Гото, к заслугам которого относят децентрализацию управления, повышавшую личную ответственность каждого служащего, но и поощрявшую инициативу, развитие инфраструктуры, системы подготовки кадров и медицинских учреждений. Он привлекал частных инвесторов, поддерживал местные узкоколейные линии, а также руководил постройкой нового Токийского вокзала (здание сохранилось до наших дней, несмотря на землетрясения и бомбардировки) и электрификацией линии Токайдо, связывающей столицу с Нагоя, Киото и Осака.

В августе 1911 г. Кацура был сменен у кормила власти атлантистом Сайондзи. Период с июня 1903 г. по февраль 1913 г. в японской литературе часто называют Кэйэн — по китайскому чтению первых иероглифов фамилий Кацура и Сайондзи. Два влиятельных лидера — «консерватор» Кацура (протезе Ямагата) и «либерал» Сайондзи (протезе Ито) — пришли к «сердечному взаимопониманию» и договорились передавать власть друг другу, когда «ресурс» правительства у власти иссякал. Примерно так же обстояло дело и раньше, с создания современной системы кабинета министров в 1885 г. до назначения Кацура премьером в 1901 г.: *гэнро* Ито, Ямагата и Мацука-та сменяли друг друга на посту премьера, причем в случае отставки не уходили в оппозицию, а продолжали сотрудничать, получая другие государственные посты, например, председателя Тайного совета или палаты пэров. Только однажды, летом 1898 г., к власти «случайно» прорвался партийный, т.е. не опиравшийся на бюрократию и армию, кабинет Окума-Итагаки (оба были из тех же нотаблей, но, рассорившись с товарищами, подались в оппозицию и стали создавать полити-

ческие партии). Однако он продержался у власти всего несколько месяцев. *Гэнро* быстро навели порядок, а Ямагата стал новым премьером.

Гото временно остался без должности, но политической активности не снизил. Намереваясь в обозримом будущем вернуться во власть, Кацура сделал его своим ближайшим и доверенным соратником. Еще одним «козырем» он избрал перспективу дальнейшего расширения отношений с Россией. Лучшего помощника, чем Гото, здесь было не найти.

Карл Хаусхофер, в то время баварский военный атташе в Японии (была такая должность!), обладавший «не по чину» широкими и влиятельными знакомствами в Токио, особо выделял Гото как самого последовательного сторонника сотрудничества континентальных держав и «наиболее разумного члена свиты» Ито. Он вспоминал слова Гото о будущем союзе: «Вспомните о русской тройке. В ней над санями вы видите большую дуговую упряжь с бубенцами, а в центре идет крепкий, норовистый и вспыльчивый конь, выкладывающийся больше всех, но справа и слева бегут две лошади, которые сдерживают коня посередине, и такая тройка в состоянии ехать» (13).

Летом 1911 г. посол Малевский-Малевич уезжал домой в очередной отпуск. Кацура, тогда еще премьер, навестил его и заявил: «Передайте кому следует в Петербурге, что правящие классы здесь сознают пользу и необходимость единения между правительством Японии и Россией. Если дружба наших народов будет развиваться дальше в том же направлении, то мы будем не только иметь преобладающее влияние на Дальнем Востоке, но и во всем мире, особенно с того момента, как Тихий океан сделается центром соперничества между разными государствами, имеющими в Азии и на Тихоокеанских островах экономические и политические интересы». Говорил он и о положении в Китае, которое становилось все более угрожающим. Князь считал вполне реальной перспективу установления международного контроля над китайскими финансами: «К этому моменту, — заявил Кацура, — нам следует готовиться, чтобы выступить совместно и добиться действительного обеспечения наших собственных исключительных интересов в Маньчжурии» (14). То же самое говорили послу министр иностранных дел Комура и маршал Ямагата, самый влиятельный *гэнро* после убийства Ито.

Реакция Петербурга была вялой, поэтому год спустя Кацура решил разыграть ту же карту. 26 мая 1912 г. он пригласил

Малевского-Малевича и рассказал ему о задуманной поездке по маршруту Петербург — Стокгольм — Христиания (Осло) — Копенгаген — Париж — Лондон — Берлин — Вена, «чтобы личными впечатлениями освежить давнишние воспоминания об европейских столицах, где он был 28 лет тому назад». Программа предполагала также месяц отдыха в Швейцарии и заезд в Москву на обратном пути. Князь особо подчеркнул, что едет сугубо неофициально, но «хочет повидаться с государственными людьми Европы и обменяться с ними взглядами», а потому его план одобрен императором, премьером и всеми *э-нро*. Он собирался взять с собой Гото, а также группу переводчиков-секретарей, включая Нацуаки, помощника Гото, который в конце 1907 г. ездил в Россию зондировать почву относительно заказов на рельсы. В Петербурге Кацура надеялся получить аудиенцию у императора и встретиться с премьером Коковцовым и министром иностранных дел Сазоновым, приемником Извольского и таким же атлантистом. Извольский с 1910 г. был послом в Париже, где, надо сказать, приложил немало усилий к разжиганию антигерманских настроений, а затем и военного пожара в Европе.

«Князь высказал мне, что он еще в прошлом году собирался посетить европейские страны, но был задержан различными обстоятельствами. Настоящее лето кажется ему наиболее подходящим для исполнения его давнишнего желания... Говоря о цели своего путешествия, — сообщал Малевский-Малевич Сазонову, — Князь Кацура сперва ограничился довольно неопределенными намеками на ту роль, которую он сыграл в деле сближения России и Японии; на его глубокое и искреннее убеждение, что сближение это должно все более и более крепнуть; что мир на Дальнем Востоке зависит от согласной политики обеих Держав, и что он будет весьма счастлив, если его пребывание в Петербурге, хотя и не имеющее официального характера, принесет пользу упрочению дружбы между Россией и Японией. Приведенный моими вопросами к выражению более конкретных мыслей, Князь Кацура коснулся китайских дел и высказал, как свое личное мнение, что в Китае ныне сосредоточился весь фокус восточно-азиатской политики, что китайские смуты (последствия революции 1911 г. — *В.М.*) грозят всякими неожиданностями и осложнениями; что Пекинская республика пока существует только «на бумаге»; что временное правительство в Пекине (во главе с Юань Ши-каем. — *В.М.*) лишено средств, единства и авторитета; что при таких серьезных обстоятельствах полезно было бы обоим Го-

сударствам поближе сговориться, так как и Россия, и Япония ближайшие соседи северного Китая и тесно с ним связаны естественным развитием их политических и экономических интересов. Другие страны, например Америка, ищут создать себе в Китае «права», тогда как Россия и Япония имеют уже там не только *права*, но и *интересы*, и защита таковых лежит на ответственности их Правительств». Прошу читателя запомнить этот пассаж и вспомнить о нем, когда мы подойдем к истории последнего визита Гото в Советский Союз пятнадцать с половиной лет спустя.

Посол сделал и без того очевидный вывод, что «Кацура предпринимает свое путешествие с какой-либо определенной политической задачей или, по крайней мере, с поручением исследовать почву для дальнейшего направления японской политики» (15). Токийская пресса прямо писала еще об одном мотиве вояжа: Кацура снова заявлял о себе как о претенденте на пост главы правительства, а Гото рассматривали как возможного министра иностранных дел будущего кабинета, который едет набираться опыта. Нетрудно понять, зачем Гото был нужен шефу в Петербурге: он уже бывал там раньше, встречался с Коковцовым и обзавелся кое-какими связями, в том числе по линии Японско-русского общества, в котором был заместителем председателя. Да и репутация его в глазах российской стороны была безупречной, тогда как Кацура все-таки был премьером в годы войны.

15 июня Кацура нанес ответный визит в посольство, приехав туда за час до назначенного времени, чтобы спокойно побеседовать о предстоящей поездке. Разговор снова зашел о Китае, и Кацура, напомнив, что «за его управление Кабинетом состоялось политическое соглашение между Россией и Японией на почве ограждения взаимных интересов в Китае», конкретизировал свои предложения, выработанные, несомненно, при ближайшем участии Гото.

«Китайские дела ныне приняли такой серьезный оборот, — прилежно записывал посол слова князя для передачи Сазонову, — что обоим соседним с Китаем Государствам придется крепко подумать, как оградить свои интересы. И Россия, и Япония заинтересованы в Китае территориально, тогда как другие Державы имеют там только экономические выгоды. С этой точки зрения, необходимо, по его мнению, чтобы обе Державы выработали по соглашению друг с другом определенный план действий и согласились последовательно его проводить. Но если по отношению к обоюдным террито-

риальным интересам в Китае желательно тесное соглашение только между Россией и Японией, то по отношению к китайским делам вообще он, Кацура, считает полезным участие *обеих* Держав в группе тех четырех, которые ныне выступили с планом финансирования Китайского Правительства («Четверной консорциум», созданный 10 ноября 1910 г. в составе Англии, Франции, Германии и США, имел антирусский и, опосредованно, антияпонский характер. — *В.М.*). В этой группе Англия является союзной Державой Японии, а Франция — России, одновременно Россия связана дружественными соглашениями с Англией, а Япония с Францией; таким образом четыре государства: Россия, Япония, Англия и Франция — составляют сильный политический «блок», главной задачей коего должно быть сохранение мира на Дальнем Востоке. В этих видах он, Кацура, настаивает на участии Японии в группе сказанных Держав и надеется, что эта политическая комбинация удержит поползновения других Государств вмешаться в Китае в сферу чуждых им интересов. Итак, укрепление соглашения с Россией для защиты территориальных прав на Дальнем Востоке и укрепление положения Японии в группе шести Государств («Шестерной консорциум», созданный 20 июня 1912 г.: те же, Россия и Япония. — *В.М.*) для ограждения прочих интересов ее в Китае — должны, по его мнению, служить главной задачей современной японской политики».

Кацура выразил надежду, что в Петербурге его внимательно выслушают и что «он встретит ту же откровенность, с которой он намерен там излагать свои мысли». «Он убедительно просит меня подтвердить перед Вами, что он искренний сторонник тесного соглашения между Россией и Японией для блага обоих Государств и всеми зависящими от него средствами будет стремиться к достижению такого сближения». Однако князь четко дал понять, что не имеет полномочий выступать в каком-либо официальном качестве и — в случае достижения взаимопонимания, требующего документального оформления — должен будет возвратиться в Токио для решения всех вопросов с императором, *гэнро*, премьером и министрами (16). Отдельным письмом посол сообщил в Петербург подробные биографические сведения о Кацура, обратив особое внимание на его авторитет и влияние. Этот «частный» визит мог стоить многих официальных.

Перед отъездом Кацура также встретился с германским послом, которого частично посвятил в свои планы добиться

в Европе «понимания» японских интересов в Маньчжурии. Подобно большинству японских генералов, князь был германофилом в еще большей степени, нежели русофилом, называл себя «учеником Германии» и был одним из инициаторов создания Японско-германского общества в Токио в 1911 г. Вообще идея японско-российско-германского блока казалась продуктивной многим политикам трех столиц вплоть до самого начала мировой войны (до которой Кацура не дожился). Так считал, например, влиятельный морской министр Альфред фон Тирпиц. Выйдя в отставку в марте 1916 г. из-за конфликта с канцлером Бетман-Гольтвегом, он не только выступал за сепаратный мир с Россией, но и считал необходимым прибегнуть к ее посредничеству для примирения с Японией, участие которой в войне против Германии виделось ему трагическим недоразумением (17). После войны престарелый гросс-адмирал — в качестве депутата рейхстага от консервативной Национальной народной партии — продолжал выступать за развитие нормальных отношений с Москвой («большевистская угроза» его, похоже, не очень пугала) и Токио.

6 июля Кацура со свитой* отбыл из Токио после бесчисленных обедов, банкетов и интервью, провожаемый толпой политиков, чиновников, дипломатов, газетчиков, просто любопытствующих и полицейских. Долгое путешествие прошло без происшествий, хотя Малевский-Малевич сразу же предупредил Петербург секретной телеграммой: «Здесь опасаются, что на жизнь Кацуры могут быть покушения в пути. Надеются, что нашими властями будут приняты строжайшие меры охраны во время его поездки и пребывания у нас. Особенно подозрительной считают часть пути от Куанченцзы до Иркутска» (18). Как разъяснял в рапорте от 19/6 июня военный агент (т.е. атташе) генерал-майор Владимир Самойлов, в Токио — как ему сообщили «из здешнего военного министерства совершенно частным образом» — опасались покушений со стороны корейских террористов, связанных с убийством Ито и благополучно скрывавшихся то в Маньчжурии, то в пограничных районах России. Приамурские власти смотрели на это сквозь пальцы, возможно, памятуя о том, что в годы войны с Японией корейские добро-

* Среди спутников князя надо отметить влиятельного бюрократа Вакацуки Рэйдзиро, который позднее неоднократно занимал пост министра финансов (в том числе в третьем кабинете Кацура) и премьер-министра.

вольцы воевали в составе русской армии. Одно время «оправданием» служило то, что между двумя странами не было конвенции о выдаче политических преступников и лиц, виновных в покушении на особу монарха, но в мае 1911 г. она все-таки была подписана по настоянию Японии. В связи с поездкой Кацура беспокойство по понятным причинам возросло, тем более что совсем недавно был раскрыт заговор, предполагавший убийство генерал-губернатора Кореи Тэраути. Все эти факты, сообщал Самойлов, «делают вероятным существование какого-либо заговора и относительно его (Кацура. — *В.М.*), поэтому вышеизложенное доложено мною нашему послу в Токио, которому также передан и истинный маршрут его путешествия, различный от того, который объявлен для публики». Японское посольство снова передало в МИД памятную записку с именами главных разыскиваемых преступников с просьбой срочно передать их японским властям в случае обнаружения (19). Их так и не нашли. Наверно, потому что не искали...

Прибытие Кацура и Гото в столицу (проездом через Москву) ожидалось 21/8 июля. Время было выбрано неплохо: 8 июля/25 июня Сазонов и Мотоно подписали секретную конвенцию о разграничении сфер влияния во внутренней Монголии. Готовясь к встрече, совет Русско-японского общества, созданного в 1911 г. для поощрения развития двусторонних отношений, разослал заинтересованным лицам следующее обращение: «Желая достойным образом почтить названных сановников, являющихся горячими поборниками сближения России и Японии... Общество предполагает чествовать гостей банкетом, к участию в коем решило привлечь также и лиц, не принадлежащих к составу Общества, но сочувствующих идее дружеского, согласного развития двух великих держав. Желание Совета возможно радушнее встретить прибывающих гостей находит себе поддержку в том глубоком интересе, которое проявляет к делу единения России и Японии существующее в Токио Японско-русское Общество... Прибывающие государственные люди Японии являются участниками этого Общества, причем барон Гото состоит Вице-Председателем его Правления» (20).

В Петербурге гостей опекали начальник Канцелярии МИД барон Маврикий Шиллинг и его заместитель Николай Базили. Однако внезапная — и, как вскоре стало ясно, смертельная — болезнь императора Мэйдзи разрушила все планы. 15 июля (нового стиля) император, несмотря на явное нездо-

ровье, появился на заседании Тайного совета, как оказалось, в последний раз. Совет обсуждал подписанную неделей раньше секретную конвенцию с Россией. Судьба русско-японских отношений особенно волновала монарха, который перед заседанием специально пригласил к себе Ямагата, чтобы побеседовать о них, в том числе о поездке Кацура. Состояние его ухудшалось на глазах. 19 июля император слег окончательно. Днем позже последовало официальное объявление о его тяжелой болезни, означавшее одно: надо готовиться к худшему. Кацура и его спутники были вынуждены вернуться в Японию, пробыв в столице Российской империи всего восемь дней и отказавшись от продолжения поездки. Даже прием у царя не состоялся — Кацура считал за лучшее деликатно отказаться, поскольку его сюзерен лежал при смерти. Удалось пообщаться с Коковцовым, но записи этой беседы пока не обнаружено.

26/13 июля Кацура со свитой завтракал у Сазонова, а потом беседовал с министром. Князь заявил о желании Японии действовать солидарно с Россией в «китайских делах», но просил учитывать и обязательства по англо-японскому союзу. Собеседники сошлись во мнении о необходимости общих и согласованных действий. «Он (Кацура. — В.М.) предвидит возможность наступления такого момента, когда России и Японии силою вещей придется перейти к более активной политике в Маньчжурии и к военному занятию каждою из них некоторых пунктов в сфере ее влияния». Князь был уверен в сочувствии Англии таким согласованным акциям, министр — Франции, хотя заметил, что любые активные действия в Маньчжурии пройдут без осложнений только при условии соблюдения торговых интересов этих держав. «В заключение мы условились, — докладывал Сазонов Николаю II на следующий день, — что при посещении Английского Двора осенью текущего года я буду зондировать почву, чтобы узнать, как отнесся бы Сент-Джемский кабинет к оккупации Маньчжурии. Князь Кацура находил это весьма желательным и просил меня не скрывать от Английских Министров, что, говоря от имени Российского правительства, я являюсь выразителем взглядов, пользующихся полным сочувствием Японии» (21).

Однако атлантист и англофил Сазонов (остряк Пуришкевич не случайно рифмовал его фамилию с характеристикой «друг российских фармазонов») обещания не сдержал. Как видно из его подробного доклада царю о визите в Лондон, во-

проса о Маньчжурии министр даже не касался. «В переговорах с Кацура, — отмечал С.С. Григорьевич, — царское правительство стремилось выиграть время. Решительный отказ от обсуждения японского предложения немедленно ухудшил бы русско-японские отношения, а избранный царской дипломатией путь давал возможность затянуть ответ, а затем, под удобным предлогом, отказаться от обсуждения данного вопроса» (22). Руководство российской дипломатии в лице Извольского и особенно Сазонова явно недооценивало значение сотрудничества и партнерства с Японией и опиралось исключительно на европейских «союзников»: Извольский больше на Францию, Сазонов — на Англию, что сулило в перспективе только враждебность Германии, естественного геополитического союзника России на евразийском континенте. Показателен и такой факт: в позднейших мемуарах оба министра вообще обошли вниманием русско-японские отношения.

В ночь с 29 на 30 июля император Мэйдзи скончался, несмотря на усилия лучших врачей Японии. В стране воцарился траур, имевший отнюдь не только официальный характер. Большинство простых японцев почитали императора как бога, многие были искренне преданы ему, любили, другие тревожились — как жить дальше, без него. Он находился на престоле с 1867 г., сорок пять лет, на протяжении которых Япония изменилась до неузнаваемости. Нет смысла пытаться перечислять, что именно изменилось, поскольку изменилось все. Слова «эпоха Мэйдзи» означали не только период царствования конкретного монарха в официальной историографии, это была действительно с большой буквы Эпоха радикальных перемен, изменивших все течение японской истории. И вот она кончилась. О ней и об олицетворявшем ее человеке прекрасно написал патриарх американского японоведения Дональд Кин. Его недавняя книга в девятьсот с лишним страниц «Император Японии: Мэйдзи и его мир» читается как захватывающий роман.

Вольнодумцы шептались, что смерть императора — возмездие за казнь в прошлом году анархиста Котоку и его соратников, обвиненных в «оскорблении трона». А некоторые могли вспомнить другой случай: совсем, мол, недавно, 10 июля, монарх присутствовал на выпускной церемонии в Токийском императорском университете, где должен был вручать лучшему выпускнику по каждой специальности золотые часы. Увидев среди них белого, он изумился и пришел в плохо скрываемую ярость, когда узнал, что его специальность — японская

литература. Вероятно, посчитав случившееся национальным позором, император часы ему не вручил, а вскоре заболел. Молодого отличника звали Сергей Григорьевич Елисеев, да, он был из семьи владельцев «Елисеевских» магазинов в Москве и Петербурге, а позже стал основоположником японоведения в... США. Справедливости он все-таки добился: ректор вручил ему часы, правда, не золотые, а серебряные. А тридцать с лишним лет спустя, во время Второй мировой войны, Сергей Григорьевич, к мнению которого прислушивался сам главнокомандующий генерал Макартур, спас древнюю японскую столицу Киото, убедив американцев не бомбить ее. К сожалению, в сегодняшней Японии мало кто об этом знает.

Покинув Петербург 28/15 июля, Кацура и его спутники ехали по бескрайним просторам, наблюдая «континент» за окнами комфортабельного салон-вагона. Мысли их наверняка были заняты здоровьем августейшего сюзерена, но и об итогах преждевременно завершившейся миссии они не могли не думать. Она закончилась ничем, не дала осязаемых результатов, однако произошло это в любом случае не по вине гостей. В японской и зарубежной печати уже стали появляться «кисло-сладкие» комментарии (отклики русской прессы были сугубо благожелательны и оптимистичны). Особо отличалась токийская англоязычная газета «Japan Advertiser», издававшаяся американским евреем Флейшером. Малевский-Малевич, читавший местную прессу только на английском языке, не раз отмечал антирусскую направленность этой газеты, особенно по контрасту с общим прорусским или, по крайней мере, доброжелательным тоном большинства других изданий, включая официоз МИД «Japan Times».

Сами визитеры думали по-другому. «Возвратился благополучно, — телеграфировал Кацура Сазонову. — Искренно благодарю за несказанную Вашу любезность в пребывании нашем в Вашей стране. Признательный Кацура» (23). «Прибыв в Токио, выражаю сердечную благодарность за любезность, проявленную Вашим превосходительством. Гото» (24). Конечно, это были обязательные в дипломатической практике любезности, но содержательные разговоры обоих с Малевским-Малевичем позволяют представить картину более объемно.

«Барон Гото вспоминает о своем кратком пребывании в Петербурге и Москве, — сообщал посол 21 августа (старого стиля), — с большим удовольствием. Его поразила та перемена, которую он заметил у нас со времени своего последнего приезда в Россию, четыре года тому назад. Особенно броси-

лись ему в глаза необыкновенное оживление торговли в Москве и множество новых строений, воздвигнутых на главных улицах первопрестольной. Он остался, видимо, тоже весьма доволен приемом, оказанным у нас ему и его спутникам. По его мнению, свидание Князя Кацуры с Вашим Высочайшим снисхождением и председателем Совета Министров имело важное политическое значение и не останется без результата, несмотря на частный характер состоявшегося визита. Барон Гото полагает, что свидание Князя Кацуры с русскими государственными людьми тем более будет способствовать укреплению дружественных отношений между обоими государствами, что положение Князя Кацуры при дворе молодого Императора стало исключительным. По поводу его назначения хранителем печатей и обер-камергером существует двойное мнение: одни думают, что новый пост совершенно исключает Князя из политической сферы деятельности, другие, наоборот, считают, что его новая придворная должность есть лишь переходная ступень к более активному выступлению во внутренних и внешних делах Империи. Он, Гото, имеет на этот вопрос свой личный взгляд, который сообщает мне по старому знакомству, вполне доверительно. Покойный император был человек большого опыта, железного здоровья и с самых юных лет принимал ближайшее участие во всех крупнейших государственных делах, лично руководя в нужных случаях своими министрами. Молодой Император с детства, напротив, отличался слабым здоровьем, часто хворал и провел всю свою юность вне всякого общения с государственными делами и интересами. Его берегли всеми мерами и не допускали до серьезных занятий, шадя его слабые физические силы. Вследствие таких условий молодой Император, ныне значительно окрепший, не имеет, однако, ни опыта в государственных делах, ни знания людей и обстоятельств. При нем необходим человек, умудренный многолетним политическим опытом, знающий все отрасли государственного управления, видевший близко на деле всех главных государственных людей своего времени. Совет, руководство такого человека драгоценны для молодого, неопытного правителя. В этом отношении лучшего выбора нельзя было сделать — Князь Кацура отвечает всем условиям такого приближенного советника. Он, Барон Гото, поэтому не сомневается, что значение Князя Кацуры будет все возрастать и что влияние его даже вне открытой политической карьеры будет проявляться во всех важнейших делах, как внутренних, так и внешних».

Необходимо сделать небольшое отступление, чтобы пояснить сказанное. Гото был откровенен с российским послом в разговоре, касавшемся важной и болезненной темы. Покойный император не только сам обладал выдающимися государственными талантами, но и умел подбирать хороших советников — блестящую плеяду администраторов, военных, ученых, которые составили славу мэйдзийской Японии. Он прислушивался к их мнениям, которые не раз противоречили друг другу, но, за исключением «годов учения» (первые 12—15 лет царствования), всегда оставлял последнее слово за собой. С годами его зависимость от окружения, прежде всего, от старших *гэнро*, становилась все меньше, хотя приходилось считаться с «силовыми центрами» — например, поручать формирование кабинета Сайондзи, хотя душа лежала к Кацура, которого он сделал *гэнро*.

С наследником, будущим императором Тайсе, все обстояло по-другому. К моменту смерти отца ему исполнилось 33 года, но его хрупкое здоровье и проявившаяся уже через несколько лет неизлечимая болезнь практически исключали реальное участие нового монарха в управлении страной. Он и в самом деле не был готов к государственным делам, хотя и получил неплохое образование. Сложившееся положение создавало благоприятную почву для закулисной борьбы вокруг трона. Еще до приезда Кацура из России Ямагата решил продвинуть его одновременно на посты лорда-хранителя печати и обер-камергера, что позволило бы ему стать главным и единственным ментором неопытного монарха, что в перспективе развития отношений с Россией приобретало особое значение. Князь вернулся в Токио 11 августа и уже через два дня получил новое назначение после встречи с *гэнро* и членами кабинета. Не противились и либералы, рассчитывавшие «зادвинуть» его на почетную, но не связанную с текущей политикой должность. Сам Кацура, разумеется, имел совершенно другие планы.

В заключение беседы с послом Гото «выразил удовольствие по поводу свидания в Петербурге с главными деятелями Русско-японского общества. Он стремится установить тесную связь между ним и Японско-русским обществом и думает, что практически взаимодействие этих двух учреждений, преследующих одинаковые цели, могло бы выразиться, между прочим, в содействии к учреждению русскими и японскими коммерсантами русско-японских торговых предприятий в Сибири» (25).

Деятельность обеих организаций, прообразов современных «обществ дружбы», имела действительно большое значение. Созданное в 1902 г. при ближайшем участии Ито и под председательством первого японского посланника в Петербурге, а позднее министра иностранных дел Эномото Такэаки, Японско-русское общество объединяло видных политиков, аристократов, дипломатов, финансистов, ученых, словом, тех, кто понимал значение дружбы с Россией и готов был для этого работать. Во время войны оно, разумеется, прекратило свое существование, но было воссоздано уже в мае 1906 г., избрав почетным председателем Бахметева. В описываемое время общество возглавлял влиятельный в военных и бюрократических кругах генерал-губернатор Кореи граф Тэраути Масатакэ, в недавнем прошлом военный министр, в недалеком будущем премьер. Но подлинной «моторной силой» был его заместитель Гото. «Привлекая в состав своих членов крупных капиталистов и общественных деятелей Японии, Общество собрало уже значительную сумму добровольных пожертвований, организовав на эти деньги издание журнала на японском и русском языках, чтение лекций, образовав фонд на прием русских экскурсантов — учащихся и т.д.», — писалось в упоминавшемся выше информационном письме его партнера — Русско-японского общества в Петербурге. Авторитет и связи Гото, особенно в деловом мире, способствовали успешной работе общества, на что, разумеется, требовались деньги — и немалые. Будучи подлинным энтузиастом японско-русской дружбы, он умел привлекать к этому делу и сердца, и средства.

Помимо развития торговых и экономических связей, Гото уделял большое внимание личным контактам молодежи двух стран (он был одним из патронов японских бойскаутов, а с 1919 г. возглавил Университет Такусёку) и преподаванию русского языка в Японии, включая организацию школ и курсов. Именно по его инициативе общество в 1919 г. создало для изучения России Харбинский институт (Харбин гакуин), выпустивший первых студентов в 1923 г. и просуществовавший до конца Второй мировой войны. Современные японские авторы высоко оценивают деятельность Гото в области организации науки и просвещения, включая русистику (26).

Вскоре по возвращении Кацура встретился с Малевским-Малевичем, но обстоятельно побеседовать им довелось только 23 августа. «Князь Кацура, — докладывал посол, — принял меня сегодня с ответным визитом чрезвычайно любезно и провел со мной в дружеской беседе, с глазу на глаз (беседа шла по-

немецки. — *В.М.*), более полутора часов. Она началась с выражения своей глубокой благодарности Русскому Правительству и местным русским властям за меры, принятые в ограждение его безопасности во время путешествия и пребывания в наших пределах. Он считает все сделанное у нас в этом отношении в высшей степени для него полезным, так как еще накануне его отъезда покойный Император прислал ему сказать быть особенно осторожным в пути, ввиду готовящегося на него покушения со стороны корейских эмигрантов».

«О приеме, оказанном ему в Петербурге, Кацура говорит с большим удовольствием, — писал посол Сазонову, — особенно же о продолжительных беседах с Вашим Высокопревосходительством и Председателем Совета Министров. Из этих бесед он вынес впечатление полной уверенности, что Россия и Япония могут совершенно откровенно выяснить друг другу взаимные политические задачи в Китае и действовать в этой области солидарно и согласованно. Подробный доклад об этих беседах Кацура сделал через Барона Мотоно своему Правительству и только сожалеет, что не застал в живых покойного Императора и не мог лично доложить ему о результатах своего пребывания в Петербурге. Хотя он, Кацура, и не был облечен политической миссией, но обмен мнений с высшими руководителями русской политики послужил к закреплению в здешних правящих сферах уверенности, что искренность отношений между обоими правительствами обеспечена и что, в случае необходимости, они будут действовать рука об руку».

«События, — продолжает посол, — надвигающиеся в Китае, служат, по мнению Кацуры, лучшим показателем того, в какой степени своевременна согласованность политики России и Японии в маньчжурском и монгольском вопросах; выступление Англии в Тибете приближает момент разрешения этих вопросов в единении с нашими обоюдными союзниками, и он надеется, что предстоящее путешествие Ваше в Англию окончательно устранил те колебания, которые ранее проявлялись во взглядах великобританского правительства относительно единства Китая. Он думает, что ныне обстоятельства наглядно показали, насколько слабы связи собственно Китая с Монголией, Маньчжурией и Тибетом, и насколько опасно для сохранения всеобщего мира на Дальнем Востоке бесконечное затягивание теперешнего неопределенного положения этих областей в непосредственном соседстве с границами владений и сфер интересов России, Японии и Великобритании».

Князь не любил долго ходить вокруг да около, а сразу переходил к делу. То, о чем он говорил Малевскому-Малевичу, с конца 1880-х годов было одной из аксиом «континентальной политики» (тайрику сэйсакү), которую в Японии того времени принципиально отделяли от «внешней политики» (кайгай сэйсакү). Ито и Ямагата, а вслед за ними Кацура и Гото, рассматривали Тибет, Монголию и Маньчжурию, населенные неханьскими этносами, как территории, не входящие, точнее, не должны входить, в состав того, что они называли «собственно Китай» («Сина хомбу» по-японски или «China proper» по-английски). Рассматривая Китай если не как противника, то во всяком случае как объект, а не субъект, международных отношений, они считали полезным ослабить его, чтобы сделать более сговорчивым, а один из лучших путей к этому видели в территориальном расчленении. Именно это в японском политическом лексиконе на протяжении многих десятилетий называлось «маньчжурско-монгольской проблемой».

Империалисты? Безусловно! Точно так же рассуждали англичане, еще в начале 1900-х годов закрепившиеся в Тибете, в том числе для обеспечения безопасности границ Индии, «жемчужины Британской империи». Точно так же рассуждали и русские, особенно после падения Цинской монархии, с которой Петербург связывал ряд открытых и тайных договоров. Китай начал погружаться в хаос еще до Синьхайской революции, особенно со смертью в конце 1908 г. вдовствующей императрицы Цыси, которая почти полвека правила Срединной империей поистине железной рукой. Ее смерть дала новый шанс реформаторам, понимавшим, что без радикальных преобразований Китаю грозит окончательное закабаление и распад, но их противников, выступавших за сохранение статус-кво и пытавшихся заручиться поддержкой иностранных держав, тоже нельзя было сбрасывать со счетов. С момента свержения маньчжурской династии в 1911 г. китайское государство начало распадаться на глазах, прежде всего за счет окраинных, неханьских территорий. Сепаратистское движение в Монголии вспыхнуло немедленно и за считанные месяцы добилось успеха в виде фактического отделения от Китая и признания ее независимости со стороны России — сначала де-факто, а потом и де-юре. Деятельность русских дипломатов, военных, разведчиков, финансистов и просто искателей приключений в ее пустынях в 1912–1915 гг. обильно документирована, и кто заглянет в довоенные тома «Международных отно-

шений эпохи империализма», обнаружит немало интересного. Хоть роман пиши! Впрочем, непридуманное — по крайней мере, по моему скромному мнению, — все-таки интереснее любого вымысла.

«О результатах своей поездки к нам, — пишет посол, — Князь Кацура, по возвращении, подробно сообщал премьер-министру и министру иностранных дел и вообще считает, что восьмидневное пребывание его исчерпало главнейшую цель его путешествия по Европе, которое он предполагал растянуть на несколько месяцев. Он лишь крайне сожалеет, что обстоятельства не дали ему возможности дожидаться Высочайшего приема. Также за необходимостью отъезда ввиду печальных вестей о безнадежной болезни Императора не пришлось ему видеть французского премьер-министра, который дважды телеграфировал ему в Петербург, прося задержаться там до его приезда».

Впрочем, миссия в Россию была уже делом прошлого. Кацура был весь устремлен в будущее. «Говоря о своем назначении на должность обер-камергера и хранителя государственных печатей, — пишет Малевский-Малевич, — Князь Кацура не скрыл от меня, что его новый пост вовсе не является почетной синекурой. Покойный Император при всей своей огромной опытности и знании страны и людей в важных случаях обращался за советом к своим доверенным лицам, так называемым «генро», которых при нем было только три — Ито, Ямагата и Мацуката. Молодой Император, в юности часто болевший, совершенно не занимался государственными делами и лишь последние годы приучался к военной службе. Ему, при Его неопытности, еще более нужны такие доверенные советники, прошедшие долгую государственную карьеру на ответственных местах. Одним из первых актов молодого микадо по вступлении на престол было подписание благодарственных рескриптов как прежним «генро» — Ямагате и Мацукате, так и Маршалу Ояме, Маркизу Иноуэ и ему, Князю Кацуре, что тем самым сделало их всех членами личного совета Императора «генро», который собирается по мере надобности во дворце, или под председательством Его Величества, или под председательством принца Фусими старшего».

Здесь надо сделать пояснение исторического характера, необходимое для правильного понимания событий. Термин *генро* («государственный старейшина») уже встречался на этих страницах, но пока не был должным образом объяснен. Так называлась группа «мудрецов», виднейших сановников,

безоговорочно преданных императору Мэйдзи и не грешивших никаким вольномыслием. Оппозиционеры вроде Итагак и Окума, при всех их титулах и заслугах перед троном, оказаться в их числе никак не могли. Группа *гэнро* в составе семи человек — Ито Хиробуми, Ямагата Аритомо, Курода Киетака, Мацуката Масаеси, Сайго Цугимити, Ояма Ивао, Иноуэ Каору, сложилась сама собой, из практики обращения императора к ним (не обязательно ко всем вместе!) за советом. Их права и полномочия не были определены никаким документом или законом. Даже сам термин *гэнро* появился не сразу (первое упоминание в печати зафиксировано в 1892 г.), а в официальный обиход вошел только в 1898 г., с формированием второго кабинета Ямагата. К этому времени Ито, Курода, Ямагата и Мацуката получили указы императора о назначении их «государственными старейшинами» (что, очевидно, имел в виду Кацура).

Обязанности и полномочия *гэнро* различались. Самыми влиятельными были Ито и Ямагата, которых можно назвать универсальными политиками. Курода, несмотря на чин генерал-лейтенанта, был известен прежде всего как хороший «хозяйственник» (10 лет министр по делам Хоккайдо, 5 лет министр сельского хозяйства), Мацуката — как «финансовый гений», Сайго — как морской министр (12 лет), маршал Ояма — как герой всех войн, в которых участвовала Япония, Иноуэ — как финансист и дипломат. С ними император консультировался, главным образом, по конкретным вопросам, находившимся в их компетенции. То есть скорее всего не стал бы спрашивать Мацуката о необходимом тоннаже военного флота, а Ояма — о перспективах получения займов в Европе. Ито, Ямагата и отчасти Иноуэ имели свое мнение обо всем.

К описываемому времени Ито, Курода и Сайго умерли, Ояма отошел от дел. Иноуэ и Мацуката, несмотря на возраст и недуги, продолжали вмешиваться в государственные дела, но после убийства Ито безоговорочно признали Ямагата «первым среди равных». Есть все основания полагать, что именно он в 1911 г. решил «омолодить» группу: Ояма — самому младшему — исполнилось семьдесят (прямо брежневское политбюро до Горбачева!) — за счет Кацура, полного сил и энергии в свои 64 года. Уже тогда князь получил соответствующий именной указ, так что Малевский-Малевич, видимо, не вполне понял собеседника. Стоит добавить, что в новом качестве Кацура стал проявлять еще большую независимость от Ямагата. Маршала он глубоко чтил, но быть его «тенью» не хотел.

Чем же занимались *гэнро*, собравшись вместе? «На этих совещаниях, — рассказывал Кацура, — обсуждаются как важнейшие государственные дела, так и вопросы фамильные и придворные. Но советы эти собираются не столь часто, между тем молодому Императору необходимо иметь постоянно при себе опытного советника, которому он вполне доверяет. Этой высокой роли руководителя молодого монарха в первых шагах его правления он, Кацура, посвятит все свои силы и все умение и надеется принести пользу своему отечеству и трону удали от политических тревожений и парламентской борьбы партий. Во дворце он бывает ежедневно от 9 часов утра до 3 часов пополудни, и всякий доклад, подносимый Императору, и от него исходящие резолюции и повеления проходят чрез его руки, он поэтому все знает и за всем следит. Его новые должности поглощают все его время, но он счастлив быть в такой близости к Императору и радуется видеть в своем молодом повелителе прекрасные качества ума и сердца». Остается добавить, что нынешняя должность должна была казаться монархисту и традиционалисту Кацура особенно почетной, поскольку он происходил из низкорангового самурайства, слабо представленного при дворе. Это не Сайондзи с его многовековыми аристократическими корнями.

«В разговоре со мной, — заключает Малевский-Малевич свой доклад, — Князь Кацура называл Императора «mein junger Herr» (мой молодой господин. — *В.М.*), а иногда отечески — «mein junge» (мой мальчик. — *В.М.*)» (27).

Все было бы хорошо, но вслед за этим Кацура совершил фатальную ошибку, от которой, казалось, сам же себя и предостерегал. Уступив пост премьера Сайондзи, он не оставлял надежды вновь стать главой правительства, но вряд ли мог рассчитывать занять *одновременно* две высших придворных должности, да еще при сюзерене, полностью зависевшем от его мнений и советов. Премьеры приходят и уходят, а лордом-хранителем печати и обер-камергером Кацура мог оставаться до смерти или, по крайней мере, пока это физически было в его силах. Однако властолюбивый князь не успокоился на достигнутом. Его неудержимо потянуло в атмосферу «политических тревожений и парламентской борьбы партий».

22 ноября на заседании правительства военный министр Уэхара предложил сформировать две новых дивизии, ссылаясь на то, что император еще в 1907 г. дал согласие на четыре дивизии, а созданы были только две, и что они необходимы

для поддержания порядка в Корее. А также, добавляли некоторые газеты, для отражения потенциальной русской угрозы. Кабинет единодушно отверг предложение, в том числе и потому, что партия Сэйюкай одержала убедительную победу на последних выборах именно под лозунгами строжайшей экономии государственных средств. Придя к власти, премьер Сайондзи потребовал от всех министерств и ведомств сокращения их расходов на 10—15%. Уэхара бросился к Ямагата, который решительно встал на его сторону и приехал в столицу, прервав обычную уединенную жизнь в курортном городке Одавара. Военный министр ушел в отставку, предоставить новую кандидатуру армия отказалась (министром мог быть только генерал на действительной службе), императору вмешаться не дали, даже если он бы и захотел это сделать. Сайондзи постепенно дозрел до того, чтобы договориться с армией «по-хорошему», но не успел и вынужден был 5 декабря сложить свои полномочия.

Пресса и общественное мнение осудили действия Уэхара и Ямагата, но старый маршал был непримирим даже после предотвращения покушения на его жизнь. Несмотря на советы и даже предостережения друзей и союзников, он решительным движением продвинул Кацура в премьеры и... навсегда погубил его репутацию. Во-первых, князю пришлось отказаться от недавно полученных постов лорда-хранителя печати и оберкамергера, что выглядело не слишком-то почтительно по отношению к императору. Во-вторых, становиться премьером в такой взрывоопасной ситуации, да еще с подачи нелюбимого «общественностью» Ямагата значило обрекать себя на жесткую критику по любому поводу. Адмирал Ямамото Гомбэй и старый бюрократ Киеура Кэйго, к которым *гэнро* обратили было свои взоры, от такой чести отказались. Наконец, сам процесс формирования кабинета шел негладко, поскольку новый премьер сразу же стал проявлять диктаторские замашки. Морской министр адмирал Сайто присоединился к подавшим в отставку коллегам, а рекомендовать нового министра в правительство флот отказался, как только что сделала и армия. Кацура хотел видеть Сайто министром своего кабинета и добился издания специального императорского указа, повелевавшего адмиралу оставаться на своем посту, что с учетом позиции нового премьера при дворе вызвало новую вспышку недовольства. Кацура обещал флоту выполнить программу строительства новых военных кораблей, но уладить конфликт удалось с большим трудом.

Премьер подбирал сотрудников по принципу личной преданности, не стесняя себя «общественным мнением». Гото снова стал министром путей сообщения и президентом государственных железных дорог. Министр финансов Вакацуки был вице-министром во втором правительстве Кацура, министр просвещения Сибата — генеральным секретарем в обоих его кабинетах. Министра внутренних дел Оура, с которым мы встретимся в следующей главе, открыто называли «политическим вассалом Ямагата». 17 декабря правительство было сформировано, правда, со значимым исключением министра иностранных дел, обязанности которого временно исполнял премьер. Команда собралась, прямо скажем, не худшая, но рассчитывать на какое-либо сочувствие и тем более популярность ей не приходилось.

Зачем Кацура пошел на это в столь невыигрышной ситуации? Был ослеплен жадой власти? Ее у него и так было достаточно. Не смог отказать Ямагата, который, похоже, всерьез намеревался установить в стране военную диктатуру? Князь — не мальчик, и должен был понимать, что это едва ли возможно. Решил по-наполеоновски «ввязаться в хороший бой, а там посмотрим...»? Непохоже на него, пусть решительного, но при том опытного и осторожного политика. Был настолько уверен в силах своих сторонников? Но против него были *гэнро* (кроме Ямагата), большинство флота, парламент, пресса.

Тем не менее на первом же приеме дипломатического корпуса Кацура источал бодрость и оптимизм. Он просил Малевского-Малевича передать наилучшие пожелания «друзьям в России», намекая на новый прогресс в двусторонних отношениях, и послал приветственную телеграмму Сазонову (28). В день назначения министром Гото также поспешил через секретаря засвидетельствовать послу свое почтение. 25 декабря они встретились у барона дома.

«Заверяя меня в своей личной приязни, — сообщал посол, — барон Гото подтвердил свою готовность по-прежнему прилагать посильные старания к укреплению дружественных отношений между Японией и Россией. Хотя он не имеет прямого касательства к внешней политике, но ввиду солидарности, связывающей кабинет, надеется быть столь же и впредь мне полезным, как был при Комуре, например, когда возникли здесь предварительные переговоры о политическом соглашении 1910 г.

Поблагодарив его за любезное обещание и отметив, что в новом кабинете лишь двое министров — юстиции и народного

просвещения — мне не знакомы, — продолжает Малевский-Малевич, — я повел разговор на назначение барона Като, приезд коего из Лондона оповещен был в здешних газетах. Гото подтвердил мне с еще большей определенностью, чем князь Кацура, что Като предназначается на пост министра иностранных дел, но оговорился, что назначение это может состояться не прежде, как после выработки Кацурой общей программы внешней политики нового правительства. Только в том случае, если эта программа будет принята бароном Гото, последует указ о вступлении его (Като. — *В.М.*) в кабинет».

Назначение англофила и русофоба Като главой внешнеполитического ведомства как будто противоречило общей линии кабинета, но было не столько компромиссом с либералами внутри страны, сколько попыткой смягчить возможную негативную реакцию держав. Гото откровенно признал, что определять политику будут он и премьер, а Като отводится роль исполнителя, хотя министерский пост он занимал не впервые. Вспомним, когда Кацура только собирался в дальний путь, газеты указывали именно на Гото как на министра иностранных дел его «теневых кабинета».

«Затем, — пишет Малевский-Малевич, — мы коснулись недавнего министерского кризиса, причем я не скрыл от моего собеседника, в какой степени сторонникам русско-японской дружбы было неприятно видеть в газетной полемике, по поводу проекта увеличения армии, что мотивом формирования двух новых дивизий выступала, будто бы, агрессивная политика России в Китае. На это Гото мне заметил, что спор из-за двух дивизий возгорелся на почве соперничества между военным и морским ведомствами и что в пылу полемики сторонники военных сфер готовы были воспользоваться всякими сколько-нибудь правдоподобными аргументами, чтобы доказать свою правоту. Так же точно моряки, доказывавшие необходимость расширения флота, базировались на развитии северо-американского судостроительства, будто бы угрожающем морскому положению Японии в Тихом океане. И та, и другая исходная точка спора были искусственны и нетактичны. Он, Гото, в соперничестве двух ведомств усматривал слабость недостаточно соединенного кабинета Сайондзи и уверен, что в твердых руках князя Кацура подобная полемика не повторится. Во всяком случае, по его мнению, во всем бывшем шуме много виновата распушенность прессы, которую надлежало бы подчинить большему контролю правительства. Ему, со своей стороны, было также весьма неприятно читать в газетах,

будто князь Кацура остался недоволен приемом, оказанным ему в России, и будто холодность наших взаимных отношений проявлялась в том, что на похоронах Императора Муцухито не присутствовала в качестве Представителя Государя Особа Императорской Фамилии. Он просит меня не придавать этим толкам никакого значения. Я ответил ему, что действительно видел подобные заявления в газетах, но считал их ничем иным, как попытками наших завистников посеять раздор между нами; что я ни минуты не подозревал чего-либо серьезного за ними и вполне верю в искренность князя Кацура, который лично и официально выражал свою благодарность за оказанный ему у нас прием и меры, принятые во время его путешествия».

Несмотря на взаимные успокоительные заверения, отсутствие на похоронах императора Мэйдзи (13 сентября) представителя дома Романовых или хотя бы сановника в ранге министра, конечно, бросалось в глаза и наводило на мысли о том, что в двусторонних отношениях не все благополучно. Британию представлял принц Артур Коннот, вручивший молодому императору Орден Подвязки, Германию — принц Генрих Прусский, Соединенные Штаты — госсекретарь Нокс. От России был только Малевский-Малевич, «чинов» которого — гофмейстер, сенатор и посол, было явно недостаточно для события такого уровня. Кроме того, официальный траур в Петербурге продолжался не месяц, как того требовал этикет, а всего две недели*.

Разговор перешел к внутренним делам. Гото не проявил желания говорить о них и только заметил, что «правительство не закрывает глаза на предстоящую оппозицию нижней палаты и не делает себе иллюзий». На этот раз он показался послу куда менее жизнерадостным и общительным, чем обычно, хотя всегдашней энергии не утратил. «Нет никакого сомнения, — подводил итог Малевский-Малевич, — что главной рабочей силой в кабинете и правой рукой премьера является Гото (газеты называют его «вице-премьером»). Он, по слухам, служит посредствующим звеном между Кацурой и новыми членами, поступившими в кабинет; при его посредстве, как мне известно из частного достоверного источника, собираются у больших предприятий суммы, нужные на подбор депутатских голосов. Между тем он еще при первом своем вступлении в министерство Кацуры утратил часть своей популярности и

* На это обстоятельство внимание автора обратил П.Э. Подалко.

давно служит мишенью всевозможных нападок со стороны оппозиционных парламентских групп и либеральной печати». Прощаясь, Гото передал послу для Сазонова приветственное послание и альбом видов Японии, выпущенный Управлением государственных железных дорог (29).

Наихудшие ожидания оправдались уже через несколько дней. Оппозиционные депутаты создали «Общество защиты конституции» и заявляли о решимости положить конец господству бюрократов. Оживилось и давнее соперничество кланов. Сацумский старейшина адмирал Кабаяма веско заметил: «Теперешняя борьба между правительством и оппозицией — это борьба между Тесю (к которому принадлежал Кацура. — *В.М.*) и народом». Однако премьер вел себя так, будто ничего не происходит. Демонстрируя независимость от Ямагата, он вежливо, но решительно сказал ему: «Теперь, когда я отвечаю за правительство, вам незачем обременять себя политическими вопросами. Возвращайтесь на виллу и отдыхайте, наблюдайте за событиями». Неудивительно, что старый маршал остался очень недоволен. Действия Кацура и Гото на ниве «партийного строительства» тоже не дали нужных результатов. Их детище — партия Риккэн-досикай, создание которой было провозглашено на торжественной церемонии 7 февраля в присутствии 81 депутата и всех министров, смогло объединить некоторое количество бюрократов, независимых депутатов и переребечиков из лагеря оппозиции, но с самого начала было аморфной «партией власти», не имевшей массовой поддержки. Ямагата и его «старорежимное» окружение отнеслись к этой затее отрицательно. Большинство сторонников маршала под разными предлогами отклонило приглашение Кацура влиться в ряды его партии.

Даже с такой «базой», над созданием которой Гото трудился не покладая рук, перспективы были безрадостны. Премьер добился императорского указа о продлении новогодних каникул парламента и не скрывал, что в случае вынесения вотума недоверия распустит нижнюю палату и назначит новые выборы, собираясь использовать «административный ресурс». Возобновление сессии 5 февраля началось, как и следовало ожидать, с предложения о недоверии. Вооружившись новым указом о прекращении сессии на пять дней, Кацура пытался уговорить Ямагата повлиять на оппозицию, а Сайондзи — добиться отзыва вотума, но оба предпочли выжидать. Утром 10 февраля адмирал Ямамото в резком тоне потребовал от премьера немедленной отставки. Князь ответил, что за власть не

держится. Открытие сессии в тот же день вызвало массовые демонстрации в столице и крупных городах, которые быстро переросли в беспорядки. Демонстранты оскорбляли и избивали сторонников Кацура (в том числе депутатов), громили редакции проправительственных газет, полицейские участки и... трамваи, вызывавшие особую ненависть дороговизной проезда. Полиция применила оружие, появились жертвы и арестованные.

К вечеру порядок был восстановлен. Но на следующий день правительство подало в отставку, пробыв у власти всего 62 дня. (Этот «рекорд» побил только кабинет принца Хигасикуни — август—октябрь 1945 г., созданный специально для принятия капитуляции.) Ямагата, наблюдавший за событиями из Одавара (Кацура не спросил его совета и тем более не позвал на помощь), примчался в столицу, чтобы выразить неудовольствие бывшему премьеру и поучаствовать в выборах нового. По всеобщему согласию им стал Ямамото. Преемником Като на посту министра иностранных дел оказался атлантист Макино Нобуаки, ранее входивший в оба кабинета Сайондзи.

Като еще предстояло большое будущее, включая кресло премьера. Кацура же превратился в политический труп. Он, правда, пытался проявлять какую-то активность. Так, например, обсуждал с приехавшим в Японию Сунь Ятсеном «проблемы китайско-японского сотрудничества и даже планы освобождения Индии от английского господства (!), пытаясь убедить китайского гостя в том, что Япония не стремится к покорению Китая. Кацура обещал в корне изменить политику Японии в отношении Юань Шикая, на чем настаивал Сунь Ятсен, но попросил Суня уступить японцам Маньчжурию. Бывший премьер заявил, что Япония ради этого не только откажется от союза с Англией, но и поможет Китаю освободиться от британского влияния. Как видим, выговаривая за свои услуги особую плату (китайской территорией), Кацура не преминул окрасить новый курс по отношению к Китаю в паназиятский цвет в расчете на пристрастие Суня к этим концепциям. Существуют сведения, будто Сунь Ятсен принял японский план» (30).

Мы не знаем, участвовал ли Гото в этих переговорах или их организации, но это представляется весьма вероятным. Во-первых, он был настроен антибритански больше, чем Кацура, при котором были заключены все три договора с Лондоном. Во-вторых, Сунь Ятсен прибыл в Японию в качестве генераль-

ного директора Бюро по строительству железных дорог в Китае, что давало удачный повод для их контактов даже с формальной точки зрения.

Здоровье Кацура было фатально подорвано случившимся, и 10 октября того же года он умер в возрасте 66 лет. На страницах вестника Восточноазиатской ассоциации — любимого детища покойного, Гото в кратком надгробном слове сравнил его с Бисмарком. «Кризис Тайсё» дискредитировал и все его окружение, в первую очередь Гото. Тот почти на четыре года был отрешен от власти и вернулся в правительство только осенью 1916 г., в совершенно иных условиях.

ГЛАВА 4

Искусство возможного: на пути к русско-японской «антанте»

«Кризис Тайсё» не то что испортил, но осложнил на время русско-японские отношения. Кацура и Гото впали в немилость у соотечественников не потому, что выступали за дружбу с Россией. Напротив, к прорусским настроениям стали относиться с подозрением, потому что их носителями были такие одиозные фигуры. Тут на ум приходит аналогия с «делом» Судзуки Мунэо в 2002 г., когда остракизму был подвергнут один из влиятельных деятелей Либерально-демократической партии, занимавшийся в том числе неофициальным «наведением мостов» между Токио и Москвой. Политические противники из рядов своей же партии расправились с ним не из-за этого, а в соответствии с японской пословицей «торчащий гвоздь забивают». Но шельмование и арест Судзуки, а также аресты и увольнения его ближайших сотрудников по русскому направлению, включая бывшего главного аналитика МИД Сато Масару, нанесли явный ущерб двусторонним отношениям. Использовали их и для дискредитации нашей страны: дескать, негодяй Судзуки мог дружить только с нехорошими людьми.

Период 1906–1916 гг. относится к числу наименее изученных в истории российско-японских отношений. Ярких событий — вроде войн или хотя бы визитов царствующих особ (не считая одного, и то вполне заштатного великого князя) — не происходило, а наиболее содержательные и интригующие статьи четырех соглашений, заключенных в это время, стали достоянием публики только после большевистской революции. Советская историография, в нечастых случаях обращения к данной проблематике, в основном занималась отыскиванием «межимпериалистических противоречий», акцентируя внимание на негативных сторонах и с неохотой говоря о позитивных. Кроме того, с разгромом «школы Покровского» и посте-

пенным возвращением к осознанию национальной гордости за прошлое во второй половине 1930-х годов о русском империализме было велено писать хоть и критически, но все же помягче, чем об иностранном. Психология «капиталистического окружения» в настоящем диктовала применение принципа «кругом враги» к событиям прошлого. Поэтому история русско-японских отношений даже спокойного последнего десятилетия перед революцией в изложении иных авторов кажется сплошным кошмаром.

Аргументы у них были, хотя скорее виртуального характера. В русской прессе хватало японофобских статей, в японской — русофобских. Призрак новой войны маячил еще несколько лет после Портсмутского мира, хотя трезвомыслящим людям было ясно, что никто ни на кого нападать не собирается. В Петербурге думали, как справиться с мощной волной оппозиционного движения, перешедшего в вооруженный бунт, и как решить аграрный вопрос — главную причину возможного революционного взрыва. В Токио тоже хватало своих забот. «После войны Япония сосредоточит все усилия, — писал еще в декабре 1904 г. (!) из японской столицы бельгийский посланник, — на восстановлении подорванных сил, оживлении промышленности, обустройстве Кореи и эксплуатации ее ресурсов. Ни одна держава не будет более заинтересована в мире. И я знаю, что император, правительство и все японские государственные деятели прекрасно понимают, что для длительного сохранения мира нельзя ни угрожать имеющимся владениям и существующим интересам других держав, ни покушаться на них» (1). И оказался прав.

Разговоры о войне велись, главным образом, в корыстных интересах определенных групп. Японское военное министерство мотивировало «русской угрозой» необходимость увеличения военного бюджета (ситуация в точности повторится в 1930-е годы). А приамурский губернатор Унтербергер пугал царя, правительство и общественность записками о «японской угрозе» (отчасти для лучшего финансирования своей вотчины, отчасти для придания себе большего политического веса), пока его в решительных выражениях не отчитали премьер Столыпин и министр иностранных дел Извольский, которым губернатор-алармист норовил смешать все карты* (2).

* Записка Унтербергера «Серьезность нашего положения на Дальнем Востоке» (17 октября 1909 г.) была отпечатана типографским способом и рассылалась, как говорили в советские времена, «по особому списку», да так, что содержание ее стало известно общественности, включая оппозиционные круги.

Увы, человеческая психология устроена таким образом, что порой легче завоевать популярность криками об опасности и призывами к бдительности, нежели кропотливой работой по созданию и укреплению добрососедских и союзнических отношений. Примеров тому в истории несть числа.

В августе или сентябре 1909 г. японский посол в Петербурге Мотоно — впервые за три года пребывания в должности — испросил аудиенции у Николая II. Его слова произвели на царя настолько сильное впечатление, что он даже записал их: «Если бы они (японцы. — *В.М.*) думали напасть на Россию, то почему не сделали этого до сих пор, когда вся морская граница, включая и крепость Владивосток, совершенно беззащитна; они прекрасно осведомлены, что мы не начали еще самых основных работ... Его Величество государь имеет полную возможность вовсе не строить укреплений, поскольку Япония и не помышляет о каких-либо агрессивных действиях; вся цель его аудиенции заключается в том, чтобы сказать, что они осведомлены о тех тревожных донесениях, которые мы получаем с места, но эти сведения решительно ни на чем не основаны, только напрасно беспокоят нас и вселяют недоверие к ним, тогда как они желают лишь одного — закрепить наши взаимные отношения самым тесным и искренним сближением». «Меня не удивляет вовсе, — сказал, прочитав свою запись министру финансов Коковцову, Николай II, — стремление японского посла убедить нас в миролюбии его правительства — это его прямая обязанность. Но меня просто поразило, до какой степени осведомлена Япония о положении Владивостока... Очевидно, это сущая правда, и лучшего аргумента в опровержение тревожных телеграмм Унтербергера нельзя было представить» (3).

Окончание русско-японской войны не просто привело к формальной нормализации отношений, но и разрядило напряженность в них. Еще до подписания Портсмутского мира д'Анетан отмечал обоюдное желание сторон установить «не только нормальные, но дружественные отношения». Приведу всего два примера. Павел Васкевич, член комиссии по проведению новой границы на Сахалине (не самое приятное поручение для русского дипломата), на склоне лет вспоминал: «Работы по разграничению прошли гладко, при самых дружественных отношениях между ее членами. Стоявший во главе комиссии с японской стороны полковник Осима

(Кэнъити. — *В.М.*)*, впоследствии занимавший пост военного министра, всячески старался подчеркнуть, что все прошлое должно быть забыто, что в будущем отношения между японцами и русскими должны зиждиться на тесной дружбе... По окончании работ по разграничению о. Сахалин председатель комиссии и я были приглашены председателем японской комиссии полковником Осима в Токио в качестве гостей. Нам был устроен исключительно радушный прием. Нас познакомили с высшими государственными деятелями Японии, и от них мы только и слышали, что прошлое во взаимоотношениях России и Японии должно быть забыто и что между нами должны царить единение и дружба. На аудиенции, данной нам японским императором, его величество удостоил нас исключительного внимания, заговорив (непосредственно с нами, без переводчика. — *В.М.*) по-японски, как исключение в отношении иностранцев, с которыми всегда разговоры велись с помощью японского переводчика**. Конечно, такое внимание не могло быть принято нами за наш личный счет, а как внимание особое в отношении русских, с которыми должны царить мир и единение, что было отмечено также императором» (4).

Однажды в 1897 г. японский поверенный в делах в Петербурге Мотоно Итиро пришел к Роману Розену, будущему посланнику в Токио, неформально поговорить о необходимости по-хорошему решить накопившиеся в двусторонних отношениях проблемы. Собеседники пришли к полному согласию, но, увы, не они «делали политику» своих стран. Девятнадцать лет спустя, на третьем году мировой войны и незадолго до революции, Розен напомнил Мотоно давнюю беседу. «Да, — ответил тот, — если бы тогда наши усилия увенчались успехом, мы вполне могли бы предотвратить войну между нашими странами. Хотя в конце концов, может быть, и лучше, что мы воевали. Мы как следует узнали друг друга!» Сказано это было без малейшей враждебности или, упаси Господи, легкомыслия (5).

* Его сын генерал Осима Хироси был военным атташе (1934—1938) и послом (1938—1939, 1941—1945) в Берлине и одним из инициаторов Антикоминтерновского пакта.

** Точно так же поступил Гитлер на новогоднем банкете в рейхсканцелярии 12 января 1939 г., обратившись к советскому полпреду Мерекалову подчеркнуто любезно и без переводчика. Иностранные наблюдатели единодушно восприняли это как знак изменения позиции фюрера в отношении СССР.

В январе 1906 г. были восстановлены дипломатические связи. В Петербург был назначен переведенный из Парижа Мотоно. Надо признать, что русский посланник в Токио Георгий (сам он называл себя Юрий) Бахметев значительно уступал ему и опытом, и авторитетом. Подобно Хитрову и Извольскому, он раньше служил на Балканах, что в глазах многих иностранцев было не лучшей рекомендацией, так как предполагало склонность к интригам и привычку вести себя в стране пребывания как дома. В Японии, да еще после какого-никакого, но поражения, так поступать не рекомендовалось.

Россия была вынуждена пойти на значительные уступки, но это не делало менее важной стратегическую задачу освоения и развития Приамурья и Приморья. Напутствуя Бахметева, только что назначенный министром Извольский писал: «Такая программа деятельности требует продолжительного периода безусловно мирных и дружественных отношений с соседними державами. Нельзя работать плодотворно над развитием края, коему ежеминутно угрожает опасность войны. Отсюда вытекает необходимость для наших представителей в соседних странах Дальнего Востока, в особенности же в Японии, приложить все старания к поддержанию с ними самых дружественных и искренних добрососедских отношений».

Характеризуя эти инструкции, историк Л.Н. Кутаков писал: «Извольский считал, что «исходной точкой нового периода дипломатических отношений с Японией должен служить мирный договор, заключенный с ней в Портсмуте». Он обращал внимание Бахметева на то, что договор намечает «лишь основные начала, причем некоторых пунктов наши уполномоченные не касались вовсе, дабы не усложнять дело, что другие весьма существенные вопросы затронуты в договоре лишь вскользь, общим образом». Исходя из этого, Извольский ставил задачу добиваться «смягчения невыгодных сторон трактата, заключенного после неудачной войны». Отмечая необходимость «принять во внимание создавшееся на Дальнем Востоке политическое положение», инструкция предписывала также «путем систематического и весьма осторожного образа действий стараться извлечь возможную из этого положения выгоду».

Конкретные задачи, которые ставились царским правительством перед русским посланником в Японии, сводились к следующему: 1) изучить права и преимущества других дер-

жав, для того чтобы учесть это при заключении торгового договора; 2) поддерживать хотя бы с урезанными правами суверенитет Кореи; 3) в отношении Ляодунского полуострова, права на аренду которого перешли к Японии, инструкция указывала на желательность возвращения названной территории ее собственнику — Китаю по истечении срока контракта (т.е. в 1923 г.), к чему должны быть направлены со всею осторожностью усилия как в Токио, так и в Пекине; 4) в отношении Южного Сахалина указывалось на желательность создания консульства в Корсаковском; 5) переговоры о рыболовстве должны быть начаты по инициативе Японии. Не только в открытых официальных выступлениях ряда политических деятелей, но и в сугубо внутренней секретной инструкции указывалось на необходимость проведения мирной политики в отношении Японии. Извольский высказывал надежду на то, что Япония «поверит в искренность желания России жить с нею в мире».

Однако комментарии Кутакова к этому документу, как будто навеянные писаниями Унтербергерера, выглядят не столь бесспорно: «Прекращение аренды Ляодунского полуострова и уход оттуда японских войск вполне отвечали задачам царизма обеспечить свое влияние в Маньчжурии (где оставалась КВЖД. — *В.М.*). Сохранение, даже с ограниченными правами, суверенитета Кореи отвечало интересам безопасности России на Дальнем Востоке. Царизм видел в этом возможность противостоять дальнейшему укреплению японских позиций в этой стране. Пребывание японских войск в Корее создавало для Японии удобный плацдарм для нападения на русские дальневосточные владения и прежде всего на Владивосток. Учитывая слабость позиций царизма на дальнем Востоке, его стремление к мирному урегулированию имеющихся противоречий, японская дипломатия с середины 1906 г. начала активное наступление на Россию в целях расширения выгод, предоставленных ей Портсмутским мирным договором. Действия японской дипломатии поддерживались активными военными мероприятиями, носившими характер угроз в отношении России» (6).

Разумеется, Япония старалась в полной мере использовать «имидж» победителя, который мог оказать влияние на разрешение в ее пользу ряда вопросов, оставшихся неурегулированными в результате Портсмутского мира, — возмещение расходов на содержание военнопленных, где баланс был решительно не в пользу России, компенсация сахалинским

рыболов-промышленникам, ранее занимавшимся промыслом на Южном Сахалине, компенсация за имущество русских подданных, находившееся на территории арендованного Ляодунского полуострова. Кроме того, Япония могла рассчитывать на поддержку Англии и США. В то же время воевать с Россией она не могла и не собиралась, поскольку ей предстояло как минимум «переварить» новые территориальные приобретения и подготовить окончательную аннексию Кореи. В Петербурге могли не опасаться японской агрессии (хотя панические заклинания Унтербергера со товарищи, конечно, действовали на нервы министрам и царю), но и должны были понимать, что Корея и Ляодунский полуостров для России потеряны, что, придя туда, японцы уже не уйдут, если только не выбить их оттуда силой. Потрясаемая внутренними беспорядками, Россия на это была просто не способна. В 1909 г. не названный по имени высокопоставленный приамурский чиновник говорил английскому журналисту Э. Гаррисону: «Мы в Восточной Сибири слишком заняты своими домашними делами, чтобы забивать себе голову мыслями о новой войне». Так что в сугубо военном отношении между двумя державами сложилась патовая ситуация.

Проблем в российско-японских отношениях оставалось немало. Пришла пора решать их, как говорится, в рабочем порядке. Мотоно был не просто опытным дипломатом и прагматиком, но русофилом и независимым по характеру человеком. Его начальники — Като и сменивший его в мае 1906 г. Хаяси, равно как и сам премьер Сайондзи, не считали Россию главным направлением своей политики, а потому не очень-то и вмешивались в действия посланника. В свою очередь, Извольский и Витте сделали ставку на Европу, но для достижения там своих целей нуждались в крепком и безопасном тыле. Именно в этой связи последний говорил о необходимости «вернуться с востока на запад и постараться восстановить наш авторитет». В некоторых европейских столицах, прежде всего, как водится, «союзных», начали поговаривать, что с Россией можно больше не считаться, поскольку она не способна на внешнюю экспансию (хотя в Лондоне ее продолжали бояться). Однако поражение в войне с Японией, при всей его «знаковости», имело локальный характер, и даже с поправкой на дестабилизирующий эффект революции, к чему японцы тоже приложили руку, мощь Российской империи и тем более ее потенциал оставались огромными.

Витте, Извольский, Коковцов, как ранее Ламздорф, были против «активной» политики на Дальнем Востоке, к которой Вильгельм подталкивал «кузена Ники». Стратегически «континентальный» союз с Германией больше, нежели с Англией и Францией, соответствовал интересам России, но без резких движений на «далекой окраине», для которых просто не было сил. Примирить Японию с Германией — в условиях формирующегося на основе англо-японского и франко-русского союзов антигерманского «сердечного согласия» — тоже было едва ли возможно.

В истощенной войной Японии наиболее дальновидные государственные деятели тоже стремились закрепить достигнутые в Портсмуте результаты путем улучшения отношений со вчерашним врагом. Речь шла не о заключении союза, что было нелегко, хотя и возможно по прошествии некоторого времени, но о достижении необходимого *modus vivendi*, прежде всего по конкретным вопросам вроде транзитного железнодорожного сообщения, распределения рыболовных участков и квот или компенсаций за нанесенный по каким-либо причинам ущерб. Именно такие проблемы чаще всего становились камнем преткновения между Токио и Петербургом (позже Москвой), причем обе стороны вели себя на удивление похоже: считали свои требования законными и обоснованными, разумеется, в противоположность незаконным и необоснованным требованиям противной стороны, и подчеркивали, что уже давно достигли максимума возможных уступок, на которые партнер не ответил ни единым жестом доброй воли. Подробно останавливаться на этих сюжетах мы не будем, поскольку они представляют сугубо специальный интерес. Важнее другое. Как бы трудна ни складывалась ситуация — трудности были, только их не стоит ни преуменьшать, ни преувеличивать, — в каждом случае, однако, решение достигалось всегда, потому что при любом режиме надо перевозить грузы и ловить рыбу. Причем не только сегодня, когда можно и кулаком по столу постучать, но завтра, послезавтра и через год.

Более того, выход из казалось бы безнадежной ситуации, как правило, улучшал двусторонние отношения в целом. Подписанный 28/15 июля 1907 г. торговый договор содержал определенные уступки в сторону Японии, но талант дипломата заключается отнюдь не только в умении применять два арифметических действия: отнимать и делить. Договор проложил путь к заключению политического соглашения, а ведущий перегово-

воры о нем гофмейстер Малевский-Малевич был в следующем году назначен послом в Токио.

Назначение совпало с взаимным повышением статуса дипломатических миссий до уровня посольств, что Витте предлагал сделать еще при послевоенном восстановлении отношений. Вернувшись из Портсмута, он говорил своему другу Ламздорфу: «Необходимо в Японию послать не посланника, а посла, показав тем, что Россия придает особую важность сношениям с Японией и трактует ее как великую державу, что, несомненно, подействует успокоительно и благоприятно на самолюбие японцев. Граф Ламздорф мне сказал, что государь полагает назначить туда Бахметева. Я отнесся очень отрицательно к этому назначению, так как Бахметев никогда не занимался вопросами Дальнего Востока, не имеет об этой области дипломатии никакого понятия и, кроме того, насколько я слышал, человек вздорного характера... Граф Ламздорф мне сказал, что... государь что-то очень желает, чтобы туда был назначен Бахметев, и вряд ли ему, Ламздорфу, удастся переменить это решение». «Вероятно, я сделаю так, что Бахметев будет назначен посланником, а когда решится вопрос о назначении посла, то тогда я выставлю кандидата, более соответствующего», — записал Витте слова собеседника (7).

Об отъезде Бахметева, удивленного, что послом назначили не его (Мотоно остался на своем посту), никто особо не пожалел. Зато Малевского-Малевича встретили с большой симпатией. Бельгийский посланник указал на одну из причин такого приема: «Назначение посла, который раньше не занимал важных постов за границей, а в министерстве занимался консульской службой, показывает, что русское правительство не намерено создавать политических трудностей, но хочет поддерживать самые сердечные отношения с Японией». Комментируя в том же письме слухи о назначении «авантюристически» настроенного Бахметева в Вену или Рим, д'Анетан предсказывал активизацию русской политики в Турции и на Балканах, что вполне соответствовало общему курсу Извольского (8).

Уже в 1905 г. Витте настаивал: «...для того, чтобы установить более или менее прочные отношения с Японией, нельзя ограничиваться Портсмутским договором, нужно пойти далее и установить *entente cordiale* с этой державой, род союзного, но, конечно, ограниченного договора». 28 января 1907 г. Извольский представил Николаю II записку о встрече с Мотоно, состоявшейся пятью днями ранее. Министр «высказал мысль

о желательности общего соглашения между Россией и Японией, могущего прочно обеспечить мирное развитие взаимных отношений обеих держав». Мотоно выразил «готовность обсудить всякое конкретное предложение, которое будет ему сделано правительством по этому поводу». Царь коротко написал на полях: «Очень рад» (9).

В этих переговорах русское правительство находилось в «положении обороняющегося», как говорилось в одной из справок МИД. За полный отказ от Кореи и Южной Маньчжурии оно хотело гарантий преимущественного положения в Северной Маньчжурии и Монголии, в которой все более активно действовали японские разведчики и «континентальные *ронины*». На их стороне были весомые преимущества, которыми не обладали русские: расовая близость, знание языка, географии и условий жизни, понимание менталитета местных жителей. Эти «десперадос» знали, чем рискуют, поскольку в случае неприятностей японские власти выручать их не собирались, но шли на риск, с «коктейлем Молотова» — смеси патриотизма, авантюризма и стремления приложить свои силы, оказавшиеся ненужными во все более «упорядоченной» метрополии, в голове. Мы говорим о них сейчас только как об одном из многих факторов большой игры, с которыми Петербургу приходилось считаться.

Да, Россия уступала, согласившись провести границу сфер влияния по реке Сунгари, как предлагал Мотоно. В Портсмуте Витте такое предложение отверг, поскольку в японской «зоне» оказывалось 120 верст русской железной дороги, а к этому виду транспорта у Сергея Юльевича было, как известно, особое «влечение, род недуга», диктовавшееся не одним только патриотизмом. 14 июня особое совещание министров обсуждало окончательный проект соглашения. Ратуя за его одобрение, Извольский указывал, что «договор этот укрепит положение России тем более, что он является лишь одним звеном в сети соглашений (с Англией и Францией), которое, по существу, не может не служить весьма серьезным сдерживающим элементом для возможной экспансионистской политики Японии». Как видим, министр все понимал.

Министр финансов Коковцов и военный министр Редигер признали линию по Сунгари невыгодной для России, но решительно склонились в пользу предложенного проекта соглашения. «За отсутствием такового, — говорил Редигер, — Япония, пользуясь свободой действий, может предпринять, например, в области железнодорожного строительства ряд мер,

направленных прямо против безопасности и прочности нашего положения на Дальнем Востоке». «Все шансы победы, даже на севере, склоняются в пользу Японии», — делал вывод Извольский. Был решен и вопрос с железной дорогой: «Если путем отказа от некоторых своих прав на протяжении 130 верст пути мы застрахуем себя от подобной опасности, — заявил осматрительный военный министр, — то жертву эту следует признать совсем небольшой» (10). Исходя из тех же аргументов, русское правительство без особых возражений одобрило и японско-корейское соглашение 11 июля 1907 г., по которому вся власть в стране фактически переходила в руки японского генерального резидента Ито Хиробуми. В Петербурге наконец-то поняли, что Корея уже «отрезанный ломоть». Четверть века спустя это грубовато, но точно сформулирует Литвинов на заседании политбюро, обсуждавшем вопрос о продаже КВЖД: «Лучше продать, чем просрать». В протоколах этих слов, конечно, нет, но даже если это апокриф, то сказано по делу.

Общеполитическая конвенция между Россией и Японией, подтверждавшая статьи Портсмутского договора в качестве основы для дальнейших двусторонних отношений, была подписана 17/30 июля 1907 г. в Петербурге Извольским и Мотоно. Секретное соглашение, в котором собственно и содержалось самое интересное, фиксировало раздел сфер влияния в Маньчжурии по Сунгари, японский контроль над Кореей и «специальные интересы» России во Внешней Монголии. В общем, обычное соглашение двух империалистических держав того времени.

Советские историки, естественно, ставили сделанные уступки в вину Извольскому и всей «царской дипломатии» в целом, занятым образом повторяя утверждения наиболее «упертых» черносотенных публицистов старого времени. Однако уступки, как я уже не раз повторял вслед за умными людьми, вроде Гото, не всегда означают поражение, в то время как эффектные победы часто оказываются пирровыми. Положение, сложившееся на Дальнем Востоке по итогам русско-японской конвенции 1907 г., вполне укладывалось в сценарий, который еще во время японо-китайской войны предлагал «русский Мольтке» генерал Обручев. Признавая не только военную мощь Японии, но и ее потенциальную опасность для России, он считал необходимым «мирно, без войны» договориться с ней о разделе сфер влияния в Маньчжурии и в Корее (которая тогда еще не была под полным японским контролем)

и категорически выступал против союза с Китаем. «По мнению Обручева, ценой уступки Японии Южной Маньчжурии и стратегически важных портов Ляодунского полуострова Россия могла и должна была приобрести бассейн Сунгари, а признавая за японцами право протектората над Кореей, исправить русско-корейскую границу за счет северных областей Страны утренней свежести... Начальник Главного штаба сформулировал весьма амбициозную программу изменения границ России за счет китайской Северной Маньчжурии — провинций Гири и Хэйлунцзян, а также части Северной Кореи. Аннексия этих территорий, полагал Обручев, позволила бы сократить протяженность границы с Китаем почти на 2000 верст (фактически по линии КВЖД. — В.М.) и помогла бы создать в бассейне реки Сунгари «сильную Русскую провинцию» — экономическую и стратегическую основу могущества России на Дальнем Востоке... России следовало не пытаться силовым давлением лишить японцев плодов их побед в Корее и Китае, а вступить в соглашение со Страной восходящего солнца и добиться территориальных компенсаций, которые существенно укрепили бы стратегическое положение России» (11).

Ничего не скажешь — вполне разумная программа. Однако реализована она не была. «Потопил» ее не кто иной, как Витте, подчинивший своей воле остальных членов Особого совещания: рамолического вельможу Лобанова-Ростовского, для которого мир ограничивался несколькими европейскими дворами; бездарного и отставшего от времени военного министра Ванновского; коррумпированного, а потому не слишком заботившегося о государственных интересах генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича и даже морского министра Чихачева, во многом согласного с Обручевым.

Делал все это будущий «граф Полусахалинский» не вполне бескорыстно. Анализируя судьбу проектов Обручева, современный историк В. Каширин сделал категорический вывод: «В борьбе за мнение монарха в 1895 г. победил Витте. Развернув перед императором блестящую картину будущего «мирного проникновения» России в китайские земли, министр финансов убедил его в необходимости добиваться, *даже с риском войны* (выделено мной. — В.М.), удаления японцев из Южной Маньчжурии. Витте был сторонником железнодорожной и экономической экспансии в Китае, позволявшей его ведомству и ему лично играть главную роль в дальневосточных делах империи. Однако строительство железных дорог в Маньчжурии и проникновение к Желтому морю, не имевшее под собой

основы в виде военного и военно-морского могущества России на Дальнем Востоке, было авантюрой. Б.А. Романов (известный историк. — *В.М.*) убедительно доказал, что захват Ляодуна стал прямым и естественным следствием политики Витте, хотя тот впоследствии старался всеми силами доказать свою непричастность к этим действиям. Осуществление этого курса сделало войну с Японией не только неизбежной, но и очень близкой». 150-летие Витте в 1999 г. в современной России отмечали, возможно, за какие-то другие заслуги, но применительно к началу XX в. его следовало бы назвать злым гением нашей страны.

Но вернемся к событиям 1907 г. За успешное завершение переговоров (за два дня до политической была подписана еще и рыболовная конвенция) Мотоно и сменивший его в Париже Курино, бывший посланник в Петербурге, получили баронские титулы, министр иностранных дел Хаяси — графский. Япония действительно добилась многого, но сумела сделать это, не вызвав антагонизма ни у русского правительства, ни у общественности (хотя алармисты, конечно, были, есть и будут). Конвенция и сопровождающие ее документы положили конец «послевоенному» состоянию отношений, в которых Портсмутский договор урегулировал далеко не все проблемы. Теперь можно было жить нормально, как подобает соседям.

Премьер Сайондзи не считал русское направление приоритетным. Однако вернувшийся к власти в июле 1908 г. Кацура, помимо репрессий против левой оппозиции и подготовки к полной аннексии Кореи, решил с помощью Комура, снова севшего в кресло министра иностранных дел, разыграть «русскую карту». В эту работу активно включился находившийся на подъеме Гото, который впервые занял министерский пост. Его крупным успехом стало то, что усилиям Кацура стал содействовать князь Ито Хиробуми, принадлежавший к другому «партийному» лагерю.

Русско-японская война не изменила позиции старого князя на необходимость партнерства с Россией. Примечательная деталь: находясь в момент объявления войны в Токио, он передал отъезжавшему русскому посланнику Розену, что официальное положение мешает ему лично попрощаться с ним, но что он до самого последнего момента прилагал все усилия для сохранения мира и надеется на возобновление дружеских отношений в самом ближайшем будущем. А Эномото Буё, первый японский посланник в Петербурге, а затем министр иностранных дел, несмотря на возраст и болезни, даже приехал

в столицу из загородного уединения засвидетельствовать Розену свое уважение (12).

26 октября 1909 г. в Харбине все-таки состоялось свидание Ито с Коковцовым, совершавшим инспекционную поездку по Дальнему Востоку и КВЖД. Николай II велел министру изучить ситуацию на месте и разобраться с тревожными депешами Унтербергера и жалобами военного министра на то, что казначейство не отпускает кредитов на укрепление обороны Приморья (в результате и то, и другое оказалось лишенным оснований). Узнав о предстоящем вояже, посол Мотоно попытался уговорить Коковцова продолжить путешествие в Японию, что — по многим причинам — оказалось невозможным. Тогда-то в Токио и родилась идея послать ему навстречу в Маньчжурию Ито, недавно в третий раз назначенного председателем Тайного совета. Почтенный *гэнро*, до недавнего времени занимавший пост генерального резидента в Корее, наверно, вспоминал о поездке в Петербург в 1901 г., когда его усилия не увенчались успехом, и рассчитывал, что на сей раз попытка удастся. По крайней мере, именно в таком духе он излагал свои мысли российскому послу перед отъездом и спутникам во время путешествия.

Коковцов тепло приветствовал японского посланца в его салон-вагоне, предоставленном КВЖД, но переговоры так и не успели начаться. При выходе на перрон, где его ждали представители властей и местной японской колонии, Ито был в упор расстрелян корейским террористом и вскоре скончался в вагоне, куда его внес Коковцов вместе со своим порученцем. Сохранилась уникальная фотография *гэнро*, сделанная за несколько минут до трагедии. Ничего не подозревая, маленький (ростом чуть выше полутора метров), похожий на сказочного гнома, старичок с большой седой бородой приподнимает над головой цилиндр, а перед ним вытянулся в струнку громадного роста русский офицер. К сожалению, очень плохое качество фото не позволяет воспроизвести его в книге.

Ставший для корейских националистов героем, террорист едва ли помог своему народу — за убийством последовало ужесточение репрессий, а сама Корея вскоре окончательно превратилась в колонию. А вот ущерб российско-японским отношениям он нанес огромный. Политический террор давно доказал свою несостоятельность, не только не достигая заявленных целей, но и приводя к прямо противоположным результатам. Тем не менее он долгое время оставался трагической реальностью как в Японии, так и в России. Два года спу-

стя после инцидента на перроне КВЖД в Киеве был убит Столыпин. (Коковцов благополучно дожил до девяноста лет в парижской эмиграции.)

Харбинское радеву породило немало слухов. Всех интересовало, о чем собирались и о чем успели поговорить сановники. Коковцов запомнил последние слова собеседника, сказанные после приличествующего случаю взаимного обмена любезностями: «Я уже старый человек и привык много думать, прежде чем выразить мои мысли. Я надеюсь, что мы будем о многом говорить с вами, а пока скажу вам только еще раз, что я счастлив встретиться с вами, потому что, мне кажется, вы выражаете свои мысли очень открыто, согласно своим убеждениям. У меня тоже нет никакой причины быть с вами неискренним, вы не услышите от меня ничего, что могло бы быть неприятным вашему государю или шло во вред вашей великой стране, которой я желаю самого счастливого будущего, и уверен, что она никогда более не встретит в Японии врага» (13).

Убийство Ито вызвало в России искренние соболезнования и сожаления вперемешку с беспокойством: все-таки трагедия произошла в полосе отчуждения КВЖД, которая считалась российской территорией. Однако японский консул, организовавший встречу *гэнро* с соотечественниками, взял на себя ответственность за случившееся. Обострения отношений не произошло, хотя Унтербергер с минуты на минуту ждал объявления войны, и Коковцов, встретившийся с губернатором несколькими днями позже, с трудом смог успокоить его. Русские газеты поминали покойного князя не только как «одного из самых выдающихся» и даже «самого значительного государственного мужа Японии», но и как «одного из друзей наших, которых, к сожалению, не так много по ту сторону Японского моря». Если какие-то сомнения и могут оставлять газетные похвалы, то дипломат Павел Васкевич, служивший после русско-японской войны в генеральном консульстве в Сеуле, вспоминал совершенно определенно: «Мне пришлось быть свидетелем, как генеральный резидент Кореи князь Ито... часто в разговорах с нашим генеральным консулом Плансоном... подчеркивал, что будущее Японии должно строиться на тесном единении и дружбе с Россией».

Гото решил продолжить дело «первого государственного человека Японии», гибель которого вызвала в обществе разговоры о развитии сотрудничества с Россией и даже слухов о грядущих визитах Коковцова и Витте в Японию, Окума в Россию. 5 ноября Малевский-Малевич писал из Токио: «Газеты

всех оттенков продолжают утверждать, что общность интересов России и Японии в Маньчжурии вызывает необходимость установления между обеими странами более близких отношений» (14). Неудивительно, что всего через несколько дней Гото оказался гостем российского посла и повел с ним интригующий разговор.

Оговорившись, что «он просит посмотреть на его откровенные объяснения не как на официальное предложение, а как на весьма доверительную частную беседу», Гото сообщил послу, что покойный князь Ито собирался не только демонстрировать дружелюбие и добрую волю, но прежде всего вести переговоры об «установлении общности действий по отношению к китайцам в полосе отчуждения» железных дорог. Далее он назвал три конкретных вопроса: улучшение сообщения между КВЖД и ЮМЖД (сквозное движение уже существовало, но каждая дорога сама определяла тарифы); обеспечение ввоза японского шелка в Россию по железным дорогам, а не морем через Одессу; наконец, политическое сближение на почве общности действий в Маньчжурии, сделав акцент на последнем. На полях телеграммы с этими предложениями Николай II 18 ноября написал: «Практично» (15). Подробнее излагая содержание беседы отдельным письмом, посол пояснял: «На мой вопрос, в чем могла бы выразиться такая общность действий, в чем должен, по его мнению, состоять общий план отношений обоих государств к китайцам в маньчжурском вопросе, Барон Гото ответил, что эта область политического свойства, но что он думает, что обоим правительствам было бы выгодно установить известную солидарность в полосе отчуждения обеих железных дорог и согласованность административных распоряжений и мероприятий железнодорожных управлений» (16).

Не дожидаясь официального ответа из Петербурга, Малевский-Малевич сообщил Извольскому свои соображения по поводу предложений Гото: «Считаю их требующими самого серьезного рассмотрения... Ограничусь пока только замечанием, что в плане, сообщенном мне Японским Министром, все обосновано на реальных интересах первостепенной важности». И далее: «Сила вещей толкает японцев к дальнейшему с нами сближению, первый шаг к чему был сделан в 1907 году в политическом соглашении. Мне думается, что настоящий момент весьма знаменателен для всего хода нашей дальневосточной политики: наши отношения с Японией дошли до той поворотной точки, от которой они должны идти или на прибыль,

или на убыль». Ознакомившись с мнением посла, 5 декабря царь велел Извольскому: «Обсудите пункты Барона Гото с Министром Финансов. Благоприятный ответ с нашей стороны в ближайшем будущем имел бы весьма благоприятное значение» (17).

Официозный характер «неофициальных» предложений Гото был подкреплён тем, что с аналогичным заявлением выступил посол Мотоно перед тем, как уехал в длительный отпуск домой в связи с болезнью отца (дипломаты считали это предлогом, но старший Мотоно действительно был тяжело болен и вскоре умер). Телеграммой от 25 ноября Извольский предписывал Малевскому-Малевичу: «Заявления, сделанные Вам Бароном Гото, обратили на себя самое серьезное внимание Императорского Правительства и будут подвергнуты тщательному обсуждению. Можете доверительно сообщить об этом Барону Гото». Через пять дней посол доложил, что порученное исполнил (18).

Ответ Коковцова, данный 11 декабря в письме к Извольскому, был положительным, но содержал пожелание предотвратить конкуренцию двух железных дорог. Заметив, что «нынешнее предложение Барона Гото вполне отвечает нашим собственным усилиям», министр финансов подчеркивал, что нет никаких препятствий к его обсуждению, если оно будет сделано официально (19).

Конечно, Гото действовал не в одиночку и не на свой страх и риск. В конце августа 1909 г. Мотоно сообщил Извольскому тексты японо-китайских соглашений об Андун-Мукденской железной дороге, по демаркации границы с Кореей и по Маньчжурии. В середине сентября между министром и послом состоялся долгий и вполне откровенный разговор, во время которого Извольский счел нужным несколько «напрячь» собеседника. «Я не скрыл от Барона Мотоно, — писал он Малевскому-Малевичу, — что содержание их (соглашений. — В.М.) возбуждает значительную тревогу в русском обществе, которое усматривает в них указание на усиленную деятельность Японии не только в экономической сфере, но и в области военно-стратегической. При этом общественное мнение особенно обеспокоено тем, что деятельность эта, по-видимому, имеет своим объектом не столько Китай, сколько Россию... Вы знаете, сказал я, сколько усилий я приложил к тому, чтобы установить с Японией самые дружественные и доверчивые отношения, и Вы вспомните, что я дважды выступал перед Государственной Думой с заве-

рениями в том, что эти отношения приобрели вполне устойчивый и мирный характер. Ныне я стою перед весьма трудною задачею оправдать перед русским обществом мой оптимизм и дать удовлетворительное объяснение вышеописанной усиленной военно-стратегической деятельности Японии, цель которой для меня самого представляется не вполне ясно».

«Барон Мотоно тотчас же стал с жаром доказывать мне, — продолжал министр, — что последние Японо-Китайские соглашения ничуть не направлены против наших интересов, что вообще в деятельности Японского Правительства нельзя отыскать и тени агрессивности по отношению к России... Объектом внешней политики Японии является главным образом Китай, а не Россия, поэтому не только нет никакого повода к новому столкновению между Японией и Россией, но... есть полная возможность согласовать японскую и русскую политику по отношению к их общему соседу (Китаю. — В.М.)». Дальше еще интереснее. «По собственным наблюдениям Барона Мотоно, наиболее мирно и дружественно к нам настроены в Японии именно военные сферы, которые по личному опыту убедились в громадной трудности войны с Россией и вовсе не желают нового столкновения» (20).

Чужая душа — потемки. Трудно сказать, насколько искренен был Мотоно, но именно такое впечатление он производил и на мягкого Николая II, и даже на искушенного скептика Коковцова. Извольский же, более озабоченный ситуацией на Западе, предпочел просто поверить мирным заверениям посла, а не паническим настроениям губернатора Унтербергера, которому 2 декабря отправил сердитую телеграмму по поводу его «записок»: «Все это может вызвать встречную агитацию в Японии и существенно затрудняет мою задачу поддержания дружественных отношений с этой страной. Ибо в подобной атмосфере всякий самый незначительный инцидент может внезапно принять крупные размеры» (21). Надо знать изысканно-вежливый стиль официальной переписки царских чиновников, чтобы оценить резкость тона Извольского, прибавившего, что свое мнение он довел до государя и Столыпина. Губернатору пришлось, как говорится, сбавить обороты.

В это же время царь наложил на один из докладов Извольского о встречах с Мотоно следующую резолюцию: «Для меня лично совершенно ясен путь, который России следует *теперь избрать*: это вступление с Японией в теснейшее соглашение.

Во всяком случае нужно это зрело и не откладывая решить, обдумав в особом совещании» (22). Сказано — сделано. 28 ноября Особое совещание собралось.

На повестке дня стояли вопросы о переговорах с японцами и о результатах поездки Коковцова на Дальний Восток. В пространном вступительном слове министр иностранных дел напомнил, что приехавший в Петербург Ито хотел мира, а к нему не прислушались; что сам он, в бытность посланником в Токио, не раз предупреждал о возможности войны, а ему не верили; что военные агенты не считали нужным знакомить его со своими отчетами (что соответствовало истине). Посетовав, что «соглашение с Японией (1907 г. — В.М.), представляющее первостепенную важность для будущих наших сношений, прошло незамеченным», и в который раз резко высказавшись об алармисте Унтербергерере, он перешел к необходимости нового договора с Токио, многозначительно прибавив: «Государь умел побороть в себе чувство горечи от пережитых несчастий и благословил нас на новое дело».

Собравшиеся, включая премьера Столыпина, министра путей сообщения Рухлова и государственного контролера Харитонов, высказались в поддержку предложений Извольского. Возможно, дополнительным аргументом стал доклад Коковцова, который представил общее положение на Дальнем Востоке России «в самом плачевном виде», а потому присоединился к общему мнению (23). Военный министр Сухомлинов согласился с ним, а через несколько месяцев, в строжайшей тайне даже от собственных коллег, предпринял аналогичный вояж и обрушился на Коковцова в самых резких выражениях перед государем и Столыпиным. Но это отдельная история.

Принципиально путь к соглашению был открыт, но переговоры не были простыми. 20 декабря Гото сказал послу, что премьер Кацура одобрил его предложения, хотя и признал, что «политическая сторона вопроса представляет большие трудности и требует очень тщательного обсуждения» (24). Однако несколькими днями раньше Кацура сам говорил Малевскому-Малевичу о необходимости развивать отношения с Россией. И даже сам маршал Ямагата с военной четкостью и прямоотой заявлял послу: «Правящие сферы Японии и вся сознательная часть общества желают мирного развития экономических сил страны и смотрят на Россию не как на враждебную силу, а как на естественную свою союзницу в Маньчжурии, где у обеих стран так много общих интересов» (25).

Гото не стал дожидаться политического решения и 27 января направил Малевскому-Малевичу письмо с конкретными предложениями: 1) улучшить эксплуатацию ветки Харбин-Куанченцзы, «важного во всех отношениях соединительного звена между обеими нашими большими линиями»; 2) соединить напрямую русские и японские телеграфные линии в Маньчжурии; 3) обеспечить провоз японского шелка по железной дороге от Владивостока до Москвы с взаимно приемлемым таможенным тарифом; 4) учредить русско-японское пароходство с базами во Владивостоке и Шанхае, чтобы совместно монополизировать морские перевозки и избавиться от ненужной конкуренции, снова умело связав экономику с политикой. «Независимо от вызываемых этим убытков для обоих обществ (Добровольного Флота и Осака Тёсэн кайся. — В.М.), подобное обострение прискорбно в видах сближения обоих Государств» (26).

Предложения Гото открыли дорогу официальному обмену мнениями по широкому кругу экономических и политических вопросов. Инициативу подхватили Комура и Мотоно, которые в декабре 1909 — феврале 1910 гг. постоянно общались с русским послом. 8 января Малевский-Малевич сформулировал им «общие начала, которые представляются мне отвечающими японским видам»: 1) статус-кво на железных дорогах в Маньчжурии и прилегающих к ним территориях; 2) общность действий в полосе отчуждения по отношению к Китаю и третьим странам; 3) развитие непосредственных торговых и железнодорожных сношений между КВЖД и ЮМЖД; 4) взаимное обеспечение владений и сфер влияния на Дальнем Востоке. Комура признал соответствие этих тезисов своим мыслям (27). Беседуя с послом 12 февраля, он назвал себя и премьера «горячими сторонниками теснейшего единения Японии и России» и добавил: «Пока Маркиз Кацура стоит во главе Кабинета, а он управляет внешними делами Империи, Русское Правительство может быть уверено, что почва для взаимного сближения будет найдена» (28).

Извольский одобрил действия посла, но предложил, как и в прошлый раз, вести переговоры в Петербурге. 4 июля/21 июня соглашение было заключено. Стороны брались взаимно поддерживать и уважать статус-кво в Маньчжурии, в случае угрозы этому договориться о мерах для сохранения существующего положения и оказывать друг другу содействие в улучшении работы железных дорог, «воздерживаясь от всякого соревнования в достижении этой цели», как и предлагал Коков-

цов. В секретной части подтверждалось разграничение сфер влияния по предыдущему соглашению. Причем Россия и Япония обязались «не нарушать специальных интересов каждой из них в вышеуказанных сферах», «воздерживаться от всякой политической активности в сфере специальных интересов другой стороны в Маньчжурии», а также взаимно признавали право свободно принимать в своей сфере «все необходимые меры ограждения и защиты этих интересов». Формально новое соглашение говорило только о Маньчжурии, но подтверждало прежнее, где речь шла также о Китае, Монголии и Корее. Это, в свою очередь, открывало путь к решению конкретных вопросов на местах.

Новое русско-японское соглашение, ставшее еще одним убедительным примером Realpolitik как «искусства возможного», было оценено в обеих столицах как триумф. «Из всех дипломатических побед, одержанных Японией и лично графом Комура, самая блестящая и самая долговременная по своему действию только что совершена в Петербурге», — писал летом 1910 г. блестящий аналитик бельгийский посланник д'Анетан (29). Даже суворинское «Новое время», ещё недавно тиражировавшее паникерские слухи, назвало договор «надежным основанием прочного и длительного мира на Дальнем Востоке», которое «освобождает Россию и Японию от необходимости поддержания на необходимом уровне местных военных приготовлений» (статья была инспирирована Извольским). Зато ура-патриотическая «Земщина», видевшая везде и всюду «крамолу» и «измену», упрекала правительство в том, что теперь «мы пойдем на буксире Японии». Тон кадетской прессы был сдержанно-критическим, но «Речь» обратила особое внимание на то, что новая ситуация ухудшает отношения России с Китаем и особенно с Соединенными Штатами. А последнее для партии Милюкова было смертным грехом.

Правящие круги и пресса Англии и Франции встретили договор положительно, как шаг на пути укрепления четырехсторонней Антанты, и предвидели его дальнейшую эволюцию в полноценный союз. «Русско-японское соглашение 1910 г. по своему значению выходило далеко за пределы Дальнего Востока и являлось важным звеном в дальнейшей консолидации антигерманской группировки империалистических держав во главе с Англией» (30). Реакция Германии и Китая была нервной. Австро-Венгрия перепугалась, что у России теперь развязаны руки на Ближнем Востоке и на Балканах и что она захочет отомстить за недавнее поражение

во время боснийского кризиса. Но наибольшее раздражение прозвучало в Вашингтоне.

Уже в начале марта 1910 г. банкир Якоб Шифф в контролируемой им газете «Нью-Йорк таймс» резко осудил курс Японии на сближение с Россией, которую походя назвал «врагом всего человечества». Взгляды Шиффа, по характеристике русского посла Розена, «фанатического ненавистника России», «нанести удары которой всякими ему доступными средствами он считает свой священной обязанностью», были общеизвестны, равно как и то, что «влияние г. Шиффа на политику Президента Рузвельта по отношению к России не подлежит никакому сомнению и ни для кого здесь не составляет секрета». Анализируя антирусский настрой общественного мнения США и «еврействующей американской печати», посол прямо назвал фамилии ответственных за это — покойного госсекретаря Джона Хэя, Шиффа и Рузвельта (31), соответственно автора «политики открытых дверей», главного спонсора военных усилий Токио и портсмутского «честного маклера»...

Опасались по ту сторону океана не зря. Отношения между Россией и Японией наконец-то развивались **нормально** — а именно это более всего пугало владык «мирового острова». В иной ситуации встряла бы и Англия, но Грея больше заботила война с Германией, пока кайзер не успел построить мощный флот. О «беззубости» англо-японского союза в редакции 1911 г. мы уже говорили. В июне того же года были подписаны русско-японские конвенции о взаимной охране торговой и промышленной собственности граждан одной страны на территории другой и о взаимной охране промышленной собственности граждан договаривающихся стран на территории Китая, а также о выдаче политических преступников и лиц, виновных в покушении на особу монарха.

Активизация русской политики во Внутренней Монголии, на которую японцы тоже имели виды, побудила Токио к новым переговорам о разграничении сфер влияния. Монгольское государство со столицей в Урге (ныне Улан-Батор) формально оставалось частью Китая, но фактически отпало от него — при прямом содействии России. Поэтому уже в январе 1912 г. Мотоно предложил министру иностранных дел Сазонову, сменившему Извольского осенью 1910 г., заключить секретную конвенцию по данному вопросу. Сазонов ответил принципиальным согласием, но предложенный вариант раздела его не устроил.

Договорились и на этот раз. 8 июля/25 июня Сазонов и Мотоно подписали конвенцию «для того, чтобы избежать всякого повода к недоразумениям относительно их специальных интересов в Маньчжурии и Монголии». Определенная прежними соглашениями, виртуальная демаркационная линия в Маньчжурии была продлена по течению рек Улунхурх и Мушиш, а затем по границе Хэйлунцзянской провинции и Внутренней Монголии до крайней точки границы Внутренней и Внешней Монголии (статья 1). Внутренняя Монголия к западу от пекинского меридиана объявлялась русской сферой, к востоку — японской (статья 2). Стороны, как водится, взаимно обязались признавать и уважать «специальные интересы» друг друга.

Конвенция была секретной, но японское правительство сочло нужным «засветить» ее основные положения в официальной печати и подать как свой новый успех. В России же внимание сильных мира сего окончательно переключилось на Европу, тем более что Сазонов придавал отношениям с Японией еще меньшее значение, чем его предшественник.

Отношения испортил «кризис Тайсё» — отставка Кацура и приход к власти старого русофоба адмирала Ямамото. Конечно, он и его министр иностранных дел Макино уверяли Малевского-Малевица в желании поддерживать нормальные отношения с Россией, но факты говорили о другом. Япония продолжала активно вооружаться, только теперь большие кредиты получал флот (клан Сацума), а не армия (клан Тёсю). Скандал в связи с коррупцией вокруг военно-морских заказов свалил кабинет бравого адмирала. Весной 1914 г. у штурвала водворился лидер атлантистов Окума, которого Малевский-Малевиц в одном из донесений назвал «легкомысленным старцем». Внешняя политика была доверена проверенному Като, который должен был по необходимости умерять возможные эскапады не по летам ретивого шефа.

Во время первой же встречи с русским послом премьер сказал, что «считает себя другом России» (элементарная вежливость едва ли допускала обратное), однако внимание Малевского-Малевица привлекло не это, а замечание о необходимости решения «китайских вопросов» при участии Англии и Франции (32). Когда в Европе все сильнее пахло порохом, это звучало многозначительно.

Сомневаться в характере нового правительства не приходилось. Если либерализм его был более чем относительным (стремясь любой ценой попасть в премьеры, Окума без труда

договорился с Ямагата и получил поддержку армии и *гэнро*), то атлантическая, антирусская ориентация — явной. Это четко проявилось в малоприятном инциденте, случившемся в самый канун войны в Европе.

Выступая в середине июля 1914 г. перед представителями деловых кругов в городе Фукусима, министр торговли и земледелия виконт Оура говорил о недостаточности вооруженных сил и безопасности Японии, готовя слушателей — избирателей на приближавшихся выборах — к тому, что обещанного снижения налогов не будет. Затем, попросив присутствовавших журналистов не записывать и не публиковать дальнейшее, он, сославшись на русскую угрозу, заявил: «Некоторые японцы думают, что война между Японией и Россией будет не ранее как через 30—50 лет, но есть некоторые основания предполагать, что вторая война начнется через несколько лет».

Слухи об этом заявлении проникли в печать. Оура на всякий случай опроверг их, но не сам, а через секретаря — так до сих пор делают японские политики, сталкиваясь с малоприятными вещами. Тогда оппозиционная газета «Тюо симбун» напечатала полный текст речи, который, разумеется, не прошел мимо внимания посольства, а также военного агента Самойлова, поскольку дело касалось увеличения вооружений и военного бюджета.

Малевский-Малевич немедленно запросил Сазонова, «не следует ли обратить внимание министра иностранных дел на опасность для дружественных отношений между обеими державами подобных выступлений, способных поколебать доверие и прочность мира на Дальнем Востоке». «Та тревога, — пояснял он, — которую забили правительственные листки по поводу будто бы искажения некоторыми газетами речи министра, дает повод предполагать, что преднамеренности со стороны правительства в данном случае не было, и что Оура должен нести лично ответственность за высказанные алармистские предположения. Вероятно, его коллеги по кабинету, особенно же барон Като, немало смущены его бестактностью. Тем не менее факт остается налицо: член правительства позволил себе в публичном собрании произнести по адресу соседней дружественной державы предположения, которые способны породить тревогу и поколебать доверие к прочности взаимных отношений между обоими государствами и в незыблемости мира на Дальнем Востоке».

Посол обратился с личным письмом к министру иностранных дел Като, назвав речь Оура «достойной сожаления»

и многозначительно напомнив: «Вашему превосходительству небезызвестно, что оба правительства — российское и японское — с 1907 г. старательно борются с чувством недоверия, которое обе страны были склонны питать друг к другу после событий 1904 и 1905 гг., и стремятся успокоить вытекавшие из него обоюдные опасения. Эта благоразумная работа в интересах мира имела наилучшие результаты: прекрасные политические отношения, установившиеся и развивавшиеся между двумя правительствами в течение последних лет, нашли подкрепление в общественном мнении обеих наций и были поддержаны единодушным одобрением всех тех, кто близко принимает к сердцу существенные интересы двух наших государств». Като незамедлительно ответил, что Оура «не так поняли» и «опять подставили» (смысл, выраженный современными словами. — *В.М.*), и поспешил успокоить посла: «Я также счастлив выразить мое полное согласие с вашими взглядами относительно ослабления обоюдных опасений двух наций со времени прискорбных событий 1904–1905 гг. и добавить, что мы с своей стороны сделаем всё возможное для достижения этой цели». «Мне думается, что ныне неприятный инцидент Оура следует считать исчерпанным», — резюмировал посол итоговую депешу (33). Что же касается виновника беспокойства, то он менее чем через год был уличен в подкупе избирателей и навсегда оставил политическую арену, чуть было не вызвав отставку всего кабинета.

Начало мировой войны, еще не называвшейся «первой», закрепило сложившуюся расстановку сил, намертво привязав Японию к Антанте. Уже 5 августа Малевский-Малевич передал предложенный японцами проект союза. Оба правительства подтверждали все имевшиеся между ними и сохранявшие силу договоры и соглашения (статья 1), договаривались о совместных мерах по защите своих интересов и прав, предусмотренных этими соглашениями, если бы таковым угрожала опасность (статья 2), и декларировали, что новый договор не затрагивает англо-японских и франко-японских союзов 1907 г. (статья 4). Наибольший интерес представляла статья 3: «Если та или другая из высоких договаривающихся сторон подверглась бы на *Дальнем Востоке* (выделено мной. — *В.М.*) нападению... другая сторона должна оказать ей поддержку или при помощи своих армий, или соблюдая самый строгий нейтралитет» (34).

Односторонняя выгода такого варианта для Японии была очевидной: ей был обеспечен как минимум нейтралитет Рос-

сии на случай войны с Китаем или США, возможность которой в Токио не исключали, в то время как на Россию на Дальнем Востоке потенциально могла напасть только Япония (с находившимся в хаосе и распадавшимся Китаем можно было «разобраться» и без официального объявления войны). Неудивительно, что Сазонов и Николай II, озабоченные прежде всего положением в Европе, предложенный проект отвергли. Брать же на себя более широкие обязательства Япония не хотела, что и привело к неудаче переговоров об англо-франко-японско-русском союзе. 23 августа Япония объявила войну Германии, формально сославшись на англо-японский договор, фактически с целью захвата германских владений в Китае и на Тихом океане. К Лондонской декларации о незаключении сепаратного мира (4 сентября) Токио присоединился только через год с лишним, 19 октября 1915 г., с приходом на пост министра Исии Кикудзиро.

Однако на войне как на войне. Наличие общего врага — хороший стимул для укрепления союзнических отношений. Уже в сентябре 1914 г. Окума говорил Малевскому-Малевичу о многочисленных ходатайствах японских резервистов, просившихся на русско-германский фронт (35). Критическое положение, сложившееся в Европе к концу года, недостаток обученных солдат, а также боеприпасов вынудили французский кабинет вступить в официальные переговоры о посылке японских войск в Европу. Идея нашла отклик у общественности, но правительство, особенно министр иностранных дел Като, отнеслось к ней более чем холодно.

Война шла, и проблема Четверного союза не теряла актуальности. Однако на его пути возникли новые препятствия в виде ухудшения англо-японских отношений. Беспокойство и раздражение Лондона вызывали: активизация японской экспансии в Азии, пока другие заняты междоусобной войной; усиление требований Японии — со ссылкой на союзнические отношения — о расширении допуска иммигрантов в колонии и доминионы; предполагаемое наличие в ее правящей элите германофильской партии. Грей пытался максимально ограничить участие Японии в войне, что, в свою очередь, привело к отказу Токио послать солдат в Европу. У действий британского министра был еще один мотив — нежелание осложнять отношения с Соединенными Штатами, которые, несмотря на официально провозглашенный в первые же дни войны нейтралитет, фактически выступали как союзник Антанты. Как смотрели в Вашингтоне на усиление Японии, мы знаем. По-

этому неудивительно, что известное «21 требование» Токио к пекинскому режиму Юань Шикая (18 января и 7 мая 1915 г.) о существенных уступках по ряду вопросов вызвало резко отрицательную реакцию Англии и США (36). Ответом стало усиление антибританских настроений.

В этих условиях японская пресса с начала 1915 г. оживленно заговорила о необходимости двустороннего союза с Россией. Дополнительным побудительным мотивом стали российские военные заказы, вопрос о которых оживленно дебатировался дипломатами в то время, а историками — и по сей день. С одной стороны, Япония, несмотря на постоянные просьбы, приступила к поставкам только с января 1915 г. *, к тому же стремилась продавать устаревшее (хотя и исправное) вооружение и брать за него подороже, порой, как утверждала пресса, в два раза больше действительной стоимости.

С другой стороны, Россия сразу же закупила и заказала 335 тысяч винтовок и 87,5 млн патронов к ним, 351 орудие, около 70 тысяч снарядов, более полумиллиона шрапнелей, 10 млн аршин мундирного и шинельного сукна, более 600 тысяч пар сапог, 30 тысяч седел и т.д. — всего на 80 млн иен. Это вызвало сразу же отмеченный экспертами рост японского экспорта в Россию с менее чем 10 до более чем 90 млн иен (37). Любому, хоть немного разбирающемуся в военном деле, ясно, что это впечатляющее количество вооружения — особенно на фоне огромных материальных потерь русской армии в первый год войны. 11 августа 1915 г. Сазонов просил Мотоно обеспечить продажу миллиона винтовок, закупить которые было больше нигде (рассматривались варианты Италии и даже... Сиам). «Удовлетворением этой нашей просьбы, — сказал министр, — японское правительство окажет нам услугу, которая не забудется в России и определит навсегда дружественное Японии направление русской политики... Мы искренне убеждены в пользе и необходимости тесного политического единения России и Японии» (38). Оставаясь в рамках Realpolitik, Сазонов одновременно намекнул послу, что Россия может уступить свою часть КВЖД в японской зоне влияния Маньчжурии, т.е. уже

* В ноябре 1914 г. японцы передали российским представителям на станции Куанченцзы 16 осадных орудий, взятых в качестве трофеев в Порт-Артуре. Русское командование не хотело принимать эти устаревшие и практически бесполезные орудия, но Сазонов и Сухомлинов все же согласились, решив использовать эту акцию в пропагандистских целях — как символический знак примирения и залог солидарности двух стран.

не раз упоминавшуюся на этих страницах ветку Харбин—Куанченцы.

Вооружение пошло в Россию, однако не такими темпами, как хотели в Петрограде. Советская историография усматривала в этом злую волю токийского кабинета: «Для осуществления агрессивных замыслов Японии было выгодным возможно большее ослабление России. Чем большие поражения несла царская армия на фронте, тем уступчивее становились царские дипломаты на Дальнем Востоке. С точки зрения интересов японского империализма поражение царской России в войне было неопасным: в случае необходимости Япония могла переметнуться в германский лагерь и получить компенсацию за счет русских дальневосточных земель» (39). Доказательств, однако, не приводилось. Да и согласиться с такой логикой трудно: переход «в германский лагерь» означал непременный конфликт с Англией, более чем вероятный конфликт с США и... необходимость вернуть Германии Циндао. Возможное проникновение в русскую зону Маньчжурии и на Дальний Восток едва ли могло быть подходящей компенсацией. Японцев куда больше занимал Китай, а там могло потребоваться много войск и оружия. Именно поэтому в Токио не спешили отправлять все имеющиеся в наличии винтовки, соглашаясь лишь на поставки по мере изготовления. Всего за годы войны она продала нам, по разным данным, от 400 до 635 тыс. винтовок.

Япония продолжала усиленно демонстрировать России свое дружелюбие. Журналист Александр Куланов прислал мне любопытную заметку из журнала «Огонек» (№ 18 за 1915 г.) «Базар в Харбине с гейшами в роли продавщиц»: «Японским консульством, при участии всей японской колонии г. Харбина, был организован художественный базар в пользу русских воинов и их семейств. На базаре продавались разные японские шелковые изделия, изящные рукоделия, вышивки, ткани, игрушки и украшения для комнат. Продавали на базаре изящно разодетые гейши и японские дамы. Чистая выручка базара — 3000 руб.».

Эта занятная сценка иллюстрирует более серьезные сюжеты. В сентябре 1915 г. в Токио состоялась очередная встреча Гото и Малевского-Малевица. Находившийся в оппозиции, но не утративший связей в политических кругах, барон сообщил послу, что с приездом нового министра иностранных дел Исии (на тот момент посол во Франции) начнутся переговоры о русско-японском союзе. Для Петрограда это не

было новостью, потому что Исии уже говорил об этом Извольскому перед отъездом из Парижа домой (40). Визит в Японию великого князя Георгия Михайловича в конце 1915 г., несмотря на сугубо протокольный характер, рассматривался как прелюдия к заключению союза (41). Августейший визитер, разумеется, ничего не решал, но сопровождавший его советник МИД Козаков по указанию Сазонова провел конфиденциальные переговоры с японскими сановниками — в том числе о поставках *нового* вооружения в обмен на возможные «компенсации» в Маньчжурии.

Авансы пали на благодатную почву. За скорейший союз выступил маршал Ямагата, который еще в феврале 1915 г. составил для премьера записку на эту тему. Здравое предвидя возможность межрасовых столкновений по окончании войны, он просил не ссориться с Китаем (отношения с которым Окума испортил донельзя) и не допустить изоляции Японии от ее нынешних «белых» союзников. С учетом конкретного расклада сил и интересов в Азии одного союза с Лондоном недостаточно, да он и не очень-то надежен. Союз с Россией, таким образом, является наилучшим вариантом. Остальные *гэнро* охотно поддержали Ямагата и поставили подписи под меморандумом. Окума никакого энтузиазма не проявил, «спихнув» решение проблемы на главу МИД, а ждать от атлантиста и англофила Като положительного отношения к России было затруднительно. *Гэнро* вступили в конфликт с кабинетом, который хоть и проходил за плотно закрытыми дверями, но принял открытый характер. И на этот раз влияние «государственных старейшин» выдержало испытание: они добились отставки Като (свою роль здесь сыграл и скандал с подкупом избирателей Оура) и замены его более контролируемой фигурой, хотя Исии идее альянса тоже не особенно сочувствовал.

Знавший о сложившейся ситуации, великий князь посетил Ямагата на следующий же день своего пребывания в Японии и вручил ему от имени царя орден Святого Благоверного Александра Невского. Старый маршал постарался использовать визит, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. Для участия в приеме гостей — фактически для неофициальных контактов с ними — из Кореи был вызван генерал-губернатор Тэраути, близкий к Ямагата и говоривший по-русски. Именно он стал одним из главных партнеров Козакова по переговорам.

В отличие от своего предшественника Като, Исии занимал пост министра в первый (и, как оказалось, в последний) раз.

Перспектива заключить союз с великой державой на выгодных для Японии условиях могла показаться вполне заманчивой, особенно с учетом единодушной поддержки *гэнро*. Като выступал против союза с Россией, опасаясь осложнений отношений с Англией (вот тебе и союзники в борьбе с общим врагом). А Исии был скорее франкофилом, не только по политической ориентации, но и по личным пристрастиям, к тому же в Париже к нашей стране относились лучше, чем в Лондоне. В итоге было решено приступить к переговорам о союзе (42).

У предполагаемого союзника идея не встретила противодействия. Горячился только один член Государственного Совета, который в записке председателю Совета министров Горемыкину доказывал, что Япония стремится оттеснить Россию от берегов Тихого океана и лишить ее сильного флота, а потому предлагал отложить дело до окончания войны и возвращения русских войск в Сибирь и на Дальний Восток (43). Звали его, как вы, наверно, догадались, — Унтербергер, к тому моменту уже *бывший* приамурский губернатор.

Официально начало переговорам было положено нотой, которую Мотоно вручил в Петрограде 18 февраля 1916 г. В обмен на гарантирование неприкосновенности дальневосточных границ, финансовую помощь и поставки оружия Япония просила южную ветку КВЖД и льгот для своих торговцев и рыбопромышленников на Дальнем Востоке. Сазонов пытался вставить в договор взаимное обязательство не заключать без предварительного обмена мнениями соглашений с третьими странами относительно Центрального Китая, но японское правительство решительно не согласилось лишать себя «свободы рук». В условиях тяжелого положения на фронтах и неминуемо нараставшего внутреннего кризиса в Петрограде решили, что винтовки и патроны сейчас важнее потенциальной экспансии в Китае, и не стали настаивать.

3 июля/20 июня Сазонов и Мотоно подписали русско-японский договор, опубликованные статьи которого содержали обязательства сторон не участвовать «ни в каких соглашениях и политических сочетаниях», направленных друг против друга, и «согласиться между собой относительно мер, которые они примут в видах оказания друг другу поддержки и содействия для охраны и защиты» своих взаимно признанных территориальных прав и особых интересов на Дальнем Востоке.

Одновременно — «в целях большего упрочения тесной дружбы» — было заключено секретное соглашение. Партнеры признавали, что их «жизненные интересы... требуют охране-

ния Китая от политического господства какой бы то ни было третьей державы, питающей враждебные замыслы против России или Японии, а посему взаимно обязуются впредь всякий раз, как того потребуют обязательства, вступать друг с другом в чистосердечные и на полном доверии основанные сношения, чтобы сообща принять надлежащие меры на предмет недопущения возможности наступления (в Китае) подобного положения дел» (статья 1). Если же «принятие мер» в Китае приведет к объявлению войны третьей страной России или Японии, то «другая сторона по первому требованию своей союзницы должна прийти ей на помощь»; стороны не будут заключать мир с общим врагом без взаимного согласия (статьи 2—3). Выполнение этой статьи обуславливалось гарантиями со стороны других союзников, «что и те окажут помощь, по размерам своим соответствующую серьезности назревающего конфликта» (статья 4). Договор заключался сроком на пять лет и должен был «оставаться глубочайшей тайной для всех за исключением обеих Высоких Договаривающихся Сторон» (статьи 5—6). Из русских министров о нем поставили в известность только премьера Штюрмера; по взаимному соглашению Россия должна была сообщить содержание секретной части Франции, а Япония — Англии.

Однако договор оставался тайной всего полтора года. Придя к власти, большевики под лозунгом «Без тайной дипломатии!» вскрыли сейфы министерства иностранных дел и — к вящему смятению всех воюющих стран — опубликовали большое количество тайных договоров. Комментарий по поводу этого был таков: «Тайное соглашение между Россией и Японией, имеющее в виду вооруженное выступление сообща против Америки и Англии на Дальнем Востоке ранее лета 1921 г.» (44).

В Токио заключение альянса закономерно восприняли как новый большой успех. Окума, Исии, председатели палат парламента произносили торжественные речи, организовывались пышные манифестации и празднества. Мотоно получил титул виконта. Ямагата, бывший в курсе переговоров, сказал: «Это — осуществление моей давней мечты, и я очень счастлив». Несколькими днями ранее военный министр Осима докладывал ему: «В результате Ваших неизменных усилий русско-японский наступательно-оборонительный пакт заключен. Вчера Тайный совет единогласно одобрил его» (45).

В Петрограде же было не до ликования. Надо было оперативно добиться военных поставок, для чего пожилой «грансеньор» Малевский-Малевич, при всех его связях, уже не подхо-

дил. На смену ему в мае 1916 г. был направлен молодой и энергичный посланник в Китае Василий Крупенский, успешно обеспечивший русское проникновение в Монголию. Будучи и сам знатоком Востока, Крупенский сумел собрать дружную и эффективную команду, в который выделялись секретари Дмитрий Абрикосов и Мартин Рамминг. Что касается Малевского-Малевича, то с ним обошлись несправедливо, не назначив его, скажем, в Государственный совет, как это практиковалось в отношении уходивших на покой послов и министров. По своему вкладу в развитие русско-японских отношений и успехи российской дипломатии он этого несомненно заслуживал, и мы сейчас поминаем его добрым словом.

«Свежая кровь» дала положительные результаты в конкретных делах, зато в верхах положение оказалось запущенным до крайности. После отставки «весьма легкомысленного, не очень способного, а, главное, легко поддающегося самым разнообразным посторонним влияниям» Сазонова (46) в июле 1916 г. обязанности министра возложил на себя премьер Штюрмер, вовсе уж не блиставший государственными талантами и к тому же находившийся под общим подозрением из-за немецкой фамилии и связей с Распутиным. Пришлось даже послать в Токио специальную ноту, что в Петрограде не планируют заключать сепаратный мир с Германией — чем союзники с завидной регулярностью пугали друг друга. Когда же Совет министров стал рассматривать вопрос о продаже пресловутой южной ветки КВЖД, обнаружилась такая неразбериха в делах, что ни царское, ни Временное правительство не смогли решить этот вопрос. А большевики просто не стали (47). Примерно так было и со всем прочим.

Тем временем в японской столице произошли большие и важные перемены. «Легкомысленный старец» Окума настолько запустил внутренние и внешние дела, что был вынужден подать в отставку, сославшись на возраст (78 лет, как и Ямагата). В письме к императору он, как и следовало ожидать, официально рекомендовал своим преемником Като, но... «утро 4 октября 1916 г. застало премьер-министром Японии маркиза Окума Сигэнобу. Вечер того же дня увидел на этом посту фельдмаршала Тэраути Масатакэ» (48). В дело вмешался Ямагата, который на дух не переносил Като и был решительно против включения Окума в состав *гэнро*. Первоначально старый маршал склонялся к кандидатуре члена палаты пэров Дэн Кэндзио, бывшего министра путей сообщения, но вскоре изменил мнение в пользу Тэраути. Помимо

давной близости, немалую роль в этом, видимо, сыграли усилия Гото. Еще в сентябре 1915 г. он ездил в Корею зондировать почву, не согласится ли Тэраути возглавить правительство при перемене власти. Для самого Гото в тот момент это было единственным шансом вернуться в большую политику, поскольку он, конечно, рассчитывал на вознаграждение своих усилий одним из ключевых постов. В октябре газеты заговорили о необходимости кабинета национального единства вместо партийного. Наконец, в ноябре в Киото Гото встретился с группой консервативных политиков, убедив их поддержать кандидатуру корейского губернатора. На его сторону встал влиятельный Танака Гиити, «восходящая звезда» японской армии. Общими усилиями они убедили Ямагата, который не особенно сопротивлялся.

Окума пытался уговорить Тэраути войти в коалиционный кабинет во главе с Като, но тот решительно отказался. Като попытался заручиться поддержкой парламентского большинства, но *гэнро* и военные решили обойтись без «этих глупостей». Тэраути получил императорский рескрипт о формировании кабинета. 9 октября список министров был обнародован: Гото стал министром внутренних дел, Дэн — министром путей сообщения*, военный и морской министры Осима Кэнъити и Като Томосабуро остались на своих постах. Посты министра иностранных дел и финансов премьер временно оставил за собой; на первый из них вскоре был назначен Мотоно. Тогдашние наблюдатели обращали внимание, что большинство министров — члены палаты пэров. Нам важнее другое — в составе правительства оказались наиболее влиятельные русофилы токйской элиты.

Пресса встретила новый кабинет и обстоятельства его назначения единодушным осуждением, переходившим в прямые оскорбления. Исключение составила только газета «Кокумин», издававшаяся консервативным публицистом Токутоми Сохо и близкая к армейским кругам. Говорили, что Тэраути не хотел быть премьером, но его заставила «военная партия». Ссылались на происки клана Тёсю и удивлялись, почему он взял в свой кабинет министром внутренних дел не «своего» Макино, а «чужого» Гото. Газета «Ёродзу», не стесняясь в выражениях, писала, что «политику в отношении Китая теперь будет вести военное министерство», поскольку Мотоно не

* Позднее Гото и Дэн называли «лучшими из возможных, но так и не состоявшихся японских премьеров».

сведущ в китайских делах и пойдет на поводу у милитаристов; что «антиконституционно настроенный» Тэраути «долгие годы бряцал саблей в Корее» и теперь будет делать то же самое в Японии; что Мотоно боится газет, общественного мнения и открытой дипломатии, как «чумы»; что Дэн — «посредственный бюрократ», которого годы отрешенности от правительственных должностей превратили в интригана. И так далее о каждом.

Особенно досталось Гото, которого воспринимали как фактического вице-премьера. «Барон Гото известен как человек, которого все время заносит не туда. Никто не может сказать, какую глупость он еще выкинет». «Некоторые называют новое правительство правительством бешеных собак, поскольку входящие в него люди опасны, как бешеные собаки. Бешеных собак надо держать на цепи. Но кабинет, состоящий из бешеных собак, на воле. Неизвестно, когда, как и кого они будут кусать».

На следующий день после формирования правительства Като объявил о создании новой партии Кэнсэйкай, призванной объединить всю парламентскую оппозицию. Чтобы нейтрализовать ее, премьер — через Гото и Дэн — обратился за поддержкой к партии Сэйюкай, потерявшей большинство на выборах 1915 г. Сессия парламента, открывшаяся в декабре, проголосовала за недоверие кабинету. Согласно конституции премьер распустил парламент и назначил новые выборы на апрель. Не только «пикейные жилеты», но и серьезные аналитики предрекали ему провал и неминуемую отставку, однако Сэйюкай, отдавшая голоса в пользу Тэраути, увеличила свое представительство, а Кэнсэйкай утратила 40% мест. Правительство получило большинство всего в три голоса, но, пользуясь поддержкой верхней палаты, *гэнро* и армии, могло чувствовать себя уверенно (49).

Прорусская ориентация наиболее влиятельных членов кабинета создавала хорошие условия для сотрудничества двух стран. «В 1916 г. царская Россия и Япония начали партнерство, которое могло изменить весь ход международных отношений в Восточной Азии» (50). Однако разительные перемены, произошедшие в России всего за несколько месяцев следующего года, решительно изменили ситуацию.

ГЛАВА 5

За кулисами интервенции: Япония между «красными» и «белыми»

Февральская революция в России стала первой в череде революций, порожденных мировой войной и оказавших определяющее влияние на послевоенный миропорядок. С первых же дней японское посольство и военная миссия в Петрограде с неослабевающим вниманием наблюдали за происходящими событиями, а шифровальный отдел российского Генерального штаба — за их перепиской с Токио. Посол Утида Косай прибыл к новому месту службы как раз в феврале. Русского языка он не знал и, конечно, не мог уследить за стремительным развитием событий. Разобраться в этом калейдоскопе помогали третий секретарь Уэда Сэнтаро и военно-морской атташе Ёнаи Мицумаса — оба не только хорошо владели русским языком, но и имели обширные связи (1).

Уэда бывал в России на протяжении почти четырех десятилетий: сначала как стажер, потом в качестве дипломата, пройдя путь от секретаря до советника посольства, считаясь одним из лучших знатоков России и переводчиков с русского языка. Россию он любил, хотя большевикам, как и большинство японских русофилов, не сочувствовал. Уэда оставил ценные отчеты о революционных событиях, а в начале тридцатых написал служебную «разработку» о советской дипломатии и о политике Японии в отношении СССР. Он принадлежал к числу «специалистов», занимавшихся конкретной страной, которые в системе японской дипломатической службы не могли рассчитывать на большую карьеру, в отличие от «дипломатов», предназначенных для работы в любой стране, но с опорой на тех же «специалистов». Уэда не дослужился до высоких рангов, будучи назначен советником только в 65 лет. Однако он удостоился персональной статьи в «Японском дипломатическом словаре», что говорит о несомненном признании его заслуг.

Русский период службы Ёнаи Мицумаса, одного из самых почитаемых японских адмиралов и, кстати, земляка Гото, известен сравнительно мало даже с учетом опубликованных материалов. Разрозненные сведения показывают, что причинами его незаурядной информированности, и добавим, способности верно оценивать беспрестанно менявшуюся ситуацию, были не только знание языка, трудолюбие и аналитические способности, но и умение завязывать и поддерживать контакты. Знакомых адмирала удивляла его редкая для японцев способность много пить, не пьянея, только лицо его краснело. Этот навык он приобрел в России, что, надо полагать, облегчало взаимопонимание и помогало добывать нужные сведения. Есть основания предполагать, что он не только собирал информацию, но и делился ею с собеседниками, смотря на русских как на союзников, которым следует доверять. Россию Ёнаи любил, происходящее оценивал здраво и всегда выступал за хорошие отношения с ней, даже когда она стала Советской.

В целом положение в России весной—летом 1917 г. беспокоило Японию меньше, чем другие страны Антанты. Тех волновала прочность Восточного, Румынского и Кавказского фронтов — какую часть войск противника они могут «оттянуть» с Запада. В Токио беспокоились главным образом о стабильности положения на Дальнем Востоке и поставках вооружений, приносивших немалые доходы. Формально все шло как надо. Временное правительство заверяло союзников в решимости вести войну «до победного конца». Шли переговоры о продаже железнодорожной ветки Харбин—Куанченцзы, только стороны никак не могли сойтись в цене. В мае правительственная комиссия одобрила проект закона о вольных гаванях, которые предполагалось открыть во Владивостоке, а также в Балтийском и Черном морях — нечто вроде современных свободных экономических зон. В годы войны на Россию стали смотреть как на место для выгодного размещения средств и предпринимательской деятельности (2).

Однако число поводов для беспокойства постоянно росло. Правящие круги Японии не могло не волновать отстранение от власти династии Романовых, что подрывало авторитет института монархии в целом. Впрочем, это же могло служить и подтверждением традиционного для японской государственной идеологии положения об особом характере

власти Тэнно, принципиально отличающейся от иностранных монархий. Даже в 1941 г. видный националистический идеолог, бывший премьер барон Хиранума Киитиро заявлял: «Японское государственное устройство не имеет аналогов в мире... В других странах династии основывались людьми. Именно людьми поставлены у власти короли, императоры и президенты в других странах, и лишь в Японии престол унаследован от божественных предков. Поэтому правление императорского дома — это продолжение деяний божественных предков. Династии, созданные людьми, могут погибнуть, но трон, основанный богами, неподвластен воле людей» (3).

Осенью ситуация радикально изменилась. В результате большевистского переворота Россия объявила о выходе из войны и начале мирных переговоров с Германией и Австро-Венгрией, а также приступила к публикации тайных договоров. «Союзные» послы в Петрограде, неформальным, но бесспорным лидером которых был британский представитель Джордж Бьюкенен, вынужденно пытались наладить отношения с новой властью, хотя считали ее незаконной и враждебной, особенно на фоне постоянных кривотолков о «немецких деньгах». Утида, новичок в русских делах, играл едва ли не самую пассивную роль и во всем подчинялся Бьюкенену.

Официально признавать Совет народных комиссаров державы Антанты отказывались, и послам приходилось иметь дело с властью, фактически существующей, а юридически — как бы нет. Дипломаты были уверены, что «красные» долго не продержатся и все вернется на круги своя. Пока же возникла реальная угроза того, что в руки Центральных держав, которые, при всех несомненных трудностях, были еще далеки от поражения, попадут склады оружия и боеприпасов. Так оформилась идея вооруженной интервенции, разговоры о которой, впрочем, начались еще летом, когда Временное правительство окончательно потеряло контроль над солдатско-люмпенской вакханалией.

Негативное отношение «союзников» к новой власти определялось не столько ее «рабоче-крестьянским» характером, сколько радикальным изменением баланса сил в Европе. Мир с Германией означал, что у армии кайзера становится на один фронт меньше и на одну сырьевую базу больше. Войска с Восточного фронта могли быть переброшены на Западный (австро-венгры и болгары порядок в тылу, если надо, поддержат),

а контроль над житницами Украины вполне мог свести на нет блокаду Центральных держав.

«Наиболее энергично требовали военной интервенции в России французы, — писал американский историк Ч. Сеймур, основываясь на документах архива «полковника»* Эдварда Мандела Хауза, главного советника президента Вильсона. — Они неоднократно поднимали вопрос о ней на межсоюзной конференции в Париже в конце 1917 г. 1 декабря Клемансо обсуждал с Хаузом возможности интервенции и настаивал на желательности посылки японских экспедиционных сил. До революции, говорил он, старое русское правительство не хотело просить японской военной помощи. Однако выход России из войны после большевистской революции изменил положение. Россия вышла из игры. Для Японии настало время занять ее место. Полковник Хауз был, как и всегда, против военной интервенции. Он не думал, что японская или какая-либо другая экспедиция поможет создать на Востоке (то есть на Восточном фронте в Европе. — *В.М.*) новый боевой фронт против Германии. Боевой дух России, утверждал он, догорел, промышленная организация страны, столь необходимая для продолжения войны, расшатана... Если Россия не желала и не была способна продолжать воевать, то было бесполезно пытаться принудить ее к этому с помощью экспедиционных сил. Такая попытка была бы и очень дорогой, если принять во внимание, что в это время союзники нуждались во всех своих силах для грядущей борьбы на Западе. Любая попытка вмешательства в русские дела, не касаясь моральной стороны (ну как же без этого в американской политике. — *В.М.*), могла оказаться чрезвычайно опасной. Разве возможно было свергнуть большевиков, казавшихся жаждающим мира и земли народным массам России первыми в их истории руководителями, сделавшими искреннее усилие для удовлетворения их нужд? Разве подобное вмешательство не усилило бы только власть большевиков? Кто мог, в самом деле, ручаться, что в случае свержения большевиков их заменит партия, более способная противостоять Германии?» (4).

* Этот профессиональный лоббист ни одного дня не служил в армии, но получил звание «почетного полковника тexasской милиции» от губернатора, которому помог занять этот пост. Не имея никаких официальных должностей, Хауз практически подчинил себе Вильсона, которому обеспечил избрание в президенты.

Трудно сказать, не обошлось ли здесь без мудрости «задним числом», но американцы действительно не испытывали особого воодушевления насчет интервенции, рассчитывая на достижение договоренности, *modus vivendi* с большевиками. Они в принципе не возражали против посылки войск в Россию, но только если их попросит об этом хоть какое-нибудь правительство, имеющее видимость легитимности. Зато сторонниками прямого вооруженного вмешательства, кроме Клемансо, были уже известные нам лорды Милнер и Бальфур: первый отвечал в правительстве за «русские дела», а второй, в то время министр иностранных дел, немедленно кинулся к японскому послу совещаться о возможности совместных действий. Лорды думали не столько об оживлении русского сопротивления Центральным державам на востоке Европы, сколько о контроле над ресурсами и транспортными магистралями *всей* России, которые, как они считали, могли оказаться под германским контролем. Сделать это они предлагали японцам, потому что другие союзные армии физически не имели такой возможности.

Высказавшись против какого бы то ни было признания большевиков, Бальфур предлагал поручить Японии оккупацию Транссибирской железной дороги. Но Хауз решительно не согласился. 2 февраля он писал «дорогому начальнику» Вильсону: «Посылка японских войск в Сибирь была бы огромной политической ошибкой. Я не могу найти никакой военной выгоды, которая компенсировала бы причиняемый вред. Не говоря о враждебном чувстве, которое оккупация создала бы в большевистском правительстве, она возбудила бы славян повсюду в Европе хотя бы из-за расового вопроса, если не из-за чего-нибудь еще». Как и абсолютное большинство американцев его времени, техасский «полковник» был подвержен расовым предрассудкам, но видел и другую, гораздо более существенную угрозу, убедив в ее наличии босса: «Президент Вильсон боялся, очевидно, одного — как бы японские войска, раз они уже попали в Сибирь, не остались там; он опасался, что трудно будет убедить их уйти оттуда» (5). В итоге союзники все-таки уговорили Вильсона на совместную акцию.

В отличие от европейской части России, на Востоке реальной угрозы захвата оружия и военных материалов противником не существовало, а транспортировка их в Германию по расстроеным до предела железным дорогам потребовала бы многих недель, если не месяцев. Японцев волновало другое —

чтобы «бесхозное» оружие не попало к маньчжурскому диктатору Чжан Цзолину (старый хунхуз побаивался Японию, но не упускал возможности втихаря сыграть в «свою игру») и тем более к корейским повстанцам, активизировавшимся в приграничных областях. Раньше антияпонски настроенные чиновники, включая приамурских губернаторов Унтербергера и Гондатти просто закрывали на это глаза. В условиях наступившей смуты ситуация могла стать критической.

Посол Утида относился к большевикам с нескрываемым отвращением и полагал, что с Россией следует иметь как можно меньше общего. Потому-то он высказывался и против признания нового режима, и против интервенции как пустой траты сил и средств. «Будет ли верна Россия союзникам или нет, но с тех пор, как ее новым хозяином стал невидимый, хорошо организованный и поразительно гибкий монстр коммунизма, посылать вооруженных людей для борьбы с ним абсолютно бессмысленно» (6). К этому выводу он пришел уже в первые месяцы, если не недели, после переворота, а потому ни на какие большевистские авансы, делавшиеся одним из первых дипломатов нового режима Львом Караханом через Уэда, не откликнулся*. Отказ большевиков в феврале 1918 г. от всех политических и экономических обязательств царского и Временного правительств, больно ударивший по Японии, вызвал отъезд иностранных послов из Петрограда (Утида был официально отозван 27 февраля) в Вологду, где до мая японцы эпизодически поддерживали контакты с Москвой через поверенного в делах Марумо. Потом оборвались и они.

Кто же были единомышленники Утиды? *Гэнро* Сайондзи и его протеже Хара Кэй, главный кандидат в премьеры. Бывшие министры иностранных дел Като, Макино и Исии. Опираясь на поддержку Сайондзи, Макино и Хара с переменным успехом пытались подчинить своему влиянию Комитет по изучению внешней политики, созданный по совету *гэнро* ле-

* В ноте Чичерина правительству Японии от 24 февраля 1920 г., опубликованной два дня спустя, утверждалось, что тогда велись «полуофициальные переговоры... по вопросу о пересмотре всех договорных отношений между Россией и Японией», в ходе которых большевики предложили «заключение нового торгового и экономического соглашения и конвенции о положении дел на Дальнем Востоке и на Тихоокеанском побережье», но эти предложения остались без ответа. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют документировать ход этих переговоров и уточнить их форму и содержание.

том 1917 г. для достижения консенсуса при выработке внешнеполитического курса. Премьер возглавлял Комитет, в который входили: военный и морской министры, министры иностранных и внутренних дел, член Тайного совета Ито Миедзи, члены палаты пэров Макино и Хирата и лидеры партийных фракций нижней палаты Хара (Сэйюкай) и Инукаи (Кокуминто); лидер партии Кэнсэйкай Като Такааки от участия в Комитете отказался. Таким образом, Комитет объединил людей, представлявших разные «центры власти» и действительно делавших большую политику. Создавая новый политический орган, не предусмотренный конституцией, Тэраути и поддерживавшие его курс Мотоно и Гото, несомненно, хотели вырвать разработку стратегии и тактики дипломатии из рук МИД, где доминировали атлантисты. На первых порах им это удавалось.

Выступавшие в Комитете основными противниками интервенции, Макино и Хара не считали Россию перспективным партнером и тем более союзником. Поэтому они предлагали ограничиться минимальными усилиями по защите жизни, прав и собственности японских граждан на ее территории, а затем эвакуировать их, закрыть и максимально укрепить границы, предоставив русским «вариться в собственном соку». В движении «Руки прочь от Советской России» эти люди не участвовали, но призывали, по существу, примерно к тому же, что и социалисты, вспомнившие о знаменитом рукопожатии Катаяма и Плеханова на конгрессе II Интернационала во время русско-японской войны. Вот такая подобралась компания друзей первого в мире государства рабочих и крестьян.

С социалистами все понятно — их воодушевил пример русских товарищей. Но что объединяло дипломатов и министров, выступивших против интервенции? Ответить на этот вопрос просто — атлантистская ориентация. Дальше можно перейти к догадкам, но этот факт бесспорен. Бесспорно и то, что объединяло многих — не всех! — сторонников интервенции. Среди них доминировали евразийцы Мотоно, Гото и Танака, известные русофильскими настроениями. Они считали отправку войск необходимой, если возникнет непосредственная угроза интересам Японии или японских граждан.

Русофил — и сторонник вооруженной интервенции в России? В голове человека, воспитанного советской историографией, это не укладывается. Друг России должен быть против интервенции. Ну а если посмотреть на вещи с позиций того времени...

Во-первых, русофилы во главе с Гото и Мотоно стремились к сохранению в России того режима, с которым привыкли иметь дело и с которым уже было успешно налажено сотрудничество. Можно предположить, что вопрос о конкретной форме государственного строя России — самодержавная монархия или демократическая парламентская республика — для многих из них не имел принципиального значения, хотя, например, Мотоно был непреклонным монархистом не только по отношению к собственному Тэнно. Комментируя его недавнюю отставку с поста министра в речи на V съезде Советов 4 июля 1918 г., Чичерин сказал: «Однако и в Японии начинается медленно, но верно борьба за право народа решать свою судьбу. И эта борьба прежде всего сказалась на вопросе о вмешательстве в русские дела. Человек, который был вдохновителем японской политики в смысле вмешательства, представитель отживающего, но еще сильного феодального строя в Японии, виконт Мотоно, бывший ранее посланник в России и тесно связанный с укрывшимися в Японии русскими реакционерами, должен был уйти» (7). Официальной причиной была объявлена болезнь министра, которую наблюдатели сочли «дипломатической», не поверив в ее серьезность, как девятью годами ранее не верили в серьезность болезни его отца, приведшую Мотоно в Токио в критический момент российско-японских переговоров. Однако виконт на самом деле был серьезно болен и умер через четыре с половиной месяца.

Во-вторых, политическая нестабильность на Дальнем Востоке вкупе с радикальным изменением государственного строя мешали японскому присутствию и экономической деятельности в регионе. Нестабильностью, а затем и отсутствием центральной власти старались воспользоваться все заинтересованные стороны: иностранцы, включая американцев, для получения разных льгот и концессий, местные «правители» для личного обогащения за счет компрадорской политики. Когда же большевики заявили об отказе от всех прежних обязательств и «объявили войну» эксплуататорам и частной собственности, японские интересы оказались под прямой угрозой. Поэтому интервенцию поддержали промышленные, торговые и финансовые круги, стремившиеся воспользоваться кризисом для улучшения своего положения или, по крайней мере, сохранить имеющееся.

В-третьих, коммунистическая агитация, направленная на «освобождение» других народов, в том числе китайцев и ко-

рейцев, от «гнета эксплуататоров и колонизаторов», делала уязвимой панasiatскую риторику и представляла непосредственную опасность для японской колониальной политики. В Корее до сих пор было беспокойно, а революция на Дальнем Востоке вызвала сильное оживление национального движения среди тамошних корейцев, полных решимости не упустить золотой шанс: 1 марта 1919 г. националисты обнародовали манифест о независимости Кореи. Так японцы и большевики оказались по разные стороны баррикад, а за свои колониальные владения Япония была готова стоять насмерть.

В-четвертых, «левые» силы России, включая часть большевиков, обратили взоры к Соединенным Штатам как «демократической» стране и даже возможному союзнику в противостоянии «феодалному» японскому империализму. Проамерикански был настроен Троцкий в силу атлантистской ориентации и личных связей. Зимой 1917/18 гг. он вел переговоры с американцем Робинсом и британцем Локкартом, которые под «крышей» Красного Креста и дипломатической службы представляли совсем иные ведомства. Некоторые видные большевики подолгу жили в Америке и имели там самые разные, в том числе совсем не коммунистические связи — например, в банковских и биржевых кругах, как Бородин-Грузенберг, будущий представитель ВКП(б) и Коминтерна и главный политический советник Чан Кайши. Большевики и позднее считали американский капитал «аполитичным», а потому менее опасным для нового режима, чем «политизированный» японский капитал.

Наконец, в агитации за развертывание интервенции присутствовал и характерный для японской политической риторики моральный мотив. В России хаос и смута. России угрожает беда. Россию надо спасти от нашествия «темных сил».

Все это действовало не только на дипломатов и бизнесменов, но и на многих военных, стремившихся если не прямо поставить под свой контроль Дальний Восток и Северный Сахалин, то обеспечить там безусловное преобладание японских интересов. В Вашингтоне справедливо полагали, что японские «военные руководители, вероятно, не придавали бы интервенции большого значения, если бы они не рассчитывали, что ее результатом будет их контроль над Восточной Сибирью» (8).

Любая интервенция означала трату денег и гибель людей, поэтому кабинет Тэраути решился на нее не без колебаний.

Выступая в парламенте 26 марта 1918 г., в последний день сессии, Мотоно говорил: «Правительство Японии никогда ни советовало, ни предлагало какой-либо стране осуществить военную акцию в Сибири. Однако оно с глубокой тревогой следит за нынешним положением в Сибири, особенно за угрозой продвижения германского влияния на восток. Правительство Японии не получало от союзников никакого *коллективного* предложения по этому вопросу. Если же союзные правительства в будущем обратятся к Японии с подобным предложением, оно будет подвергнуто самому тщательному рассмотрению... Если ситуация в Сибири станет угрожать безопасности Империи или ее жизненным интересам, правительство полно решимости принять надлежащие решительные меры для самообороны. Но даже если наша страна силой обстоятельств будет вынуждена направить войска в Сибирь, у правительства нет ни малейшего намерения рассматривать Россию как врага. Мы никогда не будем проводить агрессивную политику, подобную той, что проводит Германия в Европейской России. Заявляю без колебаний, решительно и искренне: все наши глубокие и теплые симпатии на стороне русского народа, с которым мы хотим продолжать и развивать сердечную дружбу. Верю, что все наши союзники разделяют этот взгляд» (9).

Заявление министра, сделанное, когда интервенция уже фактически началась, вызвало недоуменные вопросы, а затем и иронические комментарии в парламенте и прессе. Стремившийся уйти от неприятных вопросов, Мотоно в одном был безусловно прав: инициатором интервенции Япония не была. Как бы ни стремились японские военные господствовать в Приморье, а японские торговцы — на тамошних рынках, в Токио понимали, что лучше подождать приглашения во избежание неприятностей с американскими «друзьями». Именно такую, неожиданно умеренную позицию занял Ямагата, предостерегавший кабинет от резких и непродуманных действий. Старый маршал понимал: союзники, с одной стороны, хотели использовать японцев как ударную силу, с другой — ограничить их возможную экспансию. Словом, обычная дипломатическая игра с тасканием каштанов из огня или, как говорил товарищ Сталин, загребанием жара чужими руками.

Воссоздавать в деталях хронику японской интервенции я не буду. Книг о ней в нашей стране написано достаточно, и если читать их даже с минимально критическим отношением к сказанному, то отделить факты от пропагандистской шелухи несложно. Я лишь хочу рассказать о некоторых неожиданных

нюансах и малоизвестных эпизодах, которые если не опровергают, то ставят под сомнение многие расхожие представления.

То, что Мотоно не был русофобом, а лишь противником большевиков, призывая к полномасштабной вооруженной борьбе с ними, признавал даже Чичерин. Не был русофобом и Гото, его преемник и сторонник развертывания интервенции, не связанной жесткими рамками сотрудничества с товарищами по Антанте. В этом его поддерживали Тэраути и, с оговорками, Ямагата.

Появление Гото во главе японской дипломатии вызвало серьезную тревогу в Лондоне. Английский посол в Токио Грин прямо назвал это «самым неудачным назначением из всех возможных». Его донесения рисуют зловещий образ Гото, обычным эпитетом к имени которого было «notorious», то есть «пресловутый» или «печально известный». В вину ему ставили незнание английского языка — страшный грех с точки зрения тех, кто делит человечество на «англизязычный мир» («English-speaking world») и «остальное» («the Rest»), обучение медицине в Германии, отсутствие энтузиазма в отношении Антанты, помощь индийским революционерам* и... принадлежность к «грозной германофильской партии», которой Бальфур в начале марта 1918 г. пугал Хауза и Вильсона и даже вынес этот вопрос на обсуждение кабинета. Опасения лорда были небеспочвенны: Грин только что сообщил ему, что в беседе с американским послом Моррисом Гото прямо заявил, что Япония совершила большую ошибку, ввязавшись в войну на стороне Англии. Можно представить, как возросло беспокойство с назначением такого человека министром вместо Мотоно, верность которого Антанте была безусловной, а репутация в глазах союзников безупречной. Однако силовым центром кабинета и раньше был не Мотоно, а Гото. Да и его бумаги показывают, что атлантисты волновались не зря (10).

* Грин считал Гото главным покровителем Радж Бехари Боса, бежавшего в Японию в 1916 г. после неудачного покушения на вице-короля Индии. Под давлением британского МИД кабинет Окума издал распоряжение о его аресте и выдаче, но оно так и не было исполнено. С помощью Тояма и Утида Бос скрылся, а затем натурализовался в Японии с помощью фиктивного брака с дочерью владельца токийского ресторана «Накамурая». Он благополучно прожил там до своей смерти в 1945 г., научил японцев готовить карри, которым до сих пор славится «Накамурая», а в начале войны на Тихом океане стал первым лидером объединенной антибританской индийской эмиграции.

Однако у руля внешней политики Гото пробыл недолго. В конце сентября пал кабинет Тэраути, явно выработавший свой «ресурс» и не справившийся с августовскими «рисовыми бунтами», прокатившимися по многим префектурам, несмотря на попытки правительства прибегнуть к масштабным репрессиям. Формирование правительства по всеобщему согласию заинтересованных лиц, включая Ямагата, было поручено Хара, лидеру партии Сэйюкай, имевшей большинство в парламенте, и первому нетитулованному премьеру в истории страны. Министром иностранных дел стал Утида. Гото в таком кабинете места, конечно, не нашлось. После заключения Версальского мира он решил покинуть и Комитет по изучению внешней политики, но премьер уговорил его и Тэраути пока не уходить, за что сам подвергся критике в парламенте.

Под давлением военных и отчасти финансово-промышленных кругов новому кабинету пришлось продолжать прежний курс в отношении России. Военным министром стал интервенционист-русофил генерал Танака Гиити — на этом условии Ямагата дал добро на приход к власти Хара, ставленника Сайондзи. Критику интервенции взяла на себя главная оппозиционная партия Кэнсэйкай, глава которой Като Такааки проявил себя еще большим атлантистом, чем Хара и Утида. Так внешняя и внутренняя политика в который раз переплелись в запутанный узел.

Ситуация в стране, прежде всего в верхах, вообще была чревата переменами. Безнадежно больной император для виду еще давал аудиенции *гэнро*, премьеру и министрам для обсуждения важных вопросов, но ничего не решал и вряд ли все понимал. *Гэнро*, кроме Сайондзи, заметно дряхлели, но до последнего держались за свои привилегии и никого более в свои ряды не принимали. Либералы все громче говорили о переходе к «британской» системе партийных кабинетов, а все еще немногочисленные социалисты — и вовсе об упразднении монархии, коль скоро самодержец не может выполнять свои функции. Начиналась так называемая «демократия Тайсё»...

В конце 1918 г. вновь возникла тема сепаратного мира, казалось бы, потерявшая актуальность с заключением перемирия. Однако взаимное недоверие и трения внутри «сердечного согласия» только возрастали. 22 и 23 ноября «Известия ВЦИК» сообщали, «со ссылкой на заслуживающие полного доверия (но не называвшиеся. — В.М.) источники», о недав-

нем тайном приезде в Стокгольм японского представителя и его переговорах с немцами. Когда принципиальное согласие было достигнуто, тот поехал в Берлин для доработки текста договора, но грянула революция, и мир не состоялся.

Содержание интригующего документа было таково. Стороны собирались, как только позволят обстоятельства, помочь России восстановить — под их чутким руководством — внутренний порядок и статус мировой державы (статья 1). Япония признавала права Германии в Персии, Центральной Азии и Южном Китае (статьи 2—3), а также обязалась оказывать ей косвенную поддержку на будущей мирной конференции (статья 4) и содействовать заключению ею нового договора с Россией после ее «восстановления», читай: свержения большевиков (статья 5). Германия в ответ бралась не допускать в сферу своего влияния в Китае Англию и США и заключить с Японией тайную военную конвенцию, направленную против них (статьи 3, 6). Договор заключался на пять лет с момента «восстановления» России, кроме статьи о поддержке Японией интересов Германии на мирной конференции, которая вступала в силу немедленно (статьи 7—8). Официальный текст предлагалось составить на немецком и... французском (для Японии) языках (статья 9).

Текст сопровождался анонимной памятной запиской, отражавшей, надо полагать, японскую позицию. В ней критиковалось нежелание Берлина заключить мир с царем до нынешней смуты и превозносилась мудрая политика Токио, пошедшего в 1916 г. на союз, «все значение которого, ввиду распада России, лежит в будущем». Теперь речь шла не просто о сепаратном мире, но о тройственном союзе Японии, Германии и небольшевистской России против атлантических держав. «Поддержанная Германией, Россия, — говорилось в записке, — уже является мощным фактором, представляющим серьезную опасность для Англии... Однако этот фактор станет куда мощнее, если Япония, поддержанная на континенте Германией и Россией, присоединится к альянсу. Такое сочетание будет очень большой опасностью для Америки и Англии».

Германия в дополнение ко всему, что уже имела по Брестскому миру, получала прямой транзит на Дальний Восток, «свободу рук» в Южном Китае*, Персии и Центральной Азии

* Державы Антанты настойчиво требовали от китайского правительства объявить войну Германии, разумеется, не для участия Китая в боевых действиях, но для политического и, главное, экономического изгнания немцев оттуда.

и, в перспективе, хлопковые концессии в Туркестане. Япония претендовала на Северный Китай, Маньчжурию и Восточную Сибирь. Главным результатом такого раздела сфер влияния становилось полное изгнание английского и американского присутствия из России, Китая и Центральной Азии (11).

Россия, погруженная в хаос гражданской войны, получала политическую стабильность. Ей отводилась роль не субъекта, а объекта политики великих держав. Однако, добавим мы, ее внутренний потенциал — даже с поправкой на войну и революцию — оставался таков, что ей, в отличие от Китая, эта роль явно не подходила. Более того, в каком бы тяжелом положении ни находилась Россия, без ее участия никакое японско-германское сотрудничество было невозможно хотя бы по географическим причинам.

История несостоявшегося японско-германского договора в изложении «Известий» очень сомнительна. Германское правительство отрицало сам факт переговоров, не говоря уже о выработке каких-то текстов. Британские дипломаты предполагали фальсификацию со стороны газетчиков, которые, впрочем, могли использовать и какие-то подлинные документы. Германия, действительно, делала Японии мирные предложения через посланников в Пекине и Стокгольме, но не в 1918 г., а в 1916 г., о чем сразу же был проинформирован Лондон. Тогда внимание Токио пытались привлечь обещанием «свободы рук» в Азии и сохранением за Японией захваченных ею германских колоний. Кроме того, в Берлине рассчитывали на ее посредничество при заключении мира с Россией, сторонниками которого считали императрицу Александру Федоровну, Распутина и Штюрмера. Однако министр Исии велел прекратить тайные переговоры и не откликаться более ни на какие зондажи и авансы (12).

Но даже если эти документы — фальшивка, как считает ныне большинство историков, интерес они представляют немалый. В них освещена одна из важнейших потенциальных возможностей мировой политики, тревожившая воображение атлантистов по обе стороны двух океанов.

28 января 1918 г. британское посольство в Вашингтоне передало Госдепартаменту меморандум. В нем без особых оценок говорилось: «Пока война продолжается, германизированная Россия будет служить источником снабжения, который полностью нейтрализует воздействие блокады союзников. Когда война закончится, германизированная Рос-

сия будет угрозой для всего мира» (13). За этим откровением, возможно, стоял Исайя Веджвуд, лейбористский депутат и «гой-сионист», который незадолго до того писал лорду Сесилу, министру блокады (была такая должность): «Россия на деле превращается в германскую колонию или зависимую территорию, вроде Индии у нас... В интересах Британии, чтобы Россия была как можно меньше. Любые ее части, которые захотят от нее отделиться, должны быть поддержаны в этом — Кавказ, Украина, донские казаки, Финляндия, Туркестан и прежде всего Сибирь, страна будущего, продолжение Американского Дальнего Запада... Когда их независимость будет признана, будет легче принимать меры, чтобы «гарантировать» эту «независимость» (14).

Военный министр Уинстон Черчилль пошел еще дальше, заявив 12 февраля 1919 г. на заседании кабинета, явно под воздействием разоблачений «Известий»: «Если союзники не помогут России, Япония и Германия непременно сделают это, и через несколько лет мы увидим Германскую республику, объединившуюся с большевиками в России и с японцами на Дальнем Востоке в один из самых могущественных союзов, которые мир когда-либо видел» (15). Ллойд-Джордж счел перспективу нереальной и обсуждать вопрос не стал. Но страсти не унимались. Через два года военно-морской аналитик Гектор Байуотер напоминал читателям, а его читали люди знающие, вроде будущего президента Рузвельта и будущего адмирала Ямамото: «Некоторые из них (японских военных. — В.М.) зашли настолько далеко, что выступили за германо-русско-японский союз, который, они считают, может господствовать над миром. И они продолжали выступать в защиту этой идеи даже после революции и отпадения России (от Антанты. — В.М.)» (16). Так что Хаусхофер был прав: «Всякий изумится, узнав, что первыми, кто увидел забрезжившую угрозу такого континентального блока для англосаксонского мирового господства, были авторитетные англичане и американцы, в то время как мы сами, даже во Второй империи (1871—1918 гг. — В.М.), еще долго не имели представления о том, какие возможности могли бы возникнуть на основе связей Центральной Европы с ведущей державой Восточной Азии через необъятную Евразию» (17).

Пусть сообщение «Известий» было «дезой». Но кто ее запустил? Кому была выгодна эта публикация? Очевидно одно — она была призвана разрушить или хотя бы расшатать межсоюзническую солидарность, показав, что на японцев полагать-

ся нельзя. Появившись в то время, когда участие Японии в интервенции находилось на пике активности, она вполне может рассматриваться как сиюминутно антияпонская. А в перспективе и как антиатлантическая, намекающая на возможный вариант. Это могло укрепить позиции и Германии, и России в их противоборстве с Антантой, которое продолжалось и после объявления перемирия. Да и в Токио умные люди могли воспринять подобный «план» как приглашение к диалогу. Что думал тогда по этому поводу Гото, мы не знаем (вряд ли сообщение такого содержания и такого значения могло пройти мимо него), но несколько лет спустя он вернется именно к такому сценарию. Только партнером будет уже не «белая», а «красная» Россия.

Как и все державы Антанты, Япония поддерживала «белых». Проблема была в том, каких именно. Царский посол В.Н. Крупенский, оставленный в должности Временным правительством, по-прежнему находился в Токио и даже стал дуайеном дипломатического корпуса. Японские власти относились к нему как к единственному законному представителю России, хотя нарком иностранных дел Троцкий циркуляром от 9 декабря/26 ноября 1917 г. уволил его «без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности» после того, как Крупенский, подобно всем другим главам дипломатических представительств России за рубежом, не откликнулся на телеграмму наркома с требованием «немедленно ответить, согласны ли они проводить ту международную политику, которая преуказана (Вторым. — В.М.) Съездом Советов». «Все нежелающие проводить эту политику, — пугал новый «министр», само имя которого было, возможно, известно не всем адресатам, — должны немедленно устраниваться от работы... Попытки чиновников, враждебных Советской власти, продолжать свою политику в прежнем направлении будут приравнены к тягчайшему государственному преступлению» (18).

Крупенский не испугался и продолжал именно «в прежнем направлении», стремясь умерять аппетиты и притязания японцев. «Вооруженная интервенция в Сибирь... поставила перед посольством много новых и сложных проблем, в частности, осуществление посреднического взаимодействия между военной администрацией и местными региональными сибирскими и дальневосточными правительствами и группировками» (19). Пока значительная часть Восточной России находилась под властью Верховного правителя адмирала А.В. Колча-

ка (которого представлял Крупенский), это облегчало положение — куда проще иметь дело с одним сильным и централизованным правительством, нежели с амбициями местечковых сепаратистов, которые адмирал недемократично, но эффективно подавлял.

«Если тебе скажут, что союзники идут нам на помощь, — не верь. Союзники — сволочи». Эта надпись на печке в доме Турбиных (чем не исторический источник?!) возвращает нас к многократно рассмотренному, но так и не разрешенному до конца вопросу отношений Антанты и России в годы революции и гражданской войны. «Красные» твердили о «крестовом походе мирового капитала против первого в мире государства рабочих и крестьян». «Белые» чаще говорили о предательстве. 26 мая 1919 г. «союзники» направили «полярному адмиралу» пространную ноту, в которой, заявив о желании помочь его режиму «вооружением, боеприпасами и продовольствием», выставили длинный список условий. Он включал созыв Учредительного собрания, обеспечение нормального функционирования местных органов власти (земства и др.), земельную реформу, свободу совести, признание независимости Финляндии и Польши, урегулирование отношений с Латвией, Литвой, Эстонией и республиками Закавказья при участии Лиги Наций, признание за мирной конференцией права решить судьбу румынской части Бессарабии, а также обязательство вступить в Лигу Наций, поддержать ее усилия по сокращению вооружений и... приступить к уплате долгов царского и Временного правительств. Дружеский ультиматум подписали Клемансо, Ллойд-Джордж, Орландо, Вильсон и Макино.

4 июня Колчак ответил согласием, но с многозначительной оговоркой. Он готов назначить выборы в Учредительное собрание сразу же после окончательной победы над большевиками (прежнюю «учредилку», в которой большинство было за «крайними партиями», он не признавал) и уже на его усмотрение вынести все требования союзников. В переводе с дипломатического это означало: помогите победить «красных» — тогда будем разговаривать (20). А куда ему было деваться?! Это в Париже хорошо рассуждать о свободе совести и судьбах Бессарабии, а в Омске совсем другие проблемы. Необходимой помощи адмирал так и не получил. Если кто и помогал, так это японцы, но они преследовали свои интересы, не совпадавшие с возрождением «единой и неделимой».

Трагическая гибель Колчака, преданного Антантой в лице генерала Жанена, показала, на чьей стороне были парижские борцы за справедливость. Они предпочитали, чтобы русские убивали русских, но обеспечили безопасность чехословацкого корпуса под командованием Гайда и Сыровы, которые выдали адмирала «красным». «Что же удивительного, — писал его темпераментный преемник на территории «Российской восточной окраины» атаман Григорий Семенов, — в том, что, получив в свою власть состав Верховного правителя, в котором, кроме вагонов Ставки, находился весь золотой запас Российского государства, чехи быстро пришли к соглашению с красными... Изменивши своему императору в период Великой войны, сотнями тысяч сдаваясь в плен, чехи вторично показали себя предателями, на этот раз изменив общеславянскому делу, предав красным национальную Россию ее Вождя — покойного адмирала Колчака» (21).

Чехи были уверены, что «заграница поможет». Созданное в результате версальского территориального передела чехословацкое государство было «любимым дитятей» не только президента Вильсона, которого обаял лидер чешской эмиграции Масарик, но и французского делегата Тардьё, правой руки «тигра» Клемансо и автора новых границ в Европе. О подвигах этого «картографа» мной написано в книге «Несостоявшаяся ось: Берлин—Москва—Токио», где я называю его главным виновником Второй мировой войны в Европе. Здесь же хочу добавить: гибель Колчака и последовавший за ней хаос тоже во многом на его совести. Что же касается Гайда и Сыровы, то эти столпы чехословацкой демократии после Мюнхена без труда нашли общий язык и с новыми хозяевами.

Однако крахом омского режима и занятием «красными» Владивостока и Хабаровска война не закончилась. После убийства адмирала американцы заявили о скорой эвакуации своих войск, решив не ссориться с большевиками. Частичную эвакуацию начали и японцы, стараясь не вступать в вооруженные столкновения, но уходить совсем и отовсюду тоже не собирались, поскольку развернули на Дальнем Востоке и в Сибири бурную экономическую деятельность. Созданные при МИД Комиссия по экономической помощи Сибири и Бюро контроля за сибирскими займами должны были координировать действия властей и частных компаний, начавших скупать драгоценные металлы и другие полезные ископаемые, пушнину, лес. Истекавшая в 1919 г. рыболовная

конвенция была продлена на неопределенный срок, впредь до пересмотра. Несмотря на общую нестабильность и неясность перспектив, на «десоветизированных» землях развернулись японские банки. (Это сегодня они боятся любого риска и не вкладывают деньги не только в Россию, но и в более спокойные страны, если не уверены в стопроцентном успехе. Почему, как считают специалисты, и проигрывают американцам...)

Особое внимание уделялось железным дорогам, которые за время революции пришли в совершенно расстроенное состояние. 9 января 1919 г. в Токио было подписано японо-американское соглашение о межсоюзническом контроле над Транссибом и КВЖД. На места выехали 160 американских и 130 японских инженеров, а также британцы, французы, итальянцы, даже китайцы и чехи. Затем японцы разработали программу строительства двенадцати линий стратегических железных дорог в Приморье и Приамурье, которые предполагалось соединить с магистралями в Маньчжурии, Корее и на Сахалине — путем строительства тоннеля под Татарским проливом (построен так и не был).

«Хищническая эксплуатация железных дорог интервентами, — писали советские историки, — привела к их полному развалу». И тут же, на соседней странице добавляли: «При огромном преимуществе в силах и военных средствах интервентов и белогвардейцев партийные организации Дальнего Востока признали целесообразным основной упор сделать на партизанских действиях. Полетели в воздух железнодорожные мосты, десятками километров взрывались рельсы. Огромными усилиями японцам удавалось поддерживать движение на Уссурийской железной дороге между Хабаровском и Владивостоком. Охранять же Амурскую дорогу, растянувшуюся на 2 тыс. км (вдоль русско-китайской границы. — В.М.), интервенты были не в состоянии. Партизаны практически полностью парализовали ее деятельность. Попытки японцев восстановить движение хотя бы на участке между Благовещенском и Хабаровском не увенчались успехом» (22). Так что, от кого убытки — еще вопрос.

Разумеется, экономической экспансии было необходимо политическое прикрытие. Поначалу его осуществляло омское правительство, хотя Колчак проявлял сугубую осторожность и даже подозрительность. После его гибели в Токио сделали ставку на атамана Семенова как на возможного главу «буферного государства» в Приморье и Восточной Сибири. Он верно

служил японцам, за что и был казнен в Москве в 1946 г., но как раз верности, а также личной харизмы было маловато. Сменявшие друг друга владивостокские правители вроде братьев Меркуловых и даже относительно стабильный режим Приамурского правительства генерала Дитерихса (заглазно прозванного за свою набожность «Ваше Преосвященство») тоже не могли быть надежной опорой.

«В глазах иностранцев, — докладывал в мае 1923 г. Совету послов Д.И. Абрикосов, преемник Крупенского в токийском «посольстве без правительства» (его собственное определение), — все эти белые организации были правительствами лишь по имени и существование их могло быть только временным... Когда красные войска заняли Владивосток, иностранцы склонны были даже их приветствовать, рассчитывая найти в новых хозяевах края прочную власть, которая займется упорядочением местной жизни, пришедшей в расстройство вследствие непрерывной гражданской войны» (23). Поэтому японцы стали задумываться о компромиссе с «красными».

Сделать это было сложно в силу отсутствия центральной власти и по эту сторону. Совнарком не возражал против примирения с Японией и нотой от 24 февраля 1920 г. даже соглашался признать ее «особые экономические и торговые интересы на Дальнем Востоке» на условиях эвакуации войск (24). Но реальной власти на «далекой окраине» Москва не имела и контролировать своих же «красных» не могла. А их деяния могли вызвать отнюдь не только умиление и восторг.

Я имею в виду «Николаевский инцидент». В Японии о нем написано очень много, в нашей стране — очень мало. Разница подходов заметна уже в терминах. Работы позднейших лет нейтрально говорят о «партизанском отряде анархиста Тряпицына», который занял Николаевск-на-Амуре в конце февраля 1920 г. Сам Яков Тряпицын именовал себя Командующим Николаевским фронтом Красной Армии и печатал в своей газетке «Призыв» восторженные приветствия Реввоенсовета и Совнаркома в собственный адрес. Воззвание Временного военно-революционного штаба прифронтовой полосы от 3 июля говорило уже о «кучке авантюристов во главе с Тряпицыным» и «кроважной своре во главе с кроваважнейшим из них». Приговор советского суда, поставившего Тряпицына к стенке, квалифицировал его действия как «преступления, повлекшие за собой смерть около половины населения Сахалинской области, разорившие весь край, постоянно подрывавшие доверие к коммунистическому строю среди трудового насе-

ния области и могущие нанести удар авторитету советской власти в глазах трудящихся». Можно поверить этой осторожной формулировке и привести в дополнение резолюцию Сахалинского областного съезда, собравшегося вслед за изгнанием «красных» с острова: «Сахалинская область управлялась именем Российской Социалистической Федеративной Республики в течение трех месяцев, с 1 марта по 2 июня 1920 года. В этот промежуток времени представители советской власти в области расстреляли, закололи, зарезали, утопили и засекли шомполами и резинами всех офицеров, за исключением одного случайно спасшегося подполковника Григорьева, громадную часть интеллигенции, много крестьян и рабочих, стариков, женщин и детей. Уничтожили всю без исключения японскую колонию с японским консулом и экспедиционным отрядом, сожгли и уничтожили до тла город Николаевск».

Не имеет смысла дополнять «список злодеяний» Советской власти николаевской трагедией — это исчерпывающе сделал 80 лет назад эмигрантский журналист Анатолий Ган (А.Я. Гутман) в тщательно документированной книге «Гибель Николаевска-на-Амуре», изданной в Берлине (25). Она практически неизвестна в нашей стране, а мне случайно попала в одном из московских букинистических магазинов. Чтение, надо сказать, страшное — особенно вторая часть, где собраны бесхитростные показания свидетелей, уцелевших от тряпицынских усилий загнать жителей Николаевска в «коммунистическое далеко». Примеров приводить не буду — читавшие «Красный террор в России» Мельгунова поймут, почему. «Николаевский инцидент» интересен нам применительно к российско-японским отношениям, которые он испортил всерьез и надолго.

Советские историки утверждали, что кровопролитие в городе спровоцировали японцы, которые «вероломно нарушили» соглашение с Тряпицыным, «напали на партизан, убив и ранив многих бойцов» (26). Интересно, знал ли хорошо автор этих строк, что именно происходило в Николаевске с приходом «партизан», и какое «совершенно точное определение» дал этому родной ему советский суд, приговоривший к «вышке» «командующего Николаевским фронтом»? Знал ли, что Тряпицын ультимативно приказал японцам разоружиться*,

* Факт ультиматума большинство советских источников вообще игнорирует, следуя в изложении событий за сообщением Тряпицына, опубликованным 30 марта 1920 г.

т.е. фактически положить голову на плаху, предварительно наточив топор и с поклоном вручив его палачу?! Японцы сохраняли нейтралитет, пока «командующий» на пару со своей любовницей (по совместительству начальником штаба) Ниной Лебедевой-Кияшко истязал и топил в крови сограждан. «Конечно, японцы, — писал А.Я. Гутман — после первых же дней, когда красная власть стала убивать и грабить, быстро поняли, что они совершили ужасную ошибку, согласившись отдать судьбу города и населения в руки озверевших людей», с которыми между прочим заключили соглашение «о мире и дружбе». Когда же добрались до самих японцев, они решили не сдаваться и погибли. Тряпицын истребил всех. Вот вам и нейтралитет.

Когда читаешь в книге «СССР и Япония», что «японское правительство сознательно пожертвовало небольшой воинской частью и своими гражданами (700 человек, конечно, не масштаб мировой революции. — В.М.), дабы оправдать в глазах общественного мнения своей страны продолжение интервенции», становится не по себе. Редкое по цинизму заявление! И совершенно неверное: развертывание интервенции было лишь закономерным ответом на резню в Николаевске, а оккупация Сахалина могла состояться и под любым другим предлогом. Неверны и утверждения эмигрантов, что действия Тряпицына чуть ли не направлялись из Москвы. Так далеко гражданскую войну не контролировал никто. Да и какой «центр» мог справиться с разгулом низменных страстей и пороков. Тряпицын резал и грабил сам. Москва ему не приказывала, хотя и слала «горячий товарищеский привет храброму защитнику диктатуры пролетариата против черных банд и японских империалистов». Токио тоже ничего не планировал, ни о чем не беспокоился (смахивает на преступное равнодушие. — В.М.) и даже ничего не знал: «партизаны» немедленно лишили японский гарнизон в Николаевске средств связи.

Трудно сказать, где именно было принято решение о ликвидации Тряпицына — «в центре» или «на месте», но принято оно было как нельзя вовремя. Скорее всего, боевые товарищи «командующего» решили поступить по принципу «сегодня умри ты, а завтра я», тем более что многих из них он уже успел отправить в «штаб Духонина». Да и в Москве едва ли обрадовались подобному «подарку» со стороны не в меру ретивого борца с «гадами-буржуями».

Во время всех последующих переговоров японцы настойчиво требовали не только компенсации за «Николаевский ин-

цидент», но и признания ответственности за него. На первое «красные» в принципе были готовы, на второе — нет, ссылаясь на то, что Тряпицын — авантюрист и бандит, которого советский суд уже покарал. И формально Москва имела все основания не брать на себя ответственность. Потому что иначе пришлось бы отвечать и за другие ужасы «красного террора», по итогам которого, также нужно признать, «перестаравшихся» тоже периодически постреливали.

Неизменное возмущение советских дипломатов и пропагандистов, а потом и историков вызывала оккупация японцами Северного Сахалина (май 1920 г.) в качестве компенсации за происшедшее в Николаевске. Точнее — «до организации законного правительства и благоприятного разрешения вопроса» (27), что все-таки не одно и то же. Кстати, декларация об этом была обнародована 3 июля 1920 г., как раз в тот день, когда Тряпицын оказался больше не «командующим Николаевским фронтом», а «кровожадной сворой». Праведный гнев по этому поводу можно объяснить либо беззастенчивым применением «двойного стандарта», либо постыдным незнанием дипломатической истории. В то время великие державы предпринимали военные интервенции и по менее значительным поводам: в 1897 г. для оккупации Циндао Германии хватило убийства двух миссионеров, а о бесчисленных «экспедициях» американских канонерок и морской пехоты в Южную и Центральную Америку, в том числе в «просвещенные» и «гуманные» двадцатые и тридцатые годы, я и не говорю. Поголовная ликвидация японской колонии из 700 человек, включая консула, — повод более чем достаточный. Неудивительно, что кабинет без колебаний и разногласий принял решение об оккупации Сахалина, которое было единодушно поддержано парламентом и печатью. Надо думать, эту поддержку газетчикам не «проплачивали» — факты, подкрепленные показаниями свидетелей, а затем, по занятии Николаевска японцами, и фотографиями, говорили сами за себя. С другой стороны, японским властям надо было как-то оправдаться за свой «нейтралитет» в отношении Тряпицына, приведший к столь ужасному финалу.

С осуждением действий японского правительства — сначала преступного невмешательства и попустительства «красным», потом оккупации Северного Сахалина — выступила русская эмиграция, «еще ожидавшая от японцев большей мудрости и искренности по отношению к России». Писавший

это четыре года спустя А.Я. Гутман в то время редактировал в Токио газету «Дело России», на страницах которой заявлял 30 апреля: «Мы хотим верить, что оккупация русских территорий является только временной и вызвана стремлением Японии уничтожить красную анархию и водворить мир на Дальнем Востоке. Однако мы не можем скрыть закрадывающейся тревоги всякий раз, когда нам приходится столкнуться с новым актом оккупации русской территории... «Аппетит приходит во время еды», и нет сомнений, что в Японии очень сильные группы, мечтающие о территориальных приобретениях за счет разоренной и обессиленной России... Они мыслят создание автономной русской окраины под протекторатом Японии... Мы должны заявить, что такой взгляд на русскую проблему страдает близорукостью... 150-миллионный русский народ никогда не помирится с отторжением от него территориальных владений на Тихом океане».

Последняя фраза вполне перекликалась с нотами наркоминдела. Гутман продолжал не менее решительно: «Как бы ни был ужасен для России красный коммунизм, но мы не можем купить такой дорогой ценой его уничтожение... Не надо еще забывать, что если бы Япония решилась на захват наших территорий, то этот акт морально укрепил бы в глазах русского народа авторитет советского правительства и вызвал бы тогда национальную войну всего русского народа против Японии». И двумя месяцами позже: «Япония должна помнить, что час лихолетья России пройдет, что какие бы эксперименты над ней ни производили международные авантюристы, она воспрянет как национальное государство, и поэтому использование временной слабости России в узких эгоистических целях только помешает русско-японской дружбе, которая необходима для мирного развития Дальнего Востока» (28). Актуально и сегодня. Но кто тогда слушал какого-то эмигрантского журналиста.

Несмотря на Николаевск и подобные «эксцессы», японское правительство тем не менее осознавало, что интервенция не оправдала возлагавшихся на нее надежд, а расходы на нее только увеличивались, достигнув в общей сложности 600 миллионов иен, что отражалось на бюджете в виде огромного роста национального долга. Поставить под свой контроль Приморье, Забайкалье и Северную Маньчжурию не удалось; приобретения ограничивались Северным Сахалином, и то временно. При этом международное положение и отношения с великими державами менялись явно не к лучшему.

На Парижской мирной конференции перед Японией стояли две важные задачи: закрепить свои права на Шаньдунский полуостров и добиться включения в Устав Лиги Наций положения о «равенстве рас». Первое удалось, второе нет.

По первому вопросу борьба шла с Пекином, считавшим себя хозяином бывших германских владений вопреки японо-китайским соглашениям 1915 и 1918 гг., и Вашингтоном, поддерживавшим эти требования. Япония угрожала отказом от подписания договора, если не получит Шаньдун, Китай — если его получит Япония. Несмотря на усилия мощного китайского лобби и даже собственные симпатии, Вильсон принял сторону японцев, чтобы не сорвать заключение договора и принятие Устава Лиги. «Так называемый Шаньдунский вопрос технически был проблемой отношений Японии и Китая, но на практике стал проблемой отношений между Японией и Соединенными Штатами» (29). Передача Германией своих прав и привилегий в Китае Японии была закреплена статьей 156 Версальского договора. Китай покинул конференцию и не подписал договор, поэтому к вопросу пришлось вернуться два с половиной года спустя на Вашингтонской конференции.

Принцип равенства рас, являющийся ныне одной из основ «политической корректности», тогда отнюдь не был общепризнанным. Против него единодушно выступили делегации Британской империи, включая доминионы и Индию, и США. Лидеры этих стран видели в предложении Токио подвох — попытку устранить существующие ограничения на иммиграцию японцев. Действительно, оно не было проявлением чистого альтруизма, но преследовало более глобальные цели, нежели разрешение иммиграционной проблемы. Япония хотела сделать свое вхождение в клуб великих держав, объединенных не только цивилизационной и культурной, но расовой общностью, окончательным и бесспорным, чтобы никто более не смел поминать про «желтую опасность» и тем более про «макак». Проще говоря, она хотела признания равенства японцев с англичанами, но не китайцев с японцами, поэтому китайская делегация, послушная протезировавшим ей американцам, предложение не поддержала — в отличие от Франции и Италии. Поначалу японцы рассчитывали на туманные обещания «полковника» Хауза и верность Лондона англо-японскому союзу, однако их надежды оказались тщетными. Предложение получило большинство голосов, но при имевшемся условии единогласного принятия решений было отклонено.

Позиция «апостола справедливости» Вильсона показала истинную цену моралистских проповедей, доселе популярных у американских политиков. Происходящим попыталась воспользоваться Советская Россия, но ее возможности были невелики. Приведу две любопытных цитаты. 27 ноября 1918 г. «Правда» писала: «Если бы на свете существовало какое-нибудь учреждение, которое бы выдавало орден за самую крупную низость, на которую только способен человек, то, без сомнения, такой орден нужно было бы выдать президенту продажной республики доллара, мистеру Вильсону. Никогда еще самые «святые» слова не прикрывали такой грязи, такого разбоя, такой утонченной, рассчитанной заранее, измеренной и взвешенной подлости, как теперь, когда необузданная жадность американского громады соединяется с почти религиозным словоблудием отвратительного ханжи». Да, большевики «сказануть» умели. А через шесть с половиной лет Чичерин многозначительно напоминал: «Япония чувствует себя под угрозой... Теперь, когда с усилением удельного веса доминионов вражда белого человека к цветным расам играет в политике многих государств все большую роль... для Японии имеет существенное значение обеспечение тыла... Чем больше Япония чувствует враждебное отношение английских доминионов и Америки, тем больше Япония должна искать для себя опору в азиатских международных отношениях и тем большую роль для будущей политики Японии должно сыграть сближение ее с нашим Союзом» (30).

Еще большее разочарование принесла Вашингтонская конференция по вопросам морских вооружений и положения на Тихом океане и в Китае, открывшаяся 12 ноября 1921 г. Вопреки идеалистическим официальным заявлениям, сразу было ясно, что это попытка Вашингтона и «Лондона плюс доминионы» любой ценой ограничить японскую экспансию. «Япония решила подражать поведению западных держав в отношениях с Китаем, — писал главный аналитик ее делегации, профессор Стэнфордского университета Я. Ити-хаси. — Однако... западные коллеги сурово критиковали Японию за то, что она делала то же самое, что и они» (31). Ни одна из сторон не была готова к уступкам, поэтому решение было возможно лишь в результате успешных дипломатических маневров, подкрепленных военной и экономической мощью. Япония, прежде чем принять приглашение, поинтересовалась конкретной повесткой дня будущей конференции, дабы не оказаться в ловушке. Это вызвало небольшую

дипломатическую сенсацию: другие приняли приглашение без оговорок.

Главной темой было ограничение военных флотов стран-участниц, принятое в соотношении 5:5:3 для США, Англии и Японии. Радикалам-националистам договор показался несправедливым — почему «цифры» меньше, чем у других?! — но на деле он ставил Японию в равное, если не преимущественное положение. Сфера действий японского флота ограничивалась одним океаном, а не двумя или тремя (у Великобритании еще и Индийским), а его имевшийся тоннаж позволял увеличить силы, не выходя за установленные договором пределы. Зато договор девяти держав о Китае лишил Японию преимущественных прав, подтверждения которых она добивалась. Здесь, в отличие от Версаля, сработало прокитайски и антияпонски настроенное общественное мнение атлантических держав. По словам британского аналитика Дж. Блэнда, «китайские делегаты преуспели в распространении яркого образа совершенно нереальной Китайской республики, которая гигантскими шагами идет к конституционному правлению благодаря либеральным идеям и демократическим институтам. Во имя демократии они звали к симпатиям западного мира, прося его моральной и материальной поддержки для впечатляющей программы реформ, существовавших только в их воображении» (32). Подтвержденные фактами ссылки японских представителей на то, что в Китае отсутствует центральная власть, а в некоторых его частях, особенно в Маньчжурии, нет вообще никакой власти, во внимание не принимались. Кроме того, новый договор аннулировал англо-японский союз.

Хаусхофер говорил, что Вашингтонская конференция была для Японии тем же, чем Версальская для Германии. Полностью согласиться с этим трудно, но оформившийся на них мировой порядок — «версальско-вашингтонская система» — действительно, создавал предпосылки нового глобального конфликта уже на двух океанах.

Ни Советскую Россию, ни ее саттелита — Дальневосточную республику (ДВР) на обсуждение не позвали. Однако в Токио понимали, что не считаться с ними уже нельзя. Перед самым началом конференции был убит премьер-министр Хара. Его преемники — «финансовый гений», но неудачливый политик Такахаси Корекиё и бывший глава делегации в Вашингтоне адмирал Като Томосабуро (Утида оставался министром во всех трех кабинетах) — считали необходимым

вывод японских войск из России, но настаивали на различных гарантиях и компенсациях. Вопрос в том, от кого их требовать?

Так возникла идея «буферного государства» на восточных окраинах бывшей Российской империи, которая — по разным причинам — оказалась одинаково близка и Токио, и Москве. Японцы понимали, что захватить и удержать российскую территорию не удастся, а контролировать ее легче всего с помощью зависимой местной власти, пользующейся хотя бы минимальной поддержкой населения. С откровенно «белыми» режимами ничего не вышло, поэтому нужен был другой вариант. В свою очередь, большевики, стремившиеся избежать войны с Японией, хотели создать «настоящий буфер, который будет закрывать японскому империализму доступ в глубину Сибири» (33).

«Буферное государство было решено создать в форме Дальневосточной республики, находящейся под руководством большевиков, но буржуазно-демократической по форме, что облегчало ей выход на международную арену. Дальневосточная республика должна была предотвратить войну с Японией и подготовить воссоединение Дальнего Востока с Советской Россией... Временные правительства отдельных областей и городов превращались в органы местного самоуправления. 14 мая (1920 г. — *В.М.*) правительство РСФСР признало Дальневосточную республику (провозглашена 6 апреля того же года. — *В.М.*)... Одновременно ДВР обратилась к Японии с предложением установить дружественные отношения... Японское правительство надеялось путем переговоров и угрозой применения оружия навязать ДВР выгодные ему условия, которые определили бы капиталистическое развитие республики. Однако японское правительство понимало, что в условиях развернувшегося революционного подъема в Сибири и самой Японии, общего ослабления ее международных позиций и продолжавшегося наступления Народно-революционной армии ДВР сохранение под его контролем Восточной Сибири становится все менее реальным» (34).

Так писала советская историография. Переведем это на более прагматичный язык. Большевики решили использовать тактику «троянского коня», выдавая марионеточный режим мастера революционных «эксов», бывшего каторжника Петра Никифорова (премьер-министр), бывшего американского биржевого маклера Абрама Краснощекова (министр иностранных дел и одно время президент) и ветерана социал-демо-

кратического движения, бывшего врача Федора Петрова (вице-премьер и министр внутренних дел) за независимое, демократическое и капиталистическое государство, а также «тактику салями», отрезая по кусочку от «белого» (или, по крайней мере, «некрасного») Дальнего Востока и присоединяя его к ДВР, окончательное формирование которой было декларировано 29 октября 1920 г. 15 декабря республика заключила договор с Советской Россией, передав ей Камчатку. В то же самое время американский миллионер Вандерлип предложил Ленину продать Камчатку за 20 миллионов долларов, что вызвало вполне понятную нервозность в Токио. В Москве потирали руки...

Японцы понимали, с кем имеют дело, но приняли предложенные правила игры в собственных интересах. Силовым давлением можно было заставить читинское правительство пойти на уступки и выиграть время. Ведя переговоры с ним, можно было донести свою точку зрения до большевиков, формально не признавая их. Можно было договариваться с ДВР по торгово-экономическим вопросам, защищая свои права и интересы, — как капиталисты с капиталистами. Можно было требовать прекращения большевистской агитации на ее территории. Наконец, нанеся ДВР военное поражение, можно было заключить выгодный мир, отвергнув любое участие Москвы как вмешательство в двусторонние отношения. Так что буфер был нужен обоим сторонам.

13 мая 1920 г. токийский кабинет в принципе согласился иметь дело с новым государством. 1 июля он объявил о готовящейся эвакуации Забайкалья. Через семнадцать дней обмен нотами между японским командованием и правительством ДВР привел к оформлению *modus vivendi* в отношениях между ними. Читинское правительство обязалось не вводить коммунистического строя и не допускать пребывания на своей территории Красной Армии. Одновременно оно попыталось наладить контакты с США, что вызвало явное беспокойство в Токио.

Только через год японское правительство поняло, что пора действовать, и 19 мая 1921 г. решило начать переговоры с ДВР. В августе японский посланник в Варшаве Каваками Тосицунэ, бывший торговый представитель во Владивостоке и генеральный консул в Москве, несколько раз встречался с советским полпредом Караханом, который предложил, не теряя времени, перейти к официальным контактам между Москвой и Токио. Но там решили еще поиграть с «прави-

тельством» Никифорова. 26 сентября в Дайрене начальник штаба экспедиционных войск Такаянаги и шеф их политического отдела Мацусима начали переговоры с читинским вице-премьером Петровым и новым министром иностранных дел Юриным. Из Москвы в Дайрен приехал старый польский коммунист Юлиан Мархлевский, назначенный решением политбюро от 11 октября «представителем для переговоров с Японией» (35). До официального участия в конференции японцы его не допустили, но он пользовался шифроперепиской с Москвой и находился в постоянном контакте с Лениным и Чичериным, указания и советы которых немедленно передавал Петрову.

Дайренская конференция детально описана историками, поэтому не стану утомлять читателя подробностями дипломатической рутины. Как водится, стороны передавали друг другу пространные проекты, призванные охватить все мыслимые стороны жизни, и торговались по каждому пункту. Японцы требовали нейтралитета ДВР в случае войны «между Японией и третьей державой», т.е. Советской Россией, демилитаризации Владивостока, которого продолжали бояться до 1945 года, «открытых дверей» для своих товаров и капитала, закрепления рыболовных и прочих прав, полученных за годы гражданской войны от разных «правительств». Следуя инструкциям из Москвы, Петров настаивал на скорейшей и полной эвакуации войск как главном условии дальнейшего диалога. Переговоры продолжались до 16 апреля 1922 г., обогатив дипломатические архивы, но не дав никаких конкретных результатов. «Блестяще, — якобы ответил Вильсон на вопрос, как прошла его очередная встреча с Клемансо. — Мы разошлись по всем вопросам».

«Говорят, что после разрыва Дайренской конференции тогдашний председатель японской делегации г. Мацусима при прощании сказал председателю делегации Дальневосточной республики Петрову приблизительно следующее: «Я никак не могу понять вас. С вами ведет переговоры такая великая держава, как Япония, и вы, маленькое государство, не хотите принять ее условий. Ведь, когда в Вашингтоне действительно великие державы предъявили к нам требования, то мы их без долгих разговоров приняли». Г. Петров будто бы ответил на это замечание напоминанием японскому представителю, что за Дальневосточной республикой стоит вся Россия, которая является не менее великой державой, чем те, требования которых в Вашингтоне Япония столь послушно принимала. Нез-

вестно, ответил ли что-нибудь на это разъяснение г. Мацусима, но, если даже он промолчал, он, наверное, про себя иронически усмехнулся» (36).

Кто виноват в неудаче переговоров? Стороны — гласно и негласно — обвиняли в этом друг друга. Никто не хотел уступать, но время работало на «красную Россию», которая почти одновременно с патовой ситуацией в Дайрене неожиданно и блистательно прорвала дипломатическую изоляцию, заключив Рапалльский договор с Германией. Атлантисты в Европе всполошились, но в Токио сделали вид, что ничего не произошло. Или, правда, не поняли...

Впрочем, даже при всей безрезультатности Дайренская конференция не прошла бесследно. «Японское правительство предупредило меня, — еще 20 сентября 1921 г. сообщал Крупенский председателю Совета послов Гирсу, — что в ближайшем будущем оно перестанет признавать меня послом здесь, как это ими до сих пор в полной мере делалось. Ввиду этого я выезжаю отсюда в конце ноября в Марсель... передав Абрикосову управление посольством, состав коего сокращен и которое будет именоваться японцами «бывшим русским посольством»^{*}. Против продолжения консулами своих функций японцы пока возражений не имеют. Этот шаг японского правительства объясняется тем, что... оно решило заключить соглашение с Читой, переговоры о коем идут теперь в Дайрене» (37). В качестве поверенного в делах Абрикосов возглавлял «бывшее посольство» до признания Японией Советского Союза в 1925 г., подробно описав свою деятельность в очень интересных мемуарах.

Представители бывших «правительств» подавали голос, но тщетно. В апреле 1923 г. министр Утида получил письмо от жившего в Тяньцзине Ивана Артемьева, бывшего председателя Биржевого комитета и Земской Приамурской думы в Хабаровске, а затем председателя Совета управляющих ведомствами (главы гражданской администрации) Приамурского правительства генерала Дитерихса. Это послание я обнаружил в японских архивах и привожу здесь целиком, сохранив в неприкосновенности своеобразную орфографию и пунктуацию государственного мужа:

^{*} Подобные определения, похоже, нравятся японцам. Хорошо помню, как в 1995/96 гг. сотрудники Министерства образования и Токийского университета упорно именовали страну, откуда я прибыл, «бывший Советский Союз» и удивлялись, что она официально называется «Российская Федерация».

«Милостивый Государь Граф Учида!

Как государственный деятель до революционного времени, принимавший участие в деятельности Министерских и высших Государственных учреждениях бывшей великой России, я чрезвычайно был обижен, приемом, оказанным мне Вами, в Токио, в октябре 1922 года, когда Вы, неудостоили меня личным приемом, а выслали для переговоров со мною Вашего маленького секретаря. Такой прием диктовал забыть Ваше имя, но учтя все прошлые события и приняв во внимание то, что происходит в данное время, я как Русский патриот и сторонник сближения национальной России с национальной Японией, решил игнорировать личности, побороть чувство обиды и все таки побеседовать хотя бы письменно с Вами, как с руководителем Японской иностранной политики. Цель моей беседы: выяснить ошибочность политики Японии в отношении России и тот колоссальный вред, какой приносит такая политика обеим странам.

Начну с того, что как это ни странно, но Русско-Японская война 1904—1905 года не вызвала враждебности, а на оборот сблизила народы обеих стран, узнавших друг друга и понявших, что они были вовлечены в войну политикой других стран, жаждавших ослабления мощи России и Японии. Можно смело сказать, что ни в одной стране у Японцев нет столько друзей, как в России, в особенности в военной среде, где храбрость бывших Русских орлов и Японских Самураев создали обоюдное уважение и прочную дружбу. Русские и Японские государственные деятели-друзья, не мало потрудились в области достижения дальнейшего сближения для взаимной пользы. Результаты этой работы не заставили долго ждать. Япония пришла на помощь национальной России в постигшем ее лихолетьи и политика Японии 1918 года, выражала собою искреннее желание, оказать помощь в восстановлении государственности и правопорядка, а затем в заключении союза для общего блага. Но как в прошлом, так и в этом случае, другие страны увидели опасность для своих интересов от такого сближения и дипломатическая машина заработала усиленным темпом, стараясь развить взаимное недоверие и враждебность.

Резкое изменение политики Японии в конце 1919 года, служит ясным указателем, что работа дипломатов имела успех, а в этом и заключается главная ошибка Японских руководящих сфер. Конечно сферы руководились осторожностью, дабы не вызвать преждевременного столкновения, но опасения

эти, были совершенно напрасны, так как те, которые стараются создать пропасть между Русскими националистами и Японией, еще более осторожны и никогда не бросились бы в омут, разве только для того, чтобы погибнуть. При переговорах моих с виконтом Учидой в Хабаровске в 1920 году, деятельность дипломатов по разрушению Русско-Японского сближения, была детально выяснена и изыскан способ парализования этой деятельности, но как видно, план дальнейшей, совместной Русско-Японской деятельности, предначертанный Виконтом Учиды при участии моем, не удостоился одобрения и в результате полная разруха, разорение очень многих японских резидентов и уничтожение свыше 15-ти тысяч благомыслящих Русских граждан. Теперь надеюсь, Вы сами убедились, что такие эксперименты не только без всякой пользы, а даже во вред себе, были излишни и вредны как для Дальнего Востока, так и для Японии.

Некоторые Японские Государственные деятели, приписывают вине Русских националистов, изменение политики Японии, что якобы националисты своей постоянной рознью и не умением съорганизоваться, создали такую атмосферу, при которой изменение явилось неизбежным. А скажите пожалуйста, правы ли в этом случае наши друзья японцы, которые не зная многих из нас и не посоветовавшись хотя бы с более видными Русскими гражданами, живущими в Токио и Иокогаме, сплошь и рядом ориентируются на лица, совершенно не сведующих в государственной деятельности, стремящихся только к власти, как к таковой, не знающих даже такой простой истины, что добросовестный Государственный деятель, принимая власть, берет на себя в тысячу раз более обязанностей, чем прав и само собой разумеется, от деятельности таких людей, ничего хорошего получиться не может.

Закончив прошлое, перехожу к настоящему. Посетив Японию и увидев Японских тружеников, я не опровержимо убедился, что Японский народ, никогда и ни при каких условиях не может иметь ничего общего с красными разбойниками и грабителями. Для промышленности же Японии, необходимы рынки сбыта продуктов производства и сырье, как то, так и другое сможет дать Дальний Восток, когда в нем будут законность и порядок. Следовательно Японии, для соблюдения даже только своих интересов и ограждения себя от заразы большевизма, рано или поздно придется, принимать меры к установлению законности порядка и нор-

мальной экономической жизни, а для этого необходимо проведение в жизнь плана предначертанного Виконтом Учида и мною в 1920 году. Это сделать необходимо немедленно в интересах как России, так и Японии, но для этой деятельности, нужны люди вполне сведующие и опытные, для выбора которых необходимо предварительное совещание. Если же Япония и в дальнейшем будет ориентироваться на людях случайных, не сведующих и не пользующихся доверием населения, то кроме вреда, ничего другого получиться не может. Вот о чем, я хотел сказать Вам, в виду назревающих новых событий» (38).

Утида, похоже, не ответил, не напряг этим даже «маленького секретаря». К тому времени у него окончательно пропало желание общаться с русскими, какого бы цвета ни было их знамя. А время работало на «красных».

Под давлением обстоятельств кабинет Като 24 июня 1922 г. наконец принял решение эвакуировать японские войска из Приморья до 1 ноября того же года. Военные круги долго сопротивлялись этому решению, но были вынуждены уступить, потому что за вывод войск не раз и не два высказывался сам маршал Ямагата, скончавшийся в начале года. 30 июня министерство иностранных дел ДВР обратилось с предложением начать трехсторонние переговоры РСФСР, ДВР и Японии, чему предшествовали неофициальные зондажи Антонова, представителя ДальТА (Дальневосточного телеграфного агентства) в Токио. Две недели спустя это вызвало окрик политбюро: «Указать НКИД на недопустимость того обстоятельства, что переговоры ведутся неизвестным Наркоминделу Антоновым». Заместителю наркома иностранных дел Карахану, который отныне будет играть ключевую роль если не в выработке (прерогатива политбюро), то в осуществлении дальневосточной политики Москвы, было поручено разобраться, что за птица этот Антонов, и «затребовать от Дальвоста объяснения посылки Антонова, не дождавшись инструкции и проекта ноты Наркоминдела». Карахан немедленно включился в нотную переписку между Читой и Токио, снова напомнив японцам, с кем именно им придется иметь дело, — чтобы невзначай не ошиблись.

Переговоры открылись 4 сентября в Чаньчуне, хотя уже 1 июня политбюро признало их возобновление «целесообразным». По этому поводу было принято развернутое решение, предусматривавшее, что «переговоры должны вестись между Японией и объединенной делегацией РСФСР и ДВР, причем

делегация наша (РСФСР) должна иметь полномочия от обеих республик (РСФСР и ДВР)». Это, кстати, рекомендовали и некоторые японские дипломаты вроде Каваками, прекрасно понимая, «кто в доме хозяин». «Предварительным условием возобновления переговоров» был объявлен вывод японских войск из Сибири.

На сей раз московские и читинские представители слились уже формально. Объединенную делегацию возглавлял не какой-нибудь марионеточный министр из бывших каторжников, а сам Адольф Иоффе, старый большевик, давний личный друг и соратник всесильного народного комиссара по военным и морским делам Троцкого и один из влиятельнейших советских дипломатов. Решения политбюро делали Иоффе полновластным хозяином ситуации на месте, а для «дипломатов» ДВР его слово было законом.

В 1918 г. Иоффе возглавлял советскую делегацию на переговорах с Центральными державами в Брест-Литовске после провала авантюристической идеи Троцкого «ни мира ни войны, армию распустить» (сколько, кстати, ни думал, не могу постичь, что это такое). Затем Иоффе был назначен первым советским послом (полпредом) в ~~Кайзеровской~~ Германии, но вскоре отозван после знаменитого происшествия с диппочтой. Опечатанную «вализу» полпредства с дипломатической почтой на берлинском вокзале случайно (а может, не случайно) уронили, и оттуда посыпались антиправительственные коммунистические листовки на немецком языке. Полпред, конечно, сразу же был объявлен персоной нон грата, но его дипломатическая карьера на этом не закончилась. Иоффе представлял Москву на переговорах с Польшей и странами Прибалтики, добившись признания большевистского режима и заключив несколько удачных договоров, в 1922 г. приезжал на Женевскую конференцию, а затем был направлен полпредом в Пекин с самыми широкими полномочиями.

Иоффе был известен как самоуверенный и неуступчивый «переговорщик», причинявший немало хлопот китайским властям, а также представителям еще не вполне советской КВЖД и вполне «белогвардейского» Русско-Азиатского банка. Германские и французские журналисты в Пекине сочувственно писали о его откровенности, чувстве юмора и вполне «буржуазных» манерах, в то время как у их английских и американских коллег он популярностью не пользовался. Например, Р. Гилберт в статье «Иоффе, Япония и Китай» («North

China Daily News»* от 2 февраля 1923 г.) без лишних экивоков говорил о советском дипломате: «Такт не является его сильной стороной, что легко могут подтвердить китайцы и жители Пекина любой национальности. Его бестактность граничит с откровенной глупостью». Тем не менее выбора у японцев не было. Все-таки лучше иметь дело с полномочным и влиятельным представителем противной стороны, чем с марионеткой, управляемой из-за кулис. В самостоятельность министра иностранных дел ДВР Янсона, бывшего московского полпреда в Чите, никто, разумеется, не верил.

С японской стороны Иоффе противостоял влиятельный атлантист, начальник Европейско-американского бюро МИД Мацудайра Цунэо, в будущем посол в США и Великобритании, министр императорского двора и тесть принца Титибу, младшего брата императора Сёва. Как и его шеф, он не был расположен идти ни на какие уступки «красным» и хотел добиться безоговорочного принятия японского проекта двустороннего договора с ДВР, из-за которого зашла в тупик Дайренская конференция. Его позиция была четкой: есть готовый проект, осталось быстро выяснить мелкие вопросы и подписать его, не затевая переговоров заново. Утида наделил своего посланца полномочиями только на заключение соглашения с ДВР, как будто российской делегации за столом переговоров не было вовсе.

Что стояло за этим — обструкционизм или легкомыслие? Похоже, японская дипломатия откровенно прозевала проходившую той же весной Генуэзскую конференцию, на которой ее представлял не кто иной, как бывший министр, а теперь посол во Франции Исии. В Генуе страны Антанты попытались заставить Германию поскорее уплатить наложенные на нее репарации, а большевиков — признать долги прежних режимов и приступить к их возврату. Чичерин ответил выставлением куда более внушительных контр-претензий за ущерб от «союзной» интервенции, а затем заключил договор с Германией, в основу которого был положен советский проект. Стороны договорились немедленно возобновить дипломатические и консульские отношения (статья 3), применять друг к другу режим наибольшего благоприятствования (статья 4) и «взаимно идти навстречу хозяйственным потребностям обеих стран» (статья 5). Достичь этого удалось на основе вза-

* По словам бельгийского посланника в Японии д'Анетана, эта газета «специализировалась на сенсационных фальшивках».

имного же отказа от возмещения военных расходов, военных и невоенных убытков, «причиненных гражданам одной стороны посредством... исключительных военных законов и насильственных мероприятий государственных органов другой стороны» (статья 1). Особенное — и при том актуальное для Японии — значение имела статья 2, по которой Германия отказалась от требования возратить национализированные предприятия прежним владельцам — германским гражданам (чего, заметим, едва ли стоило ожидать от большевиков) в обмен на обещание не удовлетворять аналогичные требования других стран.

Руководители делегаций стран Антанты буквально встали на дыбы, обратившись с гневным письмом к германскому канцлеру Вирту: «Приглашая Германию явиться в Геную... приглашающие державы засвидетельствовали свою готовность устранить все воспоминания о войне и дали Германии возможность честного сотрудничества со своими бывшими врагами... На это предложение, внушенное духом благожелательности и солидарности, Германия ответила актом, уничтожающим дух взаимного доверия, необходимый для международного сотрудничества, установить который было главной целью данной конференции... Немецкие представители... заключили тайно, за спиной своих коллег, договор с Россией и притом по тем самым вопросам, рассмотрением которых они были заняты в честном сотрудничестве с представителями других наций» (39). Но дело было сделано.

Рапалльский договор не мог «отменить» Версальский, но он укрепил позиции обеих стран в торге с противниками-кредиторами. Проблему царских долгов с ходу решить не удалось, но первый натиск Чичерин и его эксперты отбили. Перед конференцией нарком писал Ленину: «Мы должны, как марксисты и реалисты, трезво учитывать сложность нашего положения... Наша дипломатия преследует в конечном счете производственные цели, нашу внешнюю политику мы постоянно характеризуем как производственную политику, ставящую себе целью способствовать интересам производства в России. Если сегодня именно эти производственные цели являются для нас наиболее актуальными задачами момента, мы не должны упускать из виду, что какие бы то ни было выступления революционного характера будут идти с этими целями радикальнейшим образом вразрез... Мы должны все время иметь в виду, что именно эта купеческая деятельность есть основное

содержание нашей задачи в Генуе» (40). В советское время говорить о «купеческой деятельности» как «основном содержании» советской дипломатии, пусть и в конкретных условиях, было как-то не принято. Но именно реализм, проявленный Чичериным в Генуе и Лениным в Москве, сделал возможным один из первых — и наиболее эффективных — «прорывов» молодого советской дипломатии.

Японским делегатам в Чаньчуне следовало бы иметь это в виду. Но Мацудайра делал вид, что ничего не изменилось, а Иоффе решительно дал понять, что так дело не пойдет: если хотите чего-то добиться, признавайте Советскую Россию де-юре и имейте дело с ней. Японцам хотелось добиться выгодного решения по рыболовству и компенсации за Николаевск. Дипломатов толкали в спину рыбопромышленники (это лобби всегда пользовалось в Японии большим влиянием), но Утида предпочитал делать заявления о продолжении «свободного лова» и обеспечении его, в случае надобности, патрульными военными кораблями. Игнорировать советский военный флот на Дальнем Востоке из-за его незначительности пока получалось, но действия японцев, действительно, отдавали пиратством, о чем непрерывно заявлял в Пекине Иоффе. «Николаевский инцидент» оставался «все в той же позиции»: японцы не собирались просто так уходить с Северного Сахалина, а Иоффе риторически вопрошал, какое отношение одно имеет к другому. Впрочем, появилось и нечто новое: в отличие от читинских «министров», Иоффе не избегал разговоров о событиях в Николаевске, но разъяснял, что Тряпицын со товарищи уже ответил перед советским судом за все свои преступления, и добавлял, что ущерб от японской интервенции куда больше.

Под давлением общественного мнения и острой критики в прессе Утида немного «отыграл назад» и в принципе согласился на подписание Японией договора с РСФСР и ДВР в будущем, понимая, что в противном случае точно ничего не добьется, а так есть хоть какой-то шанс. Но переговоры все равно зашли в тупик, потому что ни одна сторона не хотела уступать и в то же время не могла бросить меч на весы с криком «Горе побежденным!». Негибкость позиции японских дипломатов, «потеря чувства действительности», как выразился Иоффе, привела к тому, что конференция закончилась в прямом смысле слова ничем, хотя заинтересованность Японии, если не правительства, то деловых кругов (экономика находилась в кризисе), в нормализации отношений была боль-

ше, чем у России. Та могла просто закрыть Дальний Восток и активизировать отношения с пекинским правительством, а также фактически независимым от него режимом Чжан Цзо-лина в Маньчжурии. Этим и объясняется негибкость позиции Москвы, озвученная в многочисленных заявлениях ее чрезвычайного делегата.

Однако и здесь не обошлось без интригующих сюжетов, которые наши историки почему-то обходят вниманием. «Один весьма видный японский журналист, числящийся в либералах (фамилии его мы из скромности не желаем здесь называть), — сообщал читателям Иоффе, — сделал русской делегации следующее предложение».

Предложение японца — это секретный меморандум, который впервые через 80 лет я представляю публично и без купюр.

«Разрыв конференции, ни к чему не приведшей, был бы несчастьем как для России, так и для Японии. «Осака майнити» защищает признание Советской России. Наши личные симпатии всецело на ее стороне. Тем не менее мы должны признать, что наши стремления являются несколько преждевременными. Если мы хотим, чтобы конференция продолжалась и имела какие-нибудь результаты, мы должны принять настоящее положение таким, каким оно есть, и постараться путем какого-нибудь компромисса найти выход из создавшихся затруднений. Я не оспариваю правоту или неправоту ваших притязаний или притязаний японской делегации. Лично мои симпатии всецело на стороне Дальневосточной республики и Советской России. Но я должен сознаться, что при настоящем положении вещей в Японии я мог бы высказать свой взгляд на этот вопрос, лишь изменив его в значительной степени. Искренне желаю, чтобы конференция продолжалась и пришла бы к заключению какого-нибудь договора или соглашения, хотя бы пришлось пойти на компромисс. Поэтому я беру на себя смелость предложить вам нижеследующие проекты, которые, как я полагаю, смогут, по всей вероятности, разрешить настоящее затруднение. Если один из этих проектов будет для вас приемлем, я сейчас же поеду в Токио и постараюсь убедить гражданские и военные власти в благоразумии и необходимости прийти к скорейшему соглашению на этих условиях. Лышу себя надеждой, что мой голос будет иметь некоторый вес, так как я надеюсь на поддержку известных японских газет, ежедневный тираж которых достигает 1 300 000 экземпляров».

Кто же этот таинственный незнакомец, имя которого скрыла от общественности чья-то скромность — непонятно только его самого или Иоффе? Почти со стопроцентной уверенностью утверждаю, что это ведущий политический аналитик «Осака майнити», специализировавшийся по русским делам и отчасти сочувствовавший русской революции. В 1921 г. он побывал в Москве и первым из японских журналистов взял интервью у Ленина, которое можно найти в полном собрании сочинений вождя. Потом он встречался с Троцким и со Сталиным — с последним однажды, но молодым журналистам говорил, что трижды, каждый раз расцветивая рассказ новыми красочными подробностями*.

Далее на выбор давались два варианта. Первый — подписание договора на основе японского проекта, что «вызовет в японском обществе полное доверие и симпатии к Чите и Москве. Это доверие и симпатии можно будет использовать как первый шаг к дальнейшему установлению прямых отношений или заключению договоров с Советской Россией или даже к формальному признанию Советской России. Поддерживающие меня крупные газеты сделают все от них зависящее, чтобы принудить японское правительство признать Советскую Россию». Второй — отказ от дайренского проекта и начало новых переговоров о торговом договоре с ДВР и РСФСР, но это «встретит сильную оппозицию со стороны Японии». Чтобы нейтрализовать ее, предлагалось продать Северный Сахалин («ничто не сможет так подействовать на Японию и вызвать ее симпатии») и гарантировать недопущение иностранцев, прежде всего, американцев на Тихоокеанское побережье России (слухи о продаже Камчатки и концессиях Вандерлипа). «Японцы боятся захвата Азии американцами», — открыто говорилось в записке. Последней была просьба прекратить поддержку корейских националистов, так как «японцы вполне уверены, что вы тайно поощряли корейскую молодежь и студентов к провозглашению независимости (1 марта 1919 г. — *В.М.*) и что вы их с этой целью завлекли в Москву (деятельность Коминтерна и связанных с ним организаций. — *В.М.*)».

Послание заканчивалось патетическими словами: «Я делаю вышеуказанные предложения не как журналист, а как со-

* Об этом автору осенью 1996 г. рассказывал почетный профессор Осацкого городского университета Одзаки Хикосаку, в конце 1930-х годов работавший под началом Фусэ в газете «Осака майнити».

знающий свой долг гражданин мира, который с нетерпением ждет, чтобы как можно скорей между Читой, Москвой и Токио завязались дружественные отношения... Мои мотивы абсолютно бескорыстны» (41).

Советская сторона не приняла предложенные варианты, но продолжала недвусмысленно намекать, что компромисс возможен. Публикация текстов этих неофициальных предложений давала понять, что не все японцы твердолобые, что диалог с ними в принципе возможен, и что японской дипломатии придется считаться не только с возрастающим экономическим, политическим и военным потенциалом СССР, но и со своим собственным общественным мнением. «Если бы переговоры тянулись много месяцев, то, как это часто бывает, — подводил итоги Иоффе, — в процессе самих переговоров правящие круги Японии, быть может, поняли бы, насколько неправильно их понимание новой России и, постепенно меняя свое настроение, в конце концов сделали бы возможным взаимное понимание и соглашение. Но в Чаньчуне обе стороны не хотели тянуть переговоров и разошлись, как только выяснилось, что пока еще соглашение невозможно. По-видимому, обе стороны разошлись в полном убеждении, что это не окончательный *разрыв*, но лишь *перерыв* переговоров (выделено Иоффе. — В.М.). По крайней мере, таково было убеждение объединенной русской делегации».

По завершении эвакуации японских войск Дальневосточная республика 19 ноября 1922 г. официально вошла в РСФСР. Нерешенные проблемы оставались, но переговоры по ним теперь предстояло вести только с Москвой, без всяких «буферов». Причем уже в ином качестве: 30 декабря РСФСР, Украина, Белоруссия и ЗСФСР объединились, образовав новое государство — Союз Советских Социалистических Республик, который занимал почти все пространство прежней Российской империи. То есть ту территорию, которую один из основателей геополитики Хэлфорд Макиндер называл *heartland*, «сердцевинная земля». Теперь любая «континентальная политика» могла строиться или на сотрудничестве с Советской Россией, или на открытой конфронтации с ней, поскольку игнорировать советский фактор стало невозможным.

Правящим кругам Японии предстояло делать выбор, к которому их толкали не только изменившаяся ситуация в мире, но и внутренние проблемы. В стране продолжался экономический кризис, и торговля с Советской Россией была если не спасением от всех бед, то средством решения многих проблем.

Территории Дальнего Востока с прилегающими к ним водами — и, соответственно, запасы леса, нефти, угля, рыбы — были выключены из сферы мировой торгово-экономической деятельности, но такое положение не могло продолжаться долго. Японцы хотели быть первыми, кто прорвется в этот богатый регион. Завоевать его силой оружия не удалось, значит, надо сделать его доступным для экономической активности мирным путем. В свою очередь, профсоюзы ратовали за признание СССР и установление нормальных торгово-экономических отношений отнюдь не только из соображений «классовой солидарности». Расширение торговли и получение концессий означало создание новых рабочих мест, а значит, сокращение безработицы.

Тем временем США и Великобритания, воспользовавшись решениями Вашингтонской конференции, начали вытеснять Японию с китайских рынков. Одновременно Америка ужесточила иммиграционные законы и таможенный режим, повысив ввозные пошлины, что больно ударило по японскому экспорту. Зависимость Японии от США в отношении как финансов, так и импорта полезных ископаемых была велика. Такое переплетение экономики с политикой порождало серьезные опасения относительно возможности войны на Тихом океане. Книжные рынки обеих стран стали заполняться сочинениями, не просто обосновывавшими неизбежность конфликта, но уже пытавшимися нарисовать его возможный сценарий. А игра на «межимпериалистических противоречиях», как известно, всегда была одной из любимых стратегем советской дипломатии.

ГЛАВА 6

Дальневосточное Рапалло: миссия Адольфа Иоффе

Поскольку нормализация отношений с Советской Россией явно пробуксовывала, дело в свои руки решил взять Гото Симпэй. В декабре 1920 г. он вернулся к активной политической деятельности, став мэром Токио под лозунгом борьбы с коррупцией. В мае 1922 г., когда кабинет Такахаси доживал последние дни, его считали самым вероятным претендентом на пост премьера, но *гэнро*-атлантист Сайондзи решительно отвел его кандидатуру. В том же году за многолетнюю «государеву службу» Гото получил титул виконта. В 1919 г. он возглавил Восточно-азиатскую ассоциацию и Университет Такусёку, основанные его бывшим патроном Кацура, а в феврале 1920 г., после смерти маршала графа Тэраути, Японско-российское общество.

С учетом колеблющейся позиции премьера Като (в политическом море адмирал чувствовал себя не так уверенно) и открыто антисоветской, атлантистской ориентации министра иностранных дел Утида, Гото представлялся идеальной фигурой для начала полуофициального диалога с Москвой. В случае успеха его усилий правительство могло записать нормализацию отношений себе в актив, в случае провала — дистанцироваться от любых инициатив «частного лица» и даже столичного мэра.

Л.Н. Кутаков дал такой портрет нашего героя на момент начала его контактов с большевиками. «Ловкий и дальновидный деятель, Гото всю свою политическую жизнь охотно поддерживал популярные в народе идеи, тщательно оберегая репутацию «независимого и объективного человека». Его яркие выступления в защиту интересов «общественности» и «свободы» снискали ему большую популярность. Несмотря на преклонный возраст (около 67 лет), Гото в те годы был едва ли не самым выдающимся среди японских ораторов. Его называли

«японским (Теодором. — В.М.) Рузвельтом» или «японским Ллойд Джорджем». Великолепно зная и чувствуя свою аудиторию, Гото умел произвести на нее впечатление. Усилия Гото в пользу установления и развития советско-японских отношений отражали как популярность этих идей в народе, так и заинтересованность определенных деловых кругов, имевших интересы на русском Дальнем Востоке и в Северо-Восточном Китае, в развитии связей с Советской страной... Гото считал, что внешняя политика Японии должна строиться «на правильном анализе основных тенденций эпохи»... Гото не смущало различие социальных систем Японии и Советского Союза. Он здраво смотрел на неизбежность признания существующих порядков в СССР... Гото писал: «В истории нет примеров, когда бы революцию делали в белых перчатках. Все боятся разрушительной силы революции, не обращая внимания на ее созидательную сторону и развитие после революции. Но это глупость»... Выдвигая своеобразную теорию сосуществования, Гото заявлял, что основой внешней политики являются земля и народ. «При соприкосновении между народами, — писал он, — фактическим авторитетом является народ, а не политический строй. Поэтому взаимоотношения народов ничто не может мешать» (1).

Для исполнения задуманного надо было, во-первых, вступить в контакт с официальными или хотя бы неофициальными, но наделенными некими полномочиями, советскими представителями, которых тогда в Японии не было. В Токио находился представитель Российского телеграфного агентства РОСТА В.Г. Антонов, ранее представлявший в японской столице читинское ДальТА и участвовавший в подготовке Чаньчунской конференции, но он годился разве что в «связные». Гото не считал его партнером необходимого «калибра». Кроме того, для такого нелегкого предприятия требовалась мощная информационная поддержка. Гото часто выступал со статьями и речами на политические, экономические и социальные темы, а потому обладал хорошими связями в средствах массовой информации, которые, кстати, и «прижимал», будучи министром внутренних, а затем иностранных дел во время русской революции и начала интервенции.

Первым вызвался помочь Фудзита Исаму, президент влиятельной газеты «Токио нитинити симбун». Журналист Тагути Ундзо, бывший помощник лидера японских коммунистов Каятама, ездивший в «красную» Москву на Третий конгресс Коминтерна и встречавшийся с Лениным, стал «связным», кото-

рого Гото в первых числах января направил в Китай для контактов с советскими дипломатами. Позднее, во время переговоров, знавший русский язык Тагути помогал гостям в качестве секретаря. Из этого вовсе не следует, что Гото покровительствовал «красным»: он разделял жесткую линию Кацура и Тэраути в отношении политического радикализма, особенно левого, и сам проводил ее в жизнь, будучи министром внутренних дел. Он просто имел связи едва ли не во всех политических и общественных кругах, умело используя их в собственных интересах. Цуруми Юсукэ, биограф и зять Гото, говоря о своем тесте, отмечал, что «его правая рука обнимала патриотов, принадлежавших к крайне правому крылу, а левая — социалистов, принадлежавших к крайне левому», многозначительно вспомнив при этом тайные контакты Бисмарка с Лассалем (2). А сравнение с Бисмарком в Японии всегда было хорошим комплиментом.

В качестве партнера Гото выбрал Иоффе, знакомого с японскими дипломатами и знавшего их требования, образ мыслей и манеру ведения переговоров. И не пожалел о выборе, хотя иностранные газетчики в Пекине предрекали провал миссии из-за «жесткости» и «грубости» советского посланца, а также из-за того, что его политика якобы находится в противоречии с линией Совнаркома, который «не одобрил» поведение Иоффе в Чаньчуне. Однако за переговорами стоял взаимный интерес, суть которого удачно сформулировал цитировавшийся мной выше журналист Р. Гилберт: «Как только японцы скажут «рыба», Иоффе скажет «Сахалин». Перспектива нормализации отношений пугала атлантистов, желавших сохранить статус-кво. А тут Япония могла договориться с Советской Россией, как раньше договаривалась с царской, о разделе сфер влияния в Маньчжурии и зоне КВЖД и вытеснении оттуда всех «прочих».

В декабре 1922 г. Гото пригласил тяжелобольного Иоффе в Японию на лечение, а также для обмена мнениями по разным вопросам двусторонних отношений, включая продажу Северного Сахалина (называлась цифра в 100 миллионов иен). Тогда же посланник Каваками, возвращавшийся домой из Варшавы через Москву, обратился с аналогичным предложением к Чичерину, который принципиально отказался обсуждать вопрос о продаже советской территории. Однако японские авансы, о которых немедленно оповестила токийская пресса, были оценены в Москве как искреннее стремление сдвинуть дело с мертвой точки.

Гото согласовал свои планы с премьер-министром, который заявил, что «не возражает» против приезда советского представителя, но только для неофициальных переговоров, без необходимого дипломатического оформления. Тогда же они выработали основные пункты японской позиции, которые Гото должен был изложить гостю. Министр иностранных дел Утида полудобровольно, полувынужденно остался в стороне, поскольку он и Гото придерживались противоположных взглядов и к тому же испытывали давнюю антипатию друг к другу. Поэтому министр был против переговоров и нервно реагировал на сообщения о них — особенно со ссылками на согласие премьера — в газетах, где друзьями и единомышленниками Гото была начата шумная кампания в их поддержку. Тот в свою очередь решил использовать будущие переговоры для придания себе большего политического веса, поскольку рассчитывал вернуться в правительство если не главой, то по крайней мере на один из ключевых постов.

9 января 1923 г. Гото официально обратился к начальнику Европейско-американского бюро МИД Мацудайра с просьбой выдать Иоффе въездную визу. На следующий день Утида дал указание посланнику в Китае Обата Юкити разрешить Иоффе въезд в Японию в качестве туриста — с условием не вести коммунистическую пропаганду и не произносить политических речей. Иоффе потребовал письменной гарантии разрешения пользоваться шифром и иметь дипломатических курьеров, что, конечно, было необходимо для полноценного ведения переговоров, но Утида отказал ему в этом, пообещав лишь гарантировать безопасность его жизни и имущества.

Жалуясь в пространном письме Гото от 7 марта, уже из Японии, на недружелюбное отношение к нему японских властей, Иоффе напоминал: «Когда получено было Ваше любезное приглашение меня для лечения в Токио и посланный Вами г. Фудзита сообщил, что Японское Правительство принимает все те условия, которые были мною поставлены при предварительных переговорах, т.е. гарантирует мне и моим сотрудникам дипломатическую неприкосновенность, свободу передвижения по Японии, неприкосновенность корреспонденции и право пользоваться шифром и курьерами, мои сотрудники... просили гг. Тагучи и Фудзита запросить, действительно ли Японское Правительство дает мне все вышеуказанные гарантии. Оба Ваши сотрудника принесли из Легации утвердительный ответ и уехали ко мне в Шанхай, где я гото-

вился к поездке на Юг Китая. В Шанхае Исполняющий обязанность Генерального Консула подтвердил моему секретарю в присутствии Ваших посланных совершенно официально, что все вышеуказанные гарантии действительно Вашим Правительством даны, причем поименно перечислил каждую из этих гарантий. Тогда я решил воспользоваться Вашей любезностью и поехать в Японию. Но *на другой день* (выделено Иоффе. — В.М.) и.о. Генерального Консула по телефону сообщил моему секретарю, что его Правительство указанных гарантий дать не может. Я уведомил ваших посланных, что в таком случае в Японию не поеду. Ваши посланцы ответили, что это недоразумение, ибо и.о. Генерального Консула имел только в виду, что вышеуказанные гарантии не могут быть даны в письменной форме, но на деле они остаются в силе; в то же время пришло письмо и.о. Генерального Консула, что никакой перемены в настроении Правительства не произошло и все, им заявленное, остается в полной силе. Я ответил, что никогда не требовал письменных заявлений от официальных представителей правительств, ибо в своих сношениях с другими правительствами привык считать словесные заявления их представителей одинаково прочными, как и письменные, но для большей ясности попросил Ваших посланных в письменной форме зафиксировать все то, что им было заявлено официальным представителем Японского Правительства» (3).

Наркоминдел ответил согласием, хотя решение принималось, конечно, не там, а в Кремле. 18 января политбюро сочло поездку «полезной» и поручило НКИД составить «точную инструкцию» для Иоффе и указало, что «он не должен заменять официальные переговоры, которых мы добиваемся, частными переговорами, а ограничиться зондировкой». Однако согласованный и уже намеченный на конец января приезд советского представителя в последний момент чуть не сорвался. На сей раз из-за действий самого Иоффе, вызвавших бурную реакцию и без того недружелюбно настроенных японских официальных лиц. По приглашению Гото Иоффе с семьей 23 января прибыл в Шанхай и намеревался 27 января выехать в Токио. В Шанхае 24 января он встретился с Сунь Ятсеном, о чем японский консул немедленно сообщил в МИД. Два дня спустя было опубликовано совместное советско-китайское коммюнике, декларирувавшее дружбу, согласие, единство позиций и целей сторон.

Лидер Гоминьдана, убежденный сторонник евразийской ориентации и союза с Советской Россией, отнюдь не был

в Токио персоной нон грата. «Китайские революционеры — среди них Сунь Ятсен — смотрели на Японию как на наиболее развитую страну Востока и как на будущего лидера борьбы за освобождение Азии от западного ига» (4). Идеальным вариантом он считал союз нового Китая с Японией и Россией, о чем в ноябре 1922 г., всего за несколько месяцев до описываемых событий, прямо говорил в интервью японскому информационному агентству Дзидзи цусин: «Если Япония действительно хочет видеть Азию управляемой Азиатами, она должна развивать отношения с Россией. Русские — Азиаты. В их венах течет азиатская кровь. Япония должна объединиться с Россией для защиты от экспансии англо-саксов». Эти слова сочувственно цитировал К. Хаусхофер (5). Немало сторонников было у них и в Японии — от Гото до уже упоминавшегося на этих страницах лидера «Общества реки Амур» Утида Рехэй, которое на протяжении многих лет оказывало поддержку азиатским революционерам, включая Сунь Ятсена и Чан Кайши.

Встречаясь с Сунь Ятсеном, Иоффе пошел на определенный риск и прекрасно понимал это, но тем не менее получил санкцию Москвы. Он едва-ли решился бы на такой шаг без нее. Акция была призвана продемонстрировать японцам, что в Азии Советский Союз не находится в изоляции, что ему есть с кем развивать сотрудничество, если Токио не проявит доброй воли в этом направлении и его миссия окончится неудачей. Прием, присущий дипломатам всех стран и всех времен.

Министр Утида Косай, в отличие от своего однофамильца из «Общества реки Амур», евразийских идей не разделял и, раздраженный поступком немилого его сердцу визитера, попытался сорвать приезд Иоффе. Встреча с Сунь Ятсеном не могла быть официальной мотивировкой отказа в визе или разрешении на въезд. Тогда Утида отправил консулу в Шанхай телеграмму для передачи Иоффе, в которой извещал советского дипломата о недовольстве «некоторых элементов» в Японии его приездом и «возможных осложнениях». С аналогичным предупреждением выступило и министерство внутренних дел, якобы получившее информацию о том, что некие родственники погибших в Николаевске собираются «отомстить» за них посланцу большевиков.

«Перед самой посадкой на пароход, отправляющийся в Японию, — писал Иоффе в том же письме Гото, — мне и.о. Генерального Консула была переслана телеграмма г. Министра Внутренних Дел Японии с сообщением, что открыт заговор

против меня, поэтому Правительство не может ручаться за мою жизнь. Хотя меня удивило, как это Японское Правительство, столь щепетильное в отношении всяких международных узусов*, допустило прямое обращение Министра Внутренних Дел, хотя по международным обычаям все сношения с иностранцами всегда идут через Министерство (Иностранных. — В.М. **) Дел, и хотя во мне вызвало недоумение, каким образом *открытый* (выделено Иоффе. — В.М.) заговор еще может быть опасен, но так как я привык рисковать своей жизнью, а никакого отказа от данных мне Японским Правительством гарантий в этой телеграмме не содержалось, мои же билеты уже были взяты и багаж уже находился на пароходе, то мне не оставалось ничего другого, как поблагодарить г. Министра Внутренних Дел за любезную заботу обо мне и отправиться на пароход. Что я и сделал».

Министр внутренних дел Мидзуно Рэнтаро действительно попытался воспрепятствовать приезду Иоффе, приказав находившимся в его подчинении губернаторам соответствующих префектур запретить ему высадку на японской территории. Однако он не был ни инициатором, ни «главным злодеем» этой кампании. Напротив, Мидзуно был близок к Гото, от которого «унаследовал» посты министра внутренних дел в кабинете Тэраути в 1918 г. и председателя Восточноазиатской ассоциации в 1929 г. (при Гото он был ее вице-председателем). Он нисколько не поддерживал идею переговоров с СССР, но на решительные действия его толкали молодые чиновники министерства во главе с начальником Бюро внутренней безопасности Гото Фумио (однофамилец Гото Симпэй, позднее занимавший ряд министерских постов) и начальником столичной полиции Акаикэ Ацуси. Именно они настаивали, чтобы Иоффе был вообще запрещен въезд в Японию.

Министерство внутренних дел, наряду с министерством юстиции, было цитаделью самых консервативных и националистически настроенных кругов бюрократии, у которых в данном случае настороженно-недоброжелательное отношение к России накладывалось на страх перед активизировавшимися внутри страны коммунистами. Мидзуно был «коренным» чиновником МВД, что, конечно, наложило отпечаток на его взгляды. Следует помнить и о том, что в традиционной систе-

* Тонкостей, частных (лат.)

** В тексте явная ошибка: Внутренних.

ме японской бюрократии министр не столько командовал подчиненными, сколько прислушивался к их мнению и опирался на него при принятии решений, дабы обеспечить консенсус в своем ведомстве и, соответственно, прочность собственного положения. Рубеж 1910-х и 1920-х гг. был временем наибольшего политического влияния Мидзуно, которое затем резко пошло на убыль. Одной из главных причин этого была антипатия к нему Сайондзи, который после смерти Мацуката в июне 1924 г. остался единственным *гэнро*, с решающим голосом при выборе нового премьер-министра (6).

К идее Гото пригласить Иоффе в Японию и лично проводить с ним переговоры скептически относились даже некоторые люди из его ближайшего окружения, например, вице-мэр Токио Нагата Хидэдзиро, заявивший шефу, что тот должен либо сосредоточиться на работе столичного мэра, где забот хватало, и забыть о Иоффе, либо вести с ним переговоры, оставив этот пост. По воспоминаниям самого Нагата, Гото без тени колебания или смущения ответил, что мэром способен быть каждый, а добиться успеха на переговорах с Советской Россией может только он. Нагата смирился (7). Кстати, и он, подобно Мидзуно, «унаследовал» два поста бывшего патрона: мэра Токио после его отставки и ректора Университета Такусёку после его смерти. Нагата также стал вице-председателем Восточноазиатской ассоциации при Мидзуно, а позднее занимал посты министра колоний и путей сообщения. Это был один узкий круг близких людей, но единства мнений не было даже в нем.

Под согласованным давлением противников визита на какой-то момент дрогнул даже Гото, срочной телеграммой посоветовав Иоффе «внимательно подойти к делу, дабы избежать недоразумений в Токио». Но тот был настроен решительно. «Советский дипломат предупредил генерального консула, что если он является нежелательной фигурой, то он вообще не поедет в Японию. Само собой разумеется, подчеркнул А.А. Иоффе, это произведет соответствующее впечатление и на Советское правительство (генеральный консул. — В.М.). Танака забеспокоился, зная о всеобщих требованиях урегулировать отношения с Советской Россией. Он сказал, что позиция его правительства не изменилась и он не возражает против поездки» (8).

29 января Иоффе в сопровождении жены, сына и двух секретарей Ильи Левина и Сергея Шварсалона, пасынка знаменитого поэта-символиста Вячеслава Иванова, прибыл в

Нагасаки, а 31 января в Иокогама. Там, пока он осматривал город, «произошло первое нарушение данных мне гарантий: мой багаж в отсутствие кого-либо из моих представителей был отмычками отперт и досмотрен внимательно — до прочтения частных писем включительно. Только после разъяснения Вашего, г. виконт, — писал он Гото, имея в виду их первую личную встречу 1 февраля в токийской гостинице Цукидзи-Сэйотэн, — что это событие действительно произошло случайно, и обещания расследования этого случая я решил остаться в Японии и не уезжать немедленно. Однако потом Правительство нарушило и данную гарантию относительно шифров и трижды меняло свое отношение к вопросу о курьерах. Из уважения к Вам я решил уступить в вопросе о шифре, но никак не могу уступить в вопросе о курьерах*. С другой стороны, Японское Правительство окружило меня такой стеной шпионов, что вместо обещанной свободы я нахожусь как бы в тюремном заключении; вся моя корреспонденция явно перлюстрируется, ибо доходит до меня с опозданием в 4—5 дней и притом с грубыми знаками предшествовавшего вскрытия». Рассерженный Иоффе не удержался от грубова-того сарказма и добавил: «...которые не могут не броситься в глаза мне, имеющему за своей спиной опыт пятнадцатилетней работы при царском режиме и, следовательно, привыкшему к технически более совершенным методам царской охраны».

Первый месяц Иоффе отдыхал и лечился на знаменитых горячих источниках курорта Атами неподалеку от Токио. Весьма неважное состояние здоровья, из-за которого он был практически лишен возможности передвигаться и почти все время должен был проводить в постели, вынуждало гостя к бездействию, что, вкупе с физическими страданиями и сохранявшейся двусмысленной позицией японских официальных лиц, отрицательно действовало на его и без того расстроенные нервы. Гото приложил максимум усилий, чтобы оградить Иоффе от возможных неудобств и неприятностей, но тот пространно жаловался ему на сложившуюся ситуацию: «За месяц своего пребывания в Японии я, приглашенный сюда лорд-мэром столицы и виднейшим сановником государства, притом получивший предварительно весьма любезные гарантии от Японского Правительства, получил впечатление, что ни в одной стране в мире я не мог бы иметь столь-

* Этот вопрос Иоффе обсуждал с Гото 16 февраля.

ко и таких неприятностей, как в Японии. Мне за 6 лет нашей власти приходилось и официально, и неофициально бывать в различных странах и иметь дело с различными правительствами или их представителями, как с такими, которые признают нас и *de-jure*, и *de-facto*, как с теми, которые признают нас только *de-facto*, так и с теми, которые нас совсем не признают. Мне, наконец, много раз приходилось иметь дело с уполномоченными государств, с которыми мы находились в состоянии войны. Но никогда и нигде мне не приходилось сталкиваться с таким недружелюбием, враждебностью и с такой грубой бестактностью, которые проявляет в отношении меня Японское Правительство. И на фоне чрезвычайно дружелюбного отношения почти всех слоев японского общества, на почве тех выражений глубокой симпатии, которые я получаю почти ежедневно в устной и письменной форме, это поведение Японского Правительства может иметь только одно значение. По этой-то причине, а не в целях жалобы, я написал Вам все вышеизложенное».

Действительно, прием, оказанный посланцу «красной России» японской общественностью, превзошел все возможные ожидания. «Прием Гото, прессой, народом выше ожиданий, встречали тысячные толпы. Русский вопрос по-видимому центре внимания», — телеграфировал он в Москву 7 февраля, хотя двумя строками ниже писал о «совершенно недопустимом» отношении к нему властей (текст из Архива МИД Японии). На этом стоит остановиться подробнее, потому что многие важные и многозначительные подробности событий *вокруг* переговоров — в отличие от их хода и содержания — советскими историками просто игнорировались, а потому совершенно неизвестны читателю. Почему — нетрудно понять из дальнейшего повествования.

В СССР акцентировали внимание на том, что визит представителя «первой страны победившего пролетариата» восторженно приветствовали левые круги, не забывая и о внимании к нему прессы. Радость «левых» естественна и понятна, так как приезд Иоффе работал на их престиж, но вес этих сил в общественном мнении был невелик. Газетная кампания была организована Гото и его единомышленниками, стремившимися к извлечению максимальной политической выгоды из переговоров. Наконец, и в лагере «правых» не было единого отрицательного отношения к советскому гостю.

Большинство традиционных «правых», ориентировавшихся в своей деятельности на колониальную экспансию во-

вне и на борьбу с коммунистическим движением внутри страны, были против приезда Иоффе и нормализации отношений с Советским Союзом, в котором видели продолжателя экспансионистской политики царской России и, следовательно, опасного конкурента, а также рассадник «коммунистической заразы», угрожавшей внутренней стабильности Японии. Во время пребывания Иоффе в Японии они устраивали шумные манифестации, разбрасывали листовки, пытались запугать тех, кто встречался с советским гостем или приветствовал его. 5 и 28 апреля члены праворадикальной и полубандитской Японской антибольшевистской лиги совершили два налета на дом Гото, ранив в ходе второго его старшего сына. Подвергся нападению и японский секретарь Иоффе Тагути.

Такие настроения были сильны и в крупнейших националистических организациях «Общество черного океана» и «Общество реки Амур». Однако лидер второго Утида Рёхэй, обладавший огромным авторитетом в правых кругах, решительно высказался за сотрудничество с СССР в деле противостояния европейско-американской экспансии в Азии, как несколькими месяцами ранее это сделал его давний знакомый и единомышленник Сунь Ятсен. Во время голода в Поволжье в 1921—1922 гг. общество выступило с призывом помочь голодающим, выпустив об этом массовым тиражом специальную брошюру. 25 ноября 1922 г. личный представитель Утида Комаи Кидзиро встретился с Иоффе в пригороде Пекина и целый день (12 часов!) проговорил с ним о том, что надо сделать для успеха новых переговоров и нормализации отношений. По секрету Иоффе сказал визитеру, что Россия заинтересована в скорейшем восстановлении официальных отношений и заключении договора с Японией еще и потому, что опасается новой интервенции «белых» из Маньчжурии и Китая, организованной при помощи или даже под руководством Токио (9).

Что касается опасности ведения Москвой коммунистической пропаганды внутри Японии, то Утида, во-первых, считал отказ от нее, то есть от вмешательства во внутренние дела другой страны, непременным условием нормализации отношений, как это было принято в международной практике, а во-вторых, будучи исключительно высокого мнения об идейных и моральных качествах японского народа, был уверен в том, что настоящих японцев эта «заморская ересь» не соблазнит. Лично Утида с советским гостем не контактировал, но его

представители общались с ним и держали своего патрона в курсе происходящего (10).

В поддержку нормализации отношений с СССР выступил Накано Сэйго, молодой, но уже известный политик, депутат парламента, зять влиятельного общественного деятеля и публициста националистической ориентации Миякэ Сэцурэй. Уроженец префектуры Фукуока, Накано был тесно связан с Тояма Мицуру и «Обществом черного океана»: большинство его руководителей происходило именно оттуда, а личные, семейные и земляческие связи играли и по сей день играют большую роль в японской политике. Накано выступал против участия Японии в союзной интервенции в Сибири, сделав упор на обличении самоуправства и злоупотреблений армейского руководства, за что попал в немилость у военных (генерал Танака считал его личным врагом). Теперь Накано, выражавший интересы деловых кругов, агитировал за скорейшее проведение японско-советских переговоров, восстановление нормальных дипломатических и торговых отношений, придерживаясь этой линии и позднее, так что политические противники обвиняли его в получении денег от большевиков и издевательски называли его «таварисси», т.е. «товарищ» на японский лад. Тесть Накано, Миякэ Сэцурэй, публично высказывался за нормализацию отношений с СССР и даже председательствовал на многолюдном банкете в честь Иоффе 2 мая, на котором советский дипломат не смог присутствовать по болезни*.

Визит Иоффе положил конец союзу Окава Сюмэй и Кита Икки — лидеров японского национально-социалистического движения, которые еще недавно возглавляли Общество остающихся (Юдзонся) в триумvirате с профессором Университета Такусёку Мицукава Камэтаро (11). Советские авторы еще с начала 1930-х годов изображали Окава и Кита как «японских фашистов», непримиримых врагов коммунизма и СССР, а также верных единомышленников и союзников (12). Это далеко не так. Действительно, во время пребывания посланца Москвы в Японии Кита выпустил тридцатитысячным тиражом оскорбительный памфлет «Открытое предупреждение Иоффе», где, неуважительно назвав адресата «Иоффе-кун», советовал ему убраться из страны подобру-поздорову и по-

* Поясняя в телеграмме Карахану 9 мая, кто такой Миякэ, каких взглядов придерживается и каким влиянием обладает, Иоффе сравнил его с К.П. Победоносцевым.

путно осыпал бранью не только Советский Союз и коммунизм (большевиков он характеризовал как бандитов, которые еще хуже царского правительства), но и тех японцев, кто хоть как-то выражал им свою симпатию, — в первую очередь, Гото и министра императорского двора Макино (взгляды атлантиста Макино, разумеется, существенно отличались от евразийских воззрений Гото) (13).

Окава и Мицукава были решительно против обнародования письма. Не сумев предотвратить его распространение (акцию финансировал политический противник Гото, антисоветски настроенный железнодорожный магнат Огава Хэйкити), они разорвали отношения с Кита, что привело к скорому распаду Общества остающихся. Поводов для разрыва было несколько. Самым явным стали грубые личные оскорбления в адрес Гото и Макино, влиятельных людей, чьей дружбой Окава дорожил. Экстремизм и догматизм Кита, вкупе с эгоцентризмом и нетерпимым характером, делали невозможным его дальнейшее сотрудничество с Окава, тоже человеком самолюбивым и эгоцентричным. Но главным вопросом было отношение к Советской России и перспективам установления с ней дипломатических отношений, т.е. признания большевистского режима де-юре.

Чтобы понять причину их разногласий, необходимо кратко обрисовать внешнеполитические и геополитические воззрения обоих идеологов, чрезвычайно важные для понимания японской политики 1920—1930-х гг., но российскому читателю практически неизвестных, либо известных в сознательно искаженном виде. Не отрицая учения о классовой борьбе как одной из форм социальной эволюции, Кита рассматривал ее в мировом масштабе. Он считал союзниками Японии США и Китай как «мировой пролетариат», а противниками Англию, «крупнейшего мирового банкира», по его терминологии, и Россию, «крупнейшего мирового землевладельца», с которыми предстоит бороться, вплоть до войны. Кроме того, потенциальным союзником Японии он считал Францию как извечного соперника Англии в Европе и в колониях. Геополитические построения Кита, который вообще был склонен к утопизму, поражают своей наивностью. Он явно преувеличивал англо-американские и англо-французские противоречия, считая возможным военный конфликт между этими странами, равно как и преуменьшал напряженность в отношении Китая к Японии. Не вполне понятно и отнесение им США к «мировому пролетариату».

Что касается американско-китайского сотрудничества, то у него, действительно, были хорошие перспективы, причем основы этого сотрудничества закладывались объединенными усилиями обеих сторон. Только вот направлено оно было изначально против Японии.

Последователь Окакура Какудзо, Рабиндраната Тагора и Сунь Ятсена, внимательно изучавший труды и опыт революционной борьбы Ленина, Ганди и Кемаля-паши, Окава придерживался совершенно другой точки зрения. Коммунистическое движение он осуждал прежде всего за его интернационализм, считая подлинной революцией только ту, которая имела бы национальный характер. Однако в Ленине он видел именно «национального революционера» — возможно, в соответствии с распространенной в те годы точкой зрения о наличии и противоборстве в русской революции двух начал: национально-ориентированного «большевизма» и интернационально-ориентированного, космополитического «коммунизма». По мнению Окава, ни российская, ни индийская, ни турецкая модели преобразований не подходили Японии в качестве примера для подражания (еще одна причина разногласий с японскими коммунистами, призывавшими некритически копировать советский опыт!), поскольку они основывались на национальных особенностях своих стран и культур, но их изучение было необходимо для создания собственной японской модели. Большевистскую модель он считал последним словом европейской национальной революции в действии, как турецкую — воплощением исламской национальной революции. Против японских коммунистов Окава выступал еще и потому, что видел в них возможных (хотя и не слишком опасных ввиду их очевидной слабости) конкурентов в деле осуществления внутривосточных преобразований.

Что касается внешнеполитических взглядов Окава, то он твердо придерживался евразийской ориентации: выступал против японско-американского союза, за нормализацию отношений с СССР и объединение всех сил Азии в борьбе против «белого империализма», к лагерю которого Советскую Россию не относил. К перспективе союза с Китаем Окава относился скептически, ссылаясь на распространение проамериканских (т.е. атлантистских) взглядов среди молодого, наиболее перспективного поколения политической и интеллектуальной элиты. Однако он был за достижение максимального взаимопонимания и расширение сотрудни-

чества с Китаем, чтобы предотвратить участие этой страны, раздираемой внутренними противоречиями и политическими интригами США и европейских держав, в любой анти-японской коалиции.

Окава остался в памяти современников как яркая, но противоречивая личность. Энциклопедическая образованность академического ученого (окончил Токийский университет, специализируясь по индийской и китайской классической философии, и имел степень доктора права) сочеталась в нем со страстным темпераментом публициста, высокий социальный статус (член совета директоров ЮМЖД и директор ее Исследовательского института экономики Восточной Азии) и связи в «высшем обществе» — с участием в многочисленных заговорах, тяга к морализированию — с причастностью к политическому террору. Его книги выходили большими тиражами в лучших издательствах, а сам он преподавал в престижных учебных заведениях, включая Университет Такусёку в бытность Гото ректором. Кардинальное различие характеров Окава и Кита тоже накладывало отпечаток на их отношения и в итоге привело к конфликту. Кита был «перманентным революционером», вечным бунтарем и иконоборцем, в то время как Окава, не меньший бунтарь по натуре, в мечтах видел себя премьер-министром Японии.

По-прежнему не было единого мнения и у японских дипломатов, которые формально оставались в стороне от переговоров, но фактически стремились контролировать их. Гото постоянно держал министра иностранных дел в курсе, пересылая ему записи бесед, советские предложения и свои соображения по этому поводу, например в подробном меморандуме от 16 февраля. Зная взгляды адресата, виконт решил сосредоточить его внимание на проблемах Китая, указывая, что сотрудничество с Россией укрепит позиции Японии на материке. Этим он пытался привлечь на свою сторону и посланника в Пекине Обата, пользовавшегося большим авторитетом в МИД, но не испытывавшего никаких симпатий к Советам.

«Связным» между Гото, МИД и премьером стал молодой дипломат Того Сигэнори, которому его непосредственный начальник Мацудайра поручил заниматься русскими делами. В его воспоминаниях, написанных четверть века спустя в камере токийской тюрьмы Сугамо, где он находился в качестве «военного преступника категории А», успев до того дважды побывать министром иностранных дел, а также послом в Бер-

лине и Москве, есть интересные подробности этих закулисных разногласий и интриг. По мнению премьера, — вспоминает Того, — «министерству иностранных дел следовало приложить усилия в интересах успешного исхода переговоров между Гото и Иоффе. Он поручил мне передать его пожелания министру иностранных дел Утида и директору Бюро Мацудайра. Ни премьер Като, ни виконт Гото не придавали большого значения коммунистической деятельности, а заботились главным образом об урегулировании взаимных интересов на Дальнем Востоке. В этом смысле их мнение отличалось от мнения министерства иностранных дел, общая политика которого в отношении России содержала в себе и идеологический элемент. Более того, со временем между министерством иностранных дел, с одной стороны, и премьером с виконтом, с другой, возникли ощутимые разногласия по вопросу о линии, адресованной Иоффе, и мне приходилось курсировать в этом треугольнике в целях урегулирования взаимных отношений» (14).

Атлантический круг Утида—Мацудайра, с которым были солидарны такие влиятельные дипломаты, как посланник в Китае Обата и посол во Франции Исии, опасался отрицательной реакции США и Англии, отношения с которыми складывались в то время, как мы уже видели, не лучшим образом. Токійский корреспондент газеты «Дойче альгемайне цайтунг» 16 февраля 1923 г. комментировал геополитический аспект происходящего: «Во всей Азии сильно соперничество Англии с Россией. Поэтому соглашение Японии с Россией противопоставило бы Японию Англии, а тем самым англо-американскому блоку, созданному в Вашингтоне. На это Япония не может отважиться ввиду своего современного политического положения» (15).

Иной позиции придерживалась группа, идеологом которой был Каваками. Возглавляемая им японская миссия в Варшаве была одним из немногих «окошек», через которые шли контакты с Советской Россией, в том числе и при его преемнике Сато Наотакэ, известном специалисте по русским делам: в 1906 г. он открывал миссию в Петрограде после войны, в 1925 г. — в качестве поверенного в делах посольство в Москве, а в августе 1945 г. уже в качестве посла принимал из рук Молотова ноту об объявлении войны. Линию Каваками на официальное признание Советского Союза и установление нормальных дипломатических и торговых отношений с ним поддерживали генеральные консулы Мацусима и Симада, ранее принимавшие участие в переговорах с представителями РСФСР и ДВР, а так-

же вице-министр Танака Токити, впоследствии первый посол в СССР. 1 февраля 1923 г. Каваками направил Утида специальное послание, в котором настаивал на возобновлении переговоров с Москвой. Вернувшись в Токио и не найдя поддержки в министерстве, посланник начал публично критиковать политику министра и выразил желание лично встретиться с Иоффе, на что последовал немедленный запрет со стороны Утида. Впрочем, имевшийся у Каваками опыт контактов с советскими дипломатами вскоре пригодился — на новой стадии переговоров с Иоффе официальным японским представителем был назначен именно он.

Интересно, что в поддержку нормализации отношений с «красными» высказались военно-морские круги. 23 февраля — аккурат в годовщину Красной Армии — морской вице-министр Идэ направил вице-министру иностранных дел Танака конфиденциальное письмо о необходимости «отказаться от удовлетворения мелких эгоистических желаний», «предпринять шаги для сближения с Россией» и даже «проявить великодушные» к ней. Причины ясны. Во-первых, флот нуждался в сахалинской нефти, в нефтяной базе на случай войны с США, понимая, что оккупация северной части острова — явление временное. Во-вторых, военным морякам, несмотря на заявления Утида, вовсе не хотелось защищать «свободный лов» в советских водах, что, как мягко написал адмирал Идэ, «может явиться омрачающим обстоятельством для дружбы между Россией и Японией». Иными словами, когда Россия станет сильной, она припомнит Японии все, и та рискует остаться и без нефти, и без рыбы. Премьер Като, сам адмирал и бывший морской министр, не только внимательно прислушивался к подобным голосам товарищей по оружию, но и вполне разделял их взгляды. В этом историки видят главную причину того, что он с самого начала поддерживал усилия Гото, несмотря на оппозицию и даже открытое противодействие влиятельных членов собственного кабинета.

Камнем преткновения стал вопрос о полном юридическом признании Японией Советского Союза, на чем решительно настаивал Иоффе как на важнейшем условии продолжения контактов. Подводя в советской печати итоги прежних переговоров, он писал: «Япония не только в Дайрене, но и в Чаньчуне совершенно не представляла себе, что Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика действительно является великой державой и требует подобающего к себе отношения» (16). Об этом он напомнил

и в первом большом письме Гото, упоминавшемся выше (манера Иоффе писать «от первого лица» не позволяет обойтись без цитат): «В Чаньчуне японская делегация разговаривала с нами языком победителя с побежденными, абсолютно игнорируя российские интересы и выдвигая только свои, благодаря чему Чаньчунские переговоры были даже тягостнее Брестских, ибо в Бресте немцы, ставя свои захватнические ультиматумы, все же облекали их в приличную форму взаимности... Россия ни в коем случае не считает себя побежденной страной и, наоборот, полагает, что из мировой капиталистической интервенции против нее Россия вышла победительницей... Японское Правительство продолжало проводить свою резко враждебную политику по отношению к России, совершенно игнорируя ее и, по-видимому, более всего заботясь о том, чтобы никто не заподозрил Японию в готовности признать Россию и проявить по отношению к ней хотя бы примитивную вежливость... Когда я вдумываюсь теперь в поведение Японского Правительства по отношению к России, то мне кажется, что Японское Правительство продолжает оставаться на своей Чаньчунской позиции полного игнорирования России как суверенной великой Державы... Эти действия вызывают в русском народе лишь чувства глубочайшей обиды и оскорбления, что на десятки лет вперед делает невозможным какое бы то ни было соглашение между обоими народами».

Предупреждение недвусмысленное. И дело не только в пресловутой «грубости» Иоффе, хотя местами его письмо, написанное явно в раздраженном состоянии, выглядит совсем недипломатично. Но там были не только «слова». Иоффе четко, хотя и многословно, изложил советскую позицию: «1. Признание за Россией полного равноправия с Японией, как в процессе переговоров, т.е. в предъявлении претензий другой стороной, так и в самом договоре, т.е. в соответственном редактировании и изложении самих статей соглашения. 2. Готовность вести переговоры не только о торговом договоре, но и о полном, до возобновления нормальных дипломатических отношений включительно, так как на этот счет имеется обязательное постановление Верховного Органа Российской Республики (ВЦИК. — В.М.)... 3. Фиксирование приемлемого срока эвакуации японскими войсками северной части Сахалина. Так как на этом именно произошел разрыв Чаньчунской конференции, то совершенно ясно, что это условие является неременным условием». Иоффе напоминал, что Москва «го-

това пойти навстречу японским экономическим интересам также и по отношению Сахалина другим путем, без насилия с Японской стороны», и соглашался, хоть и с видимой неохотой, обсуждать «Николаевский инцидент».

17 марта Гото ответил (правда, не так подробно), поспешив успокоить Иоффе относительно оценки его роли и статуса японской прессой. Дело в том, что советский дипломат начал свое послание со следующего объяснения, которое я приведу в сокращенном виде. Оно не имеет прямого отношения к ходу переговоров, но приоткрывает завесу над сопутствовавшими им обстоятельствами и атмосферой вокруг них.

По местным газетам на английском языке Иоффе заключил, что в Японии «существует большое недоразумение в понимании российской дальневосточной политики», а именно «будто бы в России по вопросам внешней политики вообще и по отношению к Японии в частности в правящих кругах имеется несколько точек зрения». В качестве примера он сослался на интервью Каваками, который сказал, что «хотя влияние и значение Иоффе в России огромны, но ему-де (Каваками. — *В.М.*) в разговорах с российскими государственными деятелями давали понять, что политика Иоффе на Маньчунской Конференции не встречала одобрения». «В то же время, — продолжал Иоффе, — одна из японских газет прямо заявляет, что вопрос русско-японских взаимоотношений и так называемой третьей (после Дайрена и Чаньчуна. — *В.М.*) русско-японской Конференции — есть вопрос *личный* (выделено Иоффе. — *В.М.*), т.е. зависит от того, с какими лицами Японское Правительство будет иметь дело, и многие японские газеты сообщают мнение Японского Министерства Иностранных Дел, будто в России в области внешней политики и по отношению к Японии существует течение, возглавляемое гг. Красиным и Караханом, которое гораздо более уступчиво, нежели течение, представляемое мною. По некоторым намекам газет можно также понять, что предположение, будто с этим именно более уступчивым течением можно заключить исключительно торговый договор, и притом не затрагивая вопроса об оккупации японскими войсками российской части о. Сахалина». Иными словами, часть аналитиков и просто досужих людей сочла выбор Иоффе в качестве партнера по переговорам неудачным и невыгодным для Японии.

Демагогию насчет «принципиального непризнания Рабоче-Крестьянским Правительством тайной дипломатии» я опускаю, равно как и заявление, что «никаких разногласий у нас

внутри группы, занимающейся дипломатической работой, не существует и существовать не может». Разногласия были, но Карахан, как уже в следующем году покажут пекинские переговоры, оказался ничуть не мягче Иоффе. Зато Карахан не обладал теми связями и влиянием, какие были у Иоффе в силу близости с Троцким. Последнее обстоятельство не раз специально отмечалось в записках японского МИД, не спускавшего глаз с советского визитера. Что касается Красина, то «инженер революции» занимался почти исключительно торговыми и экономическими вопросами и в принятии политических решений участия не принимал.

Иоффе решительно напоминал: «Когда я от имени РСФСР вел переговоры в Чаньчуне, я находился в самом тесном контакте с моим правительством и по поводу каждого серьезного вопроса сносился с последним. Каждый серьезный вопрос обсуждался всем Правительством в целом, точно так же, как и мнение Делегации по этому вопросу, причем голос заинтересованного в этом вопросе Ведомства всегда имел особенно важное значение». Это, кстати, еще один явный намек на необходимость немедленного предоставления ему прав на дипкурьеров и шифропереписку. Решить этот вопрос было не в компетенции Гото, поэтому виконт уверил гостя, что его принимают как полноправного представителя советского правительства и что он сделает все возможное для облегчения его миссии, а на безответственные комментарии газетчиков, возможно, превративших слова Каваками, не стоит обращать внимания.

Переговоры по конкретным вопросам начались 29–30 марта. Гото приехал в Атами, чтобы передать Иоффе ответ правительства, полученный от Мацудайра через связного Того. Оно соглашалось признать Советский Союз де-юре и де-факто на условиях компенсации за «Николаевский инцидент» и «выполнения международных обязательств», имея в виду прежде всего уплату долгов царского и Временного правительств, а также пыталось оговорить «специальные интересы» Японии на Сахалине. Жесткую позицию по вопросу о долгах Иоффе мотивировал еще в письме от 7 марта, сославшись на прецедент Генуэзской конференции, обсуждавшей «царские долги»: «Когда в Генуе наши противники требовали от нас возмещения убытков, мы принципиально принимали это требование под условием признания наших контрпретензий». А чтобы ситуация не казалась тупиковой, подкинул Гото компромиссный вариант — «договоры типа Рапалльского»:

«Я лично полагаю, что Рапалльское решение дипломатически должно быть признано самым благоразумным, ибо взаимоотношения между народами не кончаются, а начинаются заключением договора, и если из-за незначительных меркантильных выгод обе стороны начинают ворошить ужасы уже пережитой и частью позабытой войны, то это вряд ли способствует налаживанию дружественных отношений между соответствующими народами». Итак, позиции сторон, включая разногласия, определились, а подвижек все не было.

Нормализация отношений с СССР была, безусловно, выгодна Японии, но не так, как веймарской Германии, поэтому в Токио «рапалльский» аргумент звучал не столь убедительно. Правительство по-прежнему не спешило и начинало шевелиться только после каких-то резких шагов другой стороны, которые делал, конечно же, не больной Иоффе, а советские власти на местах. Сначала японским рыбопромышленникам и торговцам был запрещен безвизовый въезд на советскую территорию. Власти предупредили японского консула во Владивостоке Ватанабэ Риэ (а также его американского и британского коллег), что, если через три месяца он не получит официальной аккредитации в СССР, ему придется покинуть страну. Получить же аккредитацию в государстве, которое не было признано его собственным правительством, было, мягко говоря, затруднительно.

Тогда японцы предложили заменить консулов коммерческими агентами с аналогичными правами и обязанностями, включая шифропереписку и диппочту. «Агенты должны воздерживаться от всякой прямой и косвенной политической пропаганды в той стране, в которой они находятся, — излагало японский план сообщение НКВД от 29 апреля. — В случае нарушения этого условия каждое из договаривающихся государств имеет право потребовать от другого их отозвания. Каждое правительство имеет право отказать в разрешении на въезд в качестве агента лицу, персонально нежелательному» (17). На это Карахан ответил Иоффе, что к обсуждению вопроса можно приступать лишь тогда, когда сам Иоффе получит возможность пользоваться шифром. Чтобы ускорить решение вопроса, японское консульство во Владивостоке было лишено права на шифропереписку, а протесты консула проигнорированы.

10 апреля Гото представил премьеру меморандум с тремя конкретными вопросами. Целесообразно ли продолжать неофициальные переговоры? Не следует ли дать разрешение на

пользование шифроперепиской, чтобы в полной мере узнать советскую позицию (Иоффе ссылался на невозможность получать из Москвы конфиденциальную информацию)? Не приложить ли усилия к тому, чтобы Иоффе вернулся в Москву, а не в Пекин? В Архиве МИД Японии сохранился набросок ответа на эти вопросы. Провести предварительный обмен мнениями за одну-две встречи, а дальше Иоффе пусть уезжает. Официальные переговоры проводить не в Японии, а в Пекине, Владивостоке или другом месте (видимо, чтобы избавиться от воздействия общественного мнения — как просоветского, так и антисоветского). Шифропереписку не разрешать, за исключением отдельных, особо важных случаев. Например, когда надо будет посоветоваться с Москвой относительно цены за Северный Сахалин.

20 апреля кабинет наконец разрешил советскому представителю пользование шифром, о чем тот был сразу же уведомлен. Иоффе немедленно приступил к консультациям с Москвой и Пекином, где «на хозяйстве» остался Яков Давтян, постоянно контактировавший с Наркоминделом. (Японцы прилежно копировали все исходящие шифротелеграммы, как и позже бессмертные «Юстас—Алексу», которые сохранились в архиве, но так и остались для непосвященных, включая автора этих строк, просто группами цифр.)

24 апреля состоялась новая беседа между Гото и Иоффе, не принесящая ничего нового, кроме окончательного подтверждения сторонами прежних требований, но, одновременно, и обоюдного желания продолжать переговоры. Гото решил идти до конца, исходя из того, что четко определенная позиция является пусть недостаточным, но необходимым условием взаимопонимания и успешного диалога. На следующий день он подал в отставку с поста столичного мэра и объявил, что отныне желает сосредоточиться исключительно на японско-советских переговорах, которые продолжались в довольно-таки двусмысленном статусе — неофициально, но от имени и по поручению японского правительства.

Следующая встреча 6 мая высветила все те же старые проблемы: с одной стороны — требования возмещения убытков, с другой — ссылки на Геную и Рапалло. Иоффе повторил прежние условия продолжения контактов и — по итогам наконец-то начавшейся шифропереписки с Москвой — сообщил, что советское правительство готово к началу официальных переговоров и уполномочивает его вести их, а также предварительно, но тоже официально рассмотреть николаевскую и саха-

линскую проблемы. По первому вопросу Иоффе предложил принцип «взаимозачета»: публичные сожаления обеих сторон и взаимный отказ от претензий и возмещения убытков. Относительно Сахалина впервые были проронены, а затем 10 мая зафиксированы в письме к Гото слова о возможности его продажи, но за «очень высокую сумму», конкретно за один миллиард золотых рублей наличными. По тогдашнему курсу золотой рубль был примерно равен иене, так что названная Иоффе сумма в десять раз превышала ту, которую первоначально предлагали Гото и Каваками.

Подробно обосновав экономическую и военную необходимость этой территории для России, а также беспочвенность любых японских претензий на нее, Иоффе делал вывод: «Раз нет никаких других оправданий продажи Сахалина, то оправданием должна быть полученная за него *сумма* (выделено Иоффе. — В.М.)». Если соглашение о продаже достигнуто не будет, предлагалось концессионное освоение острова смешанной российско-японской компанией (а не одними японцами!) (18).

Признаться, для меня это стало потрясающим откровением! Поверить в такое заставили только попавшие в мои руки архивные документы. В советской литературе мы никогда не найдем упоминаний о предложении Иоффе продать Северный Сахалин даже как о хитром тактическом маневре. Разумеется, не он сам его придумал. 3 мая политбюро постановило, что «не возражает против дальнейшего ведения переговоров в направлении продажи о. Сахалин, причем сумму в миллиард считать *минимальной* (выделено мной. — В.М.)». К моменту написания письма 10 мая Иоффе, уже пользовавшийся правом шифропереписки, успел получить соответствующие указания.

Однако продажа Сахалина отнюдь не была для Москвы самоцелью. «Не возражая против дальнейшего ведения переговоров», политбюро в тот же день создало комиссию «для определения экономической и стратегической ценности о. Сахалин» под председательством Чичерина и с участием видных специалистов по экономике и народному хозяйству наркома финансов Сокольникова, председателя Госплана Кржижановского и его будущего преемника Куйбышева. После долгих трудов комиссия пришла к выводу о нецелесообразности продажи острова японцам (тем более стало ясно, что миллиард за него не дадут), но, одновременно, рекомендовала предоставить им нефтяные, угольные и лесные концессии на долгий

срок, поставив, однако, этот вопрос в непосредственную зависимость от урегулирования политических отношений. (Об этом в следующей главе.)

Информация о потенциальной продаже Сахалина быстро просочилась наружу. Эмиграция снова начала трубить, что большевики торгуют русскими землями, не обошлось, конечно, без намеков на национальность Иоффе, что они готовы на все ради юридического признания своего преступного режима. «Если коммунистическое правительство принесло и приносит столько жертв во имя удержания своей власти, то оно не остановилось бы перед отдачей северной части Сахалина, если бы этой ценой можно было купить у японцев признание, — решительно заявлял А.Я. Гутман в 1924 г., когда в Пекине уже шли официальные переговоры о нормализации отношений. — ...Сахалин был только «крапленой картой» в темной игре советского правительства на Дальнем Востоке. Иоффе имел определенные инструкции Чичерина: «Дайте желтым Сахалин, если они нас признают». Конечно, непосредственно продать Сахалин японцам казалось неудобным даже для коммунистов. Слишком груба была бы эта работа. В Москве решили прибегнуть к обычному концессионному блефу, который должен был заменить продажный акт» (19).

Однако здесь объективный летописец «николаевского инцидента» Гутман совершенно не прав — это видно из неопубликованных доселе документов, на которых я и основываюсь. Как и большинство эмигрантов, Гутман исходил из того, что большевистский режим хрупок и непрочен, что кремлевские «калифы на час» могут улучшить свое положение только за счет международного признания и очень торопятся это сделать. На самом деле, именно тогда, после окончательного разгрома «белых», эвакуации всех иностранных войск и создания СССР, режим укрепился и, наконец, почувствовал свою силу. Если бы Москва хотела добиться признания от Японии *любой ценой*, она могла бы получить его уже если не в Дайрене, то в Чаньчуне точно. Предложение Иоффе о миллиарде золотых рублей (причем с примечанием, что это его личное мнение — дескать, правительство может запросить и больше) не было простой уступкой. Скорее наоборот. С одной стороны, оно демонстрировало не «добрую волю» и «готовность пойти навстречу», а свою «конкретную» и «деловую» позицию. С другой, в случае отказа Японии становилось ясно, кто саботирует процесс нормализации. Сами говорите, что хотите Сахалин — покупайте. Но деньги на бочку!

Допустим, продали. Что дальше? Запрошенная Иоффе сумма — у нас нет достоверных сведений, что большевики собирались понижать планку, — легла бы на Японию непосильным бременем. Чтобы правильно оценить колоссальный масштаб цифры в миллиард иен, приведу всего несколько фактов. Золотой запас Японии в 1919 г., после очень удачной для нее в экономическом отношении Первой мировой войны, составлял 2 миллиарда иен (к началу войны 350 миллионов). В 1920 г. японские инвестиции за границей достигли 2,2 миллиарда иен. Даже в 1926/27 гг. японские капиталовложения в Китае, связанные прежде всего с ЮМЖД, оценивались приблизительно в 450—500 миллионов иен, т.е. минимум в половину меньше того, что запрашивал Иоффе.

Сделка на советских условиях была невыгодной для Токио даже с поправкой на то, что к освоению северного Сахалина правительство усиленно привлекало частный капитал (20). Помимо продажной цены пришлось бы вложить еще уйму денег в качестве инвестиций. Советский Союз же получал сразу и наличными внушительную сумму за отказ от территории, которую и так не контролировал и не мог забрать у японцев силой.

Ну а если бы Сахалин оставался русским, его развитие потребовало бы не менее внушительных средств, так как и до революции он был известен главным образом своей каторгой. Страсти подхлестнули сообщения об открытии в северной части острова месторождений нефти, и появились они как раз во время пребывания Иоффе в Японии. (Вопрос о сахалинской нефти — тоже тема для отдельного увлекательного труда.)

На требование о «соблюдении международных обязательств» Иоффе снова ответил, что о признании долгов не может быть и речи, что прежние договоры заключены совсем другой властью и до войны между Советской Россией и Японией (которую, правда, никто никому официально не объявлял), а потому не имеют силы. Но... при общем благоприятном ходе переговоров можно вернуться к положениям Портсмутского мира и связанных с ним соглашений, прежде всего по рыболовному вопросу. Японцы, конечно, стремились к сохранению статус-кво и полученных в ходе гражданской войны прав и привилегий, но были готовы на вариант «не хуже» портсмутского. На Дальнем Востоке советская власть уже начала наводить порядок, положив конец «свободному лову». Поэтому практически мыслящие рыбопромышленники решили, что лучше договориться по-хорошему. 21 мая соглаше-

ние было заключено. Японская сторона обязалась уплатить свыше 3 миллионов иен (из них чуть больше половины — немедленно) в качестве арендной платы за 1920—1921 гг. и за миллион с небольшим золотых рублей получила в аренду 255 (из 511) рыболовных и 14 (из 47) краболовных участков. «Соглашение явилось победой советской дипломатии. Японцы вынуждены были отказаться от своих планов продолжать бесконтрольный лов в советских территориальных водах, тем самым признав суверенитет СССР над ними» (21). Забегая вперед, скажу, что это был единственный конкретный результат миссии Иоффе и первый шаг к юридически регулируемым отношениям между странами, пусть даже в пределах одной отрасли и одного региона.

Заключение рыболовного соглашения несколько подбодрило Гото, начавшего было падать духом. Кроме того, советскую позицию, бесспорно, укрепляло общественное мнение Японии. Журналисты не оставляли больного Иоффе в покое, и он старался не отказывать им, хорошо зная силу печатного слова и умело использованной гласности. Постоянно проходили дружественные манифестации и собрания, но тут советский гость был вынужден отказываться от любезных приглашений, поскольку почти не вставал с постели. В телеграмме Карахану от 9 мая Иоффе особо отметил такой факт: на одном из митингов с речью о необходимости признания Советской России выступил японец, сын которого погиб в Николаевске (22). Этот, видимо, «мстить» не собирался. О поддержке со стороны «правых» уже говорилось. Даже Утида вроде бы смягчал, хотя Иоффе не устал жаловаться на недружелюбное отношение и обструкционистскую позицию МИД. Наконец, 10 мая правительство рассмотрело советские условия, дополненные вторым письмом Иоффе, которое Гото передал премьеру, но снова не торопилось с ответом. Не столько по умыслу, сколько из-за отсутствия единого мнения как у членов кабинета, так и у дипломатов. Это виконт постарался со всей возможной деликатностью объяснить советскому гостю на очередном randevu в гостинице «Цукидзи Сэйотэн» 23 марта, на следующий день после очередного разговора с премьером-министром.

В пространной телеграмме в Москву 5 июня Иоффе перечислил аж целых шесть причин, по которым кабинет никак не может принять решение о переговорах — будь то их продолжение или прекращение: 1) необходимость все тщательнейшим образом обсудить во всех инстанциях и разо-

брать по пунктам (любимый прием японской дипломатии и бюрократии всех времен!); 2) персональные интриги внутри МИД и за его пределами (в первую очередь напряженные отношения между Гото и Утида); 3) разная степень информированности членов кабинета и понимания ими проблем японско-советских отношений (очевидный намек на министра внутренних дел Мидзуно); 4) непривычная для японских «сильных мира сего» открытость переговоров, когда каждая их стадия проходит на глазах прессы; 5) большая вероятность негативной реакции «великих держав» на признание Советской России де-юре; 6) слабая политическая база бюрократического правительства Като, не пользующегося поддержкой парламента, и, соответственно, повышенный риск «резких движений» (23). Похоже, министрам больше всего хотелось, чтобы проблема переговоров как-нибудь «рассосалась» сама собой.

Однако она упорно не хотела «рассасываться». Тогда премьер Като — все-таки адмирал, а не дипломат — придумал нечто, не имевшее аналогов в мировой практике: рассматривать переговоры как «официальные неофициальные», а все предыдущие как бы забыть. То есть вести их будут официальные уполномоченные двух правительств, но сам характер переговоров не налагает на них никаких обязательств. 8 июня Гото сообщил об этом Иоффе. Даже судя по сухой записи их беседы, искушенный советский дипломат удивился, но отвергать предложение не стал и вежливо поблагодарил виконта за его труды. Тот, в свою очередь, подтвердил, что готов и впредь трудиться на общее благо.

Москва согласилась на затею Като и — после официального запроса Утида (министр снизошел-таки до большевиков!) — 16 июня назначила Иоффе своим представителем. 21 июня его партнером был назначен Каваками. После торжественного банкета, на котором присутствовало более 600 человек, 28 июня дипломаты приступили к работе. Переговоры шли в большом гостиничном номере советского гостя, поскольку он совсем не мог передвигаться.

Формальное участие Гото в советско-японских переговорах закончилось (сожалел ли он, что ушел с поста мэра?). До официальной части Утида его не допустил, стремясь отныне полностью контролировать процесс. Виконт и сам не желал действовать под контролем МИД, дорожа свободой политического маневра, но контактов с Иоффе, конечно, не прекращал. Статус переговоров формально повысился, потому что

это были уже не просто дружеские беседы двух приятных друг другу людей, но обмен мнениями между официальными лицами. Однако по положению и авторитету Каваками, несмотря на хорошее знание России, конечно, уступал Гото. В разговоре с виконтом Иоффе отметил это с явным сожалением, слегка намекнув, что Москва может быть недовольна понижением *фактического* статуса переговоров и может расценить это как отсутствие у партнера искреннего стремления к их успешному завершению.

Новые «официальные неофициальные»* напоминали сказку про белого бычка. Пересказывать их содержание нет надобности, изложенные чуть выше условия сторон не изменились. Японцы великодушно давали за Северный Сахалин «порядка 150 миллионов иен» плюс аннулирование военных долгов и отказ от компенсации за «Николаевский инцидент», продолжая требовать признания ответственности за него. Не помогло: двенадцать встреч не дали никаких результатов. 19 июля Иоффе получил категорическое указание Москвы перейти к официальным переговорам и получить от японского правительства окончательный вариант его предложений. 26 июля он направил Каваками резюме предшествующих бесед, заявив, что неофициальные переговоры показали свою бесперспективность. На очередном заседании пять дней спустя Каваками, изложив свою версию событий, попытался вступить в очередную дискуссию с советским делегатом, но тот решительно прервал дурную бесконечность. 24 октября Карахан, новый советский полпред в Китае, сменивший Иоффе, говорил японским журналистам: «31 июля состоялось последнее заседание неофициальных переговоров, где, констатируя их окончание, г. Иоффе настойчиво, но безуспешно пытался получить ответ официального японского делегата на вопрос, согласно ли Японское правительство начать официальные переговоры. Г-н Каваками, к сожалению, заявил, что он сам не может ответить и запросит свое правительство. 3 августа, отвечая на письмо г. Иоффе от 26 июля, г. Каваками, констатируя окончание неофициальных переговоров, обошел молчанием наше предложение открыть официальную конференцию» (24). 31 июля Иоффе написал Гото: «Теперь я говорю, что хватит, что неофициаль-

* В одном из японских документов на русском языке они назывались «неофициальные предварительные переговоры, имеющие целью открытие Японо-Русской конференции».

ная конференция более не нужна. Мы можем говорить иными путями», добавив «я навсегда остаюсь другом Японии» (25), — и стал собираться домой.

10 августа, перед отъездом, Гото прислал ему письмо, полное не только дипломатических любезностей, но искреннего уважения и сочувствия. Будучи в прошлом врачом, виконт прекрасно понимал физические страдания гостя, работавшего «таким темпом, за которым с трудом мог бы поспеть даже здоровый человек, по 15 часов в сутки, делая это для того, чтобы рассеять всякие недоразумения как внутри страны, так и за границей, и выдерживая борьбу со всякими глупыми взглядами. Я питаю самое глубокое чувство уважения к Вам за то, что Вы так много сделали для полного просветления мрачного горизонта... Ваше пребывание в Японии и жертва, которую Вы принесли, навсегда останутся в моей памяти» (26).

Гото предполагал, что письмо будет прочитано всем большевистским руководством, а потому придавал ему программный характер, подводя итоги сделанному и намечая программу на будущее. Далее цитаты, потому что это никогда и ни на каком языке не публиковалось:

«Я решил твердо преследовать цель устранить недоразумения, существующие между нашими двумя народами, и вообще плохое взаимное понимание людей во всем мире, покончить с вредными последствиями противоестественно навязанной культуры (читай: материалистической европейской. — В.М.) и таким образом продвинуть вперед общее благо человечества на пути общности жизненных интересов всех народов.

У меня было также желание, чтобы во время Вашего лечения мы могли с Вами беседовать о том, как излечить ныне страдающий мир. В этом заключалась главная цель наших с Вами бесед.

Когда Вы к нам приехали, у меня было две цели и одна надежда, а именно:

1. Дать понять России, насколько недействительна и бесполезна русская коммунистическая пропаганда, в Японии же рассеять страх перед красной опасностью и таким образом положить основания для дружественных взаимоотношений.

2. Здоровое взаимное понимание между обоими народами есть краеугольный камень обоюдного благополучия обоих народов. Если же на этот раз будет достигнуто это взаимное понимание, то оно послужит началом того здорового и полного понимания, о котором я говорю.

Первые два из вышеупомянутых пунктов составляют мои цели, которые достигнуты в отношении обоих народов. Третий же пункт составлял мою надежду; теперь это стало уже не только надеждой нас двух, частных граждан, оставаясь таковой и поныне, но этот вопрос уже настолько подвинулся, что оба правительства всячески старались осуществить эту надежду, — чем мы были весьма очастливлены. И вот в настоящее время вопрос этот вышел из области частного обмена мнениями и передан на обсуждение правительственных чиновников — что, само собою разумеется, отнюдь не исключает возможность дальнейшего обсуждения его также и частными гражданами. Вы же, однако, взяли на себя тяжелую задачу, которую Вы выполняете и как влиятельный гражданин, и в то же время как правительственный чиновник: Ваша роль, таким образом, стала иная, чем моя. Мы твердо убеждены в том, что каждый должен признать, что мы сделали все что могли как истые патриоты для блага наших стран».

Зная, чем закончились переговоры, можно счесть это послание излишне оптимистическим. Думаю, Гото и сам понимал это, но хотел уверить собеседников, что прогресс не только возможен и достижим, но уже начался. А также готовил их к благожелательному восприятию своих мыслей о будущем:

«Мир на Востоке Азии есть основа мира всего мира, к которому мы должны стремиться всеми силами. Иного пути ныне найти нельзя, кроме как положить краеугольный камень мира на Востоке Азии путем объединенных усилий японского и русского народа. Всему миру известно, что между Японией и Россией существуют особые отношения и что вообще наши взаимоотношения являются естественным последствием нашего обоюдного положения. Было бы преступлением с нашей стороны, если мы бы ничего не сделали для создания дружественных отношений.

Также и Китай, *при стабилизации правительства* (выделено мной. — В.М.), служил бы в ближайшем будущем опорой для этого краеугольного камня мира Восточной Азии. Еще совсем недавно Америка много способствовала сохранению мира в Восточной Азии, так что, по всей вероятности, и Америка не откажет в поддержке нашей мирной программе. Многолетние и крупные успехи англичан в Восточной Азии играют громадную роль в вопросах благосостояния и, наоборот, ухудшения положения Англии, и поэтому и Англия не откажется внести свою долю в дело сохранения мира на Востоке Азии».

В письме есть еще одно любопытное рассуждение, принципиально важное для Гото, которое по понятным причинам и не могло найти отголоска в трудах советских авторов. Виконт упорно старался объяснить, почему коммунистическая пропаганда не только не нужна Японии, но и вредна для нее.

«В общем и целом в Японии уже раньше существовал своего рода коммунизм... Между нашей Японской империей и прочими странами существует большая разница, заключающаяся в том, что с древних времен Япония была пропитана особым духом: на государство она смотрела как на большую семью, на монарха как на главу этой семьи, на всю землю — даже на малейший кусочек ее, где-нибудь у самого берега моря — как на собственность государя, причем частная собственность была запрещена. В течение некоторого периода существовал феодализм, когда казалось, по крайней мере, внешне, что земля, как поверхность, так и недра, принадлежала феодалам. На самом же деле, однако, частная собственность на землю никогда не была признана, и поэтому во время патриотического подъема во время реставрации Мэйдзи феодальные землевладельцы стремились наперебой отдать императору свои феодальные владения. Это стремление было совершенно единодушно. С тех пор патриархальный дух внутренне только укреплялся, пропитывая народ сверху донизу и двигая общую работу в интересах государства и народа. Благодаря самому существу нашего государства и исторически сложившейся внутренней природе народа, это патриархальное настроение пустило глубокие и сильные корни».

Рассуждения Гото могут показаться наивной сказкой или, наоборот, циничной демагогией, на самом деле это ни то, ни другое. Будучи не только администратором и политиком, но идеологом и своего рода просветителем, он по мере сил боролся за «моральное воспитание» сограждан: как ректор Университета Такусёку проповедовал студентам идеалы любви к родине и труду, коллективизма и честности, как мэр Токио успешно расчищал «авгиевы конюшни» беспорядка и коррупции. Конечно, японские политики того времени — а уж сегодняшние и подавно — не очень отличались чистотой «белых одежд» от своих европейских и американских собратьев, с которыми их объединяла та же любовь к риторике и морализаторству. Однако Гото выделялся среди них принципиальностью и порядочностью, заработав нравственный авторитет и, нетрудно догадаться, нажив немало врагов. Поэтому и решил не то чтобы поучить советского гостя, а слегка просветить его.

Иоффе, наверно, только рассеянно кивал головой, а в Москве и подавно усмехались. В Кремле таким байкам не верили, потому как и сами сочиняли ничуть не хуже.

Впрочем, я остановился на этом несколько претенциозном рассуждении по другой причине. Почти то же самое Сталин и Молотов слушали восемнадцать лет спустя, в марте 1941 г., когда японский министр иностранных дел Мацуока Ёсукэ, приехавший соблазнять их заключением «континентального блока» Берлин—Москва—Токио (или Токио—Москва—Берлин, если следовать маршруту его вояжа), читал им лекцию о «моральном коммунизме».

«Как известно, в Японии верховная власть принадлежит Тенно. На иностранный язык Тенно обычно переводится как император. Однако это неверно, ибо в Японии уже давно имеется коммунизм, и я назвал бы, говорит Мацуока, этот коммунизм моральным коммунизмом. В японской семье то, что принадлежит, например, старшему сыну, принадлежит также и младшему сыну. Хотя в Японии существует капитализм, однако от этого никакого вреда нет. Все имущество и жизнь подданных принадлежат Тенно, и никто об этом не жалеет... Тенно — это государство, и все принадлежит ему. Англосаксонские традиции нанесли ущерб Японии, а промышленный переворот затормозил развитие морального коммунизма... Поэтому сейчас мы выдвигаем лозунг — долой капитализм и индивидуализм. Но для этого необходимо уничтожить англосаксов» (27).

Если учесть, что Мацуока в тридцатые годы усердно позиционировал себя как ближайший сотрудник Гото в прошлом (явное, конечно, преувеличение) и продолжатель его дела по сближению с Россией в настоящем, то сказанное приобретает несколько иной оттенок и вызывает несколько больший интерес.

Еще больший интерес представляет программное послание Гото Чичерину, помеченное тем же днем и переданное с отъезжавшим Иоффе. Оно тоже местами цветисто и риторично, но куда более конкретно. Кто боится пространных цитат, конечно, может сразу переходить к следующей главе. Но тогда вы пропустите один из ключевых документов политической философии японского евразийства, воспроизводимый мной без каких-либо изъятий. В «Документах внешней политики СССР» опубликовано чуть больше половины этого документа (28). Чтобы показать, какие мысли и суждения автора были «не нужны» советскому читателю, выделяю пропущенное курсивом. Судите сами.

«Я постоянно сожалею о том, что до сих пор не имел случая лично с Вами познакомиться, хотя о Вашем знаменитом имени я узнал еще много лет тому назад.

Что касается политических отношений между Японией и Россией, то (могу Вам сообщить, что) между мною и г. Иоффе, Полномочным Представителем России на Дальнем Востоке, состоялся исчерпывающий и совершенно открытый обмен мнениями на основе самых дружественных отношений между нами: обе стороны — принимая во внимание естественные географические, исторические и экономические условия обеих стран, а также не сходя с самой патриотической точки зрения — приложили усилия к тому, чтобы между обоими государствами были восстановлены дружественные сношения на правовых и наиболее выгодных основаниях.

Благодаря этому обоюдные взгляды и отношения друг к другу так радикально изменились по сравнению с тем, что было несколько месяцев тому назад, что мы как будто живем в новом мире. Весьма счастливым обстоятельством для блага обоих народов является не только это чувство, но также (и особенно) тот факт, что новый поворот вещей понудил оба правительства приступить к предварительным переговорам.

Я всегда глубоко сожалел, ради собственных интересов самих мировых держав, о том, что после мировой войны эти державы решились во время мирных переговоров стать на точку зрения исключения России из мировой семьи народов и игнорирования ее.

С другой стороны, должен откровенно сказать, что я сожалел также и о русской позиции по отношению к остальному миру, так как занятая Россией позиция давала повод думать, что Россия пыталась добиться мирового владычества путем пропаганды коммунизма, и что державы видели в этом угрозу своему положению.

В Японии также есть элементы, которые из чувства любви к родине боятся пропаганды русского коммунизма. Однако я могу испытывать лишь чувство жалости к таким людям, которые недостаточно уверены в себе. Действительно, такие люди забывают о собственной исторической традиции и страдают убожеством мысли в вопросах самоуправления и самозащиты. Кроме того, мы видим, что со времени русской революции прошло уже пять лет, и Россия под давлением крайних затруднений, возникших благодаря введению практического коммунизма, вводит сейчас кроме экономической политики реформы в разных областях.

В настоящее время общепризнано, что в будущем Россия будет все более прогрессировать на пути «выравнивания» и «гармоничности», и таким образом не остается более никаких сомнений в том, что недоразумения между обоими народами будут постепенно устранены и что будут найдены пути и средства способствовать развитию общих жизненных интересов и благополучия народов — благодаря чему будут уничтожены нынешние, с точки зрения исторической и географической, неестественные условия жизни обоих народов и всякие затруднения. Гордостью японского народа является то, что в этом деле патриотически настроенные граждане прилагают все усилия — с полным самопожертвованием и самыми благородными намерениями, которых им не приходится стыдиться перед самим Богом, — дабы внести свою лепту в то дело, которое вполне соответствовало бы великой политической программе императора Мэйдзи.

Взаимоотношения между Японией и Россией действительно весьма отличаются от отношений между Россией, с одной стороны, и Англией, Америкой и другими государствами, с другой. Сейчас пришло время, когда уже не только образованные круги, но также и широкие слои населения вполне осознали и придерживаются взглядов, что добрые взаимоотношения между Японией и Россией не только служат счастьем обоих народов, но также способствуют стабилизации соседнего государства — Китая и его культурному существованию; они служат также основой мира на Востоке Азии и, наконец, дальнейшим последствием этих добрых взаимоотношений должно быть то, что вместе с Америкой они способствуют установлению мира на Тихом океане и тем самым во всем мире.

Так как, с одной стороны, внешняя политика какого-либо государства не должна более вестись по линии разрешения интересов и удовлетворения корыстных замыслов одних только правительств и так как прошло то время, когда народные интересы отодвигались на второй план, так как далее Япония и Россия, как выше указано, находятся в особых взаимоотношениях между собой — я считаю неприемлемой такую политику, которая при установлении международных дружественных отношений лишь склонна следовать по пятам Англии и Америки.

Более того: обоим <нашим> государствам следовало бы взять на себя инициативу и стать примером для прочих держав. Я надеюсь, что Вы вполне понимаете, какое создалось вновь положение для японского народа. Я имею в виду не только то обстоятельство, что в связи с антияпонским движе-

нием в Америке, в Африке, на островах Южного моря и в других английских колониях получение доступа к экономическим источникам новой России, которые, на основании принципа общности жизненных интересов обоих народов, могли бы помочь Японии; я хочу еще более выразить свое убеждение, что объединенная сила обоих народов могла бы восполнить недостатки и ошибки Версальской, Вашингтонской и прочих международных конференций».

Тут я как будто слышу голос Хаусхофера. «Отец геополитики» писал в мае 1940 г.: «Если страны Восходящего Солнца и Серпа и Молота смогут покончить с взаимным недоверием, они будут непобедимы в прилегающих морях (то есть в войне с атлантистским блоком. — В.М.)... Чем меньше напряженности будет в отношениях между Японией и Россией, тем меньше шансов будет у англосаксов и Китая навязывать политику «разделяй и властвуй». Объединившись, Япония и Россия станут непобедимы в Восточной Азии. Монголия, руководимая Россией, Южная Маньчжурия, руководимая Японией, и буферное пространство между ними... могут стать более прочным образованием, нежели все конструкции Версаля» (29).

Жаль, что Гото не мог прочитать этого — это были и его мысли. Японскому виконту и баварскому генералу не суждено было встретиться в этом мире...

«Больше всего я желаю, чтобы наши дружественные взаимоотношения послужили основой для благополучия всего человечества. Именно японцы и русские должны питать полную уверенность в том, что они могут объединить Восточную и Западную культуру и тем самым устранить существовавшее до сих пор затруднение в жизни народов.

Я еще совсем недавно стал другом г. Иоффе, но, несмотря на это сравнительно короткое время, мы нашли, что у нас обоих общие взгляды, что мы умеем объединить наши патриотические точки зрения с чистыми и высшими идеалами человеческой любви в жизни народов. Я надеюсь и верю, что Вы, глубокоуважаемый господин Чичерин, также и в этом отношении будете заодно с нами, и я желал бы, чтобы Вы и впредь оказывали мне Вашу благожелательную поддержку Вашими учеными (видимо: мудрыми. — В.М.) советами.

С первого дня своего приезда в Японию г. Иоффе совершенно забыл о главной цели своего приезда, а именно о своем лечении, отдав все силы на служение своей родине. Г. Иоффе работал по 15 часов в сутки, так что его здоровье сильно ухудшилось. Я крайне сожалею, как ради него самого, так и ради обоих на-

родов, о том, что, несмотря на то, что он так много сделал для своего отечества, он должен вследствие тяжелой болезни пуститься в обратный путь. Так как по приезде в Москву г. Иоффе Вам доложит лично о своем путешествии и деятельности своей в Японии, я воздерживаюсь от дальнейших подробностей по этому поводу.

Лишь по вопросу о предложении Корейского Банка я хотел бы сказать, что в связи с вопросом о кредите в Сибири я считаю, что план Корейского Банка заслуживает одобрения в интересах дальнейшего развития хозяйства обоих народов: банк должен быть смешанный — японско-русский. Свои взгляды на необходимость учреждения кредитного банка в Сибири, организованного на особых началах, я имел случай изложить г. Иоффе, о чем подробнее Вам доложит г. Личный секретарь Левин. Если г. Иоффе сам не будет в состоянии Вам лично передать, то я прошу Вас узнать у г. Левина».

Кстати, о Левине. Работая в японских архивах, американский историк русского происхождения Дж. Ленсен обнаружил примечательное сообщение из Пекина со ссылкой на Эриха фон Зальцмана, хорошо информированного корреспондента «Кёльнише цайтунг» в китайской столице. Общаясь и с советскими, и с японскими дипломатами, Зальцман делился сведениями и с теми, и с другими. Вот что он говорил о Левине — секретаре Иоффе, которого Гото особо отметил в письме к Чичерину: «Г-н Левин член так называемой чрезвычайной комиссии (то есть ЧК. — В.М.) с привилегиями и особыми правами. Он отчитывается непосредственно перед Москвой; он контролирует г-на Иоффе и кажется мне даже более важной фигурой, чем сам Иоффе» (30). В доступных мне архивах проверить эту информацию или побольше узнать о Левине мне не удалось. Резонно, конечно, предположить, что к официальной политической фигуре Иоффе мог быть приставлен сотрудник, как выразились бы сегодня, спецслужб. И в этом случае можно только гадать — в его задачу входило только «контролировать» начальника или у него был свой круг знакомств и интересов в Японии. Наверно, надо посмотреть в других архивах...

«Я желал бы перенести на Вас также мою дружбу с г. Иоффе, — заключал виконт свое послание, — и считаю честью, что могу Вам совершенно откровенно и от всего сердца заявить, что я в качестве частного лица, стоящего вне правительственных кругов, хотел бы впредь, как и до сих пор, посвятить себя японско-русской проблеме.

Настоящее письмо я позволяю себе отправить Вам, пользуясь возвращением в Москву г. Иоффе, в надежде, что оно сможет послужить к благу обоих народов».

Того Сигэнори, сам не принимавший участия в переговорах, но по долгу службы находившийся в курсе всего происходившего, на склоне лет сделал такой вывод: «Хотя переговоры Гото—Иоффе, ввиду неприемлемости некоторых выводов обеих сторон, и не дали каких-либо немедленных результатов, они создали благоприятную атмосферу для дальнейших обсуждений и таким образом проложили путь к пекинским переговорам. Поэтому усилия виконта Гото заслуживают высокой оценки. Его политика сотрудничества с русскими в целях решения наших проблем с Китаем и Америкой выгодно отличалась от более поздней политики президента Рузвельта в отношении Японии и России» (31).

ГЛАВА 7

Пекинские гамбиты: переговоры Карахана–Ёсидзава

Гото пришлось долго ждать ответа из Москвы. Тем временем в Японии произошли важные и трагические события. 24 августа 1923 г. премьер Като умер от туберкулеза. Утида стал премьером *ad interim*, но 2 сентября новое правительство было сформировано уже без него. Премьером стал адмирал-русофоб Ямамото, десять лет назад сменивший Кацура у кормила государственного корабля, министром иностранных дел — бывший посланник в Китае Идзюин, ничем не примечательная личность. Гото занял пост министра внутренних дел. Ему предстояло заниматься преодолением последствий Великого землетрясения Канто 1 сентября, полностью разрушившего Токио, и завершение переговоров с Москвой.

Катастрофа временно отодвинула все проблемы на второй план, а перспективу нормализации отношений с СССР дополнительно омрачил инцидент с пароходом «Ленин». После землетрясения Советский Союз объявил сбор средств в пользу пострадавших и отправил на пароходе «Ленин» гуманитарную помощь. Однако по прибытии в порт Иокогама, — говорилось в Ноте японского консула во Владивостоке уполномоченному НКВД 2 октября 1923 г., — «русскими представителями было публично объявлено, что находящиеся на борту парохода пожертвования должны быть розданы только рабочим и что труд распределения этих пожертвований они берут на себя. Далее об этих русских представителях было доложено, что они произносили речи, беспокоившие возможностью волнений наших граждан» (1), т.е., попросту говоря, занимались пропагандой.

Этот откровенно демагогический ход, сделанный вопреки существующим законам и правилам, конечно, не мог устроить японские власти, усмотревшие в нем неприкрытую коммунистическую пропаганду, попытку нажить политический капи-

тал на чужом несчастье и вмешательство в их функции и прерогативы. Пароходу пришлось вернуться во Владивосток со всем грузом. Гото — как министр внутренних дел — оказался в неловком, чтобы не сказать, дурацком положении. Советская дипломатия резко протестовала, а пресса развернула кампанию против японских властей, воспрепятствовавших «акту гуманизма и классовой солидарности», что незамедлительно вызвало в Токио вспышку антисоветских настроений даже среди тех, кто, как члены «Общества реки Амур», еще недавно искренне приветствовал приезд Иоффе (2).

7 октября 1923 г. с пространным личным письмом к Гото обратился новый советский полпред в Китае Лев Карахан. Он решил — надо полагать, не сам единолично — «поделиться некоторыми мыслями по поводу дела, одинаково дорогого Вам и мне» (3). Ответа от Чичерина Гото еще не получил, но Карахан о письме виконта упоминает и фактически отвечает на него по многим позициям, иногда чуть ли не текстуально, поясняя: «Хотя я не имею чести быть лично с Вами знакомым, но пишу Вам как старому знакомому, ибо от своих друзей и из Ваших писем к ним и к г. Чичерину я знаю Вашу оценку мирового положения». Возможно, смысл его послания был еще и в том, чтобы показать, кто теперь будет вести переговоры с Японией с советской стороны, кто будет новым полномочным — во всех смыслах этого слова — представителем Москвы.

Еще на «официальных неофициальных» переговорах Иоффе с Каваками стороны пришли к мнению, что продолжать их лучше не в Токио и не в Москве. Пекин представлялся идеальным местом для этого и географически, и политически, так как и Россия, и Япония имели там достаточно прочные политические позиции. В скором времени партнером Карахана станет его японский коллега посланник Ёсидзава Кэнкити, но это решение примет уже следующее японское правительство. После так называемого «инцидента у Тораномон», покушения студента-анархиста Намба на жизнь кронпринца, будущего императора Сёва в декабре 1923 г., кабинет Ямамото в полном составе ушел в отставку, приняв на себя ответственность за случившееся. Новым премьером стал консервативный бюрократ из палаты пэров Киеура, популярностью в политическом мире не пользовавшийся, а потому тоже недолго продержавшийся у власти. Но дело он успел сделать. «Разъяснив новому министру иностранных дел Мацуи, — вспоминал специально занимавшийся в то время русскими делами в Европейско-Американском бюро МИД Того Сигэ-

нори, — суть предыдущих переговоров с Россией, я рекомендовал ему учесть, что скорое решение российской проблемы соответствует нашим интересам, и откликнуться на предложение Карахана» (4).

Вернемся к письму полпреда виконту, которое выдавало в авторе более журналиста, нежели дипломата. Как и положено, оно начиналось с комплиментов: «Русско-японская проблема, которой Вы уделите столько ценного внимания и сил, требует новых усилий со стороны всех, кто видит в дружбе двух наших народов залог мира, порядка и процветания на Дальнем Востоке и на Тихом океане вообще». Далее речь пошла о землетрясении, ликвидация последствий которого легла на плечи Гото и его ведомства: «К сожалению, великое несчастье, постигшее японский народ, естественно, должно было отодвинуть на некоторое время русско-японскую проблему. Все помыслы Японии в дни бедствия были сосредоточены на деле помощи десяткам тысяч пострадавших, а затем со стойкостью, которая может быть справедливой гордостью японского народа, все усилия и заботы как народа, так и правительства направились на изыскание мер, могущих залечить раны и восстановить положение, нарушенное небывалым землетрясением. В эти дни скорби японского народа я рад засвидетельствовать, что правительство и народ наших республик были на высоте долга и, охваченные глубокой печалью и сочувствием к японскому народу, откликнулись широкой массовой помощью и сборами в пользу пострадавших... Я хотел бы особенно подчеркнуть, что отклик на бедствие в нашей стране не носил казенного характера, а охватил весь народ, каждого гражданина, и в этом я хотел бы видеть не только сердобольное чувство, но более широкие братские симпатии русского народа к японскому».

Затем следует «критическая часть» об инциденте с пароходом «Ленин», который «в нашей стране грозил нанести удар благоприятному и располагающему к Японии настроению». Без тени смущения Карахан перекладывал ответственность на японцев: «Мне нечего говорить Вам о чувстве обиды и горечи, когда мы узнали о недостойном обвинении, которым сопровождалось изгнание нашего парохода из Иокогамы... Я не сомневаюсь, что глупая клевета на пришедший в Иокогаму с братской помощью пароход создана врагами русско-японского сближения». Жалуясь Гото — как министру внутренних дел! — на действия японских властей, Карахан тем не менее «дипломатично» отводит упреки от него лично и усиленно ищет виновных: «Мы узнали, что это дело рук местного военного ко-

мандования (?! — *В.М.*), и что правительство в Токио узнало об этом постфактум (дескать, ну и порядок у вас! — *В.М.*), что японский народ в этом оскорбительном деле неповинен. Нам стало ясно, что как в прошлом некоторые военные элементы Японии, вдохновлявшие и руководившие военными экспедициями в Сибири (это-то здесь причем?! — *В.М.*), принесли много зла русско-японским отношениям, так и теперь неосторожной и необдуманной рукой они ударили по налаживавшемуся взаимному пониманию обоих народов».

Или такой пассаж, характерный для советской дипломатической и газетной риторики: «Немалая доля в этом печальном деле принадлежит тем многочисленным белым эмигрантским элементам, которые нашли незаслуженный приют в вашей стране (это тоже по ведомству министра внутренних дел! — *В.М.*). Эти белые элементы не только могут вредить в таких отдельных случаях, но я боюсь, что они служат источником постоянного неправильного осведомления о русских делах и русской политике не только для отдельных административных лиц, но, может быть, что во много раз опаснее, для некоторых правительственных учреждений Японии». Вот этого Лев Михайлович — видимо, имея перед глазами Пекин и тем более Харбин — боялся совершенно зря. Влиятельных и даже сколько-нибудь массовых эмигрантских организаций в Японии не было. Никакого влияния на японскую политику, в том числе в отношении России, эмигранты не оказывали. Вспомним историю государственного мужа Артемьева, к которому министр Утида сначала выслал «маленького секретаря», а потом и вовсе послал куда подальше.

Увлекаясь нарисованной им самим картиной, Карахан все больше распалялся. «Не ошиблись ли мы, думая, что Япония искренне хочет сближения с нами... В нашей стране необходимость сближения и оформления отношений с Японией не требовала никогда доказательств, мы всегда к этому стремились. Япония, наоборот, была непримирима и, согласовывая свою политику с союзными ей державами (выпад в сторону дипломатии Утида. — *В.М.*), не шла навстречу нашим желаниям. Должна быть проделана большая работа, чтобы и в Японии поняли необходимость сближения с нами».

Постепенно тон письма становится чуть ли не угрожающим, что вообще было свойственно напористому и агрессивному характеру его автора: «Русско-японские отношения, несмотря на имевшие место до сих пор переговоры, в высшей степени ненормальны и требуют возможно быстрого урегули-

рования, *если есть желание избежать дальнейших осложнений и неприятностей* (выделено мной. — В.М.). С самого начала мы проявили большую терпимость и желание идти навстречу японскому народу даже в таких случаях, когда это не вызывалось ни необходимостью, ни какими-либо специальными нашими интересами. Достаточно вспомнить рыболовное дело (соглашение 21 мая 1923 г. — В.М.). И так далее, со всеми подробностями.

Разумеется, Карахан писал Гото не только для того, чтобы выставить ему список претензий, хотя от этого занятия советская дипломатия никогда не отказывалась. Он призывает к действиям: «В настоящее время переговоры прерваны, и неизвестно, когда и при каких обстоятельствах они возобновятся, причем, как для Вас, г. виконт, так и для меня должно быть ясно, что на этот раз или переговоры не должны начинаться, или же, раз начавшись, должны иметь окончательный характер и привести к установлению нормальных отношений между обеими странами». Звучит ультимативно, причем этот ультиматум адресован министру *внутренних*, а не иностранных дел Японии.

Карахан дал понять, кого советская сторона рассматривает в качестве настоящего партнера. Беглые ссылки на заявления министра иностранных дел Идзюин о том, что «для установления дружественных отношений соседних стран должны быть возобновлены официальные отношения с Россией», положения не меняют. О них полпред отозвался с откровенной иронией: Идзюин «о начале официальных переговоров высказался настолько пифически, что при всем моем желании понять, что он хотел сказать, у меня не осталось ясного и определенного впечатления о том, в результате какого «энергичного обследования» Япония готова будет к официальным переговорам».

Карахан настойчиво напоминал адресату о значении стоящей перед ними задачи: «Интересы мира и благополучия народов требуют, чтобы пустота между нашими странами была заполнена как в интересах их самих, так и в еще большей степени в интересах народов Тихого океана. Промедление в этом деле может дать непоправимые и неожиданные последствия». Последние слова звучали тоже «пифически», но тревожно и угрожающе. Почти, как «промедление смерти подобно».

«Что же разделяет две соседние страны?» — вопрошал советский дипломат и сам с готовностью отвечал: «Николаевские события по существу не вызывают разногласий, дело сво-

дится к редакции (ответственность признаем, но поторгуемся за формулировки. — *В.М.*). Вопрос о Северном Сахалине также не вызывает разногласий (о продаже речь уже не идет. — *В.М.*). Единственный пункт — это вопрос о долгах и старых договорах, заключенных между царской Россией и Японией (Портсмутский мир 1905 г. и связанные с ним договора, а также соглашения Мотоно—Извольского и Мотоно—Сазонова 1907—1916 гг. — *В.М.*)».

Излагая свою аргументацию, Карахан явно следует инструкциям из Москвы, хотя видеть таковые мне не приходилось. Он выстраивает целую программу, уже знакомую нам по письмам и заявлениям Иоффе, но более мотивированную и осторожную, давая понять, что компромиссы вовсе не исключены:

«Хотя Япония настойчиво добивается признания военных долгов и старых договоров, но едва ли нужно много доказательств в пользу того, что оба эти вопроса не имеют жизненно-го значения для японского народа (характерно это настойчивое обращение к «народу», а не к стране или правительству, хотя договариваться-то придется с конкретным правительством, а не с абстрактным народом. — *В.М.*). Ведь Японское правительство не требует немедленной уплаты долгов, оно требует лишь их признания. Следовательно, оно заинтересовано в этом не реально, а принципиально. Между тем это то требование, из-за которого мы не сошлись со всеми державами Антанты и в Генуе, и в Гааге и на котором мы тем более не сговоримся теперь... Только тот, кто не хочет договориться с нами, может предъявлять нам требование о признании военных долгов». Понятно, господин виконт?!

«Что касается старых договоров, то огульное их признание также для нас неприемлемо... Многие в них сохранили свое значение (Слушайте! Слушайте! — *В.М.*) и может быть признаны нами сейчас, но довольно значительная часть их содержания должна быть выброшена или коренным образом изменена. Ничто не мешает Японскому правительству точно указать, что оно хочет сохранить из старого, и я уверен, что все разумное, пригодное для новых отношений между нашими странами, не будет нами отвергнуто. Слепое, настойчивое требование признания всех старых договоров безоговорочно можно выдвигать лишь в том случае, если есть желание создать искусственные препятствия к сближению».

Ну чего тут непонятного?!

Карахан был журналистом, тем более социал-демократическим, поэтому привык выражаться пафосно, цветисто

и многословно. Гото тоже любил стилистические красоты с морализаторским уклоном. Однако оба были прагматиками и собирались говорить о деле. Для «сохранения лица» Карахан заявил, что советская власть за царские обязательства в принципе отвечать не может, но... от «разумного» в прежнем опыте отношений не отказывается. Хотите нормализации отношений — давайте торговаться. Не хотите торговаться — значит, и в нормализации не заинтересованы. Тогда пеняйте на себя.

Письмо содержало конкретные предложения, ради которых, надо полагать, и было написано: «Самым целесообразным решением русско-японской проблемы было бы заключение такого договора, который определяет и решает вопросы, имеющие основное жизненное значение для обоих народов, такое решение вопроса, которое служит живому народу, а не мертвым формулам и сомнительным обязательствам международной солидарности». Последняя фраза звучала волнующе, оставляя за одним из потенциальных партнеров право решать, какие «обязательства международной солидарности» «сомнительные», а какие нет. Видимо, поэтому Карахан поспешил четко разъяснить, что именно он имеет в виду:

«Договор, который должен быть заключен между нами и Японией, мне кажется, должен быть *типа Рапальского договора* (выделено мной. — В.М.)... По этому договору над всеми старыми отношениями поставлен крест. Все старое позади, а будущее обоих народов должно строиться на новых, ясных началах, которые не носили бы на себе следов прошлых обид и ненужных расчетов. Это принцип, который я мог бы назвать принципом «взаимной амнистии», и мне кажется, что правильно понятые интересы японского народа должны были бы привести к заключению именно такого договора. Из старых обязательств может быть взято лишь то, что сохранило подлинно жизненное значение для настоящих и будущих отношений обоих народов, и тут, если хотите, в первую очередь может быть признано старое решение рыболовного вопроса, который может быть даже в дальнейшем пересмотрен в еще более благоприятном для японского народа духе».

Это было прямое приглашение к диалогу, да еще с приятной «наживкой», а ссылка на Рапальский прецедент, к которой уже прибегал Иоффе, обозначала возможный — и желательный для Москвы — путь развития событий. Карахан обронил еще одну многозначительную фразу, не без оснований полагая, что она привлечет внимание адресата: «Там, где речь идет о жизненных интересах народа, а не о мертвых принци-

пах, там два народа могли бы пойти значительно дальше, чем старые договоры с царской Россией». Это завуалированное, но очевидное предложение сотрудничества. Полпред конкретизировал свою мысль, остановившись на необходимости природных ресурсов России для японской экономики и хозяйства и дав понять, что советское правительство в принципе готово «на основании принципа общности жизненных интересов» дать Японии доступ к этим ресурсам, прямо отвечая на слова Гото. «И сегодня (то есть после землетрясения. — В.М.) эта Ваша мысль, мне кажется, приобретает еще большее значение. Я целиком присоединяюсь к ней и говорю, что мы тем охотнее пойдем вам навстречу, что наша *помощь* (выделено мной. — В.М.) Японии естественными богатствами, которых нет в вашей стране, хоть в незначительной степени может быть полезна делу восстановления хозяйственного равновесия вашей страны и делу восстановления двух важнейших центров Японии (Токио и Иокогама. — В.М.).»

Ну как не расчувствоваться?! Ну как отказаться от таких авансов?!

Чтобы предупредить возможные контрмеры и саботаж атлантистов в Токио, Карахан продолжал: «Нужно сбросить балласт старых предрассудков... Мертвыми формулами о старых обязательствах пусть пользуются те страны, которые достаточно экономически самодовлеющи, чтобы не чувствовать острой необходимости дружбы с новой Россией. Но Япония, имеющая свои особые интересы (замечательный термин, который каждый может трактовать по-своему. — В.М.), несравнимые по своему существенному и незаменимому значению с интересами других стран в России, должна идти своим путем... Мне кажется, Япония поступила бы правильнее, если бы искала своих самостоятельных путей, не оглядываясь на других... Несмотря на некоторые колебания японской политики, несмотря на то что, может быть, некоторые элементы, враждебные нам, приобрели временно большее значение в политике Японии (видимо, намек на премьера адмирала Ямамото или на военного министра Танака Гиити. — В.М.), чем до сих пор, я все-таки надеюсь, что русско-японское сближение найдет себе достаточно сильных и авторитетных сторонников и что работа, которую Вы начали с таким успехом, будет доведена до конца».

18 декабря Чичерин наконец-то сам ответил Гото. Не извинившись за задержку с ответом и никак не объяснив ее, нарком начал с обычных в дипломатической переписке ком-

плиментов в адрес «одного из самых видных государственных деятелей великой соседней с нами страны на Дальнем Востоке» и выразил надежду на то, что «Вы, г. министр, сделаете все возможное для быстрого возобновления наших переговоров», поскольку «при наличии доброй воли не так уж трудно уладить все спорные вопросы в отношениях между нашими странами» (5).

В коротком письме Чичерина обращают на себя внимание три момента. Во-первых, ни МИД Японии, ни министр Идзюин там вообще не упоминаются, как будто их нет, — речь идет только о «беседах нашего друга Карахана с вашими представителями». Карахан, которого Чичерин официально рекомендует Гото как преемника «нашего друга Иоффе», выбывшего из игры по болезни, в Пекине уже контактировал с посланником Ёсидзава. Но речь явно не о нем, а об уже известном нам Мори Кодзо, секретаре и помощнике Гото, которого виконт отправил в Китай именно с этой целью. Во-вторых, Чичерин заверяет Гото, «что наше правительство строго соблюдает принцип невмешательства в чужие внутренние дела и требует такого же отношения к себе со стороны других правительств». Это можно рассматривать как гарантию — пусть на словах — воздерживаться от ведения коммунистической пропаганды в Японии, которой так опасались противники признания Советской России.

Наконец, нарком сделал геополитическое обобщение. «Мы ожидаем очень многого от будущих наших отношений с Японией. Мировые интересы все более обращаются к Тихому океану, и недалеко то время, когда тихоокеанские интересы займут господствующее положение в мире. Сибирь имеет многообещающее будущее, и тесное сотрудничество с Японией является основным условием развития наших дальневосточных областей». Можно усмотреть в этом полемику с европоцентристскими воззрениями Литвинова, но мысль о том, что «всемирная история переносит центр своей тяжести на Дальний Восток», как мы помним, была высказана еще Владимиром Соловьевым в «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Трудно поверить, что такой образованный человек, как Чичерин, не читал нашумевшую книгу великого философа. Впрочем, эту мысль не раз повторяли и после Соловьева — как в России, так и за ее пределами.

В ответном письме, датированном 30 января 1924 г., Гото подчеркнул свое согласие с выводом Чичерина: «Смею Вас заверить, что я всецело присоединяюсь к Вашим замечательным

мыслям о мировой политике; особенно полно совпадает с моими теперешними представлениями Ваше замечание о том, что течения мировой политики все более и более приковывают внимание всего мира к Тихоокеанской области и что всеобщий мир связан теснейшим образом с миром Восточно-Азиатским. Поскольку взаимные отношения между Японией и Россией обладают в этом отношении крупным значением, я убежден в том, что государственные деятели обеих стран нравственно обязаны работать для скорейшего восстановления дружественных отношений между ними» (6).

Гото считал нужным особо объяснить заминку с решением о продолжении переговоров: «К сожалению, сентябрьская катастрофа повредила развитию Русско-Японского дела и даже вызвала к жизни реакционное течение; вследствие этого, а также ввиду того, что Правительство целиком ушло в разрешение вопроса о восстановлении и целого ряда других настоятельных проблем внутренней политики, начатое мною и г-ном Иоффе движение в пользу воскрешения дружественных отношений затормозилось, так что до поры до времени я обречен на выжидательное положение. Хотя это явление преходящее, его можно отчасти объяснить недавно возникшим недопониманием между обоими народами (инцидент с пароходом «Ленин». — *В.М.*), но так как фактические основания обоюдных отношений никаких изменений не претерпели, то переговоры возобновятся в не столь отдаленном будущем. С другой стороны, частая смена руководящих лиц (в правительстве и МИД Японии. — *В.М.*) вызвала то, что каждое из них должно сызнова знакомиться с ходом переговоров и заново изучать условия заключения договора». Именно об этом шла речь в мемуарах Того.

Жернова истории мелют медленно, но путь к нормализации отношений был расчищен. Долгожданные официальные переговоры между Караханом и Ёсидзава в Пекине завершились 20 января 1925 г. — после семидесяти семи встреч! — подписанием Конвенции об основных принципах взаимоотношений между странами. Но прежде чем мы перейдем к ходу и итогам пекинских переговоров, необходимо сказать несколько слов о балансе сил и личных взаимоотношениях внутри руководства Наркомата иностранных дел в 1920-е годы.

Выработкой внешнеполитической стратегии, а во многих случаях и тактики НКИД не занимался — это было прерогативой политбюро, «Инстанции», как его называли в служебной переписке советских дипломатов. Внутри этого высшего орга-

на реальной власти не было единства мнений: вспомним хотя бы борьбу Сталина и Троцкого по вопросу о китайской революции. «Китайские дела играют теперь такую роль, что Наркоминдел не может позволить себе роскоши давать вам непосредственные директивы», — кисло сказал Чичерин Григорию Беседовскому, назначенному советником, а затем поверенным в делах полпредства в Токио весной 1926 г. (7). Свидетельство Беседовского, «невозвращенца», печально известного изготовлением фальсифицированных мемуаров советских военных и дипломатов, включая «дневник Литвинова», априори может вызвать недоверие, но в данном случае полностью подтверждается другими источниками, включая опубликованные ныне решения политбюро этих лет по Китаю.

Важные международные вопросы решались в комиссиях и исполкоме Коминтерна, куда входили многие члены политбюро и видные партийные идеологи. Наркомату оставалась лишь рутинная дипломатическая работа да сбор информации по заданию «Инстанции». К мнению дипломатов, даже наркомов, советские руководители прислушивались мало: ни Чичерин, ни его преемник Литвинов не входили в политбюро, а к моменту восстановления советско-японских отношений Чичерин не был даже членом ЦК партии. Следует учесть и то, что Чичерин, Иоффе, Карахан, а также Троцкий (предшественник Чичерина на посту наркома), несмотря на многолетнее участие в революционной борьбе, стали большевиками только в 1917 г., а потому могли вызывать недоверие «Инстанции». Не было достаточного партийного стажа и у большинства дипломатов более низкого ранга, кадры которых формировались в основном из политических эмигрантов. Они долго жили за границей, знали иностранные языки и имели приличный вид, не ковыряя вилкой в зубах, как «рабоче-крестьянские» представители в Брест-Литовске, но в революционной деятельности в России не участвовали. Кое-кто из них вообще занимался коммерцией или даже сомнительными делами, задним числом придумав себе героическое прошлое.

В повседневной работе от НКИД зависело многое, однако разногласия в его руководстве были существенными и принципиальными. И нарком Чичерин, и его заместитель Литвинов долго жили в Европе как политические эмигранты, но если первый относился к ней с нескрываемым отвращением, то второй как раз делал ставку на налаживание связей с бывшими державами Антанты. Чичерин гордился Рапалльским договором с Германией и дружественными отношениями с кема-

листной Турцией, Персией, Афганистаном, Монголией и Китаем, считая это направление политики наиболее перспективным как для укрепления международных позиций СССР (в том числе путем ослабления влияния Великобритании), так и для возможного расширения мировой революции. Он также придавал большое значение нормализации отношений с ближайшими западными соседями Советской России, странами «санитарного кордона» — Финляндией, Польшей, прибалтийскими республиками. Если посмотреть на карту, нетрудно заметить, что таким образом в сферу внешнеполитической активности СССР попадали ключевые территории Евразии — «сердцевинная земля», в основном совпадающая с территорией бывшей Российской империи, и «опоясывающая земля», территория всех перечисленных государств. Япония замыкала этот евразийский «пояс». Сторонниками такой политики были Иоффе и Карахан, а также член коллегии НКВД С.И. Аралов (между прочим, первый начальник того, что потом будет называться ГРУ). Будучи полпредом в Турции, Аралов сумел установить личные доверительные отношения с Кемаль-пашой, что стало крупным дипломатическим достижением для обеих стран. Взгляды этой группы соотносятся с евразийской ориентацией в геополитике.

По ту сторону геополитической «баррикады» были Литвинов и его сторонники — А.М. Коллонтай, В.Л. Копп, И.М. Майский, Я.З. Суриц, которых можно определить как атлантистов. Главным направлением советской дипломатии они считали Европу, вершившую, по их мнению, судьбы всей мировой политики, а в перспективе — США, которые упорно отказывались признавать большевиков. Они были решительно против любого участия дипломатов в революционном движении, против их контактов с оппозиционными силами за границей, против любого вмешательства во внутренние дела других стран, чего, заметим, вовсе не исключали в своей практике Чичерин и Карахан.

«По установившемся внутри Наркоминдела распределению обязанностей, — пишет Беседовский, — Литвинов был совершенно изолирован от какого бы то ни было отношения к азиатской части работы Наркоминдела. Когда Чичерин уходил в отпуск, политбюро передавало эту часть работы Наркоминдела члену коллегии последнего Аралову, очень милому, но, вместе с тем, недалекому человеку (как уже было сказано, к оценкам Беседовского следует относиться весьма критически. — В.М.). Литвинов обижался и дулся, но в по-

литбюро ему резонно замечали, что, ввиду его острой личной вражды к Карахану, оставление его в качестве руководителя азиатской работой Наркоминдела вызвало бы немедленно трения с пекинским полпредством, во главе которого стоял Карахан. Политбюро, повторяю, поступало резонно, так как при интриганских наклонностях Литвинова и при его неразборчивости в средствах при сведении личных счетов, неминуемо должна была начаться борьба между пекинским полпредством и Наркоминделом, в которой всякие соображения отступили бы перед одной целью: во что бы то ни стало подсадить Карахана» (8). Став наркомом, Литвинов полностью передал азиатские и дальневосточные дела своим заместителям — Карахану, потом Г.Я. Сокольникову, Б.С. Стомонякову и С.А. Лозовскому.

Кроме того, Чичерин и Карахан уделяли особое внимание Германии, что логично вписывается в их евразийскую ориентацию. Не были тайной и германофобские настроения Литвинова. Германский посол в Москве в 1929—1933 гг. фон Дирксен вспоминал: «Хотя Литвинов и не обладал исключительным мастерством и блеском Чичерина в области стиля, его записки были сжатыми и ясными, с примесью наглости и дерзости. Это был действительно грозный противник, быстро соображающий и очень сведущий и опытный в делах... Мое официальное общение с ним оказалось несколько более трудным, нежели с его предшественником (Чичериным. — В.М.), по причине того, что Литвинов не был заядлым сторонником политики Рапалло, но всего лишь вынужденно следовал ей по долгу службы. Хотя он горячо отрицал какие-либо сомнения и колебания в отношении его веры в возможность сотрудничества с Германией, симпатии его явно были на стороне Великобритании, где он провел годы ссылки и женился на англичанке. Его, безусловно, сурово одернули бы, продемонстрируй он какие-либо признаки отклонения при проведении внешней политики в каком-либо особом направлении. В целом, однако, он оставался лояльным к истинной вере до тех пор, пока приход национал-социалистов к власти не предоставил ему приятного предлога стать одним из первых, покинувших идущий ко дну корабль политики Рапалло. Дальнейший ход его карьеры был весьма показательным, поскольку, начиная с этого времени и далее любое его появление на политической сцене было вызвано желанием Кремля продемонстрировать свою примирительную позицию по отношению к англосаксонским державам» (9).

Вот и ключ к открыто и колеблемо антигерманской и антияпонской позиции Литвинова на протяжении всех тридцатых годов. Анализируя официальную публикацию «Документов внешней политики СССР» за один только 1933 г., С. Кремлев в книге «Россия и Германия: вместе или порознь?» четко показал, как Литвинов раз от разу старательно портил отношения СССР с Третьим рейхом, а послы Дирксен и Надольный изо всех сил старались сохранить их и спасти что можно из рапалльского наследства. Подтверждаю, что чтение записей куда более редких бесед Литвинова с японскими дипломатами приводит к точно такому же выводу.

Напряженными были и личные отношения между ведущими советскими дипломатами: Чичериным и Литвиновым, Литвиновым и Караханом, Караханом и Коппом, что неизбежно накладывало отпечаток на всю советскую дипломатию. Бывший технический секретарь политбюро Борис Бажанов вспоминал: «Чичерин и Литвинов ненавидят друг друга яркой ненавистью. Не проходит и месяца, чтобы я <не> получил «строго секретно, только членам Политбюро» докладной записки и от одного, и от другого. Чичерин в этих записках жалуется, что Литвинов — совершенный хам и невежда, грубое и грязное животное, допускать которое к дипломатической работе является несомненной ошибкой. Литвинов пишет, что Чичерин — педераст, идиот и маньяк, ненормальный субъект, работающий только по ночам, чем дезорганизует работу наркомата... Члены политбюро читают эти записки, улыбаются, и дальше этого дело не идет» (10).

По совершенно частному вопросу в ходе переговоров о заключении новой советско-японской рыболовной конвенции Чичерин 17 января 1928 г. писал Сталину: «Абсолютно неверно представление о работе т. Карахана как якобы его личной, оторванной от Комиссариата. Я с тов. Караханом нахожусь в самом тесном и постоянном общении... Это постоянное органическое общение с ним диаметрально противоположно полнейшей и абсолютной разобщенности между мной и Литвиновым, с которым совместной работы у меня нет, никогда не было и, конечно, не будет (выделено мной. — В.М.). Нападки на тов. Карахана суть фактически нападки на меня, ибо его шаги диктуются мною, и Литвинов это отлично знает» (11).

Если верить Беседовскому, Литвинов называл Карахана «проходимцем», «никчемным дипломатом», «верным лакеем прихжей политбюро» и даже «основной язвой нашей дальне-

восточной политики». Особо доставалось ему за «выслуживание» и «пресмыкательство» перед всемогущим советником Чан Кайши Бородиным-Грузенбергом, «подозрительной шпальной», «свалившимся нам на голову прямо из кулис чикагской биржи» (деятельность Бородина достойна отдельного триллера. — *В.М.*). Звучит особенно пикантно, если вспомнить скандальный судебный процесс в Париже в 1930 г. против младшего брата Литвинова-Валлаха, попавшегося на крупных финансовых махинациях, в которые он пытался вовлечь советское посольство и торгпредство, прикрываясь именем и авторитетом Максима Максимовича. Видимо, не зря Беседовский отмечал у Литвинова-старшего «стихийные симпатии к проходцам и жуликам».

Соглашаясь, Копп называл Карахана «ослом», его действия в Китае «авантюризмом», Чичерина «старым трусом и сталинским лизожопом», сетуя, что Наркомат возглавлял он, а не «дорогой Максим Максимович». Что говорил по сему поводу Карахан, которого Дирксен называл «хитрым и коварным армянином», мы не знаем, но вряд ли что-то принципиально иное. Чичерин, в свою очередь, инструктировал Беседовского перед отъездом в Токио: «Вам придется работать в чрезвычайно трудной обстановке... Полпред, товарищ Копп, разошелся с линией партии и линией Коминтерна в дальневосточных делах. Он затрудняет работу Карахана, саботируя соглашение с Японией, которое развязало бы нам руки в Китае. Копп будет скоро отозван, и вам придется довольно долго просидеть поверенным в делах» (12).

Беседовский, активно рвавшийся, как и все перебежчики, в «белые одежды», писал: «Я прекрасно знал о литвиновско-чичеринской склоке... Но я все же не мог предполагать, что склока зашла так далеко и что в пылу драки жонглируют вопросами принципиального характера в угоду той или иной персональной комбинации внутри Наркоминдела. Чувство стыда охватило меня при мысли, что я работаю в таком почтенном учреждении, с такими нравами... Зная Литвинова и его склонность к интригам, я ни минуты не сомневался, что в своем стремлении подсадить Карахана он руководился лишь стремлением свести старые личные счеты. Однако, сводя личные счеты, Литвинов, помимо своей воли (?! — *В.М.*), защищал ту линию нашей политики, которая представлялась мне более правильной» (13). Признание красноречивое, а заодно исчерпывающе характеризующее геополитическую ориентацию самого Беседовского.

Так что борьба между «товарищами», чинно позировавшими перед официальными фотографиями для демонстрации единства советской дипломатии, шла не на жизнь, а на смерть, не затихая ни на минуту. Однако можно сделать совершенно определенный вывод, что в первой половине 1920-х годов евразийская фракция в Наркоминделе преобладала. Именно это помогло нормализовать сначала советско-германские, а затем и советско-японские отношения.

Вернемся к пекинским переговорам, в которых Карахан проявил себя отнюдь не «ослом» и даже не «авантюристом», но умным и смелым дипломатом, четко выдерживающим генеральную линию, но при этом способным как на обдуман- ный риск, так и на компромиссы. Он чаще вынуждал партнеров уступать, нежели уступал сам, но и с другой стороны сидели не худшие игроки. В общем в пекинских переговорах часто использовалось то, что в шахматах называют гамбитом: пожертвовать пешкой или легкой фигурой ради достижения далеко идущей, стратегической цели.

Первая встреча Карахана и Ёсидзава состоялась 22 сентября 1923 г., когда советский полпред явился в японскую миссию выразить соболезнования в связи с землетрясением. Посланник счел это всего лишь «визитом вежливости», но Карахан, беседуя 24 октября с японскими журналистами, попытался представить их беседу как точку отсчета в новом обмене мнениями. «Выражая сожаление по поводу постигшего Японию бедствия, я указал, что мы сожалеем вдвойне... потому что Япония, отвлеченная внутренними заботами, не может заняться русско-японскими отношениями. В дальнейшем обмене г. Ёсидзава (принятое в то время написание фамилии Ёсидзава. — В.М.) высказал свое личное мнение, что урегулирование отношений настолько важно, что, несмотря на внутренние заботы, дело сближения с Советской республикой должно быть двинуто вперед... Я также сказал, что был бы рад узнать, считает ли своевременным Японское правительство возобновление переговоров... а также каким способом оно готово их возобновить. Г-н Ёсидзава был настолько любезен, что обещал запросить Токио и передать мне ответ Японского правительства. К сожалению, я не получил до сих пор ответа на мой вопрос... Правительство Союза готово начать официальные переговоры... Я думаю, что если дело только в формальном предложении, то Япония его от нас уже получила. Если это считается недостаточным, то есть полная возможность вступить в обмен мнений по этому поводу».

Ёсидзава был, похоже, недоволен публичным заявлением Карахана, заждавшимся официального ответа из Токио. Позже подобные «накладки» будут часто возникать в двусторонних отношениях. Сценарий почти всегда был одинаков. Москва делала некое предложение, демонстрирующее всему миру ее добрую волю, но соответствовавшее прежде всего, а то и исключительно, ее интересам. Не желая отвергать предложение с ходу и не собираясь принимать его, Токио под предлогом «тщательного рассмотрения» всячески тянул время, как будто ожидая, что проблема решится сама собой или потеряет актуальность. Не дождавшись ответа на протяжении нескольких месяцев, Москва оповещала о сделанном предложении весь мир, выставляя другую сторону в невыгодном для нее свете. Той оставалось лишь срочно реагировать, что, естественно, нервировало японских бюрократов, которые и сегодня предпочитают «потормозить», потому что как бы чего не вышло. В переговорах с Японией большевики не раз прибегали к этому приему, хотя не всегда добивались желаемого результата.

Недоволен оказался и новый министр иностранных дел Мацуи, по которому Карахан тоже прошелся в нескольких заявлениях, сделанных в начале 1924 г. Министру пришлось ответить, и это создало новый «информационный повод» для разговоров о необходимости скорейшей нормализации отношений. В Токио наконец-то поняли, что оттягивать если не признание СССР, то начало переговоров уже почти неприлично, но тем не менее остались верны прежней тактике предварения официальных контактов «официальными неофициальными».

Первый тур начался 24 февраля, когда Ёсидзава посетил Карахана для начала обмена мнениями. 15 марта министр Мацуи направил посланнику инструкции о том, как вести переговоры и какие вопросы должны быть решены до официального признания Советской России. 19 марта посланник сообщил полпреду предварительные условия, которые Карахан 22 марта передал в Москву: «1) переговоры секретные; 2) переговоры никак не называются, ни официальными, ни частными, а просто ведутся между мною и им; 3) Советское правительство немедленно, до признания, разрешает владивостокские инциденты: освобождает арестованных (по обвинению в шпионаже японских офицеров. — *В.М.*), признает консула*, восста-

* 12 февраля 1924 г. японскому консулу во Владивостоке Ватанабэ было окончательно отказано в признании его официального статуса. Он вновь был признан в этом качестве 2 апреля 1925 г., после восстановления дипломатических и консульских отношений.

навливают почтовые сообщения (прерванные в январе 1924 г. из-за отказа Японии заключить с СССР соглашение о почтовом обмене. — В.М.). Во вступительной части к японским предложениям, речь о которых пойдет дальше, эти предварительные условия мотивировались следующим образом: «Ввиду того, что между Россией и Японией имеется много неразрешенных важных вопросов и ввиду обстоятельств, возникших в ходе предшествующих переговоров по разрешению этих вопросов, Японское Правительство не находит возможным немедленное и безоговорочное признание Советского Правительства, но считает необходимым предварительно прийти к практическому соглашению по крайней мере относительно наиболее важных из этих неразрешенных вопросов» (14).

Просто поболтать Карахан не пожелал, пояснив, что «Советское правительство может отказаться разговаривать или потребовать созыва официальной конференции», и в принципе отверг любые предварительные условия. А когда через несколько дней Ёсидзава отказался от них, «от себя» пообещал урегулировать инцидент как можно скорее (арестованных освободили в мае). Такого стиля он придерживался и позже, принимая к рассмотрению планы, но не условия.

Полный набор японских условий, сообщенный той же телеграммой в Москву, был таков. «1) Мы выражаем письменно глубокое сожаление (но не ответственность! — В.М.) за Николаевск; 2) от возмещения убытков за Николаевск японское правительство откажется при условии получения выгодных и долгосрочных концессий на Сахалине; 3) Портсмутский договор сохраняет законную силу ввиду исторического значения для японского народа; 4) от долгов японское правительство откажется за безвозмездные и долгосрочные концессии на Сахалине и в Восточной Сибири; 5) о частной собственности сказано неясно: «Должны быть признаны обязательства по этому поводу», но можно оставить для будущего обсуждения, применив к японцам принцип наибольшего благоприятствования; 6) признать сейчас для будущего торгового договора «гарантию личной и имущественной безопасности, частную собственность, гарантию широкой торговли и промышленной деятельности, наибольшее благоприятствование»; 7) воздержание от пропаганды и враждебной деятельности; 8) освобождение Сахалина от оккупации и формальное признание России. Японское правительство готово в любой форме осуществить свои планы: обмен нотами, декларация, соглашение».

«Я указал сразу же, — подытожил Карахан, — что мое личное впечатление: японское правительство ничему не научилось и не имеет серьезных намерений урегулировать отношения». Тем не менее, изучив японский проект, Москва решила начать переговоры по нему и снабдила Карахана соответствующими полномочиями. Однако 8 апреля выяснилось, что у Ёсидзава требуемых полномочий нет: в Токио решили выдать их ему не к началу переговоров, как это обычно делается в дипломатической практике, а «лишь после того, как переговоры будут благополучно завершены». В случае неудачи всегда можно было «спасти лицо» заявлением, что это как бы и не переговоры вообще, а так... На это Карахан, разумеется, не согласился. Ёсидзава запросил Токио и 19 апреля официально сообщил своему партнеру по все никак не начинавшимся переговорам, что, «по мнению Японского Правительства, в настоящее время нет необходимости обмениваться полномочиями. Японское Правительство готово выдать такие полномочия в любое время и подписать соглашение, как только обе точки зрения будут в общем согласованы и будет иметься надежда на возможность достижения соглашения».

Карахан сразу же объявил, что без представления посланником необходимых полномочий по всей форме переговоры вести не будет, а 5 мая напомнил ему об этом специальной нотой от имени советского правительства, прося «в возможно короткий срок сообщить о своем решении по этому вопросу». Днем позже Отдел печати НКВД официально опроверг слухи о задержке переговоров из-за отсутствия полномочий у советского полпреда. Кто-то, как всегда, пытался валить с больной головы на здоровую.

Хочется не хочется, а шевелиться пришлось. Но шевелились все равно медленно: полномочия были подписаны 13 мая, а Карахану вручены только 29 мая, после очередного обмена вежливо-казуистическими нотами. Однако полпред удовлетворился телеграфным подтверждением, и 15 мая (в некоторых источниках указано 14 мая) переговоры наконец-то начались. Официально. О чем так давно говорили большевики.

Теперь Карахан смело выложил карты — в виде советского проекта договора — на стол. Речь шла не о «признании» СССР, но об установлении «нормальных дипломатических и консульских отношений» с взаимным возвращением по принадлежности посольской, консульской и иной государственной собственности (в Японии, напомню, до сих пор сидели «бе-

лый» поверенный в делах, военный агент, консулы и т.д.) (статья 1). Япония эвакуирует Северный Сахалин в течение *двух недель* со дня подписания соглашения (статья 2). После восстановления дипломатических и консульских отношений стороны заключают торговый договор с полными взаимными гарантиями (статья 3). СССР предоставляет японским подданным или юридическим лицам концессии в Восточной Сибири и на Северном Сахалине на разработку недр, лесов и т.д. (статья 4). Советское правительство немедленно по восстановлении дипломатических отношений готово заключить с Японией новую рыболовную конвенцию на условиях Портсмутского договора и конвенции 1907 г. (статья 5). Стороны готовы обсудить и «справедливо разрешить» вопрос взаимных государственных и частных претензий и долгов, включая «Николаевский инцидент» (статья 6). Стороны согласны аннулировать все договоры и соглашения с третьими странами, «которые могли быть заключены... в нарушение суверенных или территориальных прав другой стороны, а также создающие угрозу безопасности последней» (статья 7). Стороны взаимно обязуются уважать государственный суверенитет друг друга и воздерживаться от вмешательства во внутренние дела, в том числе посредством «агитации, пропаганды и всякого рода интервенции либо их поддержки» (статья 8).

Проект был решительным. Он многого требовал, но мог рассматриваться и как залог многостороннего партнерства. Заключать союз с большевиками все боялись (и правильно делали), но пора выйти из замкнутого круга взаимного непризнания уже пришла. Некоторые статьи были явно рассчитаны на то, чтобы «великодушно» отказаться от них в процессе переговоров. Другие, например о взаимном отказе от пропаганды, никто выполнять и не собирался, но они облегчали ратификацию договора. С этой позиции можно было красиво отступать, прибегая к принципу гамбита.

С этого момента Карахан явно лидировал на переговорах, хотя Ёсидзава всеми силами пытался упираться. Он настаивал на признании ответственности за резню в Николаевске, на месячном сроке эвакуации войск с Сахалина, на конкретизации условий предоставления концессий, предлагая хотя бы примерно отметить их на карте, а также на уточнении формулировки о «взаимных претензиях и долгах», поскольку Япония Советскому Союзу ничего не должна. Впрочем, от требований о долгах пришлось вовсе отказаться — на условии, что с Японией поступят «не хуже», чем с другими, например с Велико-

британией или Италией, уже признавшими большевиков. Иными словами, здесь рапалльский механизм сработал четко.

Впрочем, наступать у Карахана получалось лучше, чем уступать. 31 мая он подписал с пекинским правительством соглашение о передаче СССР российских прав на КВЖД. Ёсидзава «от всей души» поздравил его, но на душе у посланника конечно скребли кошки. Это означало, что на КВЖД японцам, как говорится, уже ничего не обломится.

Дальше пошла обычная дипломатическая рутина. Ёсидзава 4 и 7 июня представил японский контрпроект, утвержденный в Токио 20 мая, который предусматривал на эвакуацию войск и гражданских лиц с Сахалина уже три месяца, концессии на 99 лет с уплатой Советскому Союзу 5% от их чистого дохода, взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле и мореплавании, признание Портсмутского договора и переговоры о пересмотре всех прочих (!). При подписании предлагалось сделать письменное заявление, что ни одна из сторон не состоит в военном союзе и не связана никаким секретным соглашением с третьей страной, которое могло бы нарушать суверенные и территориальные права партнера или угрожать им. Не лишняя, надо сказать, мера предосторожности.

Но Карахан уперся. 12 июня он заявил японским журналистам (два дня спустя это появилось в «Известиях»), что советская сторона отказывается от принципа компенсаций, но не от концессий, которые являются формой экономического сотрудничества, а не уступкой политическому давлению. «Япония не должна предъявлять такие требования, какие она сама не была бы готова удовлетворить». 16 июня он докладывал Чичерину, что «до июня» Ёсидзава «при обсуждении вопросов проявлял большую уступчивость» и что «у меня создалось впечатление благополучного результата переговоров и даже в краткий срок». Новые июньские предложения, прежде всего по вопросу о концессиях (вопрос «компенсации», о котором говорилось в заявлении полпреда журналистам), натолкнулись на сопротивление Карахана. В день написания этого письма Ёсидзава, после недельного перерыва в переговорах, объявил, что уезжает в Токио для отчета перед новым министром иностранных дел Сидэхара Кидзюро (11 июня Като Такааки сменил Киёура на посту премьера). Он дал понять собеседнику, что не вполне доволен ранее полученными инструкциями, ужесточившими первоначальные требования (по крайней мере, так ин-

терпретировал его слова Карахан), и будет говорить об этом в МИД и с членами нового кабинета, в котором министром путей сообщения стал его тесть Инукаи Цуёси*, лидер «лево-буржуазной» партии Какусин Курабу.

На прощание Карахан высказал остроумную догадку, что Киёура, не добившись успеха в бытность свою главой правительства, решил, уходя, осложнить жизнь своему преемнику, к которому питал антипатию: «Я, мол, начал переговоры, они при мне шли успешно, а вот теперь посмотрим, как вы распутаетесь с ними». В ответ на это предположение Ёсидзава «рассмеялся, но не опроверг его».

Като и Сидэхара принадлежали к числу наиболее атлантически настроенных японских политиков, но этим двум опытным дипломатам было трудно отказать в реализме и умении просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед. По воспоминаниям Ёсидзава, в столице его расспрашивали в основном о перспективах получения нефтяных концессий на Северном Сахалине, куда он сам отправился 12 июля с группой экспертов для изучения положения. В результате японцы решили просить концессии на 60% всех разведанных полей, что должно было в первую очередь удовлетворить интересы флота.

24 июля кабинет выработал новые инструкции для продолжения переговоров, не отказываясь от идеи гамбита. Через два дня премьер Като, в отличие от своих предшественников часто и охотно общавшийся с газетчиками (старый агитатор и пропагандист со времен агитации англо-японского союза), заявил в интервью: «Япония готова признать Советскую Россию и решить как можно больше вопросов в ее пользу, если Россия покажет, что она уважает принципы международного общежития и действует в соответствии с международными обязательствами» (15). На это Карахан не замедлил ехидно отозваться, что японское правительство, видимо, считает признание СССР великим снисхождением и услугой. Позицию Москвы, настаивавшей на «принципе полной взаимности», как четко сказал Карахан японским журналистам 31 июля,

* Заняв в конце 1931 г. пост премьера, Инукаи сделал зятя министром иностранных дел. Это вызвало недовольство в МИД, где нового шефа считали посредственностью за неумелую защиту позиции Японии в Лиге Наций во время «Маньчжурского инцидента». В ходе военного путча 15 мая 1932 г. Инукаи был убит, и звезда Ёсидзава, не попавшего в новое правительство, окончательно закатилась.

подкрепила и волна признаний со стороны европейских держав, включая Великобританию, Италию и несколько позже Францию. Неважно, что лейбористское правительство Макдональда и радикал-социалистическое правительство Эррио продержались у власти недолго (Муссолини от «демократических глупостей» решил отказаться), и нормализация отношений с Москвой стала одной из причин их падения. Кабинеты менялись, а отношения оставались. Популярная карикатура «Известий» «В приемной у Чичерина» изображала усталого наркома, отирающего пот со лба и только что не отмахивающегося от тянущихся к нему рук с заявлениями о признании. Японцы снова отставали.

4 августа вернувшийся в Пекин Ёсидзава вручил Карахану новый, «компромиссный» и «окончательный» проект договора. Желаемый срок действия концессий был сокращен до 50 лет, время эвакуации войск — до двух месяцев. Карахан, однако, продолжал упираться, рассчитывая, что японцы снова пойдут на попятную, и посоветовал предать гласности сделанные до сих пор сторонами предложения, «ибо появление в печати всех их (японцев. — В.М.) формул показало бы, как они наглы в своих первоначальных требованиях и как они постепенно уступают». 14 августа политбюро решило ограничиться 40% разведанной нефти, одной третью угля и частью леса, все сроком на 50 лет. План воздействия также предусматривал публикацию японских предложений «через иностранную прессу», «с тем чтобы наша пресса выступила впоследствии с решительной критикой этих условий».

Как верно отметил Дж. Ленсен, детально изучивший ход пекинских переговоров по документам обеих сторон, Москва предпочитала декларации общего характера, конкретизируя лишь положения о юридическом признании СССР и эвакуации войск с Сахалина, в то время как Токио больше всего заботили подробности содержания будущих концессий и необходимые гарантии их нормального функционирования. Японцы понимали, что иначе от большевиков ничего не добиться, особенно в пределах их юрисдикции, а потому требовали не налагать «никаких ограничений на наем рабочих и прочего персонала», «ни в какой форме (не) вмешиваться в контроль и организацию труда», не взимать с концессий «никаких налогов и сборов» и т.д. Именно эти моменты, а также разного рода технические детали больше всего затрудняли процесс переговоров.

Все это опять грозило стать сказкой про белого бычка. 8 октября Карахан заявил корреспонденту РОСТА, что «переговоры вступили в окончательную и решительную стадию». Теперь или никогда. «Будет жаль, — сказал он, — если придется отложить на следующий год восстановление сношений, когда почти уже все вопросы урегулированы». Днем позже он писал Чичерину: «Можно считать, что по всем вопросам наши точки зрения с Японией согласованы. Вопрос идет о редакционных изменениях, редакционных поправках. Основной вопрос — о концессиях, где главным является вопрос о районах сдаваемых нефтяных концессий».

30 октября Карахан вручил Ёсидзава последний советский вариант (срок концессий от 25 до 50 лет и т.д.), со всеми приложенными протоколами и нотами, «придав этому несколько торжественный характер», и дал понять ему, что текст является окончательным и обжалованию, как говорится, не подлежит, а в будущем возможны только редакционные поправки. Как раз вовремя пришла и телеграмма о признании большевистского режима Францией. На следующий день Ёсидзава, несмотря на то, что был день рождения императора и ему приходилось принимать гостей и поздравления, попытался склонить его хоть к каким-то уступкам, но Карахан, чувствуя себя на коне, решительно отказался. Переговоры снова прервались. «За все время переговоров у нас не было такого критического момента», — сообщал Карахан Чичерину 1 ноября.

В игру вступал новый фактор, о котором много и охотно писали советские историки: нефтяные интересы концерна «Мицубиси», с которым были тесно связаны и Като, и Сидэхара. Карахан прямо называл обоих его «агентами». Кроме того, еще правительство Дальневосточной республики подписало с американской компанией «Синклер ойл» контракт о нефтяной концессии на Сахалине, который вступил в силу 7 января 1923 г., но так и не был реализован из-за отказа Японии признать его и пустить на остров геологоразведочную экспедицию компании, которая, в свою очередь, обязалась в течение года представить СССР — как правопреемнице ДВР — карту разведанных площадей. 4 мая 1924 г. Высший совет народного хозяйства СССР (ВСНХ), как бы в насмешку, предоставил ей еще шесть льготных месяцев для выполнения этого обязательства. Похоже, Москва с интересом наблюдала, как завязывается узел нового японо-американского конфликта, да еще по такому важному вопросу, как нефть.

Ёсидзава, которого поторапливали влиятельные люди в Токио, и сам хотел поскорее закончить дело, которое стало для него вопросом чести. Желая получить хоть что-нибудь, японцы уже соглашались на 50% разведанной нефти. 27 декабря переговоры возобновились с представлением нового японского проекта, утвержденного 5 декабря и отразившего большую часть советских условий и пожеланий: концессии на 40–50 лет, отчисления по нефти 5–15%, по углю 5–8%. Карахан многообещающе сказал, что видит «свет надежды» на успешное завершение дела. 3 января 1925 г. уже большевистское политбюро сыграло очередной гамбит. Получив директиву «Инстанции» и Наркоминдела о «быстрейшем подписании договора на основе принятых решений» (в самом деле, ну сколько можно еще тянуть!), полпред стал «белым и пушистым». Новое решение политбюро 15 января урегулировало остальные вопросы: эвакуацию предполагалось завершить до 15 мая 1925 г. и после этого приступить к переговорам о концессиях.

Наконец дело было сделано. 20 января Карахан и Ёсидзава, в резиденции второго, подписали Конвенцию об основных принципах взаимоотношений СССР и Японии*. На сей раз почти повторилась ситуация с болезнью Иоффе, но зеркально. На официальной фотографии мы видим японского посланника сидящим на постели в домашнем кимоно, потому что накануне он сильно повредил ногу и не мог ходить. За столом, придвинутым к кровати, сидит шегольски одетый Карахан. Вокруг советские и японские дипломаты и даже один наш военный с несколькими орденами Красного Знамени на гимнастерке.

В кадр, видимо, попали не все. Упомяну, по крайней мере, двоих японцев, которые лично не участвовали в переговорах, но помогали посланнику готовить бумаги и отчеты. Первый — первый секретарь Арита Хатино, будущий министр иностранных дел, прозванный во второй половине тридцатых «хамелеоном» за пристрастие к балансированию между «фашистским» и «демократическим» блоками и в результате никем не любимый. Второй — второй секретарь (вот какой каламбур)

* Конвенция ратифицирована Президиумом ЦИК СССР 20 февраля, императором Японии (фактически Тайным советом, т.к. император был неизлечимо болен) 25 февраля; обмен нотами о вступлении конвенции в силу состоялся в Пекине 26 февраля, ратификационными грамотами там же 15 апреля.

Сиратори Тосио, в будущем начальник Департамента информации и посол в Риме, влиятельный политический аналитик и очень независимый по взглядам и типу характера человек. Он станет главным «возмутителем спокойствия» в мире японской дипломатии (газетчики прозвали его «человек-бомба»), чем будет очень досаждать Арита, первым в Японии выдвинет идею континентального блока Берлин—Москва—Токио и окончит свои дни в 1949 г. в американском военном госпитале как «военный преступник», приговоренный к пожизненному заключению. (Вскоре выйдет в свет написанная мною его биография.)

В нашей литературе Конвенцию обычно именуют «Пекинской», в японской — «базовой» или «основной». Второе название нравится мне больше, потому что она действительно закладывала базу новых отношений между странами. К основному тексту прилагались два протокола, декларация, обмен нотами, обмен письмами и специальное заявление (16).

Декларируя обоюдное желание «упрочить добрососедские отношения и экономическое сотрудничество между ними», СССР и Япония объявили об установлении дипломатических и консульских отношений (статья 1). Советский Союз признал, что Портсмутский договор остается в полной силе, а прочие двусторонние договоры и соглашения, заключенные до 7 ноября 1917 г., подлежат пересмотру на специальной конференции (которая так никогда и не состоялась) или даже отмене, «как того потребуют изменившиеся обстоятельства» (статья 2). Рыболовная конвенция 1907 г. подлежала пересмотру, а до этого сохранялся статус-кво на 1924 г. (статья 3). Пространная статья 4, состоявшая из нескольких пунктов, предусматривала необходимость заключения договора о торговле и мореплавании на принципах свободы въезда, передвижения и пребывания на территории другой страны, постоянной и полной защиты безопасности их жизни и имущества, права частной собственности и свободы заниматься торговлей, мореплаванием, промыслами и т.д. в соответствии с законами страны пребывания, но без ущерба для прав другой. Стороны предоставляли друг другу режим наибольшего благоприятствования. Статьей 6 советское правительство изъявляло готовность предоставить японским подданным и компаниям концессии на эксплуатацию минеральных, лесных и других природных ресурсов на территории СССР.

Характерным примером компромисса, достигнутого в ходе переговоров, может служить статья 5. Она гарантировала

уважение «несомненного права каждого государства устраивать свою собственную жизнь в пределах своей же юрисдикции по собственному желанию» и недопущение на своей территории деятельности лиц или организаций, представляющих угрозу для другой стороны, а также неучастие в такой деятельности «всех лиц на их правительственной службе и всех организаций, получающих от них (властей. — В.М.) какую-либо финансовую помощь». На этом настаивали японцы, чтобы иметь формальный повод жаловаться на деятельность Коминтерна и уличать большевиков в невыполнении взятых на себя обязательств.

Дополнительный пункт содержал особое обязательство не допускать у себя организаций, «претендующих быть правительством какой-либо части территории другой стороны». Это положение, несомненно, внесенное в конвенцию по настоянию СССР, должно было исключить возможность появления и функционирования в Японии любого «приморского», «приамурского» или «дальневосточного» «правительства в изгнании», чего в Москве продолжали опасаться. Именно в силу этой статьи Конвенции МИД Японии обязал всех русских эмигрантов, пожелавших остаться на ее территории, отказаться от любой политической деятельности, гарантировав им взамен гражданские права и «невыдачу» Советам. Здесь, кстати, был и второй смысл: эмигрантам отказывали в праве на любую политическую активность, включая просоветскую и прокоммунистическую, которая таким образом вступала в противоречие с новым жестким законом об охране общественной безопасности, принятом «демократическим» кабинетом Като в том же году.

Протокол А урегулировал накопившиеся имущественные вопросы. Стороны передавали друг другу движимое и недвижимое имущество посольских и консульских учреждений (статья 1). Реконструкция Токио после землетрясения была связана с масштабной перепланировкой города, радикально менявшей облик улиц и целых кварталов, поэтому было решено полюбовно договориться о возможном переносе посольства и других учреждений (что потом и сделали без особых проблем). Вопрос о долгах царского и Временного правительств был отложен на будущее с уже известным нам «рапалльским» условием не удовлетворять претензий других стран на более благоприятных условиях (статья 2). Это было актуально в связи с политикой Франции, которая признала большевиков не из-за сочувствия победившему пролетариату,

но в надежде получить обратно хотя бы часть своих денег — именно Франция была главным кредитором России, особенно по военным займам. Статья 3 закрепляла эвакуацию японцев с Сахалина до 15 мая, в связи с зимой. Статья 4 заявляла о неучастии сторон в военных союзах и т.д., как это уже предлагалось. Протокол Б был посвящен концессиям — 50% разведанной нефти, долевые отчисления по углю и лесу, как в последнем японском проекте.

Отдельной декларацией Советский Союз снимал с себя пресловутую «политическую ответственность» за Портсмутский договор. Анализируя содержание и значение Пекинской конвенции, советские историки уделяли ей куда большее внимание, чем всем остальным статьям, как будто это важнейшая часть договора. На самом же деле это был не более чем «клочок бумаги»: с одной стороны, вторжение идеологии в сферу Realpolitik; с другой, часть положений договора уже устарела и просто не отвечала новым реалиям, сложившимся на Дальнем Востоке и в Маньчжурии.

Обмен нот предусматривал продолжение работы японских предприятий на Сахалине до заключения концессионных соглашений, намеченного через пять месяцев после окончания эвакуации. Договора были подписаны 14 декабря 1925 г. в Москве на заседании Президиума ВСНХ под председательством Дзержинского. Ровно за семь месяцев до того, 14 мая японская сторона «сдала», а советская «приняла» Северный Сахалин, что было оформлено соответствующим протоколом.

Обмен письмами между Караханом и Ёсидзава был посвящен так называемому «Бессарабскому протоколу», т.е. вопросу о ратификации Японией парижского договора пяти держав Антанты об аннексии Румынией Западной Бессарабии (28 октября 1920 г.). Договор, против которого Советская Россия сразу же заявила решительный протест, вступал в силу только после ратификации его всеми странами-участницами. Однако Италия долго отказывалась ратифицировать его (до марта 1927 г., когда Муссолини все-таки уступил нажиму Парижа и Лондона), а Япония заявила, что сделает это последней. В Москве вопросу придавали большое значение, поэтому он еще не раз возникнет на этих страницах. Пока же Ёсидзава гарантировал, что «если и пока упомянутый договор не будет ратифицирован всеми подписавшими его европейскими державами, Японское Правительство не имеет намерения предпринимать требуемые для ратификации шаги, считая, что договор этот касается вопроса по существу своему чисто европейского».

Еще одна краткая нота, приложенная к Конвенции и подписанная Караханом, выражала «глубокое сожаление» по поводу «Николаевского инцидента». Так, наконец, в этом мучительном вопросе была поставлена точка — по крайней мере, формально. Москва не признала официально своей «ответственности» за случившееся, но тем не менее официально же дала ему оценку. Интересно, что в «Документы внешней политики СССР» этот текст не вошел, как будто его не было вовсе.

Когда переговоры еще шли, А.Я. Гутман, не симпатизировавший ни японцам, ни тем паче большевикам, категорически высказался против удовлетворения японских претензий в этом вопросе. Послушаем его аргументацию, непопулярную сейчас ни в России, ни в Японии:

«Беспристрастный судья, собрав все материалы, должен будет признать, что бездействие японских военных властей и японского правительства привело к уничтожению города и многих тысяч населения. Таким образом, в гибели японских гарнизона и резидентов виновато японское правительство. Не может быть сомнения, что когда грядущему законному русскому правительству будет предоставлено слово — оно от имени России предъявит Японии большой счет. Оно потребует возмещения за 6000 погибших русских людей и за разрушенный город. Россия и русский народ не могут брать на себя ответственности за действия советских отрядов, как не ответственны они за действия советского правительства вообще... Японское правительство не имело и не имеет оснований требовать удовлетворения за николаевские события от России и русского народа.

Законное правительство в России отсутствует, и потому не с кого требовать удовлетворения и не с кем договариваться, утверждает токийское правительство. Такое утверждение основано на недоразумении или недомыслии. За разрушенный Николаевск истцом может выступить только Россия — но не Япония. Русский народ может только скорбеть, что он не имеет еще законного полномочного правительства, которое стало бы на защиту попранных Японией его интересов. Акт захвата Сахалина есть грубейшее насилие над русским народом со стороны Японии... Вряд ли в интересах японского народа, чтобы у русского народа создалось убеждение, что в ужасные годы его лихолетья Япония воспользовалась его слабостью и захватила его территорию.

Трудно предвидеть, какие еще сюрпризы ожидают нас в будущем. Не исключена возможность, что после Великобри-

тании и Япония признает советское правительство. Вновь, надо думать, всплывет николаевское дело. Советское правительство... не остановится перед тем, чтобы дать японцам удовлетворение за счет России, лишь бы заручиться их признанием.

Какие бы договоры ни заключали японцы с советским правительством, русский народ никогда их не признает. Когда он освободится от своих поработителей... он разорвет и все договоры и соглашения, заключенные узурпаторами с иностранными правительствами» (17).

Были ли у господина Гутмана реальные основания для праведного гнева по прочтении Конвенции и приложенных к ней документов — кроме того, конечно, что Япония признала «красный» Совнарком единственным законным правительством России и отказалась иметь дело с государственными мужами иной политической окраски. По справедливости, конвенция в полной мере отвечала национальным интересам России, а не только «узурпаторов» в Кремле. Не знаю, насколько серьезно японцы надеялись на созыв конференций по «царским» долгам и договорам, но большевики во всяком случае ничего не «отдали» и не «продали». Сахалинские концессии привлекали в Россию японский капитал — путем как инвестиций, так и долевого отчисления за концессии — что тоже шло на пользу России и ее экономике (это признавали и советские авторы). Уклонение от признания *ответственности* за «Николаевский инцидент» ничуть не роняло национальное достоинство России перед другими державами. Что же до творившегося внутри, то это были «невидимые (или почти невидимые) миру слезы». Да, мир и не очень-то хотел видеть или слышать их.

Конвенция стала успехом «красной» советской дипломатии. Более того, подобно Рапалльскому договору, это был успех русской дипломатии вообще, вне зависимости от ее идеологии и цвета. Поэтому я так подробно остановился на ее истории.

Заключение конвенции вызвало волну оптимизма в японской прессе, которая давно выступала за нормализацию отношений и критиковала правительство за медлительность и неповоротливость. Одним из первых выступил, конечно, Гото. Дав обзор контактов между двумя странами за последние двадцать лет через призму собственной деятельности, включая переговоры с Иоффе, он разъяснял читателям, что ни содержание марксистской доктрины, ни политический характер большевистского режима не являются непреодолимыми пре-

пятствиями для взаимовыгодного экономического и даже политического партнерства с Россией, пока коммунистическая пропаганда не угрожает внутреннему положению Японии. Но и она, продолжал он, вовсе не так страшна: коммунистические партии существуют и ведут пропаганду во многих странах Европы, не выходя за рамки законности, а если их деятельность начинает угрожать национальной безопасности, власти успешно пресекают ее. Одним из ближайших результатов соглашения он назвал неизбежность «больших изменений в политическом курсе» атлантистских держав в отношении России, Японии и... Китая как места «приложения сил» наконец-то договорившихся сторон (18). Кстати, еще в марте 1924 г., призывая к скорейшему возобновлению переговоров между Токио и Москвой, Гото прямо писал об активизировавшейся «красной» дипломатии в Азии как о противовесе англо-американской (19).

Заключение советско-японской Конвенции, оркестрованное такого рода комментариями, немедленно отозвалось тревожными нотами в выступлениях и заявлениях политиков, дипломатов и журналистов атлантистских держав. Во вполне обычной нормализации отношений между странами-соседями они увидели чуть ли не создание блока, которого всегда боялись; тем более один из партнеров «желтый», а другой «красный». Аналитики строили догадки о возможности присоединения к новой комбинации Германии и Китая (20). Но министр иностранных дел Сидэхара поспешил успокоить всех: ни о каком союзе не может быть и речи.

Как и после русско-японской войны, отношения входили в нормальное русло. Надо было назначать дипломатических представителей (ни один из «царских» дипломатов, работавших в Японии, нового режима не признал), открывать посольства и консульства, размещать приезжающих, обеспечивать обмен дипкурьерами. Словом, налаживать все то, что зовется дипломатической рутинной. Бывшее здание японского генерального консульства в Москве «обживал» поверенный в делах Сато Наотакэ, специально присланный из Варшавы, где он был посланником. Большая часть обстановки, а также архивы старого посольства в Петрограде, стоявшего без присмотра с 1921 г. (первые три года за ним все же приглядывали), исчезли неизвестно куда, а помочь в их розыске Наркоминдел был бессилен.

Аналогичные проблемы возникли и в Токио, где поверенный в делах «старого режима» Абрикосов забрал из посольства

все ценное, прежде всего бумаги, передав все остальное различным властям. Когда пекинские переговоры вступили в заключительную стадию, поверенный принялся за архив, ликвидируя все, что «не должно было попасть в руки к большевикам». В бумагах были данные о русских, которые поддерживали «белых», но не смогли эмигрировать и находились на советской территории, поэтому связанные с ними документы Абрикосов либо уничтожил, либо унес с собой. Прослышав об этом, Чичерин телеграфировал в Пекин Карахану через пять дней после подписания Конвенции, что происходящее надо пресечь, но полпред был бессилён что-либо предпринять (21). Принимавший дела первый секретарь Николай Кузнецов получил ключи от здания из рук представителей министерства иностранных дел и токийской мэрии. В Архиве МИД Японии сохранились подробные описи имущества посольства и даже справка архитектора об ущербе, нанесенном зданию землетрясением 1923 г.

На повестку дня был поставлен вопрос о назначении послов. Политбюро остановило выбор на члене коллегии Наркоминдела «литвиновце» Викторе Коппе, бывшем политэмигранте, человеке проверенном, но «политическом реалисте», как охарактеризовал его Беседовский. Полпредом он, правда, пробыл всего год из-за конфликта с Чичериным и Караханом, о котором повествовал Беседовский, хотя беглый мемуарист, наверно, сгустил краски. Работу в Токио Копп не «запорол», но и ничего выдающегося не добился, неприязни к себе не вызывал, но и особой популярностью не пользовался. Вообще мы знаем о Коппе очень мало: не потому ли, что он мирно скончался в 1930 г. на посту советского полпреда в Стокгольме, а не был репрессирован и не бежал за границу. Тогда был бы «информационный повод»...

Зато вопрос о его преемнике вызвал бурю волнений в политбюро, хотя ни Копп, ни даже Япония тут были ни при чем. Вступив в затяжной и, как оказалось, непримиримый конфликт с большинством политбюро во главе со Сталиным и Бухариным, Каменев в конце июля 1926 г. подал в отставку с поста наркома внешней и внутренней торговли, предложив своим преемником Микояна. Одновременно власти в Пекине потребовали убрать Карахана, который все более активно вмешивался в борьбу конкурирующих режимов и пытался «на горе всем буржуям» раздуть пожар революции в советском духе. Тогда же на пленуме ЦК Бухарин говорил: «Нам предлагалось после того, как мы потерпели ряд поражений в Китае, пойти

на известную дипломатическую перестановку, Коппа послать в Китай, а Карахана послать в Японию. Смысл этого заключается в том, что против Карахана ведется бешеная кампания, Карахан воплощает собой нашу линию ориентации на национально-революционное движение, в то время как т. Копп известен своим скептическим отношением ко всему национально-революционному движению» (22). «Каменева думаем в Японию, — писал Сталин Молотову 3 августа, — в Китай Аралова... Коппа, может быть, в Италию» (23).

Ни одно из этих назначений так и не состоялось, хотя 12 августа политбюро решило послать Каменева в Токио (очевидно, куда подальше), а Коппа в Рим. Однако 2 сентября политбюро — в отсутствие Сталина — отменило прежнее решение и постановило вернуть Коппа в Японию. Было «мнение», что Копп не сможет достаточно твердо проводить «большевистскую» линию и пойдет на поводу у маньчжурского диктатора Чжан Цзолина, «подмявшего» под себя беспомощное пекинское правительство. Сталин возмутился: «Получается некрасиво, когда решения Пол. Бюро *при одном составе* отменяются тем же Пол. Бюро *при другом составе* (подчеркнуто Сталиным. — В.М.) без достаточных оснований», а восемь дней спустя посвятил вопросу о Коппе половину следующего письма Молотову (24). Сталин торопил Чичерина с получением агреманов на новоназначенных полпредов, но 6 января 1927 г. политбюро произвело другую рокировку: Копп поехал в Стокгольм, а тамошний полпред, тоже бывший политэмигрант Валериан Довгалецкий вместо него в Токио.

Каменев отправился в Рим, но мысль о Токио как наилучшем месте почетной ссылки политических противников долго не оставляла Сталина. Большой Довгалецкий плохо переносил японский климат и запросился обратно в Европу, поэтому ему на смену Сталин летом 1927 г. намечал... Троцкого. Воображаю себе «демона революции» во фраке вручающим верительные грамоты молодому императору с непроницаемым лицом, поблескивающие стеклышки пенсне полпреда и очков императора. Но этому дивному событию не суждено было состояться. Довгалецкий добился перевода в Париж, где проработал почти до самой смерти в середине 1930-х; он тоже умер «сам», а потому забыт, как и Копп, если не считать нескольких сочувственных страниц в мемуарах Ильи Эренбурга и саркастических — в записках Беседовского, служившего «под ним» и во Франции. Осенью 1927 г. Сталин отправил Троцкого в ссылку, а в Японию был назначен Александр Трояновский, один из са-

мых блестящих советских дипломатов, ставший любимцем токийского «света». Кстати, и сын его, недавно скончавшийся Олег Трояновский, по семейной традиции столь же великолепно представлял нашу страну в японской столице в 1967–1976 гг.

Первым японским послом в СССР был назначен Танака Токити, долго служивший в Азии и Америке и бывший вице-министром при Утида, но еще не работавший в Европе. Подобно Коппу, звезд с неба он не хватал, но был деловит, практичен, настроен вполне прорусски и преисполнен желания «оправдать оказанное ему высокое доверие» — это было его первое назначение такого уровня. Поначалу ходили разговоры, что в Москву поедет Ёсидзава, но он был болен или сказался больным, не желая уезжать из Пекина, и министерство остановило выбор на Танака.

Конечно, не все в отношениях складывалось гладко. Ссылаясь на монополию внешней торговли, Советский Союз стал требовать создания, помимо посольства, еще и отдельного торгпредства с распространением на его сотрудников и территорию права экстерриториальности и дипломатического иммунитета. Японцы ничего подобного не требовали, ограничиваясь одним коммерческим представителем в составе посольства и резонно ссылались на столь милый большевикам принцип полной взаимности. В Токио понимали, что советские представительства, несмотря на любые заверения, станут очагами коммунистической пропаганды и агитации за мировую революцию, а также центрами разведывательной работы. Против посольства возразить было нечего, а вот с торгпредством они уперлись, особенно услышав про экстерриториальность его складов. Что собирались там «складировать» большевики, вряд ли лес или рыбу?! Москва тоже продолжала настаивать, терпеливо разъясняя, чем советская внешняя торговля принципиально отличается от «буржуйской». Но поскольку торговать с Советской Россией японские деловые люди хотели — иначе зачем было ее признавать — пришлось согласиться на предложенные Москвой условия (25). Что касается разведывательной и пропагандистской работы, то она благополучно велась под обеими «крышами», причем осведомленные люди чаще кивали именно на торгпредство, нежели на посольство. К этому сюжету мы вернемся в следующей главе, а пока, дабы избежать упреков в односторонности и предвзятости, скажу, что разведчиков с дипломатическими паспортами хватало и хватает во всех странах.

Были в Японии и недовольные признанием «красных», устраивавшие демонстрации и хулиганские выходки. Полпредство исправно протестовало против каждой, порой намекая на покровительство властей и полиции. Это едва ли справедливо, поскольку власти как раз были заинтересованы в нормальном развитии отношений, прежде всего экономических, а Советский Союз мог ответить на политические демарши экономическими санкциями. Что до немногочисленных, но агрессивных и крикливых «ультраправых», то их машины с громкоговорителями и сейчас досаждают российскому посольству в «табельные дни» вроде годовщины вступления СССР в войну с Японией 9 августа. Времена постепенно меняются: раньше полиция пропускала их на улицу перед зданием посольства, теперь нет. Ни тогда, ни сегодня никто не принимает этих бандитского вида «ультра» всерьез. Что, впрочем, их действий не оправдывает.

Если почитать «Документы внешней политики СССР» за вторую половину двадцатых годов, советско-японские отношения предстают сплошным кошмаром: одни жалобы да ноты протеста с нашей стороны. Однако, выступая 27 июня 1927 г. на собрании Японско-советского общества с ответной речью после Гото, полпред Довгалецкий, наверно, имел основания говорить о «счастливо развивающихся отношениях между Японией и СССР»: «За этот короткий промежуток (со времени восстановления отношений. — *В.М.*) заложены прочные основы для дальнейшего углубления дружбы между народами-соседями и развития их экономических, культурных и политических связей. Мы с радостью наблюдаем, как все увеличивающийся интерес к взаимному ознакомлению в области культурной деятельности порождает обоюдные симпатии и сочувственное взаимопонимание между нашими странами... В то же время общая воля наших стран к мирному экономическому сотрудничеству привела к преодолению трудностей, проистекающих от различия их хозяйственных систем, и наглядно выявила полную возможность взаимного приспособления их на благо народов обеих стран и увеличения их благосостояния. Растущее на этой почве... взаимопонимание и уважение, а также глубокое стремление народов обеих стран к миру и мирному созидательному труду позволяют нам надеяться, что взаимные отношения между нашими странами будут и впредь неуклонно развиваться в духе дружбы и доверия» (26). Протокольные любезности? Дипломатическая вежливость? Наверно, не без них, но главное — отношения действи-

тельно нормализовались и теплели. Почти идиллическую картину рисуют и мемуары Беседовского – единственные известные мне воспоминания советского дипломата о работе полпредства в Токио в те годы.

Не обошлось без проблем и в Москве. В июле 1927 г. ГПУ раскрыло заговор неких китайцев против японского посла, который по решению политбюро был ликвидирован «без огласки», а потому не отразился в дипломатических документах. Замешанных в деле решено было просто выслать, не устраивая процесса (27). В общем, обошлось.

В целом отношения между нашими странами снова стали развиваться нормально, хотя японцам с «комиссарской» Россией дело иметь было куда сложнее, чем с царской. Призрак мировой революции не давал покоя официальным лицам в Японии. И, как выясняется, не зря.

ГЛАВА 8

Революция не состоялась: Коминтерн и японские коммунисты

В отношениях молодого Советского Союза с другими странами помимо политико-дипломатического, торгово-экономического и научно-культурного неизменно присутствовал еще один аспект — или вектор — коминтерновский. Как ни дистанцировался Совнарком от Коминтерна, всем сколь-нибудь соображающим людям было ясно: это не более чем две головы прежнего имперского орла, несколько видоизмененного. Вместо скипетра и державы в лапах у него теперь были серп и молот.

Дипломатические отношения большевистской России с буржуазными государствами имели поистине уникальный характер. С одной стороны, они развивались вроде бы как положено — с подписанием и ратификацией договоров, учреждением посольств и консульств, обменом нотами и визитами, участием в международных конференциях. С другой, Советы открыто поддерживали коммунистические партии и леворадикальные профсоюзы, которые столь же провозглашали своей целью если не свержение, то как минимум «замену» существующего в этих странах строя. Советы же финансировали и направляли их деятельность, давали приют политическим эмигрантам, многих из которых на родине считали не политическими, а вполне уголовными преступниками (вроде кавалера ордена Красного Знамени немецкого головореза Макса Хольца). Спору нет, так поступали не только в Москве, но советские дипломаты не упускали случая повозмущаться любой акцией «белой» эмиграции, размах деятельности которой с середины двадцатых, несмотря на весь возможный шум, был, конечно, несравним с масштабными акциями коммунистов и их многочисленных попутчиков.

Досужие люди за границей, особенно в Европе, любили рассуждать, кто кому подчиняется: Коминтерн Советской

власти или Советская власть Коминтерну. Абсурдность подобных рассуждений очевидна — две части единого организма просто имели несколько разные функции, но одинаковую конечную цель. Уже в годы гражданской войны большевики прилагали максимум усилий для создания максимально большего количества коммунистических партий за рубежом, вплоть до Аргентины (1918), Голландской Индии (современная Индонезия; 1920) и Люксембурга (1921). На их поддержку шли последние запасы золота и валюты, выручавшиеся от продажи зерна, бумага и типографские мощности отдавались на печатание агитационных брошюр и листовок, а потом на перевод сочинений Ленина и прочих вождей на все мыслимые и немыслимые языки, за исключением разве что латыни. Тогда это было принято называть «пролетарским интернационализмом».

После провала коммунистического переворота в Германии осенью 1923 г. многим в руководстве Коминтерна стало ясно, что раздуть мировой пожар в ближайшее время явно не удастся. Страны с наиболее развитым и многочисленным фабрично-заводским пролетариатом оказались, несмотря на марксистские теории, наименее готовыми к социалистической революции. Тогда взоры советских лидеров обратились к Азии, которую стали называть «резервом» (или «резервуаром»?) мирового коммунистического движения. Длительная, кровавая и, надо признать, весьма бестолково организованная смута в Китае желанной революцией не обернулась, а только до предела заострила антикоммунистические — и заодно антисоветские — настроения националистов во главе с Чан Кайши и Ван Цзинвэем и основательно перепугала Японию, имевшую все основания не верить заверениям и обещаниям Москвы. Перспективы радикального расширения «советских» территорий за пределы СССР и двух его сателлитов — Монголии и Танну-Тувы — практически изолированных от внешнего мира, померкли. Пришлось менять не только тактику, но и стратегию.

Ранний период истории коммунистического движения в Японии и его отношений с Коминтерном нередко называют героическим. По-своему это оправданно: многие видные деятели, да и рядовые активисты компартии были репрессированы, убиты или подвергнуты пыткам, но до конца сохраняли верность своим убеждениям и идеалам. Однако история Коммунистической партии Японии (КПЯ) — это не только мартиролог мужественных людей. Многие из них стали заложника-

ми большой игры Москвы и Коминтерна, обрекавших их на заведомо безнадежное дело, а то и на верную смерть. По записям Павла Лукницкого, Анна Ахматова в начале двадцатых отказалась от предложенной ей работы — переводить на итальянский язык коминтерновские прокламации, хотя остро нуждалась в деньгах: «Подумайте, я буду делать переводы, которые будут посылаться в Италию, за которые людей будут сажать в тюрьму» (1). Не все были так щепетильны.

Предпосылкой для создания эффективно действующей компартии в Японии того времени просто не существовало. Во-первых, там не было развитого, теоретически зрелого и политически организованного социалистического или социал-демократического движения, леворадикальный фланг которого мог оформиться в компартию, как это произошло во многих европейских странах. Оно просто не успело сформироваться. Во-вторых, даже в условиях «демократии Тайсё» в Японии не получили сколько-нибудь широкого распространения идеи интернационализма, тем более пролетарского. Многие авторитетные марксисты, как например переводчик и комментатор «Капитала» Такабатакэ Мотоюки, еще на рубеже 1919/1920 гг. объявили себя «национальными социалистами» в противоположность «интернационал-коммунистам». В-третьих, японский пролетариат отличался низким образовательным уровнем и еще более низким уровнем «классовой сознательности», а потому коммунистическое — как ранее социалистическое — движение в этой стране оставалось уделом преимущественно «разночинной» интеллигенции (школьные учителя и университетские преподаватели, врачи, журналисты, актеры) и всякого рода «опоздавшей молодежи». Оппозиционно настроенные интеллигенты пытались «просвещать» народ, но он часто реагировал на них как русские крестьяне на народников — посылали куда подальше, а то и вовсе сдавали властям. Наконец, жесткие и решительные полицейские преследования парализовали деятельность оппозиции, особенно левой, не давая ей развернуться. Надо сказать, абсолютное большинство японцев, кроме крайне левых, вполне одобряло такую политику, считая «красных» не просто опасными для стабильности и безопасности общества, но «изменниками родины», служащими чужим, неазиатским интересам.

Добиться чего-либо в таких условиях было нереально. Особенно создать массовую партию, чего очень хотелось Москве.

Старшее поколение японских левых, вышедшее на политическую арену в начале XX века, состояло в основном из идеалистов во всех смыслах этого слова, больше преданных христианскому социализму, чем идеям диктатуры пролетариата и истребления чуждых классов. Они выступали против русско-японской войны как войны агрессивной, но уже с куда меньшим жаром осуждали участие в союзнической интервенции на Дальнем Востоке. Казнь анархиста Котоку Сюсуй и его соратников в 1911 г. деморализовала многих: Котоку умер как герой, но это никого не спасло и не осчастливило. Умами социалистов все более овладевали «постепеновские» настроения и «теории малых дел», если воспользоваться старыми терминами русской публицистики. Они видели главный смысл в легальной работе, понимая, что нелегальщина не только ставит их вне закона, но и отталкивает от них многих потенциальных союзников. Из видных деятелей этого поколения только Катаяма Сэн, вошедший в историю демонстративным рукопожатием с Плехановым на Амстердамском конгрессе Второго Интернационала во время русско-японской войны, продолжал стоять на радикальных позициях, ожидая праздника на своей улице.

Русская революция, бесспорно, всколыхнула оппозиционно настроенных японских интеллектуалов и активистов левого движения, но ее влияние на «широкие народные массы» оставалось более чем ограниченным. Простым труженикам, большая часть которых жила в бедности, а то и откровенной нищете, по большому счету было мало дела до того, что происходит в стране, которая всего 12 лет назад проиграла войну Японии. Резолюции первых японских «маевок» — например, в 1917 г. в Токио и Иокогама — были полны красивых слов и громких лозунгов: «Превращение российской революции во всемирную социальную революцию есть дело не только русских социалистов, но и социалистов всего мира», но никакого реального значения не имели. Поэтому инициативу взяла на себя Москва, где в 1920 г. были созданы Сибирское (Сиббюро), а затем и Дальневосточное (Дальбюро) бюро ЦК. В конце 1921 г. сюда же перебрался на постоянное жительство Катаяма, с 1914 г. обитавший в Америке.

Первоначально ВКП(б) и Коминтерн делали ставку не на японцев, а на китайцев и корейцев как представителей «угнетенных народов». Они жили и в России, и за ее пределами свободно, хотя далеко не всегда законно пересекая границы, а потому казались идеальным «человеческим материалом» для ус-

тройства революции на Дальнем Востоке и максимального укрепления там позиций большевиков. 7 ноября 1920 г. Сиббюро сообщало в Москву из Иркутска, что оно организовало здесь Секцию восточных народов (включая японскую подсекцию), призванную стать центром сосредоточения информации о Дальнем Востоке и последующей передачи на места указаний Коминтерна. Однако дело там налаживалось плохо: «Японский отдел пока не функционирует <ввиду> отсутствия подходящих партреволюционных работников, также знающих Японию, японский язык и русских». Поэтому Москва уже в начале 1921 г. постановила подчинить секцию непосредственно Коминтерну.

Кадры, как известно, решают все. И именно с кадрами была самая большая проблема. Поэтому на поверхность всплывали совершенно феерические персонажи вроде «товарища Таро», о котором стоит рассказать.

Некий Ёсихара Таро, избравший себе партийный псевдоним «Ноги» (не часть тела, а фамилия как у героя Порт-Артура), попал в Советскую Россию в 1920 г. из Америки, где был активистом левого профцентра «Индустриальные рабочие мира» (IWW), которым руководил харизматический рабочий вожак Билл Хэйвуд. Там Коминтерн начал работу с японцами раньше, чем в самой Японии, — из-за большей возможности установления контактов, а также потому, что японские иммигранты в Штатах как раз и были «угнетенной массой».

В том же 1920 г. «товарищ Таро» успел поучаствовать в первом съезде народов Востока в Баку (событие, вызвавшее пристальное внимание главного теоретика радикального панasiatизма Окава Сюмэй), а годом позже в Третьем конгрессе Коминтерна вместе с Тагути Ундзо, будущим гонимым Гото к Иоффе в Пекин. Тагути привез Ленину личное послание Катыяма, переправленное из-за океана, а также устав и манифест японских коммунистов. Вот такие знакомые были у виконта Гото.

Ёсихара, видимо, сам вызвался руководить коммунистической пропагандой для Японии (писать, переводить и редактировать), а также поддерживать связь с коммунистами и левыми в Китае и Японии. На него же возлагалось и общее управление изданием агитационной литературы на японском языке, предприятием тайным и как бы даже подпольным. Впрочем, на территории ДВР никакой провал типографии угржать и не мог.

Затем «товарищ Таро», как его называли секретные советские документы, предполагал отправиться в Японию для создания там сети коммунистических организаций. «Т. Таро должен понимать, — писало Сиббюро, — что с его арестом Коминтерн лишится надежного человека, могущего руководить коммунистическим движением в Японии. Отъезд т. Таро в Японию должен произойти лишь с согласия Коминтерна».

«Товарища Таро» послали в Японию осенью 1921 г., дав ему с собой драгоценные камни на крупную сумму для организации подпольной работы. Увы, товарищ не оправдал доверия — камни, попросту говоря, загнал, а деньги растратил. Тем не менее до 1923 г. он, как пишут историки, совершал челночные поездки между Японией, Советской Россией и Китаем, видимо, занимаясь какими-то махинациями. Интересно, что в ноябре 1922 г. он, вместе с известным социалистом Арахата Кансон, встречался в Пекине с Адольфом Иоффе, которому передал предложение «одного ультраправого общества выкупить Северный Сахалин, что вызвало резкую отповедь Иоффе». Уточнить эту информацию мне не удалось, но убежден, что речь идет либо о Гэнься, либо о Кокурюкай, представители которых, как уже говорилось выше, контактировали с советским полпредом. Интересно, знал ли об этом Гёто? После этого следы «товарища» теряются. Но Арахата утверждал, что еще в 1937 г. видел его в полицейском управлении. Все может быть...

Насколько «товарищ Таро» был уполномочен делать такие предложения и от чьего имени он действовал на самом деле, сказать трудно. К этим обществам прибивались и очень сомнительные люди, которым нередко поручали разного рода «грязную» работу. Интересен отказ Иоффе даже обсуждать с ним вопрос о продаже Сахалина, хотя, принимая в том же месяце настоящего посланца Кокурюкай Комаи, он такой возможности в принципе не исключал, хотя ничем и не обнадеживал собеседника.

Однако, несмотря на полное отсутствие предпосылок и все возможные проколы, создание в Японии коммунистической партии было вопросом времени. Москва решила это, несомненно, с учетом общей обстановки на Дальнем Востоке. В ходе затянувшегося пребывания японских войск на русской территории рассматривать Японию иначе как военного и политического противника было затруднительно. Не случайно Катаяма в мае—июне 1922 г. лично выезжал на Дальний Восток для ведения антивоенной пропаганды, направленной на

японскую армию, т.е., называя вещи своими именами, для разложения противника. Занимался он этим активно, но не очень эффективно. Кроме того, прекратилось поступление в Москву информации непосредственно из Японии, что затрудняло выработку политики. Требовались «наши люди» в Токио, а лучше по всей стране. Единственным возможным вариантом оставалась организация японских левых радикалов под руководством и контролем Коминтерна.

Официально КПЯ была создана на учредительном «общенациональном» съезде — 8 человек — в Токио 15 июля 1922 г., еще до окончательного вывода японских войск из Приморья, хотя ее устав был опубликован уже в сентябре 1921 г. в журнале «Народы Дальнего Востока» и датирован 24 апреля того же года.

История его такова.

В апреле 1921 г. в чайной на окраине Токио собрались семь человек, включая широко известных в узких социалистических кругах Ямакава, Сакаи, Арахата, а также Кондо Эйдзо, ранее связанный с японской группой компартии США. Ямакава написал манифест и устав партии, взяв за образец программные документы английской компартии, но декларировал нелегальный характер новой организации. Тексты были одобрены — видимо, единогласно — и в начале мая Кондо отвез их в Шанхай эmissару Коминтерна — некоему корейцу Ли. Там же находился и куда более влиятельный представитель той же организации Г.Н. Войтинский. Ли переправил документы в Москву и дал Кондо 6500 иен (немалая по тем временам сумма) на «орграсходы». 12 июля 1921 г. на заседании Третьего конгресса Коминтерна «товарищ Таро» радостно доложил, что устав и манифест КПЯ получены в Москве. Кондо же по возвращении в Японию был арестован. Деньги он «потратил на личные нужды», как бесстрастно сообщают историки, но из рядов коммунистического движения выбыл только через несколько лет, когда сменил вехи и стал «национальным социалистом».

Устав и манифест японских коммунистов, действительно, писались не в Москве. Но программа партии, которая еще формально не была создана, составлялась именно там при ближайшем участии Катаяма. Он выступал против насильственных действий и предлагал сосредоточиться на борьбе за всеобщее избирательное право (разумеется, для мужчин; женщины получили его только после Второй мировой войны), что позволило бы рабочим и крестьянам хоть как-то участвовать в

работе государственных органов. Признавая Японию «зрелым полем для революционных действий», Катаяма тем не менее не говорил о свержении монархии, призывая лишь к тому, чтобы «свергнуть бюрократизм и милитаризм и установить демократическое правительство».

Умеренная программа Катаяма пришлась не по вкусу московским максималистам. На первом съезде революционных организаций Дальнего Востока в Москве (январь 1922 г.) с платформой «Задачи коммунистов Японии» выступил неугомонный Бухарин, поставивший им конечной целью «пролетарскую диктатуру» и «замену военно-плутократической монархии властью Советов». Однако даже ему пришлось согласиться, что пока следует ограничиться «полной демократизацией политического строя». Крепость института императорской власти, даже с поправкой на неизлечимую болезнь тогдашнего императора, в Москве не понимали. Не было единства в этом вопросе и среди самих японских коммунистов, поэтому настойчиво выдвигавшиеся Коминтерном требования свержения монархии появились в документах КПЯ несколько позже, когда несогласных в ее рядах уже не осталось.

На втором съезде КПЯ (февраль 1923 г.) присутствовало 75 человек, на третьем, чрезвычайном, съезде (март 1923 г.) 23 человека. Тем не менее в партийных рядах сразу же обнаружились разногласия — главным образом, по поводу указаний из Москвы. Одни выступали за легализацию, точнее, за создание легальной партии под коммунистическим контролем, чтобы «подготовить почву для пролетарской революции, которая следует за революцией буржуазной», как докладывал первый генеральный секретарь КПЯ Арахата пленуму Исполкома Коминтерна в мае 1923 г. Другие считали буржуазную революцию в Японии невозможной и предлагали готовиться сразу к пролетарской.

Не будем углубляться в историю этих разногласий. Ясно одно: с самого начала никакого единства в компартии Японии не было, как не было у нее ни социальной базы внутри страны, ни политической или финансовой самостоятельности. Коминтерн попросту содержал ее, как видно из опубликованных ныне документов, включая многочисленные просьбы и расписки. Нелегальность в условиях жесткого полицейского контроля исключала сколько-нибудь эффективную массовую деятельность. Кроме того, сильную конкуренцию коммунистам в пределах задействованной узкой полоски леворадикального

политического спектра (вот уж точно: «узок круг этих революционеров, страшно далеки они от народа») составляли легальные пролетарские партии, процесс организации которых начался несколько позже.

В 1926 г. была создана Рабоче-крестьянская партия во главе с профессором университета Васэда Ояма Икуо (15 тыс. членов), Социал-демократическая партия во главе с Абэ Исо (88 тыс. членов) и Японская рабоче-крестьянская партия во главе с Асо Хисаси (20 тыс. членов). Интересно, что, когда советской пропаганде надо было показать рост и размах пролетарского движения в Японии, две последних партии записывали в «наши», а их членство или поданные за них голоса на выборах — в актив Москвы. Однако когда речь шла о чистоте идей и рядов движения, партии Абэ и Асо относили к «социал-фашистам», а их лидеров клеймили как «лакеев буржуазии» и «предателей интересов рабочего класса». Только Ояма блокировался с коммунистами и ориентировался на Советский Союз. В начале тридцатых ему пришлось уехать в США, зато после Второй мировой войны он был удостоен Международной Сталинской премии «За укрепление дружбы между народами».

Внушительными результатами все эти партии похвастаться не могли — по тем же самым причинам, что и коммунисты. Да и единства в их не слишком-то мощных рядах не было никакого, несмотря на периодически предпринимавшиеся попытки объединиться. Однако, делая ставку на деятельность в рамках закона, они принципиально дистанцировались от Коминтерна и «забугорных» источников финансирования, а потому имели хоть какую-то социальную базу в самой Японии и привлекали сочувственное внимание иностранной социал-демократии.

Первым сильным ударом по коммунистическому движению стали аресты свыше 100 активистов и сочувствующих, произведенные 5 июня 1923 г. на основании закона «О поддержании общественного порядка и спокойствия». Уцелевшая часть руководства бежала во Владивосток, где создала так называемое Японское бюро. Восточный отдел Исполкома Коминтерна уразумел, что лучше иметь еще и легальную партию по образцу британской лейбористской, а пока...

Пока в Японии произошло Великое землетрясение Канто. Из Владивостока туда отправился пароход «Ленин» с грузом гуманитарной помощи, историю неудачного вояжа которого мы уже знаем. В Иокогама его не пустили, сославшись на ведение советскими представителями коммунистической про-

паганды и на наличие на борту агитационной литературы. Знаем мы и о гневных протестах советских дипломатов и прессы. Теперь пришло время рассказать, как было дело.

20 сентября 1923 г. представитель Исполкома Коминтерна во Владивостоке Файнберг — человек, стало быть, авторитетный — писал заместителю заведующего Восточным отделом ИККИ Войтинскому: «Решение о поездке я принял в надежде, что нам разрешат сойти на берег и предоставится возможность установить контакт с нашими товарищами или представителями профсоюза. Вместе со мной находился товарищ Манива, зарегистрированный как переводчик, и товарищ Цудзии (оба члены Японского бюро. — *В.М.*), которого мы *спрятали на корабле, чтобы попытаться переправить его на берег* (выделено мной. — *В.М.*)». Комментарии излишни. Но неужели Карахан об этом не знал, когда писал свое пространное письмо виконту Гото?

Официальная история КПЯ характеризует первые годы ее существования как борьбу «праволиквидаторского» и «лево-оппортунистического» уклонов, называвшихся также труднопроизносимыми словами «ямакавизм» и «фукумотоизм». Ничего не поделаешь — трудно образовывать столь любимые партийными пропагандистами «измы» от японских фамилий. В общем, это неудивительно. В самой ВКП(б) последовательно обнаруживали то «левый», то «правый уклон», в борьбе с которыми и колебалась генеральная линия партии. В Японии получилось наоборот: сначала боролись с «правыми», потом с «левыми».

«Вчера мы хоронили двух марксистов, — пел Юз Алешковский. — Мы их не накрывали кумачом. Один из них был правым уклонистом...» Интеллектуал Ямакава Хитоси, одно время близкий к анархистам, пришел к выводу, что условия для создания компартии в Японии еще не созрели, и был поддержан в этом влиятельными членами партийного руководства, включая генерального секретаря Акамацу Кацумаро, популярного профсоюзного организатора и будущего теоретика национального социализма. В октябре 1923 г. в глубоком подполье была проведена конференция КПЯ, принявшая тезисы Ямакава. Московская директива о создании легальной партии была воспринята как призыв покончить с нелегальщиной. К весне разногласия узкого круга оставшихся в Японии коммунистов достигли такого накала, что партия создала специальный комитет с исключительными полномочиями решать дальнейшую судьбу партии. Большинство однозначно высказалось за

ее ликвидацию в качестве нелегальной организации. Для координации действий было создано специальное бюро, поддерживавшее связь с 50 активистами «на местах» (в партии всего числилось около 200 человек).

Находившийся в Шанхае партийный босс Арахата подробно и откровенно написал Катаяма о положении в партии и мотивах принятого решения.

«Причины роспуска следующие: 1) партия стала совершенно сектантской, утратила влияние на массы (а было ли таковое? — *В.М.*); 2) и, как следствие, в партии отсутствует жизненная энергия, а все ее органы переживают застой; 3) определенная часть партии подвержена коррупции и утратила коммунистическое мировоззрение (видимо, «товарищ Таро» со товарищи. — *В.М.*). Руководящее ядро партии практически расколото. Эти причины относятся к числу наиболее бросающихся в глаза».

Сказано четко и откровенно, вполне по-товарищески. Но самое интересное дальше:

«В действительности же существует немало иных, скрытых причин. Партия в нынешнем ее виде возникла не в результате широкого массового движения. Короче говоря, *партия была создана искусственным образом* (выделено мной. — *В.М.*) и вслепую, на основе личных связей. Именно в этом коренится подлинная причина, в силу которой партия не могла не превратиться в сектантскую группу».

Эти соображения Арахата просил не афишировать. Но этот «ликвидатор» вовсе не считал, что все потеряно. «Роспуск партии отнюдь не означает ликвидации коммунистического движения, полного прекращения его. Наоборот, в целях перестройки партии в ближайшее время на подлинно прочной и здоровой основе мы возродим подлинное движение, учитывая горькие уроки прошлого поражения. Мы преисполнены решимости создать совершенно обновленное движение».

«Нынешнее положение Коммунистической партии Японии плачевно, — суммировал Катаяма свои впечатления в докладной записке Исполкому Коминтерна 22 июня 1924 г., — и она, полагаю, находится в запутанном и жалком состоянии». Он решительно обрушился на Арахата со товарищи, которые «преднамеренно и полностью проигнорировали Коминтерн при обсуждении и принятии резолюции по наиболее серьезным и весомым вопросам... (и) самочинно полагали, будто все вопросы могут быть урегулированы простым извещением о своих решениях».

«Они совершенно забыли, что Коммунистическая партия Японии является секцией Коминтерна», — подчеркнул Катаяма главный грех «ликвидаторов». В самом деле, они попортили Коминтерну и пиар, и статистику. КПЯ была создана с таким трудом и практически из ничего, что ею оставалось только гордиться! И вот вам: «наиболее доверенные и уважаемые товарищи» (выражение из записки Катаяма) сами взяли и распустили партию. А что из токийского подполья с ежедневной угрозой ареста ситуация виделась иначе, нежели из штаб-квартиры Коминтерна на Воздвиженке (напротив дома Пашкова), никого в Москве не волновало. И волновать не будет.

Самочинный роспуск партии было решено осудить, что «с огорчением и недоумением» по поводу случившегося и сделал Пятый конгресс Коминтерна. Одновременно решено было возродить партию под новым руководством. В январе 1925 г. неутомимый Войтинский инструктировал в Шанхае японских коммунистов, включая Арахата, поставив перед ними «организационный вопрос как один из важнейших вопросов дня, от правильного разрешения которого зависит, будет ли коммунистическое руководство в рабочем и революционном движении страны или оно останется в руках оппортунистов из рабочей аристократии и мелкобуржуазной либеральной интеллигенции». Проще говоря, будут ли японские коммунисты безоговорочно следовать за Москвой или позволять себе какие-то вольности? Последнее отныне не допускалось.

В августе 1925 г. временное Японское коммунистическое бюро было реорганизовано в Центральное бюро по восстановлению компартии, в которое вошли наиболее «проверенные» кадры. Этому предшествовало установление советско-японских дипломатических отношений, в результате которого Москва получила возможность иметь свое официальное представительство в Токио, обладавшее дипломатическим иммунитетом, но занимавшееся отнюдь не только легальной деятельностью. На сей счет противная сторона иллюзий не строила.

В мае 1925 г. японская миссия в Китае окольным путем получила запись доклада полпреда Коппа, с которым тот якобы выступил 17 апреля 1925 г. на заседании «Политбюро Харбинского губкома», следуя к месту службы. Аутентичность этого документа, сохранившегося в Архиве МИД Японии в двух машинописных вариантах, более полном и сокращенном (оба с огромным количеством опечаток и без каких-либо служебных отметок), вызывает сомнения. Возможно, он — как многие

фальшивки тех лет, вроде «письма Зиновьева», — происходит из эмигрантских кругов, стремившихся любой ценой предотвратить нормализацию отношений «красной России» с другими странами. В опубликованных документах политбюро и Коминтерна никаких сведений об этой истории нет.

Тем не менее доклад был переведен, внимательно прочитан и принят к сведению, о чем говорит обширная служебная переписка вокруг него. Поэтому я решил привести целиком этот документ, неизвестный и недоступный российским историкам, не говоря уже о широком читателе, рискуя исправить только очевидные ошибки и опечатки орфографического и пунктуационного характера.

Итак.

Протокол заседания «Политического Бюро Харбинского Губернского комитета» 17 апреля 1925 г. Копия стенографического отчета для корректирования. Стенографировала Ершова, «с подлинным верно» заверил секретарь Анохин. Грифован японцами «Совершенно секретно».

«Товарищи, я ограничу свой доклад настоящим моментом, не останавливаясь на пройденном пути. Первым моим словом будет экономическая политика страны. Детализировать этот вопрос я также не стану, ибо он предо мной стоит в объективной форме до приезда т. Янсона (об этом товарище речь пойдет отдельно. — *В.М.*), которому будут вручены детально разработанные в ЦК пункты по этой отрасли.

Начатый нами процесс концентрации и централизации капитала и всей промышленности в руках государства подходит к концу, уничтожив всю свободную конкуренцию, <что> и привело к укреплению не только на внутренних, но и зарубежных рынках монополистических союзов, синдикатов и трестов, получивших решающее значение во всей экономической жизни страны, и притом же, охватывая целые группы капиталистических держав, имея определенные цели — распространение собственных фабрикатов, что ясно доказывает, что мы в заграничных фабрикатах не нуждаемся. Наше стремление в экономическом отношении на Дальнем Востоке заключается — заключением тесного союза с Азией привлечь внимание европейского капитала для увеличения средств путем сдачи концессий на ископаемые богатства Дальнего Востока.

Раздутые слухи буржуазной прессой о вновь начавшемся голоде в Совроссии не отвечают действительности, так как голод нескольких губерний никакой опасности не представляет, и в этом голоде виновными признаются не правительство, а

само крестьянство, которое, послушав врагов Совправительства*, засеяло свои поля не хлебом, а овощами, которые ввиду неподготовленности к этому почвы дали ничтожные всходы. Таких губерний очень немного, и они какого-либо вреда соввласти принести не могут.

Пролетариат оценил экономическое достижение правительства, а главным образом начавшееся восстановление социалистической промышленности, на которую правительством обращено особое внимание. Важнейшей задачей настоящего периода является поднятие металлургии. Важнейшим положением является в последнее время указанный уже рост и восстановление пролетариата в основных отраслях промышленности. На фабрики возвращаются лучшие пролетарские силы, недавно уходившие из рабочих районов в деревню.

Культурно-политический уровень рабочей массы возрос до того, что влияние и авторитет мелкобуржуазной партии явно пал. Сознательность и тяга к нашей партии увеличились настолько, что Совправительство стоит в настоящий момент на таких крепких устоях, как не стояло еще ни одно правительство в России.

В международном отношении мы одержали кругом победы, хотя не исключена возможность, в случае какого-либо осложнения с малой Антантой, вмешательства кого-либо из великих держав. Но факт тот, что мы имеем своих представителей во всех столицах великих держав, с которыми приходится считаться**. На Дальнем Востоке в международной политике я буду придерживаться тех тезисов, которые наметил ЦК. Используя Японию как врага и, следовательно, преддверие официального признания Америкой Совроссии, наш тесный союз с Японией является угрозой американскому обществу, передачей в эксплуатацию ископаемых богатств на Дальнем Востоке японскому капиталу. <Американское общество> реагирует на это нажимом на свое правительство на ускорение официального сношения с Совроссией. Союз же с Японией, как со страной империалистического строя, определенной крепости не представляет, который при благоприятных отношениях с Америкой будет представлять мифический договор***, ничем

* В краткой записи: «боясь реквизиции в пользу государства».

** В кратком изложении далее: «... за исключением официального признания Америкой; неофициальное сношение продолжается, как и ранее».

*** В кратком изложении: «мифический лоскуток бумаги».

нас не связывающий, а дающий лишь возможность легально-го существования на территории Японии руководящего органа авангарда мировой революции. На поданный мне в записке вопрос о моей политической работе в Японии — я смотрю на это совершенно иным взглядом, основываясь на вышеуказанных тезисах международной политики, т.е. политическую работу вести в Японии всецело оставляю в руках японских социалистов, оказывая им лишь моральную поддержку в изживании дефектов, допущенных японскими рабочими в партстроительстве, снова повторяю, используя Японию как материал угрозы Америке на Дальнем Востоке.

В партийном же строительстве я смотрю так, с чем согласился НКВД и ЦК: нашу миссию в Японии в партийном отношении по возможности использовать в подготовке будущих работников, не прибывая вывеску партийности, а ограничиться созданием землячества (социалистических кружков), к которым стихийно потянутся все те элементы, тяготеющие к социализму, и <которые> будут способствовать усилению общей работы, в частности имея определенную цель — распространение среди рабочих и крестьянских масс соответствующей литературы, которую Коминтерн в скором времени предполагает издавать на месте. Вместе с тем из землячества выделяются новые и особо ценные группы работников для деревни — рабочих, ближе знающих деревенскую работу. Эта отрасль будет проводиться за счет союза рабочих, которые безусловно будут принадлежать нам, когда борьба рабочего класса перейдет в фазу непосредственной борьбы за социализм и пойдет за нашей партией, которой принадлежит будущее.

Я заканчиваю свой доклад словами, относящимися к японскому юношеству, ярко воспринимающему социалистические взгляды. Поэтому с этой отраслью придется установить идейно-руководящую связь, чтобы вовлечь широкие массы трудящейся молодежи и расширить материальную поддержку, после чего можно с уверенностью сказать — победа за нами».

Что можно сказать по содержанию этого текста?

С одной стороны, сказанное соответствует атлантистской ориентации Коппа. С другой, противоречит линии «группы Литвинова» на невмешательство советских дипломатов во внутренние дела других стран, от чего вовсе не отказывались Чичерин и Карахан. Однако активная разведывательная работа, проводившаяся все эти годы под «крышей» советского полпредства в Токио, — факт бесспорный.

Усилия по воссозданию японской компартии как бы случайно совпали с приездом в Токио Карлиса Янсона, однофамильца бывшего министра иностранных дел ДВР Якова Янсона. Назначили его... торгпредом, а мы знаем, как решительно добивалась Москва дипломатического иммунитета для своего торгового представительства и его складов.

Карлис Янсон имел более богатую биографию, чем Яков (с которым его, кстати, иногда путают). Его можно назвать профессиональным организатором компартий. Активист латышского рабочего движения, Янсон в 1919 г. создал компартию США вместе с Джоном Ридом и Катаяма, в 1921 г. компартию Канады, а годом позже связанную с ней легальную рабочую партию. Теперь его послали в Токио восстанавливать КПЯ.

Нелегкая это была работа. «Нам нужно нашу группу и тренировать, и укрепить в 10 раз, чтобы она могла стать партией, хотя и слабенькой, — писал он Войтинскому 3 июля 1925 г. и попросил денег, а в заключение пожаловался: — Вообще обстоятельства, в которых здесь сейчас приходится работать, очень тяжелые, ибо все время идет ремонт (в здании полпредства. — *В.М.*). Японцы повсюду ходят, шпиков масса, почти все время идет дождь, а если нет дождя, то страшная жара и духота».

К письму Янсон приложил обстоятельный доклад, написанный на характерном коминтерновском «волапюке», который мало напоминал русский язык: министры «грозят ресигнацией (то есть отставкой. — *В.М.*)», «буржуазия скалит зубы, признавая возможность (создания. — *В.М.*) Лейбор-партии в недалеком будущем», которая «будет служить нам органом ограды и защиты для развития семі-компартии (т.е. полукомпартии. — *В.М.*) внутри Лейбор-партии». Ну, привык товарищ изъясняться на «американском диалекте».

Янсон скептически отозвался о нынешних лидерах коммунистического движения вроде Ямакава, Арахата и даже будущего ставленника Москвы Носака, считая их интеллигентами, а потому потенциально «колеблющимися» и «отклоняющимися». Ставку он сделал на молодого Ватанабэ Масаносукэ — «рабочего от станка», которым будет легко управлять.

Обозревая перспективы революционного движения в стране, Янсон с удовлетворением отметил существование большого количества марксистских и левых журналов и газет, посетовав, правда, на их малые тиражи и низкий уровень. Во-

обще же марксистских книг и брошюр — как теоретических и популяризаторских, так и прямо агитационных — в Японии выходило много: Маркс, Энгельс, Кропоткин, Каутский, Ленин (включая десятитомное собрание сочинений), Зиновьев, Бухарин. Переводы проходили легче и продавались лучше, чем сочинения отечественных радикалов, не блиставшие оригинальностью и глубиной мысли.

Что-то застревало в цензурных рогатках и бреднях, но на протяжении всех 1920-х годов свежевypушенная «красная» литература свободно продавалась и доходила до читателя, оставаясь доступной — при сокращении числа новых изданий — и в следующем десятилетии. Выпускали ее не только коммунистические издатели, прямо финансировавшиеся из Москвы, но разного рода сочувствующие и просто коммерсанты, не упускавшие возможности нажиться на модной теме. Некоторый риск, конечно, был, но сладость запретного плода способствовала повышению цен и росту тиражей. Параллельно существовала и нелегальная литература, но ее тиражи были ничтожны (в Японии была введена строгая система контроля за выпуском печатной продукции на уровне как издательств, так и типографий), а круг распространения ограничивался только «проверенными» людьми.

Янсон был на хорошем счету в Москве, куда регулярно направлял пространные доклады о проделанной работе, все время меняя «партийные псевдонимы». Однако принятый 21 апреля 1925 г. (всего через три месяца после подписания Пекинской конвенции), «либеральным» правительством Като «Закон об охране общественной безопасности» — одновременно с новым, более демократичным избирательным законом — деятельности коммунистов, мягко говоря, не способствовал. Он предусматривал строгое наказание (до 10 лет каторжных работ) не только для тех, кто создавал организации или вступал в них «с целью изменить государственный строй или уничтожить систему частной собственности», но и для тех, кто лишь намеревался это сделать, а поэтому был перекрещен молвой в «закон об опасных мыслях». Под хитро составленные статьи закона можно было подвести любое оппозиционное действие и даже высказывание. Люди «от станка», тянувшиеся к нелегальной работе, по-прежнему были в меньшинстве.

Несмотря на указания Москвы и усилия Янсона, к руководству возрожденной КПЯ снова пришел интеллектурал — на сей раз Фукумото Кадзуо, ранее живший в Европе и связан-

ный с тамошними социалистами, включая Дьердя Лукача. Так, в 1922 г. он участвовал в международной «рабочей неделе», которую группа молодых марксистов провела в германском городке Ильменау. Другим ее участником — судя по случайно сохранившейся фотографии — был не кто иной, как Рихард Зорге. По возвращении в Японию Фукумото стал активным сотрудником легального журнала «Марксизм». Статьи против Ямакава принесли ему известность и авторитет в левых кругах. Поэтому неудивительно, что именно его тезисы стали теоретической основой манифеста восстановительного съезда КПЯ в декабре 1926 г.

Фукумото решил делать по-своему, а не по-коминтерновски, выдвинув так называемую тактику «раскола и объединения», почерпнутую, как он утверждал, из ранних работ Ленина: «прежде, чем объединиться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться». Кроме того, он выступал за особое внимание к идеологическим вопросам и призывал к повышению теоретического уровня коммунистов.

Янсону, ждавшему конкретных дел, а не бесконечных интеллигентских разговоров, это сразу не понравилось. Он пытался навязать восстановительному съезду свои собственные тезисы, но там — о ужас! — с московским эмиссаром попросту не посчитались. Тогда Янсон стал слать тревожные донесения в Москву, называя новое течение «не чем иным (так в оригинале! — *В.М.*), как детской болезнью левизны» и требуя вмешательства Коминтерна. Позже «фукумотоизм» назовут «меньшевистствующим идеализмом». Если кто забыл, напоминаю: было у Сталина такое ругательство, появившееся в 1931 г. и стоившее головы не одному виноватому.

Апофеозом борьбы с Фукумото стали тезисы Коминтерна по японскому вопросу (июль 1927 г.). Их главным автором был Бухарин, которому помогал Катаяма. Ямакава и Фукумото, а также Арахата было предложено принять участие в их обсуждении. «Левый» Фукумото приехал; «правый» Ямакава и не пойми какой Арахата прислали «письменные соображения».

Заслушав несколько длинных докладов, наполненных обычной риторикой и схоластикой, содержание которых мы позволим себе оставить без внимания, а также самокритику «отклонившихся», Исполком Коминтерна отрешил Фукумото от власти, несмотря на его покаяние и «разоружение перед партией», как любили говорить в те годы.

С учетом рекомендаций Янсона, новым генсеком стал полностью «свой» Ватанабэ, обещавший «под руководством Коминтерна строить японскую массовую партию». Как это делать, было, правда, не очень понятно: внесенное в бухаринские тезисы — как часть программы непосредственных действий! — требование ликвидации монархии автоматически ставило партию вне закона, потому что за одни неосторожные разговоры об этом можно было угодить на каторгу. Так оно и вышло. 15 марта 1928 г. по стране прокатилась новая волна арестов коммунистов и сочувствующих — всего 1568 человек (масштаб, правда, не большевистский). 10 апреля была запрещена легальная Рабоче-крестьянская партия. 6 октября на Тайване Ватанабэ застрелился, когда полиция пыталась арестовать его (он жил по подложным документам). К концу года все видные деятели КПЯ оказались в тюрьмах. Ямакава и Арахата не согласились с тезисами и были исключены из партии. Не отказываясь от своих идей, они решительно порвали с нелегалщиной и авантюризмом. Но зато не попали в герои.

Сфера бурной деятельности Янсона не ограничивалась коммунистами. Он прикармливал московскими деньгами Всеяпонский совет профсоюзов (Хёгикай), стремясь превратить его в массовую базу КПЯ. Но делал это не всегда осторожно, как видно из истории, рассказанной Беседовским. Возможно, не все в ней соответствует истине (они были в плохих отношениях между собой), но в целом она подтверждается другими доступными нам источниками.

«На фабрике музыкальных инструментов в Хамамацу, — рассказывал Беседовский, — несколько месяцев подряд продолжалась забастовка. Я знал, что Янсон финансирует забастовку через левые профессиональные союзы, хотя он считал нужным отрицать это в разговорах со мной. Как-то один из сотрудников торгпредства сообщил мне, что он видел, как из кабинета Янсона, после окончания занятий (то есть работы. — В.М.), быстро вышел один из лидеров Хио-Ги-Кая. В тот же самый день бухгалтерия торгпредства отметила выдачу Янсону десяти тысяч долларов. Не прошло двух-трех дней, как в японской прессе появились сообщения о финансировании забастовки в Хамамацу советским торгпредством. Называли суммы, весьма близкие к тем, которые были действительно израсходованы Янсоном на забастовку» (2).

Вот что писал 5 июля 1926 г. из Токио сам Янсон: «Профсоюзы быстро прогрессируют, хотя Хёгикай не расширяется

таким быстрым темпом, как организации центра и правого крыла. Это объясняется тем, что Хёгикай терпела в своих забастовках более жестокие поражения, чем другие профорганизации... При нынешней забастовке в Хамамацу министр внутренних дел Хамагути предоставляет в распоряжение предпринимателей полицию, которая, избивая стачечников, арестовывает их и передает суду... Хотя забастовка длится уже 10 недель, стачечники не сдаются» (3). А перед этим не раз напоминал, чтобы из Москвы регулярно присылали «шкуру медведя» или «чай», как он конспиративно называл деньги.

Беседовский утверждал, что добился отзыва Янсона, «указывая на его полное неумение вести конспиративную работу», и «обратил внимание на то, что в японской обстановке малейшая неосторожность в работе эмиссара Коминтерна или представителя ГПУ может вызвать большой политический скандал вплоть до разрыва отношений», предлагая «вообще не назначать больше эмиссара Коминтерна в Токио». Янсон, действительно, перебрался в Шанхай, сменив там Войтинского, но только в 1927 г. Отъезд его обошелся без скандала. Однако через несколько лет японское правительство в одной из нот припомнило «незаконные и идущие вразрез» со статьей пятой Пекинской конвенции — о взаимном отказе от враждебной пропаганды и недопущении участия в ней государственных служащих — действия Янсона и вице-консула в Шанхае Вильде, еще одного казначея и связного Коминтерна, в 1926—1927 гг. 30 января 1930 г. политбюро постановило ответить на ноту выражением «удивления» со следующей мотивировкой:

«На основании существующих в СССР положений и инструкций никто из сотрудников советских полпредств и консульств не могут и не имеют права заниматься подобной деятельностью. Союзное правительство не может поэтому не усомниться в правильности сообщенных Японским правительством сведений и полагает, что эти сведения основаны либо на сознательном оговоре, либо на недоразумении. Союзное правительство может, однако, заверить Японское правительство, что оно не преминет подвергнуть тщательной проверке сообщенную Японским правительством информацию, и в случае, если бы оказалось, что кто-либо из сотрудников советских учреждений был бы повинен в приписываемых ему действиях, то он понесет суровое наказание. Союзное правительство заявляет, что оно принимало и намерено впредь принимать меры, исключаяющие возможность нару-

шений ст. V Советско-Японского договора и будет бдительно следить за тем, чтобы никто из лиц, состоящих у него на службе, не совершал никаких действий, которые явились бы нарушением этих обязательств.

Что касается деятельности Коминтерна и коммунистической партии Японии, то Союзному правительству остается лишь указать, что оно не может нести ответственности за деятельность находящейся на его территории международной организации *совершенно частного характера* и что оно поэтому *лишено возможности оказывать какое-либо воздействие* на деятельность этой организации и ее местных секций (везде выделено мной. — В.М.)».

Проект сочинял, видимо, Карахан — в том характерном наркоминдельском стиле «с примесью наглости и дерзости», как точно охарактеризовал его германский посол Дирксен. Можно подумать, речь шла о международном союзе филателистов или, скорее по моде того времени, эсперантистов.

В двадцатые годы многие японские коммунисты побывали в СССР, где учились делать революцию. Некоторые и осели там, чтобы сгинуть в мясорубке «большого террора», некоторых отправили обратно с партийными поручениями и — порой — с крупными суммами денег на ведение партийной работы в трудных условиях полицейских преследований. До места назначения добрались не все и почти никто так и не смог приступить к работе, особенно после репрессий 1928 г. Кого-то жандармерия арестовывала сразу, еще в Китае или Корее, кого-то на месте. Кто-то самым тривиальным образом скрывался с полученными деньгами, как член Бюро Китахара Кацуо в конце 1925 г. Каждый раз учинялось строжайшее следствие на предмет возможного предательства. Иногда находили и карали виновных, «принимали меры», посылали новых и... все повторялось сначала. Исчезавшие сразу и с крупными суммами обычно «растворялись» без следа. Даже в новейшей специальной литературе в справках о них год смерти обычно помечен вопросительным знаком.

Даже официальные историки КПЯ в один голос говорят об обилии в ее рядах ренегатов и провокаторов. Если же верить недавно опубликованным совершенно секретным коминтерновским документам, таких в немногочисленных рядах японских коммунистов оказывалось едва ли не меньше, чем героев. Кто-то был внедрен, будучи кадровым сотрудником жандармерии или тайной полиции. Кто-то «расколл-

ся» под арестом или под угрозой пыток и дал согласие «сотрудничать». Кто-то, возможно, сделал такой выбор искренне, разочаровавшись в деятельности под авантюристическими лозунгами и московским диктатом. Все это вместе с непрерывным усилением полицейского террора привело в тридцатые годы к массовому «переходу» с коммунистических, социалистических и леворадикальных позиций на умеренно-реформистские или национально-социалистические. Впрочем, этот сложный и деликатный вопрос относится уже к другой эпохе.

Тридцатые годы вошли в историю Японии как эпоха преследования «левых», хотя, повторю, с отечественным «большим террором» ее, конечно, не сравнить. Впрочем, и в двадцатые годы быть коммунистом там было небезопасно. О полицейских репрессиях мы уже говорили. Других «казнили» сами товарищи по партии, как в нашумевшем «деле красного линча» в 1933/34 гг. Хотя кто-то, возможно, стал жертвой внутрипартийной склоки или просто попал под горячую руку.

Единства в рядах японских коммунистов не было никогда. Даже «великий» Катаяма уже в 1925 г. подвергался критике со стороны молодых коммунистов за «скудный и ошибочный политический анализ», как сообщал в Москву Сано Гаку, встречавшийся с мэтром в Шанхае для обсуждения «обстановки в Японии и в международном коммунистическом движении». В августе 1928 г., на Шестом конгрессе Коминтерна, четверо из пяти (пятым был сам Катаяма) японских делегатов с решающим голосом обратились в президиум с письменным протестом против его избрания членом Исполкома даже в персональном порядке, не говоря уже о полномочном представительстве японской компартии. Авторы письма решительно утверждали, что Катаяма «не пользуется авторитетом среди японских рабочих» и не знает условий Японии, которую покинул 15 лет назад, когда «у него отсутствовали тесные связи с нашим рабочим движением». Но главное было впереди: «За семь последних лет (время пребывания Катаяма в составе Исполкома Коминтерна. — В.М.) мы так и не могли дожидаться, чтобы он смог сделать хоть что-либо для развития коммунистического движения в Японии, но он разрушил наше движение». Однако Катаяма благополучно остался на всех постах и в 1933 г. был торжественно похоронен на Красной площади как старейшина японского коммунистического движения, а его именем продолжали клясться товарищи из «московской»

КПЯ во главе с Носака. Мертвый он уж точно никому был не опасен.

Революция в Японии не состоялась — просто потому, что она не могла состояться, как бы ни призывал к этому, как бы ни требовал этого Коминтерн. Ряды первых японских коммунистов были очень пестрыми: включали идеалистов и авантюристов, романтиков и фанатиков, слабохарактерных интеллигентов и замаскированных провокаторов. Многие не вызывают ни малейшей симпатии. Многих, честно говоря, просто жалко.

ГЛАВА 9

Разговор за блинами: «дипломатия Танака» и Советский Союз

Генерал Танака Гиити, занимавший с апреля 1927 г. по июль 1929 г. пост премьер-министра Японии, был одним из главных «антигероев» советской пропаганды, а затем историографии. В списке его грехов значились поддержка интервенции на Дальнем Востоке, попытки вторжения в Китай (первый и второй «шаньдунские кризисы» 1927–1928 гг.), массовые репрессии против коммунистов, профсоюзов и левых организаций весной и осенью 1928 г.

Впрочем, этот типичный послужной список «милитариста» и «реакционера» мог быть отнесен едва ли не к любому видному государственному деятелю тех лет — например, к Уинстону Черчиллю, который еще не стал «самым великим британцем XX столетия». Но главным злодеянием генерала-премьера — причем не только в Советском Союзе — считался документ, известный как «меморандум Танака». Он выдавался за сверхсекретную программу японской экспансии на континенте, направленной против Китая и СССР и имевшей конечной целью достижение господства в Азии. В пропагандистской литературе по обе стороны океана оно быстро превратилось в «мировое».

Оригинал его, разумеется, не найден. Утверждается, что документ был представлен императору через лорда-хранителя печати Итики Китокуро 25 июля 1927 г. как результат «Восточной конференции» — совещания Танака, занимавшего по совместительству посты министра иностранных дел и министра колоний, с дипломатами и военными, специалистами по проблемам Азии. Материалы конференции, проходившей в Токио с 27 июня по 7 июля 1927 г., сохранились и опубликованы. После обмена мнениями участники приняли экспансионистский курс Танака, но ни о каком итоговом документе на имя императора речи не было.

Подлинность текста «меморандума», распространенного китайской делегацией на конференции международного Тихоокеанского института осенью 1929 г. в Киото, с самого начала вызывала серьезные сомнения. В нашей стране он был обнародован только через два года в журнале «Коммунистический Интернационал», зато потом постоянно тиражировался, в том числе под заглавием «Японский империализм в его отвратительной наготе» (1).

«Меморандум» был предан гласности сразу после смерти Танака (29 сентября), так что главный фигурант ни подтвердить, ни опровергнуть свое «авторство» не мог. Такой выбор момента может служить еще одним аргументом в пользу версии о фальсификации. Еще невероятнее история его происхождения: некий китайский книготорговец из Гонконга, приглашенный неким японцем (идентифицировать его по фамилии оказалось затруднительно) в императорский дворец (!) для реставрации неких китайских рукописей в придворной библиотеке (!), случайно (!) обнаружил там копию меморандума (!), переписал его (!) и передал китайским патриотам (этим объяснялось отсутствие хотя бы фотокопии оригинала). Любой вменяемый человек, обладающий минимумом здравого смысла, имеет все основания усомниться в реальности любого из компонентов этой истории, которая смотрелась не слишком убедительно даже в агитпроповских брошюрах и американской «желтой прессе». Если же учесть, что объем меморандума составляет в русском переводе 18 страниц на машинке через один интервал (более одного печатного листа в книге!) или... более ста страниц японского рукописного текста на стандартной бумаге «гэнко-ёси», то эта, с позволения сказать, версия становится и вовсе абсурдной.

Именно объем и содержание документа, включающего массу технических деталей, доказывают, как справедливо отметил А.А. Кириченко, его подложность. Подробную информацию о перспективах железнодорожного строительства в Маньчжурии, производстве удобрений, магния или алюминия императору просто не докладывали — делать ему больше было нечего, как это читать (2). Скорее этот текст похож на служебную разработку Южно-Маньчжурской железной дороги, украденную из ее правления или Исследовательского института, а то и вовсе на компиляцию из многочисленных открытых публикаций.

В Москву «меморандум» доставила внешняя разведка ОГПУ через резидентуру в Харбине и Сеуле, где он сразу был

оценен как документ исключительной важности (3). Эксперты разведки сочли его подлинным: добросовестно заблуждались от недостатка знаний или всеми силами стремились подчеркнуть важность «находки» и оправдать затраченные на ее приобретение деньги? А может, вместе с китайцами сделали плохой гешефт?

Относительно происхождения текста единого мнения нет. В последнее время появились утверждения, что именно Москва подкинула «меморандум Танака» китайцам — это более чем странно с учетом крайне напряженных советско-китайских отношений в 1929 г. — а сама предпочла повременить с его публикацией до начала «Маньчжурского инцидента», в котором усмотрела прямую угрозу своим интересам. Еще одна версия содержится в «дневнике Литвинова», сочиненном перебежчиком Беседовским: «меморандум» попал в ОГПУ через завербованную «соседями» племянницу Гото... Это уж совсем забавно.

Японская сторона официально и неофициально, на всех мыслимых и немыслимых уровнях, много раз объявляла «меморандум» фальшивкой, как до Второй мировой войны, так и после. К такому же мнению пришло большинство японских историков, указавших в том числе на ряд стилистических ошибок, невозможных в подлинном японском тексте, тем более представленном императору (в документах такого рода используются особые слова и грамматические формы). Все это наводило на мысль о китайском происхождении опубликованного текста, хотя при его создании могли быть использованы и подлинные японские документы. С мнением японских ученых со временем согласились и их иностранные коллеги, кроме наиболее ангажированных. Даже американский юрист Уэстел Уиллоуби, долгие годы бывший консультантом китайского посольства в Вашингтоне и помогавший ему вести анти-японскую пропаганду и контрпропаганду, в 1940 г. публично объявил меморандум сомнительным и не считал возможным использовать его в своей аргументации. Хотя и стремился поставить японцам всякое лыко в строку.

В ходе Токийского процесса американцы добились признания меморандума официальным обвинительным документом (экзибитом) за номером 169, что призвано было гарантировать его подлинность в глазах общественности. Хотя поначалу сами же сомневались. Сомневалась и советская сторона, как видно из документов, недавно опубликованных А.А. Кириченко. 20 ноября 1946 г., через полгода после начала процесса, главный обвинитель от СССР С.А. Голунский сообщал ми-

нистру иностранных дел А.Я. Вышинскому: «По данным американского обвинения, можно опасаться, что подложность меморандума Танака будет доказана защитой в стадии ее выступления. Поэтому обвинение (до этого момента. — В.М.) избегало ссылок на него, чтобы этим не скомпрометировать своего доказательственного материала. Мы в своих выступлениях на процессе также ни разу не упоминали о меморандуме Танака». Монгольскому вождю маршалу Чойбалсану, ссылавшемуся на «меморандум» в своих письменных показаниях, было велено их переделать и упоминания о сомнительном «источнике» убрать. Открыто об этом, конечно, не говорили.

Традиция использования «меморандума» антияпонской пропагандой, как в СССР, так и в других странах, была давней, а результаты — эффективными. Потом пропагандисты передали его на вооружение историкам. Стремясь доказать подлинность «меморандума», а значит, правомерность его использования в научной литературе, ученые мужи и дамы обращали внимание на несомненное совпадение его содержания и последующего развития внешней и военной политики Японии. Да, японская экспансия есть факт несомненный и совершившийся. Да, экспансионистская программа, изложенная в тексте, частично реализовалась — то же самое можно сказать о «Краткой повести об антихристе» Владимира Соловьева, которую мы разбирали в первой главе. Но сам-то текст от этого подлиннее не стал! В пресловутых «Протоколах сионских мудрецов», фальсификация которых исчерпывающе доказана (установлено, кто, где и когда их написал), тоже немало совпадений с последующими событиями европейской и мировой истории... Не лучше ли назвать «меморандум Танака» «протоколами японских мудрецов»?!

И, тем не менее, некоторые отечественные авторы (назвать их «историками» язык как-то не поворачивается) до сих пор ссылаются на него как на серьезный источник, придумывая все новые версии и аргументы, хотя уже лет пятнадцать вполне могут этого не делать. Еще в томе 25 третьего, «красного» издания Большой советской энциклопедии, вышедшем в 1976 г., читаем: «Имеются сомнения относительно достоверности документа» — а *такое* признание в *таком* издании многого стоит. Кем именно сфабрикован этот текст — китайцами или ОГПУ — в конце концов, не так уж и важно. И довольно о «меморандуме», каким бы интригующим ни был этот сюжет.

Важно другое: генерал Танака Гиити его не составлял и императору не представлял. Не предлагал «вновь скрестить

мечи с Россией на полях Южной Маньчжурии». Значит, он не такой уж и мерзавец. Значит, стоит пристальнее присмотреться к некоторым этапам его карьеры, особенно ко времени пребывания во главе японского правительства. Потому что даже то, что известно нам из советских дипломатических документов, опубликованных в советское же время, образу генерала как патологического русофоба и советофоба явно противоречит.

В 1897—1902 гг. Танака командовал ротой, а затем батальоном в Новочеркасском полку. Не просто был прикомандирован к нему, но ежедневно выходил на плац и кричал — на хорошем русском языке — «Равняйся! Смирно!». Будучи до войны сторонником силового решения проблем в отношениях с Россией, после нее Танака подружился с военным агентом Самойловым. И не просто подружился. Военный агент подал в Генштаб рапорт, поддержанный посланником Бахметевым, ходатайствуя о награждении своего японского друга орденом Святого Станислава 2-й степени. «В представлении отмечалось, что Танака уже длительное время сотрудничал с русским военным агентом, предоставляя тому различные секретные сведения о работе японских военных комиссий, тексты лекций о войне для японских офицеров и т.д. Невероятно, но факт: будущий премьер некогда оказывал услуги русской разведке!» (4). Разумеется, ни о какой «измене родине» речь не шла. Танака видел в России потенциального союзника против расширявшейся англо-американской экспансии и по мере сил содействовал сотрудничеству двух армий, может быть, иногда выходя за пределы своей компетенции. Это привело его в лагерь сторонников сначала интервенции (до того, во время Первой мировой войны, он был на некоторое время прикомандирован к японской военной миссии в России), потом — налаживания отношений с «красной Москвой».

Будучи военным министром в кабинете Ямамото (в котором Гото был министром внутренних дел), в канун шестой годовщины Октябрьской революции Танака дал интервью корреспонденту РОСТА и неофициальному представителю Москвы Арсению Вознесенскому, бывшему царскому вице-консулу в Шанхае. Газета «Токио нити-нити» перепечатала интервью. Беседа от начала до конца шла по-русски. Генерал проявил крайнюю озабоченность по поводу того, что советско-японские отношения еще не урегулированы, высоко оценил Красную Армию и восхитился организаторскими способностями ее руководителя Троцкого, а на прощание прямо ска-

зал: «Передайте вашим, что я друг России»^{*}. В русском «посольстве без правительства», разумеется, перепугались не на шутку. И не зря. Став в 1925 г. лидером партии Сэйюкай после либерального «финансового гения» Такахаси, а затем премьером на смену старому атлантисту Като Такааки, Танака взял курс на расширение сотрудничества с Советской Россией.

Во время восстановления советско-японских отношений Сэйюкай, к которой был близок Гото, находилась в оппозиции. Но это не значит, что он остался в стороне от большой политики. Напротив, именно в условиях жесткого соперничества партий, дошедшего до регулярного рукоприкладства в парламенте, — специальный полицейский отряд дежурил там, чтобы растаскивать разгоряченных «народных избранников», — Гото весной 1926 г. выступил с идеей «морализации политики». Он попытался организовать под этим лозунгом массовое общественное движение против коррупции, лоббизма, а также «материализма западного толка» и «падения нравов». Его общая линия выглядела консервативно, но к движению, по разным причинам, примыкали и «правые», и «левые» весьма радикального толка. Гото, как мы знаем, умел находить союзников во всех лагерях.

Виконт активно общался с советскими дипломатами в Токио и несколько раз писал Чичерину в Москву, в основном по экономическим вопросам, выступая как представитель общественности и деловых кругов. Расширялась и деятельность Японско-российского общества, ставшего Японско-советским. До самой смерти Гото был бессменным председателем его правления (совета директоров), руководя текущей работой. Президентом — фактически, почетным председателем — общества был принц Канъин, с 1923 г. старейший член императорского дома,² позднее фельдмаршал и начальник Генерального штаба. В правление входили влиятельные представители деловых кругов Такахаси и Иноуэ (оба неоднократно были министрами финансов и оба пали от рук террористов), бывший министр иностранных дел Исии, член совета директоров ЮМЖД барон Окура и другие известные люди.

Обширные связи и хорошая репутация в глазах советских руководителей делали Гото идеальной фигурой для контактов с Москвой.

В январе 1924 г. он послал Чичерину проект создания русско-японского банка для ведения операций на Дальнем Вос-

^{*} Указано автору П.Э. Подалко.

токе, заручившись поддержкой Корейского банка, который японское правительство организовало специально для финансирования предприятий в Корее и Маньчжурии. Мори Кодзо, секретарь Гото, зимой 1924 г. приезжал с этим планом в Москву, где встречался с Чичериным и, видимо, сотрудниками Госбанка и Наркомата финансов (документов об этом я пока не нашел, но ищу). Из Москвы Мори съездил в Берлин, где общался с советскими дипломатами и сотрудниками «Общества друзей новой России», опыт которого интересовал Гото.

Эти беседы вызвали недовольство... японского посла в Германии Хонда Куматаро, настроенного проатлантистски и антисоветски. Он не побрезговал прямо поинтересоваться у «красных» — с которыми у Японии еще не было дипломатических отношений — что именно Мори было надо от них. «Нам кажется, — писал 2 июля 1924 г. Чичерину советник полпредства Дмитриев, встречавшийся с эмиссаром Гото, — что, возможно, здесь, принимая во внимание разность политических взглядов Хонда и Мори, желание со стороны первого установить какой бы то ни было контроль за деятельностью Мори и его связями в Германии. В свое время Мори мне рассказывал, что у него при довольно таинственных обстоятельствах украли в Германии его портфель со всеми документами и бумагами. Не думаете ли Вы, что и здесь могла быть рука местного японского посольства» (5). Вот в таких условиях приходилось работать.

Строя планы работы на советской территории, Корейский банк претендовал на право эмиссии, что, видимо, и остановило Совнарком. Проект Гото не был осуществлен, но Корейскому банку разрешили открыть отделение во Владивостоке. Оно функционировало до конца 1930 г. и было закрыто под предлогом нарушения законов о валютных операциях и нанесения экономического ущерба СССР. Нарушения выявила ревизия Дальневосточного краевого финансового управления, проведенная осенью этого года, но... решение политбюро о закрытии было принято еще в июле, до начала проверки. Планировался даже судебный процесс «арестованных японских валютчиков» — видимо, для острастки: «шахтинское дело» и «промпартия» уже были. Но от этой идеи почему-то отказались.

Виконт усиленно продолжал убеждать советское руководство в пользе совместных проектов. Весной 1925 г. он писал Чичерину: «Элемент экономики играет в японско-русских отношениях важную роль, которая должна будет иметь значение

также и в мировой политике. Недавняя поездка по Маньчжурии особенно укрепила мое убеждение в том, что лишь совместная деятельность трех государств — Японии, России и Китая — создает возможность экономического использования дальневосточного континента и обеспечит мир на Дальнем Востоке... У меня самого имеется экономическая программа, которая преследует цель эксплуатации природных богатств Сибири путем дружеской совместной работы обоих народов» (6).

18 июня 1925 г. Гото сообщил полпреду Коппу, что работает над планами по привлечению японских компаний к разработке естественных богатств Дальнего Востока. На первое место он ставил вопрос об иммиграции в Сибирь или Приморье для колонизации простаивающих земель, в чем видел хороший выход для двух миллионов японских безработных. Еще в 1909 г. один русский чиновник в Приамурье говорил британскому журналисту Гаррисону: «Я удивлен, почему крестьяне из-за границы не предпринимают никаких попыток обосноваться в Забайкалье или Приморье, где условия вполне благоприятны. Здесь достаточно воды, а климат хоть и суровый, но здоровый, например, никакого туберкулеза» (7).

Содержание планов Гото изложено в служебной записке Наркоминдела, подготовленной, видимо, в начале 1928 г. Обратимся к этому не опубликованному до сих пор источнику.

«Впервые вопрос об иммиграционном плане виконта Гото появился в сообщениях японских газет в начале 1926 г. ... Тогда же (? — В.М.), по просьбе т. Коппа, Гото ознакомил его со своими планами. Гото сообщил, что по его иммиграционному плану он предполагает возможным переселение в Сибирь в ближайшие годы около 5000 японских семейств. Расходы на отдельную семью должны составить около 1500 иен в форме долгосрочного кредита. Одновременно банк, кредитующий японских иммигрантов, окажет также долгосрочный кредит в форме сельскохозяйственных машин японского производства и нашим переселенцам. В какую именно часть Сибири должна быть направлена японская иммиграция, а равно и практические ее возможности для самого Гото в то время были неясны. Гото придавал этому вопросу, в первую очередь, политическое значение. По его словам, «одна только постановка такого вопроса произведет большое впечатление и скомпрометирует перед всем миром иммиграционную политику Америки» (8).

Ужесточение антияпонского иммиграционного законодательства США и Австралией в первой половине двадцатых го-

дов обострило антиамериканские и антибританские настроения в стране. Гото резко высказывался против дискриминационных мер, которые не только закрывали путь потенциальным эмигрантам, но и затрагивали тех, кто уже успел пустить корни на новом месте. Одновременно он обращал внимание на вмешательство США в то, что Япония считала сугубо внутриазиатскими делами, а также на антияпонскую пропаганду, которую американцы — особенно журналисты и миссионеры — вели по всей Азии (9). Антиамериканские и антибританские настроения Гото были особо отмечены в справке о нем, которую Отдел Дальнего Востока НКВД представил Чичерину в преддверии приезда виконта в СССР в декабре 1927 г. (10). Поэтому английский министр иностранных дел лорд Керзон согласился встретиться с Гото, находившимся в середине 1919 г. в Европе, только после долгих уговоров.

«В свое время Копп относился к плану Гото положительно, — продолжает наркоминдельская записка. — В письме к т. Чичерину 22. IV. 26 г. он писал «положительные моменты я вижу... в том, что мы создадим чрезвычайно сильный резонанс в общественном мнении страны и оживим то чувство негодования, которое испытывает японский желтый человек по отношению к высокомерным американцам». В разговоре с Гото т. Копп указывал, что, помимо трудностей чисто объективного характера, благополучное разрешение вопроса тормозится также железнодорожными планами Японии в Маньчжурии, которые, в свою очередь, ассоциируясь с его иммиграционным планом, получают для нас в этой комбинации абсолютно неприемлемое колониально-империалистическое острие (вот сказано-то! — *В.М.*). Тов. Копп считал возможным использовать план Гото в качестве тормоза по отношению японской политики в Маньчжурии».

В ноябре 1925 г. Гото пытался заинтересовать японское правительство идеей создания Акционерного общества освоения Дальнего Востока. В мае 1927 г. он передал аналогичный проект Довгалеvскому, когда Танака уже был премьером, и связи виконта с правительством должны были придать предложению больший вес. Полагаю, Танака был в курсе этих планов и одобрял их, поскольку сам еще в 1913 г. разрабатывал проекты колонизации Маньчжурии, которые тогда привлекли заинтересованное внимание Гото (11). Нынешний проект предусматривал выделение под концессию 860 тысяч гектаров сроком на 75 лет. В августе замешавший полпреда Беседовский — несомненно, проконсультировавшись с кем надо —

«посоветовал» сократить искомые площади до 10 тысяч гектаров, то есть в 86 раз (!), уменьшить срок концессии до 30 лет и подать соответствующую заявку в Главконцесском.

6 января 1926 г. в Москве посол Танака Токити завел с Чичериным разговор на эту тему, «без всяких инструкций, исключительно в порядке личной беседы для удовлетворения собственного любопытства», как часто говорят дипломаты, приступая к чему-то действительно важному. В Японии, сказал он, «имеются серьезные деловые люди, желающие завести на советской территории рисовые плантации. Япония страдает от недостатка риса, и японцы сильно желали бы, чтобы в соседних странах была больше развита рисовая культура. Они берутся обучать этому русских крестьян с тем, чтобы в дальнейшем рисовая культура на советской территории развивалась силами русских крестьян. Можно было бы создавать для этой цели смешанные общества. Посол привел как пример американских фермеров, научившихся у японцев рисовой культуре».

Сославшись на незнание вопроса, Чичерин, однако, сразу же «выразил опасение, что в Приморской области не исчезнувшие еще воспоминания периода оккупации и партизанской борьбы могут помешать гармоническому сожительству японских сельскохозяйственных рабочих и коренного населения». Два года спустя он будет приводить те же самые аргументы в разговоре с Гото. Нарком предложил подумать насчет земель в Западной Сибири. Это не слишком вдохновило посла, который «ответил, что эти местности расположены чрезвычайно далеко от Японии и что это сильно затруднит возможность создания там японских концессий» (12). «Сильно затруднит» по-японски означает невозможность или отказ от предложения. Японцы хотели концессий поближе, в регионах с более привычным климатом, то есть в Приморье и Приамурье. Советским руководителям во всем этом чудился явный подвох.

В тот же день в Наркоминделе состоялось совещание по данному вопросу под председательством Чичерина — неизвестно только, до разговора с послом или после. «Представители заинтересованных ведомств», в том числе оказавшийся в Москве Ян Гамарник, председатель Дальревкома и глава всей советской власти на Дальнем Востоке, признали японскую колонизацию «политически вредной», но, «учитывая политическую обстановку того момента», высказались за «необходимость допустить в ограниченных размерах, строго урегулиро-

ванную японскую иммиграцию в районы, не представляющие для нас опасности в стратегическом отношении». Дальревком было предписано определить участки, на которые можно пустить японских переселенцев, общее количество которых намечалось до 65 тысяч семейств, или 325 тысяч человек. Селить их решено было не компактно, а в шахматном порядке с русскими переселенцами.

Гото неоднократно ставил вопрос о предоставлении японцам рисовой концессии в районе озера Ханка и Южной Уссури «в качестве практических мероприятий для осуществления цели дальнейшего развития дружественных отношений между народами Японии и Советского Союза», «дабы *в конкретной форме* (выделено мной. — В.М.) укрепить дружественные отношения обоих народов» (13). В разговорах о размерах концессии виконт называл цифру в 800 тысяч гектаров.

«Однако (Дальневосточный. — В.М.) Крайисполком, — говорится в упомянутой записке НКВД, — учитывая приграничное расположение земель в районе озера Ханка, нашел отвод этих земель под японскую колонизацию крайне опасной в стратегическом отношении и предложил, в случае вынужденной необходимости, взамен этого района предоставить под японскую колонизацию большой, но малонаселенный Бирско-Биджанский район», который «в стратегическом отношении... признается менее угрожаемым».

В итоге советская сторона отклонила предложения Гото. Само слово «колонизация» механически ассоциировалось с «колониализмом», с которым Советский Союз и Коминтерн усиленно боролись, а «переселенческая политика» напоминала о соответствующих проектах недоброй — для большевиков — памяти Столыпина. Именно она будила наибольшие опасения. Кремлевские вожди, жившие в постоянном страхе агрессии «капиталистического окружения», видели в ней способ легального проникновения на территорию СССР потенциальных вражеских солдат для будущей войны, в неизбежности которой — рано или поздно — они не сомневались. Да и лесную концессию на реке Ялу, наверно, вспоминали: как японцы протестовали против переброски туда вооруженных людей для ее охраны.

Концессионная политика Советской власти заслуживает особого разговора в общем контексте истории советской дипломатии. Лучше любого барометра она отражала колебания отношений с той или иной страной и «капиталистическим окружением» в целом, а также перипетии борьбы за власть в пра-

вающей верхушке. Напомню, что пост председателя Главконцесскома, несомненно важный, но требовавший постоянных контактов с иностранцами (а от этого — полшага до обвинений в шпионаже и государственной измене!), занимали опальные вожди Троцкий и Каменев, для которых он был «станцией пересадки» между политбюро и ссылкой.

Еще в начале 1928 г. Наркоминдел подумывал о возможности «при известных условиях и ограничениях дать японцам сельскохозяйственную концессию» в Биробиджане, «совершенно обезвредив себя в стратегическом отношении». Мотивировка была такова. Во-первых, концессии «при столь значительной своей роли в жизни Японии, безусловно, заставят известные круги Японии предпочитать сотрудничество с нами агрессивной политике». Во-вторых, они «смогут служить значительным стимулом, а при известных условиях и помощью развитию отечественного сельского хозяйства, а следовательно, и быстрейшего заселения края советскими переселенцами». Кто заселял Биробиджан в эти годы, напоминать, полагая, не надо.

Приехав в Москву в декабре 1927 г., Гото сразу же вернулся к идее концессии на озере Ханка, в которую японцы были готовы вложить 300 миллионов иен. Еще 23 августа вице-министр иностранных дел Дэбути по просьбе виконта беседовал об этом с Беседовским, но тот, как и следовало ожидать, никакого определенного ответа не дал и собеседника не обнадежил. Гото изо всех сил уговаривал Чичерина и Карахана согласиться, подчеркивая благоприятные политические последствия подобного шага. Однако нарком с самого начала проявил откровенный скепсис и пустился в утомительные подробности, видимо, зная, что делает. 2 января политбюро, внимательно следившее за ходом переговоров, отвергло все предложения: «Ни при каких условиях этой концессии сдать не можем, так как этим делом занято русское население, и сгонять их мы не можем».

Впрочем, точки над *i* расставила резолюция политбюро «Вопросы нашей политики в отношении Китая и Японии», принятая еще 1 апреля 1926 г. Ее заключительный раздел «О японской иммиграции» гласил: «При разрешении вопроса о японской иммиграции на советском Дальнем Востоке следует считаться с крайней заинтересованностью в этом японского общественного мнения. Принимая, однако, во внимание опасность японской колонизации на Дальнем Востоке, следует все шаги проводить с необходимой осторожностью и посте-

пенностью. Устанавливать численность допускаемых в СССР японских иммигрантов сейчас преждевременно, но, во всяком случае, японская иммиграция не должна быть многочисленной. Японская иммиграция должна быть строго урегулированной и контролируемой, она должна происходить в разбивку, на японские средства, при помощи созданного для этой цели специального общества. Японские колонисты должны быть расселяемы по шахматному принципу одновременно с усилением колонизации из Центральной России. Предоставляемые участки должны быть приемлемы для японских крестьян, причем надо учитывать особенности японского земледелия. Подходящие для японских колонистов участки имеются в районе Хабаровска и дальше к югу, но не в глубине Сибири. Не следует допускать корейской иммиграции под видом японской. Вопрос о корейской иммиграции (который также ставился японской стороной. — В.М.) должен быть рассмотрен отдельно, причем корейцам могут быть предоставлены районы значительно дальше в глубине Сибири». Потом советские руководители отказались и от этих планов:

В связи с этими решениями «Инстанции» стоит вспомнить, что предлагал Японии Чичерин в июле 1918 г.: «Мы готовы допустить японских граждан, стремящихся к мирному использованию естественных богатств в Сибири, к широкому участию в нашей промышленной и торговой жизни. Мы готовы, в случае если на то последует согласие Китая, отказаться от некоторых своих прав на часть Восточно-Китайской железной дороги и продать Японии южную ветку этой железной дороги, а также сделать ей и другие облегчения для вывоза японских продуктов и товаров в Россию. Мы готовы возобновить торговый тракт (договор. — В.М.) и рыболовную конвенцию с Японией, являющуюся источником благосостояния японского народа» (14). Тогда не ответили японцы. В августе 1925 г. на страницах «Известий» Чичерин приветствовал (анонимно и, разумеется, не от себя лично) в перспективе «заключение новой рыболовной конвенции», получение Японией концессий не только на Северном Сахалине, но и «на нашей дальневосточной территории», «создание смешанного банка для финансирования экономических операций между СССР и Японией», как предлагал Гото, и даже «развитие японской колонизации в тех частях Сибири, где по местным условиям и по политическим соображениям это окажется допустимым» (15).

Времена сильно изменились. Большевистские вожди боялись даже самых «белых и пушистых» капиталистов, видя кру-

гом потенциальных врагов и интервентов. В отличие от них прагматик Гото мыслил не идеологическими, а экономическими и геополитическими категориями. Пренебрегая идеологемами и продолжая свою дореволюционную политику, он стремился как можно сильнее привязать Россию, пусть даже большевистскую, и Японию друг к другу для совместного противостояния англо-американской экспансии. «Я хочу только повторить, — говорил он Чичерину 29 декабря 1927 г., — что существующие опасения по отношению к Японии ни на чем не основаны. Русские опасаются, что придут японские войска (надо полагать, для охраны концессий, т.к. разговор шел о них. — В.М.). Этого не может быть» (16). Однако Гото и его московские собеседники говорили на разных языках не только «в лингвистическом смысле».

Выход Гото на новый уровень контактов с советскими дипломатами и государственными деятелями произошел в 1927 г., когда к власти пришел кабинет Танака. Генерал в течение всего времени пребывания на этом посту совмещал его с постом главы внешнеполитического ведомства. Атлантистски настроенный вице-министр Дэбути достался ему в наследство от Сидэхара, поэтому в 1928 г. Танака отправил его послом в США. Его преемник Ёсида Сигэру полностью разделял взгляды шефа. Третьей ключевой фигурой стал парламентский вице-министр иностранных дел Мори Каку (однофамилец секретаря Гото), долгие годы представлявший в Китае интересы японских концернов, а затем бывший генеральным секретарем партии Сэйюкай.

Премьер не был лишь номинальным главой министерства, но проводил собственную внешнюю политику. Сам он называл ее «автономной» (любимое слово Гото), «позитивной» и «активной». Противники — «экспансионистской» и «агрессивной», в противоположность Сидэхара и «дипломатии иены», которую одни характеризовали как «мирную», другие как «нерешительную». Можно воспользоваться определением историка Джона Доуэра: «Сидэхара и его дипломатия воплощали западные, рациональные, универсалистские, буржуазно-либеральные ценности в противоположность Танака, в котором персонифицировались традиционные, иррациональные, партикуляристские и феодальные воззрения» (17). Сам автор признает, что это противопоставление несколько утрировано, но в целом оно верно отражает картину. Просто надо учитывать, что оба взгляда были ориентированы на экспансию — только разными способами, хотя

Сидэхара и его апологеты после войны всячески старались это затушевать.

В деле расширения контактов с Москвой лучшего помощника, чем Гото, было не сыскать. В правительство он не вошел, видимо, из-за возраста и недугов, но охотно согласился содействовать премьеру, с которым у него давно установились близкие отношения. Общение Танака с обоими советскими полпредами — желчным Валерианом Довгалеvским и обаятельным Александром Трояновским — отличалось взаимной откровенностью и доброжелательностью, что видно хотя бы из советских дипломатических документов, где о «буржуях» было принято писать только критически.

Характерный пример — беседа Танака и Трояновского, состоявшаяся 8 марта 1928 г. в полпредстве «за блинами». Премьер пришел в сопровождении одного лишь переводчика Савада*, «запросто, пешком, дабы слишком частыми разговорами не вызывать ревность со стороны послов других государств и не создавать почву для излишних разговоров». Кажется, никто больше из японских премьеров так «запросто» в советское посольство не ходил, ни до, ни после. А тут такой «милитарист»...

Танака заявил, что пришел для «неофициального, совершенно частного и совершенно откровенного разговора... не как дипломат с дипломатом», и просил посла говорить ему «все, что он думает по поводу русско-японских отношений, как приятное, так и неприятное, начистоту». Танака вообще любил подчеркивать, что он не дипломат и как старый солдат всегда говорит правду в глаза (потом этим приемом часто пользовался его протеже Мацуока), предпочитая неформальные беседы формальным. Этот традиционалист, ехидно прозванный «деревенским самураем», отличался прямым, решительным нравом и не слишком-то рафинированными манерами, что раздражало одних и привлекало других, видевших в нем искреннего и порядочного человека. Привлекать сердца Танака умел.

Трояновский охотно подыграл генералу: «Я тоже считаю, что неофициальные разговоры подготавливают почву для

* Как сказано в записи полпреда, Танака «большей частью» говорил по-японски, Савада переводил его слова на французский язык, которым Трояновский владел в совершенстве; полпред отвечал по-французски, Савада переводил на японский. Почему они не говорили по-русски? Генерал успел подзабыть его? Или положение обязывает?

официальных и дают возможность лучше узнать пожелания обеих сторон для того, чтобы найти общий язык и общую базу для официальных переговоров... В данном случае такой частный откровенный разговор особенно уместен, потому что я по целому ряду вопросов не имею никаких инструкций от своего правительства». «Я считаю, что мои обязанности посла, — пояснял Трояновский то ли для собеседника, то ли для наркоминдельского начальства (это цитата из его подробного отчета о беседе), — не исчерпываются исполнением инструкций, а должны включать в себя обязанности по подысканию и зондированию почвы для улучшения и развития взаимоотношений между СССР и Японией в порядке собственной инициативы и внесения соответствующих предложений своему правительству».

Полпред тоже попросил «не обижаться, если действительно кое-что из сказанного мною будет ему не совсем приятно». Танака охотно согласился, и пошла деловая беседа. Трояновский пояснил, что отдельные высказывания влиятельных японцев, не исключая самого премьера, наводят на мысль о существовании здесь планов колонизации российского Дальнего Востока или Сибири, в которых Советский Союз рассматривается как объект, а не как субъект политики, вроде Китая. «Существование таких планов, — наставительно заметил полпред, еще не читавший пресловутого «меморандума», — омрачило бы наши взаимоотношения, создало бы тяжелую атмосферу для всякого рода переговоров по поводу даже мелких дел... А осуществление таких планов привело бы к борьбе не на жизнь, а на смерть, ибо при всей силе и мощи японского народа, в особенности его армии, всякий знает, что мы тоже умеем за себя постоять и в обиду себя не дадим». Танака знал, поэтому сразу же решительно заявил, что все это чистое недоразумение и что в виду имелось исключительно развитие взаимовыгодных экономических отношений.

Поговорили о необходимости ускорить ратификацию рыболовной конвенции (премьер посетовал на старых вьедливых бюрократов в Тайном совете), о торговле, кредитах, американской конкуренции. Трояновский поставил вопрос о необходимости улучшения отношений между КВЖД и ЮМЖД (вечная тема!), но от обмена мнениями по «китайским делам» вообще — любимая тема и одновременно главная головная боль Танака — решительно уклонился. В свою очередь, он попытался перевести разговор на двусторонний пакт о ненападении, вопрос о котором Беседовский зондировал еще при прежнем ка-

бинете, но тут премьер дал задний ход: «Для этого еще не пришло время. События должны развиваться постепенно. У нас еще имеются разные тенденции и разные настроения. Надо идти от одного этапа к другому. Я считаю, что сейчас на очереди стоит вопрос о торговом договоре. Если мы его заключим, это будет уже большое дело, а там дальше уже видно будет». «Конечно, плоды можно есть только тогда, когда они уже созрели, — ответил Трояновский. — Весь вопрос в том, созрели они или нет». «Не будем торопиться, — парировал Танака. — Если сразу слишком высоко забраться, можно и упасть» (18).

Блины с икрой — наверняка, на столе стояла и водка в запотевшем графине — способствовали беседе, продолжавшейся несколько часов, тем более что Трояновский был не просто блестящим дипломатом, но и известным «шармером». Возможно, полпред, бывший офицер, напоминал Танака тех русских, с которыми он сживал в офицерском собрании Новочеркасского полка. Но даже если все это фантазии, то официальная запись беседы, отправленная Трояновским в Москву, свидетельствует, что диалог был возможен. Пожалуй, именно Танака, почти не подверженный влиянию атлантистов, был подходящей фигурой для развития отношений с Россией.

Именно в бытность Танака премьером начали развиваться интенсивные культурные связи между нашими странами. В мае 1927 г. премьер вместе с Гото, Чичериным и Луначарским вошел в состав почетного организационного комитета выставки советского искусства, вызвавшей в Японии большой интерес. На японских сценах с успехом выступала примадонна тех лет Ирма Яунзем. В Москве и Ленинграде не меньший успех имели театр Кабуки, новаторская труппа Итикава Садандзи, а также выставка «Японское кино» и первый показ в России японского фильма. Появляются переводы еще не ставших классиками Акутагава и Танидзаки (пролетарских писателей начнут издавать массовыми тиражами несколько позже), а в Японии выходят вторые-третьи-четвертые по счету переводы «Войны и мира», «Анны Карениной», «Накануне», «Отцов и детей», к которым прибавляются книги Леонида Андреева и Горького, Леонида Леонова и Пильняка. Посмотреть на «красную Россию» едут поэт Удзюку Акита, переводчик и филолог-русист Ёнэкава Масао, не говоря уже о неутомимом репортере и аналитике Фусэ Кацудзи. В Японию отправляются популярнейший советский прозаик того времени Борис Пильняк, искусствовед и критик Николай Пунин, славший своей жене Анне Ахматовой

интересные письма из Страны восходящего солнца, поэт и романист Рюрик Ивнев. Собирался приехать сам Луначарский, но так и не собрался. Быстро налаживался научный обмен. Правда, «органы» потом припомнят это попавшим в изучаемую страну советским ученым — например, Анне Глускиной, переводчице классической антологии «Манъёсю» («Собрание myriad листьев»).

Еще одним союзником Гото и Танака в деле налаживания экономического сотрудничества с СССР был Кухара Фусаносукэ, крупный горнопромышленник с политическими амбициями, один из спонсоров партии Сэйюкай. В 1910-е годы он помогал деньгами Сунь Ятсену и до конца жизни хранил расписки китайского лидера. Танака думал взять Кухара министром иностранных дел в свой кабинет, но столкнулся с противодействием и политических, и деловых кругов, ориентировавшихся на «старые» концерны «Мицуи» и «Мицубиси» (Кухара представлял «новые» концерны). От задуманного пришлось отказаться, но осенью 1927 г. премьер направил Кухара со специальной миссией в Москву и Берлин для изучения экономики и хозяйственной жизни обеих стран, с особым вниманием к внешнеторговой и концессионной политике Москвы. По мнению полпреда Довгалецкого, «выполняя поручение японского правительства, Кухара не забудет о своих личных интересах», поскольку «в последнее время делал кое-какие шаги для вступления в экономические сношения с Советским Союзом» в частном порядке (19).

«Премьер Танака просил советского полпреда рекомендовать Кухара в СССР руководящим лицам и устроить ему хороший прием. Кухара был личным другом премьера, который возвел его в звание чрезвычайного комиссара по экономическим вопросам в благодарность за финансовую помощь, оказанную Кухара партии Сэйюкай во время избирательной кампании... Перед отъездом миссия была принята императором, что было одновременно и знаком высшей милости, и признанием большого значения миссии... Состав миссии, ее близость к главе правительства, ее маршрут — все это привлекло внимание не только японской, но и ведущей международной прессы» (20).

Особого внимания заслуживает комментарий влиятельной газеты «Кокумин» от 29 октября, которая видела в миссиях Кухара и Гото зондаж возможного союза с Москвой и Берлином. Призрак тройственного альянса евразийских держав начал бродить по страницам европейских и амери-

канских газет, хотя переговоры Кухара, прибывшего в Москву 7 ноября, в десятую годовщину Октябрьской революции, с советскими руководителями, включая Сталина и Микояна, конкретных результатов не дали. В настоящее время я ищу записи этих бесед и надеюсь опубликовать их, как только найду.

Имевший репутацию не просто «правого», но едва ли не «фашиста» за агитацию в пользу однопартийной системы по германскому, итальянскому или советскому образцу, Кухара никогда не прекращал усилий по нормализации и развитию японско-советских отношений. После войны его подвергли арестам и «чистке» как «военного преступника», так что он смог вернуться к политической деятельности только по окончании американской оккупации. Несмотря на почтенный возраст, Кухара возглавил Народный совет по восстановлению японско-советских и японско-китайских* дипломатических отношений и в 1954 г. даже планировал съездить в СССР. Поездка не состоялась, но в августе 1961 г., бодрый и энергичный в свои девяносто два года, Кухара снова встретился с Микояном, посетившим Японию с официальным визитом. Жаль, что наши историки до сих пор обходят вниманием эту сторону его деятельности — как, впрочем, и саму колоритную и неординарную фигуру Кухара.

Необходимость японско-советских контактов на высшем уровне становилась все более очевидной. Советские лидеры тогда почти не выезжали за пределы страны; по многим причинам не мог оставить Токио и Танака. «Пробным шаром» стала миссия Кухара. Затем выбор пал на Гото, тем более что премьер тоже проявил инициативу, стремясь завершить затянувшиеся переговоры о новой рыболовной концессии. «Правительство Танака, зная популярность Гото в Японии, а также его взгляды на советско-японские отношения, хотело, чтобы Гото поехал в СССР в сопровождении крупного японского капиталиста Кухара. Кухара брался финансировать поездку, поскольку сам Гото — человек небогатый и покрытие расходов, связанных с посещением СССР, представляло для него известную трудность. Гото, однако, отказался. Танака предложил отправить его в качестве чрезвычайного посла, связав этим руки Гото, а возможные политические результаты его миссии записать в актив правительства.

* Имелась в виду Китайская Народная Республика.

Однако Гото не пошел и на это, предпочитая выступать в роли частного лица. Результаты своей поездки он рассчитывал использовать в личных целях. Гото по-прежнему хотел играть первые роли в политической жизни страны» (21). Сомнения вызывает только последнее утверждение, восходящее к старым наркоминдельским справкам. Гото был болен (в 1926/27 гг. он перенес два кровоизлияния в мозг, приведшие к частичной потере речи и изменению почерка, что видно по документам) и понимал ограниченность своих физических возможностей. Да и друзья отговаривали его от долгого и трудного путешествия. Скорее он хотел увенчать свою карьеру «лебединой песней», достижением взаимопонимания с «трудными» советскими руководителями.

Поездка готовилась тщательно, с необходимым информационным обеспечением, которому Гото всегда уделял большое внимание. В октябре премьер Танака дважды встречался с Довгалеvским, чтобы изложить ему цели визита и обсудить его сроки и программу. 11 октября газета «Кокумин» писала, что приезд Гото поможет заключить рыболовную конвенцию, которая на тот момент была наиболее актуальным вопросом двусторонних отношений. Официоз МИД «The Japan Times» 15 октября выразил уверенность, что личное присутствие Гото в Москве поможет в несколько дней решить вопросы, на которые у других уходят месяцы.

Виконт активно контактировал с полпредством, делясь с дипломатами своими идеями и планами, — несомненно, хотел, чтобы в Москве заранее узнали о них и были готовы к конкретному разговору. В разговорах с Беседовским и Довгалеvским Гото прямо заявил, что намерен говорить «о совместной борьбе Японии и СССР против проникновения в Маньчжурию американцев и англичан», о заключении пакта о ненападении и торгового договора, о проблемах рыболовства и КВЖД. Официальная биография сообщает, что он ехал в СССР «посмотреть на новую Россию и изучить результаты новой экономической политики», а также обсудить три вопроса по степени важности: 1) китайские проблемы; 2) концессии; 3) рыболовная конвенция. Последний пункт был включен в программу по личному настоянию Танака (22).

20 октября Довгалеvский писал Карахану: «Я понимаю Ваше нежелание терять время на безрезультатные разговоры с ветераном, но грубо отказать ему все же нельзя, ибо в Японии можно всего ожидать — можно ожидать и прихода к власти Го-

то в той или иной комбинации. К тому же Гото считается в Японии просоветской фигурой, и резкий отказ наш в приеме его произведет очень неблагоприятное впечатление не только на самого виконта, но и (на) широкие общественные круги и будет истолкован как проявление «большевистской неблагодарности»» (23).

Недооценил товарищ полпред «ветерана», который собрался в дальнюю дорогу отнюдь не для «безрезультатных разговоров». В Наркоминделе думали по-иному, а потому 11 ноября постановили: «Признать необходимым по политическим соображениям хорошо принять Гото в Москве... за счет НКВД» (24).

ГЛАВА 10

Частный визит на высшем уровне: московские встречи Гото

5 декабря 1927 г. Гото выехал из Токио. Перед отъездом он, как и Кухара, был принят императором. После благополучного путешествия по ЮМЖД и КВЖД виконт прибыл в Читу, а оттуда проехал в Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ), где успел встретиться и накоротке переговорить с уезжавшим из Советского Союза Кухара.

Советский генеральный консул в Харбине загодя и «совершенно секретно» сообщал в Москву о возможности покушения на японского визитера где-нибудь в далеких степях Забайкалья «с целью повредить нашим отношениям с Японией». Предводителем «белобанды» источники называли казачьего генерал-майора семеновского производства Ивана Шильникова; в одной из наркоминдельских записок его называли... Шапошниковым, но тут же исправились. НКВД попросил «соседей» принять необходимые меры для охраны Гото. «Соседи» отнеслись к делу серьезно, сработали хорошо, так что обошлось без приключений, если не считать бумажника, украденного у одного из спутников виконта, но уже через несколько часов возвращенного хозяину (1).

Первую встречу Гото организовали в Чите, где его чествовал обедом начальник Забайкальской железной дороги Артемов. В Верхнеудинске гостей приветствовал сотрудник Наркоминдела Костюковский, ставший «ангелом-хранителем» делегации и составивший подробный дневник всего путешествия. На нем, равно как и на записях начальника Протокольного отдела НКВД Флоринского, прежде всего и будет основан мой рассказ (2).

Гото пожаловался на тряский вагон, путешествовать в котором в 70 лет и с хрупким здоровьем было тяжело. Хозяева предусмотрели и это. Получив известие о выезде Гото из Токио, Карахан направил официальное письмо секретарю ЦИК

СССР Енукидзе с просьбой выделить для гостей циковский вагон, коротко объяснив тому, что Гото — «сторонник японско-советского сближения, много лет работающий на его пользу», и что нужен нам: «результаты его поездки, *безусловно*, будут носить характер политический» (3).

За скупыми строками казенной бумаги увидишь немного, если не знать контекста. Авель Енукидзе, «белокурый, голубоглазый добродушный грузин с явными прогерманскими симпатиями» (характеристика из мемуаров германского посла Дирксена), считался личным другом Сталина и едва ли не «серым кардиналом» Кремля, что, конечно, не спасло его ни от внезапной опалы в 1935 г., ни от расстрела год спустя. Не имевший никакого официального отношения к внешней политике, именно Енукидзе в 1930-е годы — наряду с полуопальным, но все еще влиятельным политическим аналитиком и публицистом Карлом Радеком — участвовал в неформальных, но, несомненно, инспирированных или, по крайней мере, санкционированных «сверху» контактах с иностранными дипломатами, в том числе германскими и японскими. Хорошо информированный Дирксен писал, что Карахан был близок к Енукидзе и, более того, «плыл в его фарватере». Да и расстреляли их в один день одни и те же люди. Говорят, в застенках они держались до последнего и категорически отказались оговаривать себя и друг друга, а потому были попросту «пущены в расход», без предварительной трагикомедии показательного процесса.

Костюковский устроился через купе от Гото. «Соседи» по указанию «товарища из Москвы» переоделись в штатское, и поезд покатил по бескрайним просторам Сибири. Его тепло встречали в Иркутске, Красноярске и Новосибирске; во время ночных стоянок в Омске и Свердловске представителей местных властей и газетчиков принимали спутники Гото. «Виконт еще более Кухара был растроган оказываемым ему приемом», — записывал Костюковский.

По дороге он внимательно присматривался к своим спутникам. Гото сопровождали член правления Японско-советского общества Танака Сэйдзаро и управляющий делами общества Сэкинэ Сэйги («завхоз» миссии), один из руководителей Токийской мэрии Маэда Тамон, видный филолог-русист профессор Ясуги Садатоси (тоже член правления общества), уже знакомый нам секретарь Мори Кодзо, а также личный врач и слуга виконта. Как отмечалось в отчете, Ясуги и Сэкинэ владеют русским, но первый «хорошо знает старую Россию

и мало разбирается в Советской действительности... У меня сложилось впечатление, — продолжает Костюковский, — что Ясуги относится к нам недостаточно дружелюбно и не совсем добросовестно выполняет свою обязанность переводчика, так как во время даваемого Виконтом интервью для газет Ясуги не переводил некоторых вопросов журналистов, часто резко обрывал их и, казалось, что он даже затуманивает ответы Виконта Гото».

Трудно сказать, насколько это справедливо в отношении почтенного мэтра японской русистики: составленные им словари переиздаются до сих пор и с благодарностью используются не одним поколением студентов. Люди, знавшие Ясуги, рассказывали мне, что он всегда восхищенно говорил о старой России и с гордостью демонстрировал свои фотографии в парадном студенческом мундире, при треуголке и шпаге — тех времен, когда учился в Петербургском университете незадолго до русско-японской войны. Впрочем, и Советскую Россию он, вроде, тоже особо не ругал.

Проехав по Транссибирской железной дороге, Гото 22 декабря добрался до Москвы, где на вокзале его встречали Карахан и посол Танака. Миссию со всем возможным комфортом — а также с постоянной охраной в виде двоих «соседей» в соседнем номере* — разместили в «Савойе», как и предполагалось, за счет Наркоминдела. Гото оценил оказанное ему гостеприимство, но тем не менее выразил желание хотя бы частично оплачивать расходы (видимо, по совету посольства), дабы не вызывать кривотолков в Японии. Во всех советских документах отмечается, что «члены Делегации ограничены в средствах или, во всяком случае, расчетливы и держат каждую копейку на счету, не в пример Кухара, швырявшего деньги». Это по советским понятиям «титуты и богатства делают его (Гото. — В.М.) чуждым пролетарским массам», как говорилось в адресованной Чичерину справке Отдела Дальнего Востока НКВД. По японским же понятиям он относился скорее к тому, что называют *upper middle class*, и уж, конечно, никак не мог равняться с богачом Кухара.

Гото приехал в Советскую Россию неофициально, но перед отъездом премьер Танака и вице-министр иностранных дел Ёсида просили через советское полпредство принять его на должном уровне — в соответствии с титулом, заслугами и

* Потом обсуждался вопрос, кто должен платить за этот номер: НКВД или ОГПУ.

социальным положением. В Москве это восприняли очень серьезно. Тщательно опекало гостя и японское посольство.

23 декабря Гото нанес первые протокольные визиты Чичерину и Карахану. На следующий день нарком хотел, как это принято, «вернуть» визит. Однако виконт, извинившись... отказался принять Чичерина, чем поверг Протокольный отдел в большое смущение. Гото объяснил, что готовится к деловому разговору с Караханом, показав, какое значение придает своему визиту. Наркоминдельцы убедились. Разговор, действительно, был серьезный, поэтому речь о нем дальше пойдет особо.

Вечером 24 декабря Чичерин дал обед в честь Гото. Гостей оказалось куда меньше, чем планировалось. По разным причинам отказались наркомздрав Семашко (коллега виконта по его первой врачебной специальности), а также Луначарский, Микоян и Куйбышев. Кроме наркоминдельцев — Чичерина, Карахана, члена коллегии Стомонякова, заведующего Отделом Дальнего Востока Мельникова и готовившегося к отъезду в Токио полпреда Трояновского — пришли Аралов, недавно переведенный на работу в ВСНХ, начальница Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) Ольга Каменева (жена Каменева и сестра Троцкого), бывший полпред в Италии Керженцев, к этому времени служивший в Центральном статистическом управлении (потом этот мастер на все руки будет руководить советским искусством), и почему-то председатель закавказского Совнаркома Элиава.

Гото интересовало буквально все. Он сразу же попросил о встречах с высшими советскими руководителями, включая Сталина, председателя Совнаркома Рыкова и «любимца партии» Бухарина, а пока посвящал все время экскурсиям. В программе были Центральный институт труда и Музей революции, Третьяковская галерея и Музей изящных искусств (до революции имени Александра III, а теперь — А.С. Пушкина), Шатурская электростанция, заводы «Динамо», АМО, «Красный богатырь», Трехгорная мануфактура и фабрика «Красная роза», суды, исправительно-трудовые учреждения, школы, библиотеки, Книжная палата, больницы, включая «трудовой профилакторий для правонарушителей и проституток», а также театры (гости явно предпочитали балет драме, не польстившись на «Дни Турбиных» во МХАТе по незнанию языка), стадионы и даже бега. Особенно виконту понравилось катание на тройках — наверно, вспомнил прежние приезды...

Одним из тех, кто организовывал культурную программу Гото и его спутников, был Борис Сергеевич Штейгер, в обязанность которого входило снабжение гостей Наркоминдела театральными билетами и сопровождение их в театры и на концерты. Несмотря на скромную должность, известностью в богемной Москве он пользовался немалой. Вспомнил я его вот почему. Во-первых, он был самым настоящим бароном, о чем «по секрету», но исправно сообщал иностранным гостям, и родным братом двух талантливых поэтов первой эмиграции — Анатолия Штейгера и Аллы Головиной. А во-вторых, именно его вывел в «Мастере и Маргарите» Михаил Булгаков под именем барона Майгеля. Помните такого?

Упомяну еще одну встречу. Вспоминая в автобиографическом романе «Вехи» (1948 г.) зиму 1927/28 года, проведенную в Москве, писательница-коммунистка Юрико Миямото (впрочем, на момент рассказа еще не Миямото и не коммунистка), бегло описала встречу героини под Новый год с почтенным виконтом Тодо Сюмпэй, приехавшим в большевистскую столицу с неофициальной миссией для улучшения двусторонних отношений и жившим в гостинице «Савой». Это, разумеется, Гото, который был другом известного архитектора Тюдзэ Сэй-итиро, отца писательницы*.

26 декабря Гото посетил могилу Иоффе на Новодевичьем кладбище, возложив на нее венок с надписью «Уважаемому А.А. Иоффе от виконта Гото». Сопровождавший его Костюковский записал, что гость, «невзирая на довольно сильный мороз, снял пальто и шапку и несколько минут молился» (в более официальном и менее подробном дневнике Протоколного отдела этот факт вообще не отражен). Был сороковой день самоубийства Иоффе, вызвавшего оживленные толки и в Советском Союзе, и за границей. Иоффе был давно и тяжело болен и просил разрешения выехать на лечение в Австрию, но политбюро отказало ему как активному деятелю троцкистской оппозиции, видимо, опасаясь «невозвращения». Однако главным мотивом самоубийства был протест против исключения из партии Троцкого и его сторонников, в чем Иоффе видел «предательство» Сталиным и его окружением идеалов революции и большевизма ради укрепления личной власти. Многолюдные похороны стали молчаливой, но выразительной демонстрацией оппозиции, а речь Троцкого над свежей могилой

* На этот роман мне любезно указала Миямото Татиэ, директор русского книжного магазина «Наука» в Токио.

друга и соратника — последним публичным выступлением «демона революции» в Советском Союзе.

Нет оснований предполагать, что, посещая могилу Иоффе, Гото вкладывал в это какой-то политический смысл. Такой поступок, будучи истолкован политически, мог только осложнить переговоры с советским руководством. Бесспорно, виконт это понимал. С другой стороны, как благочестивый японец он должен был исполнить обряд *хакамаири* — поклониться праху уважаемого им человека. Поминал он Иоффе добрым словом и в интервью накануне отъезда. Вообще тот факт — недооценивавшийся историками, — что Гото приехал в Москву и встречался с «первыми лицами» СССР в разгар «последнего боя» Сталина с троцкистами, придает его визиту и нашим представлениям о нем новые краски. Гото извлек уроки из увиденного и услышанного. Какие — читайте дальше.

Визит Гото, повторюсь, был неофициальным, но проходил, без преувеличения, на высшем уровне. Он был принят *всеми* советскими руководителями, включая номинального главу государства — председателя ЦИК Калинина. Конечно, их сорокаминутная встреча в канун Нового года имела сугубо протокольный характер, но именно в этом качестве была важна для определения статуса гостя (кстати, Калинин принимал и Кухара). «Всероссийскому старосте» Наркоминдел подготовил шпаргалку с ответами общего характера на случай, если Гото заговорит об иммиграции на Дальний Восток или о рыболовной конвенции (4), но гость даже не стал напрягаться. Калинин вспоминал свою поездку по Сибири в 1922 г. и восторгался, как все переменялось, в чем Гото с ним полностью согласился. Протокольные любезности включали обмен необходимыми в подобных случаях фразами о дальнейшем развитии отношений и надеждах на взаимопонимание. «Затем была заснята общая группа», — заключает отчет. Среди «заснятых» и Авель Енукидзе.

29 декабря и 21 января, накануне отъезда, Гото встречался с Чичериным, 24 и 29 декабря, 8, 11, 16, 18 и 19 января с Караханом, 3 января с Литвиновым (замнаркома сразу перевел разговор на Бессарабский протокол и не упустил случая пожаловаться на недружелюбное отношение японских дипломатов в третьих странах к советским), 28 декабря с председателем Главконцесскома Ксандровым, 31 декабря с Калининным, 7 и 14 января со Сталиным, 7 января с Микояном, 13 января с Рыковым. Кроме того, его помощники Мори и Ясуги беседовали

с Чичериным, Караханом и шефом РОСТА (впоследствии ТАСС) Долецким.

Как свидетельствуют записи, Гото излагал всем своим собеседникам, кроме не имевшего реального политического веса Калинина, одни и те же идеи и проекты по трем перечисленным выше вопросам: Китай, концессии, рыболовная конвенция. Однако мы рассмотрим их в несколько иной последовательности, начав с экономических проблем, чтобы затем перейти к политическим, более общим и, думаю, более интересным.

С концессиями мы уже разобрались в предыдущей главе: желаемых результатов Гото не добился. Переговоры о рыболовной конвенции посол Танака вел со времени своего приезда в Москву и почти завершил их, но на последнем этапе они застопорились. Поэтому в дело включился Гото, январские беседы которого с Чичериным и Караханом вращались в основном вокруг этого вопроса. Помогавшие ему Мори и Ясуги также встречались с наркомом и его заместителем.

Как это обычно бывает, обе стороны объявляли свои требования разумными и законными, а требования противной стороны — завышенными и незаконными. Не вдаваясь в малоинтересные подробности и частности (это вам не железные дороги), остановлюсь только на одном ключевом вопросе. Японцы требовали официальных гарантий, что за их рыбопромышленниками будут сохранены *все* эксплуатировавшиеся ими ранее рыболовные участки. Советское правительство не соглашалось, а поскольку речь шла о советских же территориальных водах, могло диктовать свои условия. 14 января политбюро приняло окончательную формулу, предложенную Чичериным и Караханом, в которой говорилось лишь о том, что «правительство СССР... готово считаться с тем, чтобы, в соответствии с указанной конвенцией, разумным и законным интересам японских подданных не был нанесен ущерб». На встрече 16 января Чичерин передал Гото этот текст как окончательный вариант, пояснив, что предел уступок с советской стороны достигнут. Гото ответил, что для Японии такая формула неприемлема, хотя его позиция была более мягкой, чем позиция посла. Он призвал продолжать обсуждение, а не упираться.

19 января Карахан продемонстрировал Танака и Гото стопроцентную решимость не отступать от формулы политбюро (5). На следующий день состоялся драматический разговор посла с Чичериным. Нарком подтвердил, что «правительство

считает эту формулу окончательной. Оно постановило не подвергать ее пересмотру. Это постановление является для меня обязательным и окончательным». Танака заговорил о важности момента, подчеркивая, что за конкретным вопросом рыболовной конвенции стоит судьба глобального взаимопонимания Японии и СССР: «Именно теперь происходит попытка сближения с нами. Но если этот в высшей степени важный и благоприятный момент будет упущен, то опять усилятся противоположные тенденции... Иногда вопрос, кажущийся как будто второстепенным, играет решающую роль, когда речь идет о том, упустить или не упустить благоприятный момент».

Главным козырем посла был приезд Гото, о котором он говорил взволнованно и многословно. «Поездка к нам Гото есть один из тех благоприятных моментов, упустить который может иметь впоследствии отрицательные результаты. Япония стоит как бы на перепутье, и поездка Гото имеет громаднейшее значение для того, чтобы повести Японию по дружественному нам пути. Для развития добрых отношений между нами поездка Гото имеет решающее значение. Завтра он уезжает. Он чрезвычайно энергично стремился к тому, чтобы добиться с нами соглашения. Он в высшей степени озабочен этим вопросом, ибо, если данное ему поручение кончится разрывом переговоров, это нанесет удар всей его миссии и поведет к обратным результатам. Он пользуется в Японии громадной известностью, и вся Япония смотрит, чем кончится его поездка. Это в высшей степени важный момент в отношениях между нашими странами. Вся Япония смотрит на него, и если окажется, что порученное ему дело кончилось разрывом переговоров, это даст в Японии толчок, чтобы повернуть к обратным тенденциям. В Японии будет создано впечатление о неуспехе миссии Гото, долженствовавшей иметь решающее значение. Если мы обмениваемся с Гото весьма дружественными общими заверениями, а в то же время в практических вопросах у нас происходит разрыв, то из этого будут сделаны выводы общественным мнением в Японии... Сам Гото глубоко опечален и в высшей степени разочарован тем, что его дружественные усилия не увенчались успехом» (6).

Беседа Танака с Чичериным напоминала разговор двух глухих, которые не могут слышать друг друга. Однако, уже в начале разговора посол дал понять, что японская сторона готова пойти на последний компромисс, если партнер тоже делает шаг навстречу. Можно предположить, что это была личная инициатива Гото, который не хотел уезжать из Москвы

с пустыми руками, — совсем как Мацуока в апреле 1941 г., который в последний момент все-таки сумел договориться со Сталиным о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине, чтобы заключить пакт о нейтралитете. Чичерин по-прежнему был непоколебим, ссылаясь на то, что конвенция уже составлена и парафирована Караханом и Танака 10 октября, а японская сторона пытается выставить после этого дополнительные условия.

21 января, в день отъезда, Гото нанес прощальный визит наркому. Вечером того же дня Танака сообщил в НКВД, что японское правительство приняло советскую формулу. Связь этого решения с отъездом Гото очевидна, хотя свою роль, как сразу же отметил Карахан, сыграл и роспуск парламента в Токио: премьер хотел иметь подписанную конвенцию в качестве козыря на предстоящих выборах 20 февраля (7). Карахан и Танака поставили свои подписи под ней два дня спустя, когда Гото уже покинул Москву, но знал, что цель достигнута, и можно со спокойной душой отправляться домой. Судя по всему, он имел необходимые полномочия или же в последний момент убедил премьера, с которым посол постоянно сносился по телеграфу, согласиться на частные уступки ради успеха в главном (8).

24 января Карахан телеграфировал Гото «по пути следования»: «Вчера подписана рыболовная конвенция благодаря Вашей поддержке, шлю Вам привет и лучшие пожелания». Гото отвечал: «Искренне благодарю Вас за Ваше личное сверх служебного великое содействие, оказанное для блага обоих государств» (9). Они знали, что говорят.

Теперь рассмотрим «китайские дела» на московских переговорах. В отличие от двух предыдущих, это был политический, даже геополитический вопрос — пожалуй, самый важный среди трех. Именно ему были посвящены беседы Гото со Сталиным. Обеспокоенный усилением инспирируемой и поддерживаемой Москвой коммунистической пропаганды в Северном Китае, Гото еще в конце 1926 г. говорил Довгалеvскому, что «японско-советское соглашение по вопросу о Северо-Восточном Китае ускорило бы процесс «стабилизации» Китая, следствием чего было бы участие Китая в соглашении. По мнению Гото, это тройственное соглашение привело бы к новому соотношению сил в бассейне Тихого океана и перераспределению богатств этого района. В ответ ему было разъяснено, что Советский Союз не может вступать в какие-либо со-

глашения о третьих странах без их ведома. План тройственно-го соглашения не вызвал возражений» (10).

19 января 1927 г. Гото вызвал к себе Мицукава Камэтаро, профессора Университета Такусёку (в котором, напомним, был ректором), молодого, но уже признанного специалиста по Китаю. Подробно изложив свое видение ситуации, Гото поручил ему составить меморандум о русско-японском сотрудничестве в деле решения китайских проблем, который собирался распространить для обсуждения среди влиятельных представителей политических и деловых кругов. Мицукава немедленно взялся за работу и уже на следующий день вручил документ довольному ректору. После его смерти Мицукава обнародовал меморандум, но публикация была сделана небрежно, поэтому в 1990 г. историк М. Ёсимура опубликовал его по автографу, хранящемуся в мемориальном музее Гото (11).

Знакомство с меморандумом показывает, что именно он был использован во время визита в Москву. После первой встречи Гото с Караханом Мори передал ему памятную записку виконта, написанную по-немецки и сразу же переведенную на русский. За исключением вступительных фраз о целях приезда в СССР и последнего абзаца о предстоящем Тихоокеанском конгрессе, содержание этой записки и меморандума Мицукава совпадает.

Приведу этот текст полностью, так как в нем все изложено четко и понятно, несмотря на шероховатости торопливого перевода. Время поджимало, и Наркоминделу было не до стилистических красот. Перевод сохранился в двух вариантах, наиболее важные разночтения которых я привожу в примечаниях. Разбивка текста на абзацы — моя, для облегчения чтения.

«Причиной моей поездки в Советскую Россию, несмотря на мой преклонный возраст, после тяжелой болезни, в такие тяжелые времена*, было отчасти исполнение моего долголетнего желания вступить в личные отношения с руководящими кругами новой советской страны и изучить на месте новые вещи и новые отношения. Однако мое другое желание еще больше толкнуло меня на этот шаг, а именно моя искренняя мысль найти средства и пути для разрешения китайской проблемы путем взаимопонимания** между Японией и Советским Союзом.

* В другом варианте перевода: «в такое исключительно холодное время».

** В другом варианте: «соглашения».

Не требуется особо подчеркивать, что небезопасность и беспорядки в Китае представляют собой крупнейшее зло и опасность для всего мира. И если в критический момент, когда всемирные противоречия начинают концентрироваться в области Тихого океана, предоставить событиям свободно развиваться будет серьезнейшая опасность создания нового балканского вопроса в международном положении Восточной Азии.

Само собой разумеется, что дело самих китайцев разрешать внутренние противоречия. Идеалом, понятно, было бы восстановление порядка и безопасности собственными силами Китая, без помощи заграницы. Так как, однако, теперешние беспорядки приносят серьезный ущерб соседним странам, срочной задачей наших обеих стран является нахождение пути и средств для ускорения восстановления порядка и стабилизации Китая. Несмотря на то что Япония наиболее затрагивается китайскими волнениями, влияние положения в Китае не ограничивается одной Японией, а является большим дезорганизующим событием в Восточной Азии, чем втягивается в волнения весь мир.

Очень трудно узнать и определить действительное положение вещей и действительные отношения в Китае. Политические и национальные вопросы в Китае нельзя взвешивать и определять европейскими представлениями и масштабами. Так, например, коммунистическое движение в Китае, которое, кажется, очень легко может достигнуть своей цели, очень тяжело проходит, благодаря глубоким противоречиям со старой собственной культурой.

Имеется опасность в том, если иметь в виду только современных властителей (Китай. — *В.М.*) и связаться с ними. Среди теперешних государственных деятелей, которые занимают влиятельные посты, связанных друг с другом, не имеется ни одной выдающейся личности, которая могла бы на длительный срок сохранить свое господствующее положение. Поэтому невозможно односторонней защитой (кого-либо из них. — *В.М.*) добиться стабилизации в стране. Например, Чжан Цзолин может только игрой на английских и американских влияниях против Японии или используя временами Японию, временами англо-американские государства против Советского Союза сохранить свое положение*. Однако с известной уве-

* Традиционная китайская стратегия «бить варваров руками других варваров»; напомним, что «варварами» в Китае называли любых иностранцев.

ренностью можно принять, что его время продлится недолго и что его власть в недалеком будущем будет потеряна. К тому же очень сомнительно, будут ли обладать его эвентуальные (предполагаемые. — В.М.) наследники какой-либо действительной силой.

Оставаться с такими нетвердыми властителями — значит ждать 100 лет наведения порядка на реке Янцзы. По меньшей мере, бесперспективно наведение порядка и стабилизация в Китае его собственными силами в ближайшее время. И это невыносимое положение как раз для Японии и, очень возможно, для самого Советского Союза.

Как уже выше сказано, следует избегать иностранного вмешательства во внутренние дела Китая. Однако чистосердечное обсуждение и обоюдное согласие между Советским Союзом и Японией относительно их китайской политики является срочной задачей времени, принимая во внимание теперешнее положение, и для того, чтобы не упустить общую цель. Лига Наций в теперешнем состоянии не может разрешить китайскую проблему, и вообще ясно, что китайская проблема не может быть разрешена только путем международных разговоров. Если обдумать, что китайская проблема может быть разрешена только обоюдным пониманием между Японией и Советским Союзом, то не нужно этим заниматься только через сто лет*.

Конечно, полное слухов открытое заявление** о совместных действиях обеих стран повредит успеху дела. Поэтому нужно внутреннее действительное взаимопонимание обеих стран как необходимая предпосылка для разрешения китайской проблемы.

Так как Советский Союз является гигантской страной в Европе и Азии, его внешняя политика многосторонняя и сложна. Европейская политика Советского Союза затрагивает нас только косвенно; наоборот, его китайская политика затрагивает наши интересы непосредственно и серьезно. Для того чтобы обеспечить мир в Восточной Азии и, таким образом, во всем мире, совершенно необходимо создать безусловное взаимопонимание и одинаковый образ действий обеих стран в китайской политике. Для этого для обеих сторон необходимо пожертвовать теперешними преимуществами в пользу общего

* В другом варианте: «то не придется через сто лет раскаиваться (сожалеть о потерянном)».

** В другом варианте: «шумное публичное осведомление».

большого дела. Само собой разумеется, что детальное обсуждение следует перенести на последующие встречи обеих соответствующих сторон с принятием во внимание многосторонности и разнообразия (вопроса. — В.М.), которые не могут быть разрешены со дня на день. Для начала было бы достаточно двустороннего заявления, что китайская проблема должна рассматриваться как затрагивающая обоюдные интересы и может быть разрешена обоюдным сотрудничеством.

При этом я хочу обратить внимание советского правительства на следующее дело, а именно на предстоящий в будущем году в Японии Тихоокеанский конгресс. Тихоокеанский конгресс был до сих пор конгрессом миссионеров и ученых стран, заинтересованных в Тихом океане. До сих пор он собирался на Гавайях*, чтобы дискутировать научные и духовные вопросы. Понемногу деятельность Тихоокеанского конгресса распространилась на практические вопросы. Ожидается, что в будущем году будут обсуждаться и политические вопросы. Хотя Тихоокеанский конгресс имеет чисто частный характер, его решения имеют значительное влияние на общественное мнение соответствующих стран, хотя бы благодаря участию известных лиц из различных стран. Можно пожалеть о том, что Советский Союз до сих пор не принимал участия в конгрессе. Было бы желательно, чтобы Советский Союз принял участие в следующем конгрессе и обсудил бы свою точку зрения с другими странами. Если, однако, посылка делегации с какой-либо точки зрения советским правительством будет признана нежелательной, было бы желательно созвать новый особый восточно-азиатский конгресс, в котором Япония, СССР и Китай были бы организаторами» (12).

В качестве главной позиции Гото подчеркивал важность именно *двустороннего* сотрудничества Японии и СССР в деле обеспечения политической стабильности в Китае, которая станет гарантом успешного экономического освоения и развития региона. На то, что сами китайцы в ближайшее время смогут решить свои проблемы, он не рассчитывал. И имел на то основания.

«Неспособность Китая навести порядок в собственном доме является источником его проблем в отношениях с другими странами», — говорил десять лет спустя японский дипломат Сума Якитиро, обращаясь к американской аудитории (13). После Синьхайской революции 1911 г. Китай перестал суще-

* В оригинале (оба варианта): «в Гавайе».

ствовать как единое централизованное государство. В Маньчжурии, которой в основном и касались предложения Гото, единолично правил «старый маршал» Чжан Цзолин, полностью контролировавший правительство в Пекине, которое признавалось большинством иностранных держав в качестве общенационального. Кроме него существовали «левое» гоминьдановское правительство в Ухани во главе с Ван Цзинвэем и «правое» гоминьдановское правительство в Нанкине во главе с Чан Кайши, провозглашенное 16 апреля 1927 г. «национальным правительством» Китая. Часть провинций находилась под контролем «местных Калигул» — военных-феодалов-гангстеров, обычно называвших себя «генералами» и до поры до времени сохранявших верность наиболее сильным или, напротив, наиболее снисходительным к ним «центральным» режимам. Стали появляться на карте Китая и «советские районы». «Так как в Китае при настоящих условиях неурядицы отсутствует политический центр, следует опасаться, что трудно будет найти ответственного партнера для переговоров», — справедливо отмечалось в новой записке Гото, переданной 6 января Карахану (14).

Чжан Цзолин, которого будущий премьер Танака в годы русско-японской войны спас от расстрела по подозрению в шпионаже, находился под влиянием японцев, одновременно стараясь найти *modus vivendi* с Советской Россией. Однако в середине двадцатых он решил избавиться от опеки Токио и переориентироваться на Вашингтон и Лондон. Чан Кайши получал помощь от США, но решил прийти к компромиссу с японцами. Весной 1927 г. его эмиссары встречались в Токио с Танака, который уверил нанкинский режим в «симпатии» и «моральной поддержке», если тот сосредоточится на борьбе с коммунизмом и наведет порядок на контролируемой им территории. Против войны с уханьским «правительством» японцы не возражали, но решительно заявили о своих «специальных интересах» в Маньчжурии.

В октябре 1927 г., незадолго до визита Гото в Москву, к Танака приехал Чан Кайши. Он внимательно выслушал разъяснения премьера о японских интересах и целях в Китае и пришел к выводу, что с его собственными намерениями они не совпадают. «Япония приветствовала приход Чан Кайши... Его стали называть «сильным человеком» Китая. Сильный человек — вот кого Япония хочет видеть во главе китайского правительства. Япония не рассчитывала, что Чан в один момент изменит Китай, но надеялась, что со временем он станет на-

столько силен, чтобы говорить за большую часть Китая и гарантировать выполнение соглашений, заключенных им от имени Китая» (15). Тем временем позиция Чжан Цзолина становилась все более антияпонской. 4 июля 1928 г. он был убит в результате покушения, организованного группой офицеров Квантунской армии. Подготовкой убийства руководил полковник Комото Дайсаку, который четверть века спустя, уже после американской оккупации, детально и откровенно рассказал об этом*. Однако цели японцы не достигли. Сын и преемник Чжан Цзолина «молодой маршал» Чжан Сюэлян занял еще более антияпонскую и антисоветскую позицию, что стало главной причиной конфликта на КВЖД летом 1929 г.

План Гото, изложенный в меморандуме, был ориентирован как раз на предотвращение конфликтов, поскольку и он, и Мицукава были связаны, прежде всего, с деловыми кругами. Их беспокоило усиление агрессивной коммунистической пропаганды, причем не столько в Маньчжурии, где «старый маршал» искоренял ее с помощью беспощадных репрессий, сколько в соседних провинциях. Гото был за сотрудничество с Советской Россией, но против «советизации» Китая. На этой позиции стояло абсолютное большинство японских военных и дипломатов, хотя, например, Сидэхара 2 апреля 1927 г. заявил английскому послу: «Даже если Китай станет коммунистической страной, мы не слишком испугаемся этого» (16). «С этим Токио примириться никак не может, — говорил Копп Беседовскому в 1926 г., — ибо советизированный Китай означал бы смертельную угрозу для Японии и перспективу потери ею маньчжурских и шаньдунских позиций... Одно дело приемлемая для Японии любая форма буржуазной государственной власти в Китае, даже самая крайняя левая форма этой власти (например, уханьский режим. — *В.М.*), и совсем иное дело — советизация Китая, то есть, будем говорить прямо, анархия, распад Китая, всеобщая резня и невозможность вести с Китаем какую бы то ни было торговлю». «Китайцы не хотят быть кроликами для опытов Бородина и Коминтерна», — заключил Копп (17).

Те же идеи Гото изложил еще в одной записке для премьер-ра, которую вручил ему 15 июня 1927 г. События показали, что

* Д.П. Прохоров в «Независимом военном обозрении» (27.06.2003) утверждает, что убийство было организовано резидентурой ОГПУ в Харбине во главе с Н. Эйтингоном. Поскольку автор ссылается только на утверждения покойного Д.А. Волкогонова и никаких документов в подтверждение своей версии не приводит, ее следует отнести к числу сомнительных.

Танака в полной мере воспринял их, хотя — как военный — был больше склонен оправдывать расширение японского военного присутствия в регионе и даже применение силы, как во время шаньдунских кризисов. Но нет никаких сомнений в том, что идеи и планы, изложенные Гото в Москве, получили предварительное одобрение премьера.

Кстати, в пресловутом «меморандуме Танака» по этому поводу сказано: «Для того, чтобы соперничать с красной Россией в области экономики и политики, мы сначала обязательно должны превратить Китай в свой аванпост, а сами будем контролировать его с тыла и тем самым воспрепятствуем росту влияния красной России. Одновременно мы должны тайно блокироваться с красной Россией, чтобы воспрепятствовать таким путем росту влияния Китая и обеспечить тем самым завоеванные нами права в Маньчжурии и Монголии. Целью политики восстановления японско-русских дипломатических отношений, провозглашенной в свое время г-ном Гото Симпэй, и приглашения Иоффе было главным образом использование России для обуздания Китая». «Меморандум» — источник сомнительный, но известный. Поэтому для полноты картины я его все же процитирую.

Когда в Москве Гото вернулся к этой теме, он прямо сказал, что вести о советско-японском сближении умерят амбиции Чжан Цзолина и сделают его послушнее, специально оговорив, что его «предложение по поводу Китая не касается вопроса о коммунистическом движении в Китае». Однако Чичерин сделал прямо противоположный вывод: поездка Гото «направлена против Коминтерновской линии в Китае», о чем написал Сталину 26 декабря. Ссылаясь на слова влиятельного немецкого журналиста и аналитика Пауля Шеффера, нарком отмечал, что «параллельно с ростом коммунистического половодья в Германии (! — В.М.) начинает меняться и направляться против нас настроение буржуазного общества» (18). Похоже, это ошибка, и речь идет о Китае. Ведь то же самое — применительно к Китаю — Шеффер, по свидетельству Беседовского, говорил Коппу в Токио.

Заявив 29 декабря Чичерину, что «целью японского правительства теперь сделалось — *создать свою самостоятельную японскую внешнюю политику*, Гото, понимая ограниченность своих полномочий, предложил наркому говорить как «частные и в то же время как не совсем частные» лица (помните «официальные неофициальные» переговоры, в которые премьер Като вовлекал Иоффе). Чичерин уверенно ответил: «Мы считаем

в высшей степени желательным и даже необходимым соглашением между нашими правительствами по всем вообще вопросам, которые между нами стоят, и, между прочим, по вопросам, касающимся Китая... Наша принципиальная позиция есть желательность длительного соглашения и дружественных отношений с Японией». Но тут же добавил, что переговоры должны быть официальными и на базе конкретных предложений (19).

Разговору с Гото предшествовало заседание политбюро. «Инстанция» постановила (надо полагать, по итогам встречи): «Поручить т. Чичерину при свидании с Гото заявить приблизительно следующее: 1) Мы согласны, что китайская проблема действительно представляет предмет общих интересов, который подлежит разрешению путем взаимного понимания, причем понятно, что китайская сторона не должна терпеть ущерба, как правильно говорит об этом меморандум барона (правильно: виконта, но для политбюро это, видимо, было не так важно. — В.М.) Гото. 2) Мы считаем, что престиж СССР в Китае, в китайском народе, достаточно велик, чтобы его поддержание могло требовать каких-либо экстраординарных мер. Что касается китайских коммунистов, то коммунистическая пропаганда, по нашему мнению, не представляет собой чего-либо особенного, из ряда вон выходящего, т.к. она существует везде во всех странах, в том числе и в Японии. Мы не понимаем той тревоги и беспокойства, которые проявляют некоторые японцы. Коммунистическая пропаганда является неизбежным спутником национального движения, и, коль скоро допущено национальное движение в Китае, обязательно будет иметь место и коммунистическая пропаганда. Наше отношение к китайским делам с точки зрения коммунистической пропаганды состоит в том, что мы придерживаемся абсолютного нейтралитета. Мы ни в коем случае не допустим, чтобы кто-либо из служащих наших учреждений в Китае когда-либо имел то или иное отношение к коммунистической пропаганде. Никто из наших служащих, уличенных или заподозренных в коммунистической пропаганде, не может быть оставлен в учреждении ни одной секунды. Пусть скажет Гото, что нужно еще предпринять, чтобы избавить японцев от преувеличенной, а иногда прямо смешной тревоги по поводу коммунистической пропаганды в Китае».

Гостю передали все в точности. Не вызывает сомнений и то, что он не поверил, когда нарком говорил: «Правительство и Коминтерн представляют собою совершенно различные организации, и их работа совсем другая». Но не подал виду. Выслушав в 1935 г. аналогичные разъяснения от Литвинова, известный аме-

риканский журналист Хью Бейли заметил: «Мне пришлось скрывать свое недоверие, потому что одно из худших нарушений приличий в России — дать понять собеседнику, что вы понимаете, что он лжет» (20). Впрочем, официальные утверждения Москвы, что Коминтерн не связан с советским правительством и тем более не подчиняется ему, могли быть на руку не только СССР, но и Японии. В 1930-е годы Советский Союз заявлял, что не оказывает военной помощи Испании или Китаю, но не может запретить это добровольцам или общественным организациям. Однако и в Токио, ссылаясь на те же самые разъяснения, доказывали, что политика Японии, кульминацией которой стал Антикоминтерновский пакт 1936 г., направлена против некоей международной общественной организации, а отнюдь не против суверенного государства, «приютившего» ее на своей территории.

6 января Гото снова беседовал с Караханом о китайских делах и оставил ему новую памятную записку, повторявшую и развивавшую основные мысли предыдущей. Заявив уже более категорично, что участие Китая в урегулировании ситуации невозможно из-за отсутствия там центральной власти, виконт сделал вывод, что нет иного выхода, кроме как срочно решать проблему совместными усилиями Москвы и Токио. В заключительной части записки он сообщал, что намеревается делать сам:

«1. Если моя мысль (о необходимости согласования политики СССР и Японии в Китае. — *В.М.*) одобряется советской стороной, я буду в интересах закрепления вышеизложенных внешнеполитических руководящих принципов делать все наилучшее, независимо от перемены кабинета; в особенности, путем использования моей личной дружбы с руководящими деятелями всех политических партий, как правительственных, так и оппозиционных, я буду бороться за то, чтобы вышеизложенные руководящие принципы, независимо от перемены кабинета и преобладая над партийными спорами, образовали бы стабильную национальную политику.

2. Я буду сначала обсуждать это дело с руководителем теперешнего правительства. Пока наше правительство начнет официальные переговоры о конкретных мероприятиях, я желал бы, чтобы мое предложение рассматривалось бы как обсужденное в частном порядке между руководителями Вашей страны и мною, «ответственным без ответственности» (то есть «официально неофициально». — *В.М.*), и чтобы далее шло обсуждение в том же духе, открыто и без оговорок. Оно должно иметь официальный характер только тогда, когда японское правительство официально к этому приступит».

Гото решил обсудить эту проблему со Сталиным, поскольку больше всего верил в личные контакты. Сталин в те годы практически не встречался с иностранными некоммунистическими деятелями, но сделал приметное исключение для Кухара, с которым беседовал тет-а-тет, в присутствии только переводчика, а затем для виконта.

Обстоятельные японские записи бесед Гото со Сталиным, сделанные Ясуги, точно и полно передают их содержание, включая некоторые реплики вождя, воспроизведенные по-русски.

Первая беседа Гото со Сталиным 7 января началась с прямого и, надо полагать, вполне откровенного обмена мнениями. Гото сказал, что Китай находится в хаосе и оставлять его в этом положении крайне опасно. Сталин ответил, что решение китайской проблемы затруднено по трем причинам. Во-первых, это отсутствие в Китае единой центральной власти; во-вторых, вмешательство иностранных держав в китайские дела без должного знания и понимания внутривластной обстановки и местных особенностей; в-третьих, возможность усиления в Китае — в условиях постоянного давления извне — ксенофобских и изоляционистских настроений. Согласившись с собеседником, Гото вернулся к своей излюбленной мысли, что поддержание мира на Востоке зависит от сотрудничества СССР и Японии, а в перспективе — и Китая. «Значит, Вы хотите, — переспросил Сталин, — чтобы Россия ничего не предпринимала в Китае, не посоветовавшись с Японией? Таково желание Японии?» Гото поспешил заверить, что это не так, но именно слаженность действий двух стран является залогом успешного поддержания мира и стабильности.

Согласившись в принципе с идеей японско-советских консультаций по китайским проблемам, Сталин спросил, что Гото считает нужным для их успеха. Гото начал с того, что японская дипломатия до сих пор в значительной степени ориентируется на США и Великобританию, но понимание необходимости проведения независимой внешней политики усиливается. Партнерство с Россией и Китаем стало бы проявлением ее независимости. Однако он снова выразил опасения относительно возможной «большевизации» Китая в результате деятельности Коминтерна, сделав вежливую оговорку, что понимает различие между этой организацией и советским правительством и что сам он Коминтерна не боится. Но многие в Японии боятся.

Сталин заметил, что в Китае идет интенсивная борьба угнетенных классов против угнетателей, которая и является

главной причиной нестабильности. В таких условиях распространение идей коммунизма естественно и неизбежно. Коминтерн существует девять лет, продолжал генсек, а нестабильность в мире возникла куда раньше. Переходя к отношениям Коминтерна с советским государством, он не без иронии заметил: за границей одни считают, что правительство руководит Коминтерном, другие, что Коминтерн руководит правительством, но ни те, ни другие не правы. Коминтерн — международная политическая организация, охватывающая много стран, и т.д. Словом, повторение всего того, что десятью днями раньше политбюро постановило отвечать японскому гостю.

Гото напомнил, что пришел для обмена мнениями по конкретным вопросам, а не для общих политических оценок. В качестве основных минусов политики России в отношении Китая он указал на недостаточное знание и понимание ситуации, а также на склонность к поспешным действиям. «Корни древней цивилизации в Китае очень глубоки, и новому общественному движению там трудно добиться успеха». Впрочем, признал Гото, и в японской политике в отношении Китая не все хорошо. Сталин согласился и с первым, и со вторым, заметив, что главным недостатком японской политики является непонимание характера «нового общественного движения» в Китае. Новый национализм Китая, вызванный к жизни экспансией иностранных держав, аналогичен тому, который появился в Японии «семьдесят лет назад» (то есть перед *Мэйдзи исин*) и укоренен в ее современной цивилизации.

Затем вопросы стал задавать Сталин. Собеседники говорили о Чжан Цзолине (Гото заметил, что его режим непрочен и долго не продлится) и о бесперспективности ориентирования японской политики в Китае на США (Гото согласился), после чего генсек поинтересовался идеями гостя относительно экономического сотрудничества. Виконт ответил, что в этот раз собирался говорить только о китайских делах и попросил о второй встрече, которая состоялась 14 января. На сей раз почти весь разговор был посвящен рыболовной конвенции, но Сталин снова заговорил о маньчжурском диктаторе, охарактеризовав его как реакционного и ограниченно-го националиста, не знающего окружающего мира и не понимающего происходящих в нем глобальных процессов.

Подводя итоги визита во время заключительной встречи с Чичериним, Гото вернулся к торговому договору и пакту о ненападении, заключить который советская сторона предлагала

уже не раз. Премьер Танака уклонялся от этого, опасаясь негативной реакции со стороны США и Великобритании, о чем Гото прямо говорил в Москве. Руководство МИД Японии ставило пакт о ненападении в зависимость от рыболовной конвенции и торгового договора. Виконт предлагал сценарий постепенного продвижения к цели, предусматривавший вслед за заключением рыболовной конвенции подписание торгового договора и ряда концессионных соглашений, что подготовило бы правящие круги и общественное мнение Японии к переговорам о политическом соглашении. На это Чичерин ответил: «Советский Союз, со своей стороны, считает подписание, как торгового договора, так и пакта о ненападении в высшей степени желательным. СССР к этому стремится и будет их приветствовать» (21).

Визит в Москву действительно стал «лебединой песней» Гото. Первоначально Танака предполагал, что оттуда его посланец отправится в Берлин на предмет выяснения перспектив сотрудничества трех держав. Гото осторожно затронул этот вопрос в беседе с германским послом в Москве графом Ранцау, но тот ответил, что «идея японско-русско-германского союза принадлежит прошлому» (22). Однако граничащая с истерией нервозность лондонской и парижской прессы, вспомнившей, что Гото — старый германофил, вынудила его отменить вторую часть поездки. Еще 6 декабря 1927 г. французская газета «Эко де Пари» предупреждала: «Лица, принадлежащие к деловым кругам Японии, заявляют, что таковое соглашение (с СССР и Германией. — В.М.) необходимо для Японии, после того как Великобритания порвала с ней свой союз, а Америка изгнала Японию из своих пределов (имеются в виду антияпонские иммиграционные законы. — В.М.). Политическая комбинация, включающая в свой состав Россию, Германию и Японию, всегда поощрялась виконтом Гото». В Германию поехал только Мори, но подробности его вояжа нам неизвестны. Приведу, кстати, еще один любопытный факт: в 1919 г. — когда Германию топтали в Версале — в Японии вышло собрание речей «железного канцлера», составленное Мори под общим руководством Гото.

29 января виконт отправил с пограничной станции Оловянная теплые благодарственные телеграммы Чичерину и Карахану, а месяц спустя, уже из Токио, снова выражал свою признательность обоим в личных посланиях, прося не забывать и о поднятых в Москве вопросах. Те благодарили и выражали надежду на дальнейший прогресс двусторонних отноше-

ний, только что подкрепленный ратификацией рыболовной конвенции. Копии писем виконта легли на стол Сталину.

По возвращении домой Гото выступил с несколькими лекциями о поездке, высоко оценивая успехи СССР и призывая к расширению экономического и политического сотрудничества двух стран. Полпредство внимательно следило за его деятельностью, извещая Москву о наиболее заметных выступлениях. Исключительный интерес в Наркоминделе — и не только! — вызвала речь Гото в Осаком народном доме, опубликованная газетой «Осака майнити» 26 февраля.

Опуская ликбезовские сведения о «наших достижениях», которыми Гото щедро снабдили в Москве, приведу наиболее интересные фрагменты этой речи по «служебному» переводу НКВД, выполненному, видимо, в токийском полпредстве. Многое из сказанного в ней актуально и сегодня:

«Среди многих японцев глубоко предубеждение, что «Россия — страна опасная, страна, к которой нельзя приближаться». Но Россия — страна безграничных естественных богатств, тем самым весьма важная для нас с экономической точки зрения. Можно ли поэтому оставаться невнимательным к ней, вечно пятиться — «ах, мол, страшно». Раз навсегда покончить с этим предрассудком, уловить правильное представление о России, еще раз предложить его нации, создать из японско-русской дружбы факт — ради этого именно и поднялся я в далекий путь, махнув на тяжесть своих 72 лет.

Для нас нет пути к заключению мирного договора (готовившийся в то время многосторонний Антивоенный пакт, известный как «пакт Бриана—Келлога». — *В.М.*) в целом без принятия России, владеющей 1/6 мира, в свою среду. Не может и Россия существовать сепаратно, противостоя всем странам мира. И если она не среди нас, то виноваты в этом как они, так и мы. Я считал, что постигнуть причины этого, являющегося основным условием всеобщего мира, — это тоже один из поводов моей поездки в Россию.

Русская революция, худа ли она, хороша ли, — революция своеобразная и исключительная. Прежде чем прийти к новой экономической политике, Россия пережила много затруднений, ныне изживаемых*. Новая экономическая политика была введена Лениным как противовес последствиям системы военного коммунизма... В том и необычность Ленина, что он

* Мнение, широко распространенное среди зарубежных аналитиков, посещавших СССР во второй половине 1920-х годов.

исправил ошибочность им же созданных учреждений и немедленно ввел новую экономическую политику...

Оппозиция Троцкого, Каменева и др. удалена из состава ЦК за ее возражения новой экономической политике. Троцкий — подобие Сайго Такамори во время реставрации Мэйдзи, хотя правительство упорно проводило свою политику и до изгнания Троцкого. Русской аналогией Окубо (Тосимити. — *В.М.*) является Сталин. Пока существует Троцкий, трудно предугадать, как это отразится на правительстве. Есть и еще «неизвестные» (видимо, невыясненные. — *В.М.*) вопросы, но мое мнение таково: нынешнее правительство, вероятно, останется неизменным и будет проводить свою прежнюю политику. Я думаю еще, что если верно мое сравнение Сталина и Троцкого с Окубо и Сайго, то и русская революция сможет оказаться достаточно плодотворной».

Здесь следует прервать цитату и пояснить то, что для японского слушателя в зале Осацкого народного дома или читателя «Осака майнити» комментариев не требовало.

Всего за шесть десятилетий до речи Гото, уже на его собственных глазах, Япония пережила консервативную революцию *Мэйдзи исин*. Сайго Такамори и Окубо Тосимити были среди виднейших вождей мэйдзийских преобразований. Единые в понимании необходимости перемен, они радикально разошлись во мнениях о дальнейших путях страны. К середине 1870-х годов Окубо посчитал революционную фазу законченной и сосредоточился на стабилизации режима — а также своей личной власти, за что был прозван «японским Бисмарком» (опять это сравнение). Имевший звание генерала, самурай-пассионарий Сайго видел в углублении европеизации и замедлении темпов национальной революции измену. Поэтому он сначала удалился в оппозицию, а в 1877 г. поднял мятеж против центральной власти, в подавлении которого участвовал молодой врач Гото. Традиционное организованное самурайское войско сражалось храбро, но было наголову разбито модернизированной правительственной армией, а сам Сайго покончил жизнь самоубийством. Окубо торжествовал, но недолго: в следующем году его убили мятежные самураи (читайте «Алмазную колесницу» Бориса Акунина). Сайго, однако, недолго числился в инсургентах. Былые заслуги и непреходящая популярность побудили императора Мэйдзи посмертно реабилитировать его и вернуть ему все титулы, чины и награды. Сегодня в Японии Сайго и Окубо наравне почитаются как национальные герои, делавшие, строго говоря, одно и то же великое дело, но по-разному.

«Сравнение — не доказательство», гласит французская поговорка. Но для пояснения малознакомых реалий оно — вещь полезная. Можно спорить о правильности или уместности приведенной Гото аналогии, но немалая доля правды в ней есть. Троцкий был еще популярен — в этом виконт мог убедиться своими глазами — но уже проиграл. Сталин был еще не так популярен — Окубо тоже уступал Сайго в популярности — но уже выиграл. Генсек не считал, что революцию надо продолжать, за что троцкисты прозвали его «термидорианцем». Гото смог в полной мере оценить масштаб революционных преобразований, отделявших новую Россию от старой, но и их эксцессы. В НЭПе виконт, подобно большинству иностранцев, видел путь успешного превращения Советского Союза в «нормальную» страну, о чем писал Иоффе и Чичерину еще четыре года назад. Он многое идеализировал и чуть-чуть не дожил до разочарования в своих ожиданиях.

Просоветская позиция Гото не вызывала сомнений. Многие в его речи звучало как «красная» пропаганда. В те годы на основании закона об «опасных мыслях» полиция пресекала и куда более невинные выступления, но тронуть почтенного виконта, разумеется, не могла. Хотя «люди в штатском» в зале, конечно, сидели — и, надо полагать, внимательно наблюдали за реакцией присутствующих. А пожилой человек на трибуне продолжал рассказ о загадочной и неизвестной стране:

«Я нахожу естественным, что правительство, как говорят, более расположено к индустриальным рабочим, если иметь в виду, что это правительство не всенациональное, а пролетарское. Однако последствия этого — высокие промышленные и низкие сельскохозяйственные цены в крупной сельскохозяйственной стране, как Россия, — породили затруднения в крестьянской экономике и государственные осложнения, каковые значительно смягчены новой экономической политикой. Безработица из года в год держится на цифре свыше миллиона, составляя весьма важную экономическую и социальную проблему. Соответствующие инстанции своими усилиями разрешат, вероятно, и этот вопрос...

Численность коммунистической партии с каждым годом растет, в настоящее время составляя 600 000 человек. В партию принимают лишь со строгим разбором, но вступление в партию обеспечивает существование; впрочем, максимальное жалование — 250 иен (в тексте ошибочно 150, хотя Гото произ-

нес 250. — *Прим. документа* *) даже и для членов ЦК. Для членов компартии ни в работе, ни в заработке привилегий нет — наоборот, строжайшая наказуемость...

Все научно. Основы научности вырабатываются Госпланом, назначение которого — исследование причин и последствий. Госплан без стеснения отменяет вредное старое и вводит лучшее новое... Устранение неравенства индустриальных и сельскохозяйственных рабочих было достигнуто новой экономической политикой. Надо думать, что НЭП даст отличные результаты.

В заключение я призываю покончить с этим предрассудком — ставить вопрос о «красноте или синеве» каждого, кто едет в Россию. У меня свои убеждения, у другого — свои; уверяю, что мои убеждения ничуть не изменились от моего пребывания в России. Такие вещи, как Госплан, сопровождаемые научными начинаниями, одинаково уместны как в стране коммунизма, так и в государстве сюзерена. Разница лишь в коммунистическом духе. Боязнь же, что всякие настоятельные (видимо, радикальные. — *В.М.*) реформы в государственной экономической организации вдруг уподобят нас России, совершенно напрасна. Добрые начинания, осуществленные в России, мы возьмем, а плохие можем отбросить. Почему не использовать то, что удалось в этой лаборатории, именуемой Россией, впитывать и, разжевав, использовать — разве не в этом миссия «Ямато миндзоку» (японского народа)» (23).

29 июня 1928 г. Гото поздравил Чичерина с десятилетием пребывания на посту наркома иностранных дел — рекорд для главы внешнеполитического ведомства, что было дружно отмечено зарубежными газетами. Виконт особо оценил «глубокое понимание» Чичериным «реальностей восточно-азиатской жизни» и даже «геополитических отношений». В Японии того времени слово «геополитика» (тисэйгаку) было еще в новинку, но Гото наверняка был, хотя бы в общих чертах, знаком с теориями и работами германской геополитической школы.

Кроме поздравлений и добрых пожеланий, в письме была и деловая часть. За время, прошедшее после отъезда Гото из Москвы, ситуация в Китае существенно изменилась. 10 апреля Чан Кайши возобновил Северный поход, под лозунгом национального объединения, против Чжан Цзолина и коммунистов. Гоминьдановские министры активизировали маневры в

* Стало быть, в зале сидели и советские дипломаты — видимо, из консульства в Осака.

западных столицах. 19 апреля японский парламент принял решение об отправке войск в Китай, чтобы преградить путь Чан Кайши в Цзинани. 5 июня был занят Пекин, но пересекать границу Маньчжурии гоминьдановцы не решились, чтобы не обострять отношения с Японией, фактически находившиеся на грани настоящей войны. Через пять дней после отправки письма был убит Чжан Цзолин.

Объясняя отправку японских войск временной мерой, направленной исключительно на защиту соотечественников, Готто убеждал адресата: «Хотя быстрая перемена в положении вещей в Китае еще затрудняет соглашение с Китаем, я все-таки надеюсь, по крайней мере, что обе державы, Япония и Советский Союз, путем по возможности общего соглашения выправят общее положение в Восточной Азии и не позволят ей пойти по ложной дороге неестественного союза с такими странами, как Англия и Америка» (24).

Особо убеждать Чичерина в этом не было необходимости, хотя он официально осудил посылку японских войск в Китай в интервью 22 мая. Однако его пошатнувшееся здоровье вкупе с непрекращающимися интригами Литвинова и атлантистов из окружения последнего фактически привели к удалению наркома от дел. Уехав в Германию на лечение, Чичерин долго отказывался возвращаться, одновременно не желая официально сдавать должность злейшему врагу. «Инстанция» была недовольна, но медлила с резкими шагами, опасаясь «невозвращения» Георгия Васильевича, которое, конечно, стало бы мировым событием и скандалом посильнее бегства Беседовского через стену сада советского полпредства в Париже.

В конце концов, Чичерина тихо вернули в Москву и отправили на пенсию доживать свои дни в одиночестве и меланхолии, граничившей с душевным расстройством. Он так и не увидел изданным — хотя бы «на правах рукописи», как настойчиво, но тщетно просил — свой этюд о Моцарте и сошел в могилу в 1936 г., провожаемый краткими недружелюбными некрологами «Правды» и «Известий». Вспомнили его только в период «оттепели», издали том статей и речей по международным вопросам (увлекательное, надо сказать, чтение) и даже сняли фильм с Леонидом Филатовым в главной роли. Дававшиеся в советское время оценки деятельности Чичерина, конечно, были идеологизированными и сглаживали острые углы его судьбы. Поэтому сегодня стоит снова обратиться к этой незаурядной личности, справлявшейся — по убеждению автора этих строк — с руководством внешней политикой России

ничуть не хуже, а зачастую и лучше Ламздорфа, Извольского или Сазонова.

Гото и Чичерину больше не суждено было увидаться. В знак признания своих заслуг, не последнее место среди которых занимали нормализация отношений с Москвой и заключение рыболовной конвенции, в октябре 1928 г. он был возведен в графское достоинство. Позабыв о классовых предубеждениях, Наркоминдел поздравил его. Но силы старого евразийца были на исходе. 28 марта он приветствовал очередной выпуск руководимого им Университета Такусёку, а уже 13 апреля скончался от третьего кровоизлияния в мозг. Через три дня, при большом скоплении народа, прах Гото был погребен на кладбище Аояма, в центре Токио, где покоятся многие выдающиеся государственные деятели Японии. В том числе упомянутые на этих страницах.

Как только известие о его смерти дошло до Москвы, Карахан пригласил к себе японского поверенного в делах Сако Сюити (посол был в отъезде) и вручил ему ноту: «Прошу Вас принять и передать вашему Правительству искреннее и глубокое соболезнование по случаю смерти графа Гото. Правительство СССР в полной мере разделяет скорбь японского народа, потерявшего в лице графа Гото выдающегося государственного деятеля, заслуги и труды которого по упрочению и дальнейшему развитию отношений и взаимного понимания между нашими странами столь высоко нами ценились и играли столь важную роль в деле политического, экономического и культурного сближения между СССР и Японией. Эта потеря особенно тяжела мне лично, поскольку многолетнее наше сотрудничество научило меня ценить высокие личные качества покойного графа» (25).

В тот же день Карахан заявил японской газете «Нити-нити»: «Смерть графа Гото меня крайне поразила, ибо до самого последнего времени я имел сведения, что в состоянии его здоровья наступило улучшение. Мне незачем говорить Вам, как тяжело было мне получить печальное известие о смерти графа, не только потому, что в его лице ушла с арены политической жизни Японии крупная, колоритная фигура государственного деятеля исторического масштаба, но и потому, что в его лице СССР теряет одного из лучших друзей в Японии, положившего много энергии и труда для сближения между нашими обеими странами. Его имя было широко известно в нашей стране, и смерть его будет встречена у нас с печалью. Мне незачем говорить, как больно было мне лично узнать о кончине графа,

с которым я был связан личными дружескими отношениями» (26). Можно поверить в искренность этих слов, выходящую за пределы обычной дипломатической вежливости.

Карахан также поручил Трояновскому выразить сочувствие семье Гото. Соболезнования также выразили Довгалевский и бывший советник полпредства в Японии Иван Майский, будущий посол в Лондоне и академик. Жаль, что в его пространных мемуарах не нашлось места для рассказа о службе в Токио.

Некролог для центральных газет написал референт Карахана Алексей Канторович, он же «Аякс». Замнаркома лично визировал текст. «Весть о кончине графа Симпэй Гото будет воспринята общественным мнением Советского Союза с той грустью, с какой мы всегда провожаем в могилу наших друзей, какими бы далекими они от нас ни были по своей классовой принадлежности и мировоззрению» (27).

Вот уж точнее не скажешь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

1929 год стал переломным для российской и всемирной истории. Начался мировой экономический кризис, обрушивший нью-йоркскую биржу и немедленно ударивший по всем крупным странам, кроме Советского Союза и фашистской Италии, стремившейся преодолеть зависимость от мирового финансового капитала. Период послевоенного процветания и радужных надежд оборвался резко и болезненно.

В Японии смерть графа Гото была далеко не главным событием года. «Решительная» дипломатия Танака в Китае не дала ожидаемых результатов, а только обозлила националистов и примирила прежних врагов — Чан Кайши и «молодого маршала» Чжан Сюэляна, которые теперь рассматривали Токио и Москву в качестве общих врагов. 3 июня 1929 г. Япония официально признала нанкинские власти единственным законным правительством Китая. Однако скандальные подробности убийства Чжан Цзолина и причастности к нему японских офицеров в начале июля свалили кабинет Танака. Несколько месяцев спустя генерал скоропостижно скончался.

С Гото и Танака уходила в прошлое целая эпоха. Эпоха классического империализма, верившая в личные связи «сильных мира сего» больше, чем в декларации и манифесты, и предпочитавшая раздел сфер влияния «на двоих» многосторонним договорам без ярко выраженных союзнических обязательств. Идея русско-японского партнерства в Азии потеряла самых верных и влиятельных сторонников. Новый атлантический кабинет Хамагути—Сидэхара не хотел ссориться с Советами, но и дружить не хотел. Эксперименты Коминтерна в Китае, не оставлявшие более никаких сомнений в методах и намерениях Москвы, доверию тоже не способствовали.

Начало лихорадить и Советский Союз. В партии обнаружился «правый уклон» во главе с главным теоретиком Бухариным и председателем Совнаркома Рыковым. Политбюро, только недавно избавившееся от «левых» возмутителей спокойствия Троцкого, Каменева и Зиновьева, снова раскололось. Сталин принял решение о сворачивании НЭПа и прове-

дении сплошной коллективизации, что обернулось национальной трагедией. Начались показательные шоу-процессы «вредителей» и «шпионов». Волна гонений на офицеров, священников, ученых показала, что новая власть решила расправиться с интеллигенцией. Те, кого прочили им на смену, выглядели куда как жалко. В общем, превращение Советского Союза в «нормальную» страну, на которое так надеялся Гото, не состоялось.

Конфликт на КВЖД летом 1929 г. грозил перерасти в полномасштабную советско-китайскую войну. Но не перерос, главным образом, благодаря эффективным действиям советских войск и — не будем забывать — нейтралитету Японии. Поддерживать Чжан Сюэяна против Блюхера не собирались ни в Квантунской армии, ни в Токио. Двусторонние отношения оставались вполне корректными до начала «Маньчжурского инцидента» — японской оккупации Маньчжурии в сентябре—октябре 1931 г.

По мере развертывания японской экспансии отношения стали портиться, чему способствовало окончательное укрепление Литвинова на посту наркома иностранных дел. Конечно, никакой независимой политики он не проводил, а только реализовывал генеральную линию. Ее определял Сталин и разделяли его соратники, с которыми вожь еще иногда советовался. От Литвинова многое зависело в повседневной, рутинной работе Наркоминдела. Тут, как в случае с Германией, его позиция была откровенно недружелюбной, хотя он уделял мало внимания дальневосточным делам. Они были прерогативой сначала Каракхана, потом Григория Сокольников, бывшего наркома финансов, троцкиста и полпреда в Лондоне. Особого вреда отношениям с Японией он не принес. Пользы, впрочем, тоже.

Но не будем забегать вперед. Я ставлю точку на смерти графа Гото и намереваюсь рассказать о двух следующих десятилетиях советско-японских отношений — в 30-х и 40-х годах — в новой книге «Россия и Япония: меч на весах». Она уже в работе.

Любой автор стремится иметь как можно больше читателей. Например, я очень хочу, чтобы мою книгу прочитали все российские дипломаты, так или иначе связанные с Японией. Дипломатическая история у практиков не в чести, а зря. Возможно, она ничему не учит, — как и история вообще — но показывает, что России и Японии можно и нужно дружить. А также — как это делалось на практике. И с какими результатами.

Я очень хочу, чтобы мою книгу перевели и прочитали в Японии. Образованные японцы внимательны к своей исто-

рии. Интерес к России у них невелик, а уровень знаний о ней, признаться, низок, хотя людей, любящих и знающих нашу страну, я встречал здесь немало. Надеюсь, моя книга дойдет до японских дипломатов и аналитиков и тоже заставит их задуматься.

История российско-японских отношений убедительно свидетельствует об одном. Когда мы жили в мире и сотрудничали, это приносило выгоду обеим странам. Когда мы конфликтовали и тем более воевали, это приносило столь же обоюдный вред. Тем временем атлантистские державы в позиции «третьего смеющегося» наблюдали и радовались. Потому что более всего на свете опасались объединения Евразии.

Конечно, политические реалии переменились, но геополитика осталась прежней. Поэтому тот, кто сегодня пытается усложнить и без того непростые российско-японские отношения, объективно служит интересам атлантистского «мирового острова», в какие бы «патриотические» одежды при этом ни рядился. Я искренне надеюсь, что усилия этих лжерадетелей за Россию успехом не увенчаются.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Русско-японские отношения 1899–1929 гг.: действующие лица

Российские министры иностранных дел

Михаил Николаевич Муравьев, 1897–1900.

Владимир Николаевич Ламздорф, 1900–1906.

Александр Петрович Извольский, 1906–1910.

Сергей Дмитриевич Сазонов, 1910–1916.

Борис Владимирович Штюрмер (премьер), июль–ноябрь 1916.

Николай Николаевич Покровский, ноябрь 1916–февраль 1917.

Павел Николаевич Миллюков, март–май 1917.

Михаил Иванович Терещенко, май–октябрь 1917.

Лев Давидович Троцкий, октябрь 1917 – март 1918.

Георгий Васильевич Чичерин, 1918–1930.

Главы российских дипломатических представительств в Японии

(до 1 мая 1908 г. Чрезвычайный и полномочный посланник, затем Чрезвычайный и полномочный посол; с 1925 г. – полномочный представитель)

Роман Романович Розен, 1897–1900.

Александр Петрович Извольский, 1900–1903.

Роман Романович Розен, 1903–1904.

Григорий Александрович Козаков (поверенный в делах), февраль–апрель 1906.

Георгий (Юрий) Петрович Бахметев, 1906–1908.

Николай Александрович Малевский-Малевиц, 1908–1916.

Василий Николаевич Крупенский, 1916–1922.

Дмитрий Иванович Абрикосов (поверенный в делах), 1922–1925.

Виктор Леонтьевич Копп, 1925–1926.

Григорий Зиновьевич Беседовский (поверенный в делах), 1926–1927.

Валериан Савельевич Довгалецкий, июнь–ноябрь 1927.

Иван Михайлович Майский (поверенный в делах), 1927–1928.

Александр Антонович Трояновский, 1928–1933.

Японские премьер-министры и министры иностранных дел

Ямагата Аритомо – Аоки Сюдзо, 1898–1900.

Ито Хиробуми – Като Такааки, 1900–1901.

Кацура Таро – Комура Дзютаро, 1901–1906.

Сайондзи Киммоти – Като Такааки, январь–май 1906, Хаяси Тадасу, 1906–1908.

Кацура Таро – Комура Дзютаро, 1908–1911.

Сайондзи Киммоти – Утида Косай, 1911–1912.

Кацура Таро – Като Такааки, 1912–1913.

Ямамото Гоннохё – Макино Нобуаки, 1913–1914.

Окума Сигэнобу – Като Такааки, 1914–1915, Исии Кикудзиро, 1915–1916.

Тэраути Масатакэ – Мотоно Итиро, 1916–1918, Гото Симпэй, апрель–сентябрь 1918.

Хара Такаси – Утида Косай, 1918–1921.

Такахаси Корекиё – Утида Косай, 1921–1922.

Като Томосабуро – Утида Косай, 1922–1923.

Ямамото Гоннохё – Идзюин Хикокити, 1923–1924.

Киёура Кэйго – Мацуи Кэйсиро, январь–июнь 1924.

Като Такааки – Сидэхара Кидзюро, 1924–1927.

Танака Гиити – Танака Гиити, 1927–1929.

Главы японских дипломатических представительств в России

(до 1 мая 1908 г. Чрезвычайный и полномочный посланник, затем Чрезвычайный и полномочный посол)

Хаяси Тадасу, 1897–1899.

Сугимура Коити (поверенный в делах), 1899–1900.

Комура Дзютаро, май–ноябрь 1900.

Сугимура Коити (поверенный в делах), 1900–1901.

Тинда Сутэми, 1900–1901.

Сугимура Коити (поверенный в делах), 1901–1902.

Курино Синъитиро, 1902–1904.

Мотоно Итиро, 1906–1916.

Марумо Наотоси (поверенный в делах), 1916–1917.

Утида Косай, 1917–1918.

Сато Наотакэ (поверенный в делах), март–июль 1925.

Танака Токити, 1925–1930.

ПРИМЕЧАНИЯ

Принятые сокращения

АВП РИ – Архив внешней политики Российской империи

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации

ДВП – Документы внешней политики СССР

МО – Международные отношения в эпоху империализма

НГБ – Нихон гайко бунсе. (Документы внешней политики Японии): с указанием серий (НГБ-Мэйдзи за 1868–1912 гг., НГБ-Тайсе за 1912–1926 гг.) или названий тематических томов.

Сокращения в описании архивных шифров: ЯС (Японский стол), Ф (фонд), Оп (опись), Д (дело), Л (лист).

К предисловию

1. Хаусхофер К. О геополитике. М., 2001. С. 240.

2. Россия и пространство // Элементы. № 4 (1993).

К главе первой

Источники: Вл. Соловьев: 1) Сочинения. Т. VI. СПб., б.г. («Китай и Европа», «Япония», «Мир Востока и Запада»); 2) Сочинения. Т. 2. М., 1988 («Кризис западной философии», «Три силы», «Враг с Востока», «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории»); 3) Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. В.Я. Брюсов: Мировое состязание. Политические комментарии, 1902–1924. М., 2003 (там же письма Перцова к Брюсову). А. Белый: 1) Петербург. М., 1979 («берлинская» редакция); 2) Петербург. Л., 1981 («сибирская» редакция); 3) Избранная проза. М., 1988 («Серебряный голубь»); 4) Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. 1–2. М., 1994 (статьи); 5) Стихотворения и поэмы. Л., 1966. Исследование: Молодяков В.Э. Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX вв. М.; Токио, 1996.

1. Бельсор А. Японское общество. СПб., 1905. С. 5.

2. Бердяев Н.А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева // О Владимире Соловьеве. Сборник первый. М., 1911. С. 108.

3. Белый А. Восток или Запад // Эпоха. Альманах. Кн. 1. М., 1918. С. 168.

4. Соловьев Вл. Памяти М.А. Хитрово // Вестник Европы. 1896. № 3.

5. The d'Anethan Dispatches from Japan, 1894–1910. Ed. & transl. George A. Lensen. Tokyo-Tallahassee, 1967. P. 47.

6. Там же. P. 24.

7. Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. С. 395.

8. Япония и ее обитатели. СПб., 1904. С. 361.
9. Цит. по: Соловьев Вл. «Неподвижно лишь солнце любви...» М., 1990. С. 383–384.
10. Молодяков В.Э. Константин Леонтьев и Валерий Брюсов: история невесты // Новый журнал. (Нью-Йорк.) Кн. 197 (1994).
11. Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Ф. 1136 (Максимов Д.Е.). Ед. хр. 13. Л. 25об.
12. Струве П.Б. Наше «бездарное» время // Полярная звезда. 1906. № 14. С. 225.
13. Весы. 1904. № 4. С. 82–83.
14. Фаррер К. Душа Востока. Л., 1924. С. 19–20.
15. Литературное наследство. Т. 85. М., 1976. С. 276.
16. Весы. 1904. № 10. С. 39.
17. Синто дзидзи мондай кэнкю. № 470. 15.07.2002. С. 1–5.
18. Соловьев С.М. Цит. соч. С. 396.
19. Цит. по: Белый А. Пришедший. Torino, 1995. С. 13.
20. Цит. по: Белый А. Петербург. Л., 1981. С. 685.
21. Бердяев Н.А. Цит. соч. С. 125.
22. Иванов-Разумник. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пб., 1923. С. 145–146.
23. Долгополов Л.К. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988. С. 273.
24. Rakka Ryusui: Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russia Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War. Helsinki, 1988. Исследования: Павлов В.Б., Петров С.А. Полковник Акаси и освободительное движение в России // История СССР. 1990. № 6; Инаба Тихару. Акаси косаку. (Доклад Акаси.) Токио, 1995 и др.
25. Щербатов С.А. Художник в ушедшей России. Нью-Йорк, 1955. С. 176–177.
26. Иванов-Разумник. Цит. соч. С. 146.
27. Долгополов Л.К. Цит. соч. С. 273–274.
28. Петров-Водкин К.С. Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. Л., 1970.
29. Иванов-Разумник. Цит. соч. С. 151, 154, 157.
30. André Cheradame. Le monde et la guerre russo-japonaise. Paris, 1906. P. 4–5.

К главе второй

Источники: НГБ-Мэйдзи. Т. 34–38; Ито Хиробуми хироку. (Бумаги Ито Хиробуми.) Т. 1. Токио, 1928; Синобу Дзюмпэй. Комура гайко-си. (История дипломатии Комура.) Т. 1–2. Токио, 1953; The Secret Memoirs of Count Hayashi Tadasu, G.C.V.O. London, 1915. Исследования: Гальперин А.Л. Англо-японский союз, 1902–1921 гг. М., 1947 (тексты договоров цит. по этому изд.); Morinosuke Kajima. The Diplomacy of Japan, 1894–1922. Vol. II. Tokyo, 1978; Ian Nish. The Anglo-Japanese Alliance: The Diplomacy of Two Island Empires. London, 1966; Tatsuji Takeuchi. War and Diplomacy in the Japanese Empire. Garden City N. Y., 1935.

1. Литературное наследство. Т. 98. Кн. 1. М., 1991. С. 400.
2. Соловьев С.М. Цит. соч. С. 387.
3. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 435.
4. Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 140, 144, 156–157, 170–171, 176–177.
5. Baron Rosen. Forty Years of Diplomacy. Vol. I. N. Y., 1922. P. 144.
6. Из предыстории русско-японской войны: донесения морского агента в Японии А.И. Русина (1902–1904 гг.) // Русское прошлое. Кн. 6. 1996. С. 59.
7. The d'Anethan Dispatches from Japan. P. 82–83.
8. Гальперин А.Л. Цит. соч. С. 70.
9. Синобу Д. Цит. соч. Т. 1. С. 277–280.
10. Takeuchi T. Op. cit. P. 125–126.
11. Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. С. 13.
12. Ито Хиробуми хироку. Т. 1. Приложение, № 64–65.
13. Полетика Н.П. Возникновение мировой войны. М.; Л., 1935. С. 612–613. Повторено: Полетика Н.П. Возникновение Первой мировой войны. М., 1964. С. 466–467.
14. Из предыстории русско-японской войны. С. 62.
15. Гальперин А.Л. Цит. соч. С. 147–148; со ссылкой на АВП РИ и «Известия Восточного института» (Владивосток) Т. III. Вып. IV. В книгах И. Ниша и М. Кадзима этот сюжет не отражен. Книга Утида перепечатана: Утида Рёхэй канкэй бунсё. (Документы Утида Рёхэй.) Т. 2. Токио, 1994. Содержательный комментарий: Танака Такэюки. «Росиа бококурон» («О гибели России») // Гэкито. Рёдзюн-Хотэн. Рэкиси гундзо. 59. (Жестокая битва. Порт-Артур и Мукден. Серия «Образы истории». 59.) Токио, 1999.
16. Цит. по: Donald Keene. Emperor of Japan: Meiji and His World, 1852–1912. N. Y., 2002. P. 593.
17. Каширин В. «Русский Мольте» смотрит на Восток. Дальневосточные планы Главного штаба // Родина. 2004. № 1.
18. Из предыстории русско-японской войны. С. 73–74.
19. Гальперин А.Л. Цит. соч. С. 194.
20. Cambridge History of British Foreign Policy. Vol. III. London, 1923. P. 293.
21. Sir Austin Chamberlain. Down the Years. London, 1935. P. 209.
22. Hiroshi Saito. Japan's Policies and Purposes. Boston, 1935. P. 121–122.
23. Из предыстории русско-японской войны. С. 81.
24. Hayashi T. Op. cit. P. 86.
25. Гальперин А.Л. Цит. соч. С. 243.
26. АВП РФ. ЯС. Оп 493. Д 206. Л 193.
27. Baron Rosen. Op. cit. Vol. I. P. 260–261.
28. Japan und die Japaner. Berlin, 1923. S. 120.
29. Ian Nish. A Japanese Diplomat Looks at Europe, 1920–39 // European Studies on Japan. Tenterden, Kent, 1979. P. 134.
30. Ламздорф В.Н. Цит. соч. С. 171.
31. Полетика Н.П. Возникновение мировой войны. С. 72, 76, 188.

32. Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. М., 1960. С. 363–367.
33. Baron Rosen. Op. cit. Vol. I. P. 172. Vol. II. P. 81.
34. Танака Гиити дэнки. (Биография Танака Гиити.) Т. 1. Токио, 1958. С. 572–573.
35. МО. Серия III. Т. 2. С. 529. Речь Черчилля цит. по: Peter Lowe. Great Britain and Japan, 1911–1915. A Study of British Far Eastern Policy. London, 1969. P. 283–284.
36. Цит. по: Там же. P. 267.
37. Исии К. Дипломатические комментарии. М., 1942. С. 49.
38. Lowe P. Op. cit. P. 9.
39. E.J. Harrison. Peace of War East of Baikal? Yokohama, 1910. P. 151–152.
40. Frederic Coleman. The Far East Unveiled. London; N. Y., 1918. P. 23.

К главе третьей

Источники и исследования: Цуруми Юсукэ. Гото Симпэй. ТТ. 1–4. Токио, 1937–1938; Варэра но сираэрэ Гото Симпэй хаку. (Граф Гото Симпэй каким мы его знали.) Токио, 1929; Синобу Сэйдзабуро. Гото Симпэй: кагакутэки сэйдзика но сёгай. (Гото Симпэй: жизнь ученого политика.) Токио, 1941; Гото Симпэй: хайкоцу но ару кокусайдзин. (Гото Симпэй: человек мира до мозга костей.) Токио, 2001 (сборник статей Гото.) См. также: Токутоми Иитиро. Косяку Кацура Таро дэн. (Биография князя Кацура Таро.) Т. 2. Токио, 1917.

1. Справка о виконте Гото по данным инопрессы: АВР РФ. Ф. 04. Оп. 49. Папка 304. № 54520. Л. 6. Гото как колониальный администратор: Д-р Шимпэй Гото. Современное состояние Формозы // Японцы о Японии. СПб., 1909. С. 503–513; Yosaburo Takekoshi. Japanese Rule in Formosa. Preface by Baron Shimpei Goto. London, 1907; Patricia E. Tsurumi. Japanese Colonial Education in Taiwan, 1895–1945. Cambridge (Mass.), 1977; Ко Бунъю, Икэда Норихико. Тайван киндайси ни окэру Гото Симпэй о гэндзай ни кангаэру. (Размышляя о роли Гото Симпэй в новой истории Тайваня.) // Гото Симпэй: хайкоцу но ару кокусайдзин. С. 246–297.

2. Ко Бунъю. Нихон-но сёкуминти-но дзидзицу: Тайван, Тёсэн, Мансю. (Правда о японских колониях: Тайвань, Корея, Маньчжурия.) Токио, 2003.

3. Yoshihisa Tak Matsusaka. The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932. Cambridge (Mass.), 2001. P. 2, 25–26.

4. Цит. по: Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988. С. 270.

5. Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор. С. 116. См. подробнее: Кобаяси Митихиро. Нихон-но тайрику сэйсаку, 1895–1914: Кацура Таро то Гото Симпэй. (Континентальная политика Японии, 1895–1914: Кацура Таро и Гото Симпэй.) Токио, 1996;

6. Нагао Сакуро. Сёкуминти тэцудо-но сэкай кэйдзайтэки оёби сэкай сэйсакутэки кэнкю. (Исследование железных дорог в колониях с точки зрения мировой экономики и мировой политики.) Токио, 1930. С. 260–289.

7. Harrison E.J. Op. cit. P. 352–353.
8. АВП РИ. ЯС. Оп. 493. Д. 1265. Л. 1–3об.
9. Там же. ЛЛ 7–8. Копию письма Коковцов переслал Извольскому, прося содействия МИД (Л. 6); ответы Шауфуса Коковцову (Л. 12) и товарищу министра иностранных дел Чарыкову (Л. 14).
10. Там же. Л. 13.
11. Там же. Л. 21.
12. Там же. Л. 41–41об.
13. Хаусхофер К. Цит. соч. С. 377.
14. МО. Серия II. Т. XVIII. С. 205.
15. Там же. Т. XX. Ч. 1. С. 154–155.
16. Там же. С. 231–232.
17. Хотя этот сюжет лежит за пределами нашего исследования, укажу, кроме переведенных на русский язык «Воспоминаний» Тирпица (М., 1957), классическое исследование: Gerhard Ritter. The Sword and the Sceptre. The Problem of Militarism in Germany. Vol. 3. The Tragedy of Statesmanship – Bethman-Hollweg as War Chancellor (1914–1917). London, 1973.
18. АВП РИ. ЯС. Оп. 493. Д. 1284. Л. 14.
19. Там же. Л. 37–37об (рапорт), 38 (меморандум посольства). См. подробнее: Григорцевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск, 1965. С. 248–256; Harrison E.J. Op. cit. P. 423–427.
20. АВП РИ. ЯС. Оп. 493. Д. 1284. Л. 35.
21. МО. Серия II. Т. XX. С. 375–376.
22. Григорцевич С.С. Цит. соч. С. 421.
23. АВП РИ. ЯС. Оп. 493. Д. 1284. Л. 50; оригинал по-русски латинскими буквами.
24. Там же. Л. 49; оригинал по-английски.
25. Там же. Л. 61–61об.
26. Нихондзин то росиаго. Росиаго кёйку-но рэкиси. (Японцы и русский язык. История преподавания русского языка). Токио, 2000. С. 140–147; Такусёку дайгаку хатидзюэн си. (История Университета Такусёку за восемьдесят лет). Токио, 1980. С. 227–281.
27. АВП РИ. ЯС. Оп. 493. Д. 1284. Л. 62–63.
28. АВП РИ. ЯС. Оп. 493. Д. 1483. Л. 9, 20.
29. Там же. Л. 17–18 об. (отчет Малевского-Малевича), 19 (письмо Гото).
30. Чудодеев Ю.В., Каткова З.Д. Китай и Япония: любовь или ненависть? М., 1995. С. 115.

К главе четвертой

Источники: НГБ-Мэйдзи. Т. 39–45; НГБ-Тайсё. Т. 1–5; Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. Исследования: Григорцевич С.С. Цит. соч.; Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988; Morinosuke Kajima. The Diplomacy of Japan, 1894–1922. Vol. III. Tokyo, 1980; Ёсимура Митио. Нихон то Росиа. (Япония и Россия). Токио, 1991. Ч. 1. Гл. 1–4.

1. The d'Anethan Dispatches from Japan. P. 195.
2. Экземпляр Извольского: АВП РФ. ЯС. Оп. 493. Д. 206. Л. 43–46 об. Ей предшествовала записка чиновника по дипломатической части при Унтербергерере Н. Богоявленского «Наше положение на Дальнем Востоке» (10 октября 1909 г.): Там же. Л. 29–41 об.
3. Коковцов В.Н. Из моего прошлого (1903–1919). Минск, 2004. С. 324–325.
4. Васкевич П.Ю. Воспоминания. Публ. и комм. П.Э. Подалко // Славяна / Slavonic Studies (Токио). № 17 (2002). С. 186–187.
5. Baron Rosen. Op. cit. Vol. I. P. 146–147.
6. Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор. С. 90–92.
7. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 186.
8. The d'Anethan Dispatches from Japan. P. 231–232.
9. Цит. по: Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор. С. 100.
10. Цит. по: Там же. С. 104–105.
11. Каширин В. Цит. соч. С. 42–43.
12. Baron Rosen. Op. cit. Vol. I. P. 233.
13. Коковцов В.Н. Цит. соч. С. 339–356.
14. АВП РИ. ЯС. Оп. 493. Д. 206. Л. 48.
15. Там же. Л. 54.
16. Там же. Л. 55–56 об.
17. Там же. Л. 59–60 об.
18. Там же. Л. 83, 131.
19. Там же. Л. 152–154. Непонятно, почему Л.Н. Кутаков называет этот ответ отрицательным (Кутаков Л.Н. Россия и Япония. С. 319).
20. Там же. Л. 20–21 об.
21. Там же. Л. 136–136 об.
22. Там же. Л. 81 (в письме Извольского Столыпину от 24 ноября 1909 г.).
23. Там же. Л. 100–107.
24. Там же. Л. 148.
25. Цит. по: Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор. С. 118–119 (проверить цитату по указанной в книге сноске не удалось).
26. АВП РИ. ЯС. Оп. 493. Д. 206. Л. 173–174 об. Перевод с немецкого.
27. Там же. Л. 165–166 об.
28. Там же. Л. 178 об.
29. The d'Anethan Dispatches from Japan. P. 258.
30. Григорцевич С.С. Цит. соч. С. 309.
31. АВП РИ. ЯС. Оп. 493. Д. 206. Л. 184–186 об., 191–193 об.
32. МО. Серия III. Т. 2. С. 494–496.
33. Там же. Т. 4. С. 371–372; Т. 5. С. 23–26, 311–315.
34. Там же. Т. 6. Ч. 1. С. 11.
35. Там же. С. 285–286.
36. Этот сюжет подробно документирован и описан: Там же. Т. 7–8; Takeuchi T. Op. cit. Ch. XV; Григорцевич С.С. Цит. соч. С. 490–514.
37. МО. Серия III. Т. 7. Ч. 1. С. 156–158; Coleman F. Op. cit. P. 205.
38. МО. Серия III. Т. 8. Ч. 2. С. 45–46.
39. Григорцевич С.С. Цит. соч. С. 518–519.
40. МО. Серия III. Т. 8. Ч. 2. С. 326–327, 124.

41. Подалко П.Э. Япония и династия Романовых // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 1999. № 2.

42. Roger F. Hackett, Yamagata Aritomo in the Rise of Modern Japan, 1838–1922. Cambridge (Mass.), 1971. P. 291–300; Миякэ Масакиси. Юрасиа гайкоси кэнкю. (Исследования по истории евразийской дипломатии.) Токио, 2000. С. 85–88.

43. Григорьевич С.С. Цит. соч. С. 521.

44. Сборник секретных документов из архивов бывшего министерства иностранных дел. Пг., 1917. С. 5.

45. Цит. по: Hackett R.F. Op. cit. P. 298.

46. Соловьев Ю.Я. Цит. соч. С. 365.

47. Григорьевич С.С. Цит. соч. С. 528–531. К этому сюжету я намерен вернуться в книге о «железнодорожном узле» российско-японских отношений.

48. Coleman F. Op. cit. P. 223.

49. См. подробнее: Там же. Ch. XLIII–LV (цит. из газет по этому изданию).

50. Фудзимото В. Установление советско-японских дипломатических отношений в 1925 году // Новый мир истории России. М., 2001. С. 500.

К главе пятой

Источники: НГБ–Тайсё. Т. 6–12; ДВП. Т. I–V; Иоффе А.А. Россия и Япония. (Чаньчунская конференция.) // Новый Восток. № 4 (1923). Исследования японской политики в связи с русской революцией и интервенцией: Хосоя Тихиро: 1) Сибэриа сюппэй но ситэки кэнкю. (Историческое исследование интервенции в Сибири.) Токио, 1955; 2) Росиа какумэй то Нихон. (Русская революция и Япония.) Токио, 1972; Кобаяси Юкио. Ниссо сэйдзи гайко си. (Политическая и дипломатическая история японо-советских отношений.) Токио, 1985. Гл. 1–5; Takeuchi T. Op. cit. Ch. V, XVIII. Исследования дипломатических контактов Японии с РСФСР и ДВР: Ниссо косёси. Сёва 17 нэн 4 гацу Гаймусё хэн (История японо-советских переговоров. Составлена Министерством иностранных дел в апреле 1942 г.) Токио, 1969 (публикация записки МИД Японии «для служебного пользования»); Нихон гайкоси. (История внешней политики Японии.) Т. 15. Ниссо кокко мондай, 1917–1945. (Проблемы японо-советских дипломатических отношений, 1917–1945.) Токио, 1970, гл. 1–3; George A. Lensen. Japanese Recognition of the USSR: Soviet-Japanese Relations, 1921–1930. Tallahassee, 1970. Ch. 1–2 (включая неопубликованные советские документы из японских архивов); СССР и Япония. М., 1987. Гл. 1. Официальная советская версия представлена также в мемуарах П.М. Никифорова и Ф.Н. Петрова.

1. Иностранные дипломаты о революции 1917 г. // Красный Архив. 1927. № 5 (24) (Утида); Самэдзима Хирокадзу. Ёнаи Мицумаса тайсё то дзайгай букал кимму. (Адмирал Ёнаи Мицумаса и его служба за границей.) // Ёнаи Мицумаса кай кайхо. № 11 (1998) (Ёнаи).

2. Григорьевич С.С. Цит. соч. С. 530–535.

3. Цит. по: Robert O. Ballou. Shinto, the Unconquered Enemy: Japan's Doctrine of Racial Superiority and World Conquest. N. Y., 1945. P. 73.

4. Архив полковника Хауза. Т. III. М., 1939. С. 272–273.
5. Там же. С. 275, 291.
6. Цит. по: Ippei Fukuda. A Revaluation of Count Uchida // *Contemporary Japan*. Vol. I, № 2 (September 1932).
7. Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 60.
8. Архив полковника Хауза. Т. III. С. 291.
9. Цит. по: K.K. Kawakami. *Japan and World Peace*. N. Y., 1919. P. 72–73.
10. Ian Nish. *Alliance in Decline. A Study in Anglo-Japanese Relations, 1908–1923*. London, 1972. P. 236–241, 257; Цуруми Ю. Гото Симпэй. Т. 3. С. 883–888.
11. Договор, памятная записка и комментарий «Известий» цит. по: B.L. Putnam Weale. *The Truth about China and Japan*. N. Y., 1919. P. 206–214.
12. Переговоры 1916 г.: Nish I. *Alliance in Decline*. P. 178–183; слухи о переговорах 1918 г.: Richard Story. *Rumours of a Japanese-German Understanding on the Eve of Armistice of 1918* // *St Anthony's Papers*. Issue 20 (1967).
13. *Foreign Relations of the United States*. 1918. Vol. II. P. 35–36.
14. Цит. по: Louis Fisher. *Russia's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations, 1917–1941*. N. Y., 1969. P. 12.
15. Цит. по: Там же. P. 35.
16. Hector C. Bywater. *Sea Power in the Pacific*. London, 1934. P. 310 (переиздание книги 1921 г.).
17. Хаусхофер К. Цит. соч. С. 373.
18. ДВП. Т. I. С. 41, 43–44.
19. Подалко П.Э. Семь лет в «посольстве без правительства»: русское посольство в Токио в 1918–1924 гг. // *Japanese Slavic and East European Studies*. Vol. 21 (2000). С. 24–25, 31–33.
20. Оба документа: George Gleason. *What Shall I Think on Japan?* N. Y., 1921. P. 34–43.
21. Атаман Семенов. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М., 2002. С. 235–236.
22. СССР и Япония. М., 1987. С. 21–22.
23. Цит. по: Подалко П.Э. Семь лет в «посольстве без правительства». С. 32.
24. ДВП. Т. II. С. 389.
25. Документы, связанные с «инцидентом», цит. по: Гутман А.Я. (Ган А.). Гибель Николаевска-на-Амуре. Страницы из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. Берлин, 1924. См. также: Кобаяси Ю. Цит. соч. Гл. 7; Ёсимура М. Нихон то Росиа. Гл. 4.
26. СССР и Япония. С. 24.
27. Цит. по: Там же. С. 25.
28. Цит. по: Гутман А.Я. Цит. соч. С. 149–150.
29. Tamura Kosaku. *Genesis of the Pacific War*. Tokyo, 1944. P. 128. См. также: Архив полковника Хауза. Т. IV. С. 350–356.
30. Цит. по: Окунев Н.П. *Дневник москвича*. Paris, 1990. С. 238; Доклад на III сессии ЦИК СССР 3 марта 1925 г. // Чичерин Г.В. Цит. соч. С. 345, 368–369.

31. Yamato Ichihashi. The Washington Conference and After. A Historical Survey. Stanford, 1928. P. 341.
32. J.O.P. Bland. China: The Pity of It. London, 1932. P. 20–21.
33. ДВП. Т. II. С. 695.
34. СССР и Япония. С. 27–28.
35. ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941. М., 2001. С. 9. Далее все решения политбюро по Японии цит. по этому изданию без дополнительных сносок.
36. Иоффе А.А. Цит. соч. С. 1.
37. Цит. по: Подалко П.Э. Семь лет в «посольстве без правительства». С. 33–34.
38. Архив МИД Японии. 2–5–1, 106–4. Нитиро кокко кайфуку косё иккэн. (Материалы переговоров о восстановлении японо-российских дипломатических отношений.) № 3. Л. 290–300.
39. Договор и заявление цит. по: Дирксен Г. фон. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М., 2001. С. 400–403.
40. Цит. по: Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2002. С. 54–55.
41. Цит. по: Иоффе А.А. Цит. соч. С. 8–10.

К главе шестой

Источники: Советские документы: АВП РФ. Ф. 08. Оп. 6. Папка 6. № 31; Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR. Ch. 3 (копии советских документов из Архива МИД Японии). Японские документы: 1) НГБ-Тайсе. Т. 12. Кн. 1; 2) Архив МИД Японии. 2–5–1, 106–4. Нитиро кокко кайфуку косё иккэн. (Материалы переговоров о восстановлении японо-российских дипломатических отношений.) № 1–7; в НГБ опубликована только первая часть (записи бесед, обмен официальными письмами и служебная переписка о подготовке визита). Другие части: № 2 (1021 лист) – «Общественное мнение Японии»; № 3 (681 лист) – «Общественное мнение других стран»; № 4 (3509 листов) – «Переписка Иоффе», включая копии и переводы телеграмм, отправленных Иоффе или адресованных ему; № 5 (558 листов) – материалы департамента информации МИД; № 6 (149) – материалы о докладе В.Л. Коппа в Харбине (1925 г.; см. главу восьмую); № 7 (323 листа) – переписка с НКВД РСФСР и МИД ДВР; 3) Мемориальный музей Гото Симпэй (г. Мидзусава, преф. Иватэ): Ед. хр. 192 (газетные вырезки), 194 (меморандум о беседах с Иоффе), 205 (запись беседы от 29 марта 1923 г.), 207 (хроника переговоров). История переговоров в изложении Гото: 1) Нитиро кокуминтэки косё но сэйкэй. (Правда о японо-российских неофициальных переговорах.) Токио, 1923; 2) Нитиро ёби косё вакумон. (Японо-российские подготовительные переговоры: вопросы и ответы.) Токио, 1923; 3) Тайро косё то Нитиро кёкай. (Переговоры с Россией и Японо-российское общество.) Токио, 1924; 4) Нитиро мондай ни цуйтэ. (О японо-российской проблеме.) Токио, 1924 и др. Исследования: Нихон гайкоси. Т. 15. Гл. 4–5; Цуруми Ю. Гото Симпэй. Т. 4; Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR. Ch. 3–4; Кутаков

Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 16–32; СССР и Япония. Гл. 2.

1. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. С. 16–17; цит.: Гото Симпэй. Нитиро канкэй ни цуйтэ сёкан. (Мнение о японо-российских отношениях.) Токио, 1923. С. 3.

2. Цуруми Ю. Гото Симпэй. Т. 4. С. 390.

3. АВП РФ. Ф. 08. Оп. 6. Папка 6. № 31. Л. 16–29; авторизованный английский перевод: Там же. Л. 1–15; Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR. P. 90–103 (текст из Архива МИД Японии).

4. David J. Dallin. The Rise of Russia in Asia. London, 1950. P. 40.

5. Цит. по: Там же. Р. 209. Далин цит. эти слова по одной из книг Хаусхофера, который много раз высоко отзывался о Сунь Ятсене: Хаусхофер К. Цит. соч. С. 260, 272, 288, 319, 325.

6. Мидзуно Рэнтаро. Кайсороку, канкэй бунсё. (Воспоминания и документы.) Токио, 1999 (включая документы о визите Иоффе).

7. Нагата Хидэдзиро. Гото сан то ватакуси. (Гото и я.) Варэра но сираэру Гото Симпэй хаку. С. 40.

8. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. С. 20.

9. Записка Утида (датирована 15 декабря 1922 г.): Утида Рёхэй канкэй бунсё. Т. 6. С. 72–79.

10. Даба Хироси. Гото—Иоффе косё дзэнго Гэньёся, Кокурюкай (Гэньёся и Кокурюкай во время переговоров Гото—Иоффе) // «Такусёку дайгаку хякунэнси кэнкю = Takushoku University History Review», № 6 (January 2001).

11. О них см. подробнее: Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М., 1999. Гл. 5.

12. Начало этому положила книга, пользовавшаяся особым вниманием Сталина и изданная массовым тиражом по его личному указанию: Танин О., Иоган Е. (Тарханов О.С., Иолк Е.С.) Военно-фашистское движение в Японии. М., 1933.

13. Перепечатано: Кита Икки. Тёсакусю. (Сочинения.) Т. 2. Токио, 1972. С. 397–407.

14. Того С. Воспоминания японского дипломата. М., 1996. С. 121.

15. Цит. по: Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. С. 21.

16. Иоффе А.А. Цит. соч. С. 1.

17. ДВП. Т. VI. С. 273–274.

18. АВП РФ. Ф. 08. Оп. 6. Папка 6. № 31. Л. 59–81. Содержание письма подробно изложено в телеграмме Иоффе в НКВД от 5 июня, опубликованной в английском переводе: Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR. P. 117–125.

19. Гутман А.Я. Цит. соч. С. 175.

20. Там же. С. 167–170.

21. СССР и Япония. С. 62–63.

22. В английском переводе: Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR. P. 115–116.

23. В английском переводе: Там же. Р. 122–123.

24. ДВП. Т. VI. С. 486–487.

25. АВП РФ. Ф. 08. Оп. 6. Папка 6. № 31. Л. 112–113.
26. Там же. Л. 125–129.
27. Запись беседы Сталина с Мацуока 24 марта 1941 г.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 501.
28. АВП РФ. Ф. 08. Оп. 6. Папка 6. № 31. Л. 114–118; ДВП. Т. VI. С. 550–551 (с разночтениями).
29. «Zeitschrift für Geopolitik», 1940, p. 292; цит. по: Hans W. Weigert. Haushofer and the Pacific // Foreign Affairs. Vol. 20 (1942). № 4. P. 741.
30. Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR. P. 88.
31. Того С. Цит. соч. С. 121–122.

К главе седьмой

Источники: Японские документы: НГБ-Тайсе. Т. 12–14 (очень полная публикация). Советские документы: ДВП. Т. VII–VIII (ознакомиться с неопубликованными материалами автор не имел возможности). Воспоминания: Ёсидзава Кэнкити. Гайко рокудзюнэн. (Шестьдесят лет дипломатической службы.) Токио, 1958. С. 73–79. Исследования: Нихон гайкоси. Т. 15. Гл. 5–6; Кобаяси Ю. Цит. соч. Гл. 8, 9, 12; Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR. Ch. 5–6; СССР и Япония. Гл. 2.

1. ДВП. Т. VI. С. 457.
2. Ёсимура М. Нихон то Росиа. С. 425–450 («Великое землетрясение Канто и инцидент с пароходом «Ленин»»); советские документы: ДВП. Т. VI.
3. ДВП. Т. VI. С. 466–473.
4. Того С. Цит. соч. С. 123.
5. ДВП. Т. VI. С. 549.
6. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 49. Папка 298. № 54386. Л. 1; ДВП. Т. VI. С. 551 (с незначительными разночтениями).
7. Беседовский Г.З. На путях к термидору. (Из воспоминаний бывшего советского дипломата.) Т. 2. Париж, 1931. С. 6.
8. Там же. С. 12–13.
9. Дирксен Г. фон. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М., 2001. С. 120–121.
10. Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990. С. 125.
11. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 49. Папка 304. № 54520. Л. 106.
12. Беседовский Г. З. Цит. соч. С. 5.
13. Там же. С. 45–46.
14. ДВП. Т. VII. С. 706 (в примечаниях).
15. Цит. по: Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR. P. 163–164.
16. Конвенция и сопутствующие документы: ДВП. Т. VIII. С. 70–77.
17. Гутман А.Я. Цит. соч. С. 180–182.
18. Нитиро кокко кайфуку-ни цуйтэ. (О восстановлении японо-русских отношений) // Гото Симпэй: хайкоцу но ару кокусайдзин. С. 192–205.
19. Син Росиа-но кэнкю (Изучение новой России) // Там же. С. 184–187.

20. Хороший обзор откликов европейской и американской прессы: Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR. P. 196–202.
21. Abrikosov D.I. Op. cit. P. 316–317; ДВП. Т. VIII. С. 97.
22. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. М., 1996. С. 77 (в примечаниях).
23. Там же. С. 76.
24. Там же. С. 87–89.
25. См. подробнее: Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR. P. 217–225.
26. ДВП. Т. X. С. 321–322.
27. ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941. С. 26–27.

К главе восьмой

Источники: ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941. М., 2001 (все документы из этого издания цит. без сносок); Катаяма С. Статьи и мемуары. М., 1959. Советская историография: Хаяма (Эйдус Х.Т.) Борьба за генеральную линию в японской компартии // Современная Япония. Сб. 1. М., 1934; Коваленко И.И. Очерки истории коммунистического движения в Японии до Второй мировой войны. М., 1979; Сенаторов А.И. Сэн Катаяма. Научная биография. М., 1988. См. также: Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR. Ch. 12.

1. Лукницкий П.Н. Встречи с Анной Ахматовой. Том I. 1924–25 гг. Paris, 1991. P. 261.
2. Перепечатано: What Japan Thinks. Ed. K.K. Kawakami. N. Y., 1921. P. 171–188.
3. Беседовский Г.З. Цит. соч. С. 36–37.

К главе девятой

Источники: Японские документы: НГБ-Сёва. Серия I. Часть 2. Т. 2–3. Советские документы: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 49. Папка 298. № 54386–54387; ДВП. Т. X–XI. Исследования: Танака Гиити дэнки. (Биография Танака Гиити.) Т. 1–3. Токио, 1958–1960; Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR. Ch. 7, 8, 11; George A. Lensen. The Damned Inheritance. The Soviet Union and the Manchurian Crisis, 1924–1935. Tallahassee, 1974; Ch. 1–4; Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. Гл. 2; СССР и Япония. Гл. 3; Nobuya Bamba. Japanese Diplomacy in a Dilemma: New Light on Japan's China policy, 1924–1929. Kyoto, 1973 (хорошая психологическая характеристика Танака).

1. Текст: История войны на Тихом океане. Т. I. М., 1957. С. 337–353.
2. Кириченко А.А. Из истории российско-японских отношений // Япония без предвзятостей. М., 2003. С. 302–303.
3. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997. С. 224, 232.
4. Подалько П.Э. Из истории российской военно-дипломатической службы в Японии (1906–1913 гг.) // Япония. 2001–2002. Ежегодник. М., 2002. С. 374.
5. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 49. Папка 298. № 54387. Л. 1–7.

6. Цит. по: СССР и Япония. С. 80–81.
7. Harrison E.J. Op. cit. P. 64.
8. АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 12. Папка 140. Д. 23. Л. 2–5.
9. Baron Shimpei Goto. The Japanese Question in America // What Japan Thinks. P. 189–203. См. подробнее: Савельев И.Р. Японцы за океаном. История японской эмиграции в Северную и Южную Америку. СПб., 1997. Гл. 4–5.
10. Текст: Танака Гиити дэнки. Т. 1. С. 547–584; аналогичный проект по Китаю: Там же. С. 676–712. Об отношении Гото к этим проектам: Matsusaka Y.T. Op. cit. P. 180–185.
11. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 49. Папка 304. № 54520. Л. 9–10.
12. ДВП. Т. IX. С. 12.
13. Памятная записка без даты из бумаг, относящихся к визиту Гото: АВП РФ. Ф. 08. Оп. 11. Папка 67. № 342. Л. 52.
14. Выступление на V съезде Советов 4 июля 1918 г. // Чичерин Г.В. Цит. соч. С. 61.
15. Статья «Японские летчики – вестники сближения», опубликованная без подписи 30 августа 1925 г.: Там же. С. 458–459.
16. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 49. Папка 304. № 54520. Л. 33.
17. John W. Dower. Empire and Aftermath. Yoshida Shigeru and the Japanese Experience, 1878–1954. Cambridge (Mass.), 1988. P. 84. См. подробнее: Bamba N. Op. cit.
18. Запись Трояновского: ДВП. Т. XI. С. 137–147.
19. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 49. Папка 304. № 54520. Л. 2.
20. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. С. 81–82.
21. Там же. С. 86–87.
22. Цуруми Ю. Цит. соч. Т. 4. С. 844–845.
23. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 49. Папка 304. № 54520. Л. 3.
24. Там же. Л. 4.

К главе десятой

Источники: Японские документы: НГБ-Сёва. Серия I. Часть 2. Т. 3. Советские документы: АВП РФ: Ф. 0146. Оп. 11. Папка 132. № 10; Ф. 146. Оп. 11. Папка 23. № 7; Ф. 146. Оп. 12. Папка 27. № 5; Ф. 04. Оп. 49. Папка 304. № 54520; Ф. 08. Оп. 11. Папка 67. № 341–343; Ф. 08. Оп. 12. Папка 94. № 364. ДВП. Т. XI.

Исследования: Цуруми Ю. Цит. соч. Т. 4; Ёсимура Митио. Гото Симпэй сайго-но хо-Со-о мэгуттэ (Вокруг последнего визита Гото Симпэй в СССР) // Гайко сирёкампо. № 3 (март 1990); Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. С. 86–89; СССР и Япония. С. 96–99. См. также: William F. Morton. Tanaka Giichi and Japan's China Policy. New York, 1980; Каретина Г.С. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е гг. XX в. М., 1984; Каткова З.Д. Китай и державы, 1927–1937 гг. М., 1995. Гл. 1.

1. АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 11. Папка 132. № 10. Л. 20, 57–58.
2. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 49. Папка 304. № 54520. Л. 72–76, 81–85; Ф. 08. Оп. 11. Папка 67. № 341. Л. 63–69.

3. АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 11. Папка 132. № 10. Л. 32–37, 48–51, 54–60, 64–65, 74–87, 90–94; Ф. 04. Оп. 49. Папка 304. № 54520. Л. 11–12.
4. АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 11. Папка 132. № 10. Л. 29.
5. Записи Карахана: ДВП. Т. XI. С. 20–22 (Танака); АВП РФ. Ф. 04. Оп. 49. Папка 304. № 54520. Л. 109–110 (Гото).
6. Запись Чичерина: ДВП. Т. XI. С. 22–29.
7. Телеграмма Карахана Трояновскому: Там же. С. 41–42.
8. История этих переговоров подробно описана: Нихон гайкоси. Т. 15. Гл. 8; Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR. Ch. 9–10. Текст: Рыболовная конвенция-между СССР и Японией со всеми относящимися к ней материалами. М., 1928; ДВП. Т. XI. См. также: АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 11. Папка 133. № 20.
9. АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 11. Папка 132. № 10. Л. 99–100.
10. Жутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. С. 87.
11. Мицукава Камэтаро. Ко хаку но нитиро тэйкэй икэнсе (Меморандум покойного графа (Гото) о японо-российском сотрудничестве) // Варэра но сираэрэу Гото Симпэй хаку. С. 212–215; Ёсимура М. Гото Симпэй сайго-но хо-Со-о мэгуттэ. С. 51–53.
12. АВП РФ. Ф. 08. Оп. 11. Папка 67. № 342. Л. 6–8; другой вариант: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 49. Папка 304. № 54520. Л. 17–19.
13. Yakichiro Suma. Where Japan Stands. Addresses Delivered in America on the Sino-Japanese Conflict. Tokyo, 1940. P. 42.
14. АВП РФ. Ф. 08. Оп. 11. Папка 67. № 342. Л. 55–56.
15. Suma Y. Op. cit. P. 64–65.
16. Цит. по: Bamba N. Op. cit. P. 275.
17. Беседовский Г.З. Цит. соч. С. 27–29.
18. АВП РФ. Оп. 49. Папка 304. № 54520. Л. 24.
19. Там же. Л. 29–37.
20. High Tension. The Recollections of Hugh Baillie. New York, 1959. P. 105.
21. Цит. по: СССР и Япония. С. 99.
22. Запись из бумаг НКВД: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 49. Папка 304. № 54520. Л. 78–80.
23. АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 11. Папка 132. № 10. Л. 106–109.
24. Там же. Л. 117–118.
25. ДВП. Т. XII. С. 154–155.
26. АВП РФ. Ф. 08. Оп. 12. Папка 94. № 364. Л. 5.
27. АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 11. Папка 132. № 10. Л. 127–131; в газетах с разночтениями.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные материалы

Архив внешней политики Российской империи (Москва)
Фонд Японский стол.

Архив внешней политики Российской Федерации (Москва)
Фонды 146, 0146. Референтура по Японии.
Фонд 04. Секретариат Г.В. Чичерина.
Фонд 08. Секретариат Л.М. Карахана.

Архив Министерства иностранных дел Японии (Токио)
2–5–1, 106–4. Нитиро кокко кайфуку косё иккэн. (Материалы переговоров о восстановлении японо-российских дипломатических отношений.) № 1–7 (копии в собрании Университета Такусёку).

Мемориальный музей Гото Симпэй (г. Мидзусава, преф. Иватэ)
Ед. хр. 192, 194, 205, 207 (копии в собрании Университета Такусёку).

Документы и материалы

На русском языке:

1. Архив полковника Хауза. Т. III–IV. М.: Госполитиздат, 1939, 1944.
2. ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941. М.: Росспэн, 2001.
3. Документы внешней политики СССР. Т. I–XII. М.: Международные отношения, 1957–1970.
4. Из предыстории русско-японской войны: донесения морского агента в Японии А.И. Рузина (1902–1904 гг.) // Русское прошлое. Кн. 6. 1996.
5. Иностранные дипломаты о революции 1917 г. // Красный архив. 1927. № 5 (24).
6. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. Серия II. Т. XVIII–XX. М.: Госполитиздат, 1938–1940. Серия III. Т. I–X. М.: Соцэкгиз, 1931–1938.
7. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. М.: Россия молодая, 1996.

8. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: НКВД, 1927.

9. Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961.

На английском языке:

10. The d'Anethan Dispatches from Japan, 1894–1910. Ed. & transl. George A. Lensen. Tokyo-Tallahassee: Sophia University – Diplomatic Press, 1967.

На японском языке:

11. Ито Хиробуми хироку. (Бумаги Ито Хиробуми.) Т. 1. Токио: Кобункан, 1928.

12. Нихон гайко бунсё. (Документы внешней политики Японии.) Токио: Гаймусё (издание продолжается).

13. Ниссо косёси. Сёва 17 нэн 4 гацу Гаймусё хэн. (История японо-советских переговоров. Составлена Министерством иностранных дел <Японии> в апреле 1942 г.) Токио: Хара сёбо, 1969.

Комментарии современников

На русском языке:

14. Белый А. Восток или Запад // Эпоха. Альманах. Кн. 1. М., 1918.

15. Белый А. Петербург. Л.: Наука, 1981.

16. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. 1–2. М.: Искусство, 1994.

17. Брюдлев Н.А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьёва // О Владимире Соловьёве. Сборник первый. М.: Путь, 1911.

18. Брюсов В. Мировое состязание. Политические комментарии 1902–1924. М.: АИРО-XX, 2003.

19. Гутман А.Я. (Ган А.). Гибель Николаевска-на-Амуре. Страницы из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. Берлин: Русский экономист, 1924.

20. Иоффе А. Россия и Япония. (Чаньчуньская конференция) // Новый Восток. № 4 (1923).

21. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. М.: Госполитиздат.

22. Соловьёв Вл. Сочинения. Т. VI. СПб.: Просвещение. Б.г.

23. Соловьёв Вл. Сочинения. Т. 2. М.: Мысль, 1988.

24. Тагор Р. Национализм. Пб.: Academia, 1922.

25. Танин О., Иоган Е. (Тарханов О.С., Иолк Е.С.) Военно-фашистское движение в Японии. М.: Партиздат, 1933.

26. Фаррер К. Душа Востока. М.: Пучина, 1924.

27. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001.

28. Япония и ее обитатели. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1904.

29. Японцы о Японии. Сборник статей первоклассных японских авторитетов / Пер. с англ. СПб.: Просвещение, 1909.

На английском языке:

30. Bland, J.O.P. China: The Pity of It. London: William Heinemann, 1932.
31. Bywater, Hector C. Sea Power in the Pacific. London: Constable, 1934.
32. Coleman, Frederic. The Far East Unveiled. London; N. Y.: Cassell, 1918.
33. Harrison, E.J. Peace of War East of Baikal? Yokohama: Kelly & Walsh, 1910.
34. Gleason, George. What Shall I Think on Japan? N. Y.: Macmillan, 1921.
35. Kawakami, K.K. Japan and World Peace. N. Y.: Macmillan, 1919.
36. The Last Will and Testament of Cecil J. Rhodes. With Elucidatory Notes. Ed. W.T. Stead. London: Review of Reviews, 1902.
37. Saito, Hiroshi. Japan's Policies and Purposes. Boston: Marshall Jones, 1935.
38. Suma, Yakichiro. Where Japan Stands. Addresses Delivered in America on the Sino-Japanese Conflict. Tokyo: Hokuseido, 1940.
39. Suyematsu, Baron. The Risen Sun. London: Constable, 1905.
40. Takekoshi, Yosaburo. Japanese Rule in Formosa. Preface by Baron Shimpei Goto. London: Longmans, 1907.
41. Weale, B.L. Putnam. The Truth about China and Japan. N. Y.: Dodd, Mead, 1919.
42. What Japan Thinks. Ed. K.K. Kawakami. N. Y.: Macmillan, 1921.
43. Willoughby, Westel W. Japan's Case Examined. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1940.

На японском языке:

44. Гото Симпэй. Нитиро канкэй ни цуйтэ сёкан. (Мнение о японо-российских отношениях.) Токио: б.м., 1923.
45. Гото Симпэй. Нитиро кокуминтэки косё но сэйкэй. (Правда о японо-российских неофициальных переговорах.) Токио: б.м., 1923.
46. Гото Симпэй. Нитиро ёби косё вакумон. (Японо-российские подготовительные переговоры: вопросы и ответы.) Токио: б.м., 1923.
47. Гото Симпэй. Тайро косё то Нитиро кёкай. (Переговоры с Россией и Японо-российское общество.) Токио: б.м., 1924.
48. Гото Симпэй. Нитиро мондай ни цуйтэ. (О японо-российской проблеме.) Токио: б.м., 1924.
49. Гото Симпэй: хайкоцу но ару кокусайдзин. (Гото Симпэй: человек мира до мозга костей.) Токио: Такусёку дайгаку, 2001.
50. Кита Икки. Тёсакусю. (Сочинения.) Т. 2. Токио: Мидзуно сёбо, 1972.
51. Мидзуно Рэнтаро. Кайсороку, канкэй бунсё. (Воспоминания и документы.) Токио: Ямакава сёппанся, 1999.
52. Окава Сюмэй. Дзэнсю. (Полное собрание сочинений.) Т. 1, 2, 4. Токио: Ивасаки сётэн, 1961—1964.
53. Утида Рёхэй канкэй бунсё. (Документы Утида Рёхэй.) Т. 2, 6. Токио: Фую сёбо, 1994.

На русском языке:

54. Беседовский Г.З. На путях к термидору. (Из воспоминаний бывшего советского дипломата.) Т. 2. Париж: Мишень, 1931.

55. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М.: Международные отношения, 1991.

56. Васкевич П.Ю. Воспоминания. Публ. и комм. П.Э. Подалко // Славяна / Slavonic Studies (Токио). № 17–18 (2002–2003).

57. Дирксен Г. фон. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М.: ОЛМА-Пресс, 2001.

58. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1–2 (в 3 кн.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

59. Извольский А.П. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1989.

60. Исии К. Дипломатические комментарии. М.: Госполитиздат, 1942.

61. Катаяма С. Статьи и мемуары. М.: Госполитиздат, 1959.

62. Коковцов В.Н. Из моего прошлого (1903–1919). Минск: Харвест, 2004.

63. Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М.: Международные отношения, 1991.

64. Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). М.: Госполитиздат, 1963.

65. Петров Ф.Н. 65 лет в рядах ленинской партии. Воспоминания. М.: Госполитиздат, 1962.

66. Сазонов С.Д. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991.

67. Семенов, Атаман <Г.М.> О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М.: АСТ, 2002.

68. Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960.

69. Того С. Воспоминания японского дипломата. М.: Новина, 1996.

На английском языке:

70. <Abrikosov, Dmitrii I.> Revelations of a Russian Diplomat. The Memoirs of Dmitrii I. Abrikosov. Ed. George A. Lensen. Seattle: University of Washington Press, 1964.

71. <Hayashi Tadasu>. The Secret Memoirs of Count Hayashi Tadasu, G.C.V.O. Ed. A.M. Pooley. London: Eveleigh Nash, 1915.

72. Grey of Fallodon, Lord. Twenty-Five Years. Vol. 1–2. London: Hodder & Stoughton, 1929.

73. Litvinov, Maxim. Notes for a Journal. Intr. E.H. Carr. London: Andre Deutsch, 1955.

74. Rosen, Baron <Roman>. Forty Years of Diplomacy. Vol. I–II. N. Y.: Knopf, 1922.

На японском языке:

75. Варэра но сираэрэ Гото Симпэй хаку. (Граф Гото Симпэй как мы его знали.) Токио: Тоё кёкай, 1929.
76. Ёсидзава Кэнкити. Гайко рокудзюнэн. (Шестьдесят лет дипломатической службы.) Токио: Дзю Адзися, 1958.
77. Сато Наотакэ. Кайсо хатидзюнэн. (Воспоминания за восемьдесят лет.) Токио: Дзидзи цусинся, 1963.
78. Сидэхара Кидзюро. Гайко годзюнэн. (Пятьдесят лет дипломатической службы.) Токио: Ёмиури симбунся, 1951.

Биографии

На русском языке:

79. Долгополов Л.К. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л.: Советский писатель, 1988.
80. Крутицкая Е.И., Митрофанова Л.С. Полпред Александр Трояновский. М.: Политиздат, 1975.
81. Молодяков В.Э. Валерий Брюсов: политический портрет // Брюсов В. Мировое состязание. Политические комментарии, 1902–1924. М.: АИРО-XX, 2003.
82. Молодяков В.Э. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель. М.: Япония сегодня, 2004.
83. Сенаторов А.И. Катаяма Сэн. Научная биография. М.: Наука, 1988.
84. Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель: Жизнь с Богом, 1977.
85. Шейнис З. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Политиздат, 1989.

На английском языке:

86. Connors, Leslie. Emperor's Adviser: Saionji Kinmochi and Pre-war Japanese Politics. London: Croom Helm, 1987.
87. Dower, John W. Empire and Aftermath. Yoshida Shigeru and the Japanese Experience, 1878–1954. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1988.
88. Dugdale, Blanche. Arthur James Balfour. Vol. I. N. Y.: G. P. Putnam's Sons, 1937.
89. Hackett, Roger F. Yamagata Aritomo in the Rise of Modern Japan, 1838–1922. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1971.
90. Hamada, Kengi. Prince Ito. Tokyo: Sanseido, 1936.
91. Keene, Donald. Emperor of Japan: Meiji and His World, 1852–1912. N. Y.: Columbia University Press, 2002.
92. Wilson, George M. Radical Nationalist in Japan: Kita Ikki, 1883–1937. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1969.

На японском языке:

93. Ито Масанори. Като Такааки. Т. 1–2. Токио: Хомонкан, 1929.
94. Кокуси Утида Рёхэй: соно сисо то кодо. (Патриот Утида Рёхэй: идеи и деятельность.) Токио: Тэнтэнся, 2003.

95. Кухара Фусаносукэ. Токио: Кухара Фусаносукэ о дэнки канко-кай, 1970.
96. Накано Ясуо. Сэйдзика Накано Сэйго. (Политик Накано Сэй-го.) Т. 1. Токио: Синкокаку сётэн, 1971.
97. Оцука Такэхиро. Окава Сюмэй: ару фуккокакусинсюгися-но сисо. (Окава Сюмэй: философия консервативного реформатора.) Токио: Тюо коронся, 1995.
98. Сидэхара Кидзюро. Токио: Сидэхара хэйва дзайдан, 1955.
99. Синобу Дзюмпэй. Комура гайкоси. (История дипломатии Комура.) Т. 1—2. Токио: Симбун гэкканся, 1953.
100. Танака Гиити дэнки. (Биография Танака Гиити.) Т. 1—3. Токио: Танака Гиити дэнки канкокай, 1958-1960.
101. Токутоми Иитиро. Косяку Кацура Таро дэн. (Биография князя Кацура Таро.) Т. 1—2. Токио: Косяку Кацура Таро дэнки хэнсанкай, 1917.
102. Утида Косай дэн. (Биография Утида Косай.) Токио: Кадзима кэнкюдзё сёппанкай. 1969.
103. Хагивара Нобутоси. Того Сигэнори: дэнки то кайсэцу. (Того Сигэнори: биография и комментарии.) Токио: Хара сёбо, 1985.
104. Цуруми Юсукэ. Гото Симпэй. Т. 1—4. Токио: Гото Симпэй ха-ку дэнки хэнсанкай, 1937—1938.

Исследования

На русском языке:

105. Аварин В.Я. Империализм в Маньчжурии. Т. 1. М.; Л.: Соцэк-гиз, 1934.
106. Аварин В. Борьба за Тихий океан. Японо-американские про-тиворечия. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1947.
107. Гальперин А.Л. Англо-японский союз, 1902—1921 гг. М.: Гос-политиздат, 1947.
108. Григорьевич С.С. Дальневосточная политика империалисти-ческих держав в 1906—1917 гг. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1965.
109. Дипломатический словарь. Т. 1—3. М.: Международные отно-шения, 1985.
110. Дугин А. Основы геополитики. Изд. 4-е. М.: Арктогея, 2000.
111. Каретина Г.С. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е гг. XX в. М.: Наука, 1984.
112. Каткова З.Д. Китай и державы, 1927—1937 гг. М.: Восточная литература, 1995.
113. Каширин В. «Русский Мольтке» смотрит на Восток. Дальне-восточные планы Главного штаба // Родина. 2004. № 1.
114. Кириченко А.А. Из истории российско-японских отношений // Япония без предвзятостей. М.: Япония сегодня, 2003.
115. Ковалёнок И.И. Очерки истории коммунистического движе-ния в Японии до Второй мировой войны. М.: Наука, 1979.
116. Ковальчук М.К. Формирование внешнеполитической страте-гии Японии в условиях экономической и политической модернизации (конец XIX — начало XX вв.) // Известия Восточного института ДВГУ. Спец. Выпуск. Япония. 1997.

117. Ковальчук М.К. Эволюция японской экспансии в Корею (60–90-е гг. XIX в.). Дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2001.
118. Кремлев С. Россия и Германия: сравнить! От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну. М.: АСТ: Астрель, 2003.
119. Кремлев С. Россия и Германия: вместе или порознь? М.: АСТ: Астрель, 2004.
120. Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор, 1905–1945 гг. М.: Соцэкгиз, 1961.
121. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М.: Изд-во ИМО, 1962.
122. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М.: Наука, 1988.
123. Молодяков В.Э. «Восток Ксеркса» (Япония в философии истории Владимира Соловьева и Андрея Белого) // Проблемы Дальнего Востока. 1991, № 1.
124. Молодяков В.Э. «Свет ночника в полдень» (Загадка адмирала Ёнаи) // Проблемы Дальнего Востока. 1993, № 4.
125. Молодяков В.Э. Собиратели «восьми углов»: пути и уроки японского евразийства // Элементы. № 5 (1994).
126. Молодяков В.Э. Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX вв. М.; Токио. 1996.
127. Молодяков В.Э. Подсудимые и победители. (Заметки и размышления историка о Токийском процессе.) Токио: Изд. автора, 1996.
128. Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М.: Восточная литература, 1999.
129. Молодяков В.Э. Гото Симпэй и Советская Россия: новая эпоха евразийской дипломатии // Takushoku University History Review. № 12 (June 2003).
130. Молодяков В.Э. Несостоявшаяся «ось»: Берлин – Москва – Токио. М.: Вече, 2004.
131. Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. М.: АИРО-XX, 2001.
132. Пестушко Ю.С. Японо-российские отношения в годы Первой мировой войны, 1914–1917 гг. Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. Владивосток, 2003.
133. Подалко П.Э. Япония и династия Романовых // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 1999. № 2.
134. Подалко П.Э. Семь лет в «посольстве без правительства»: русское посольство в Токио в 1918–1924 гг. // Japanese Slavic and East European Studies. Vol. 21 (2000).
135. Подалко П.Э. Из истории российской военно-дипломатической службы в Японии (1906–1913 гг.) // Япония. 2001–2002. Ежегодник. М.: МАКС-Пресс, 2002.
136. Подалко П.Э. Япония в судьбах россиян. М., 2004.
137. Полетика Н.П. Возникновение мировой войны. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935.
138. Полетика Н.П. Возникновение Первой мировой войны. М.: Мысль, 1964.

139. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895–1907 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
140. Самойлов Н.А. Ито Хиробуми: образ японского государственного деятеля в российском восприятии (начало XX века) // Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX–XX веках. СПб., 1998.
141. Сладковский М.И. Китай и Япония. М.: Наука, 1971.
142. СССР и Япония. М.: Наука, 1987.
143. Чудодеев Ю.В., Каткова З.Д. Китай и Япония: любовь или ненависть? М.: Ин-т востоковедения РАН, 1995.
144. Эйдух Х.Т. Япония от Первой до Второй мировой войны. М.: Госполитиздат, 1946.

На английском языке:

145. Akagi, Roy H. Japan's Foreign Relations 1542–1936. A Short Story. Tokyo: Hokuseido, 1936.
146. Bamba, Nobuya. Japanese Diplomacy in a Dilemma: New Light on Japan's China policy, 1924–1929. Kyoto: Minerva Press, 1972.
147. Dallin, David J. The Rise of Russia in Asia. London: Hollis & Carter, 1950.
148. Duus, Peter. Party Rivalry and Political Change in Taisho Japan. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1968.
149. A History of Japanese Railways, 1872–1999. Tokyo: East Japan Railway Culture Foundation, 2000.
150. Fisher, Louis. Russia's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations, 1917–1941. N. Y.: Harper and Row, 1969.
151. Ichihashi, Yamato. The Washington Conference and After. A Historical Survey. Stanford: Stanford University Press, 1928.
152. Kajima, Morinosuke. The Emergence of Japan as a World Power, 1895–1925. Rutland-Tokyo: Charles A. Tuttle, 1968.
153. Kajima, Morinosuke. The Diplomacy of Japan, 1894–1922. Vol. II–III. Tokyo: Kajima Institute of International Peace, 1978, 1980.
154. Kennedy, Malcolm D. (Capt.) The Estrangement of Great Britain and Japan, 1917–1935. Manchester: Manchester University Press, 1969.
155. Lensen, George A. Japanese Recognition of the USSR: Soviet-Japanese Relations, 1921–1930. Tallahassee: Diplomatic Press, 1970.
156. Lensen, George A. The Damned Inheritance. The Soviet Union and the Manchurian Crisis, 1924–1935. Tallahassee: The Diplomatic Press, 1974.
157. Lensen, George A. Japanese Diplomatic and Consular Officials in Russia. A Handbook of Japanese Representatives in Russia from 1874 to 1968. Tokyo-Tallahassee: Sophia University – Diplomatic Press, 1968.
158. Lensen, George A. Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia. A Handbook of Russian Representatives in Japan and East Asia from 1874 to 1968. Tokyo-Tallahassee: Sophia University – Diplomatic Press, 1968.
159. Lowe, Peter. Great Britain and Japan, 1911–1915. A Study of British Far Eastern Policy. London: Macmillan, 1969.

160. Marquis de la Mazeliere. Japan. History and Civilization. Vol. V–VII. Paris: Plon, 1939.
161. Matsusaka, Yoshihisa Tak. The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2001.
162. Miyake, Masaki. The Development of Russo-German Relations and Their Implications for Japan and East Asia // The Bulletin of the Institute of Social Sciences (Meiji University, Tokyo). Vol. 14 (1991), № 1.
163. Nish, Ian. The Anglo-Japanese Alliance: The Diplomacy of Two Island Empires. London: Athlone Press, 1966.
164. Nish, Ian. Alliance in Decline. A Study in Anglo-Japanese Relations, 1908–1923. London: Athlone Press, 1972.
165. Quigley, Carroll. The Anglo-American Establishment. N. Y.: Books in Focus, 1981.
166. Rose, N.A. The Gentile Zionists. A Study in Anglo-Zionist Diplomacy, 1929–1939. London: Frank Cass, 1973.
167. Royama, Masamichi. The History of the Japanese Foreign Policy, 1914–1939. Tokyo: Institute of Pacific Relations, Japanese Council, 1941.
168. Shimazu, Naoko. Japan, Race and Equality. The Racial Equality Proposal of 1919. London: Routledge, 1998.
169. Storry, Richard. Rumors of a Japanese-German Understanding on the Eve of Armistice of 1918 // St. Anthony's Papers. Issue 20 (1967).
170. Takeuchi, Tatsuji. War and Diplomacy in the Japanese Empire. Garden City NY: Doubleday Doran, 1935.
171. Tamura, Kosaku. Genesis of the Pacific War. Tokyo: The Institute of the Pacific (Taiheiyo Kyokai), 1944.
172. Tsurumi, Patricia E. Japanese Colonial Education in Taiwan, 1895–1945. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1977.

На японском языке:

173. Банно Дзюндзи. Тайсё сэйхэн. (Кризис Тайсё.) Токио: Минэ-руба сёбо, 1994.
174. Даба Хироси. Гото-Иоффе косё дзэнго Гэнъёся, Кокурюкай (Общество черного океана и Общество реки Амур во время переговоров Гото-Иоффе) // Takushoku University History Review. № 6 (January 2001).
175. Ёсимура Митио. Гото Симпэй сайго-но хо-Со-о мэгуттэ. (Вокруг последнего визита Гото Симпэй в СССР) // Гайко сирёкампо. № 3 (март 1990).
176. Ёсимура Митио. Нихон то Росиа. (Япония и Россия). Токио: Нихон кэйдзай херонся, 1991.
177. Киндай Нихон то Мантэцу. (Современная Япония и ЮМЖД.) Под ред. Кобаяси Хидэо. Токио: Есикава кобункан, 2000.
178. Ко Бунъю. Нихон-но сёкуминти-но дзидзицу: Тайван, Тёсэн, Мансю. (Правда о японских колониях: Тайвань, Корея, Маньчжурия.) Токио: Фусося, 2003.
179. Кобаяси Митихиро. Нихон-но тайрику сэйсаку, 1895–1914: Кацура Таро то Гото Симпэй. (Континентальная политика Японии, 1895–1914: Кацура Таро и Гото Симпэй.) Токио: Токио дайгаку сёупанкай, 1996.

180. Кобаяси Юкио. Ниссо сэйдзи гайко си. (Политическая и дипломатическая история японо-советских отношений.) Токио: Юхикаку, 1985.

181. Миякэ Масаки. Юрасиа гайкоси кэнкю. (Исследования по истории евразийской дипломатии.) Токио: Кавадэ сёбо синся, 2000.

182. Молодяков В.Э. Ёнаи Мицумаса то Росиа то (Ёнаи Мицумаса и Россия) // Ёнаи Мицумаса кай кайхо. № 12. (1999).

183. Молодяков В.Э. Окава Сюмэй-но Росиа канЗ (Взгляд Окава Сюмэй на Россию) // Takushoku University History Review. № 13 (December 2003).

184. Нихон гайкоси дзитэн. (Японский дипломатический словарь.) Токио: Ямакава сёппанся, 1992.

185. Нихон гайкоси. (История внешней политики Японии.) Т. 15. Ниссо канкэйси, 1917—1945. (Японо-советские отношения, 1917—1945.) Токио: Кадзима кэнкюдзё сёппанкай. 1970.

186. Нихондзин то росиаго. Росиаго кёйку-но рэкиси. (Японцы и русский язык. История преподавания русского языка в Японии.) Токио: Наука, 2000.

187. Самэдзима Хирокадзу. Ёнаи Мицумаса тайсё то дзайгай бука кимму. (Адмирал Ёнаи Мицумаса и его служба за границей.) // Ёнаи Мицумаса кай кайхо. № 11 (1998).

188. Такусёку дайгаку хатидзюнэн си. (История Университета Такусёку за восемьдесят лет.) Токио: Такусёку дайгаку, 1980.

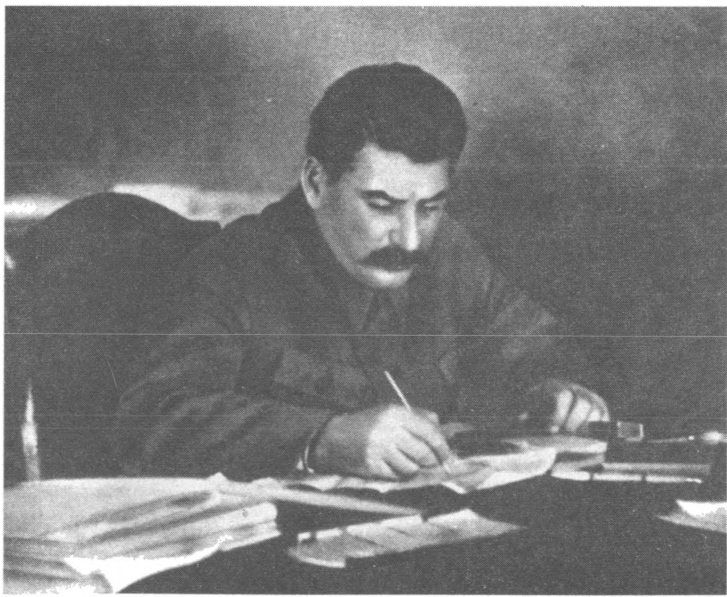
189. Хосоя Тихиро. Сибэриа сёппэй но ситэки кэнкю. (Историческое исследование интервенции в Сибири.) Токио: Юхикаку, 1955.

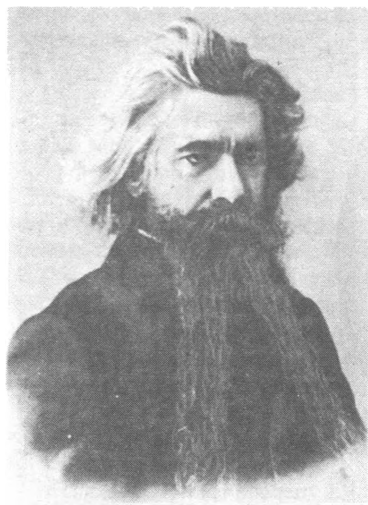
190. Хосоя Тихиро. Росиа какумэй то Нихон. (Русская революция и Япония.) Токио: Хара сёбо, 1972.

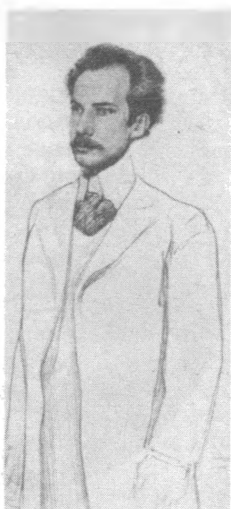
Гото Симпэй — главная движущая сила русско-японских отношений первой трети XX века...

...и его московский собеседник января 1928 г. Иосиф Сталин.

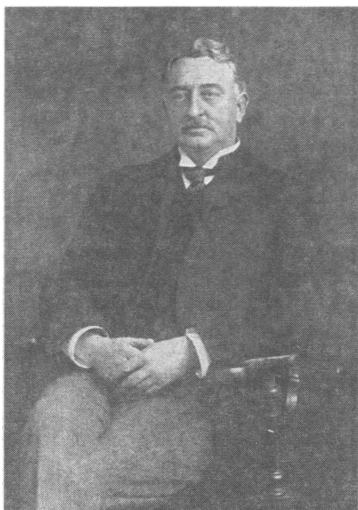
Владимир Соловьев в период работы над «Краткой повестью об антихристе».

Андрей Белый — автор «Петербурга» и визионер «желтой опасности».

Валерий Брюсов — гениальный поэт и зоркий политический аналитик (с портрета работы М.А. Врубеля).

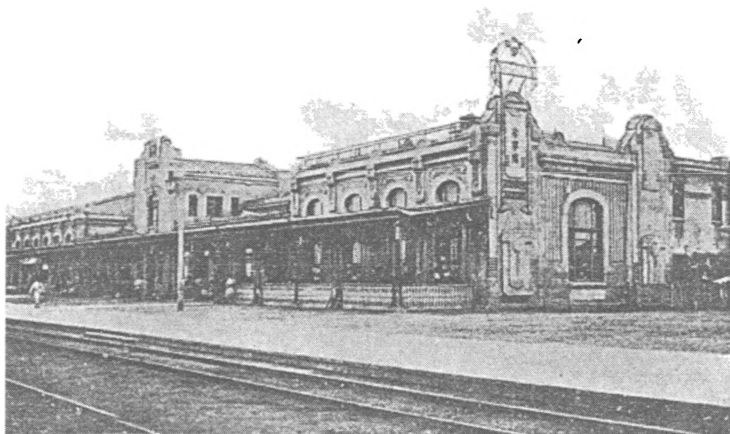

Сесил Родс создал тайное общество, более полувека влиявшее на британскую внешнюю политику. В том числе в отношении Японии и России.

Князь Ито Хиробуми долгие годы выступал за раздел сфер влияния на Дальнем Востоке между Японией и Россией...

...но пал от руки корейского террориста на харбинском вокзале (на фото), не успев начать переговоры с министром финансов Коковцовым.

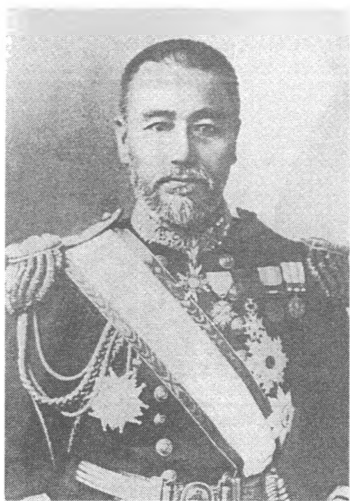
Военный министр генерал Алексей Куропаткин не был сторонником войны с Японией. Противником — тоже.

Граф Сергей Витте имел свои интересы на Дальнем Востоке — главным образом железнодорожные.

Александр Извольский представлял Россию в Токио и Париже, а в промежутке был министром иностранных дел. Один из главных виновников Первой мировой войны, в развязывании Русско-японской он не повинен.

Адмирал Того Хэйхати́ро стал символом победы «передовой Азии» над «отсталой Европой».

Генерал-премьер Кацура Таро и воевал с Россией, и налаживал отношения. Гото был его правой рукой.

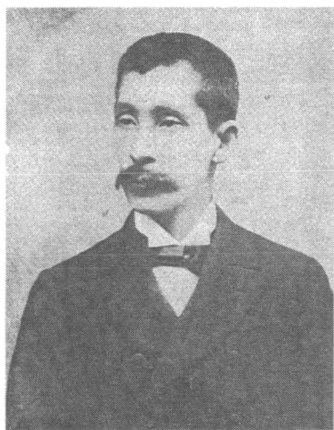

Его предшественник на посту министра граф Владимир Ламздорф отличался осторожностью, но японцев недолюбливал.

Министр финансов
Владимир Коковцов
положительно
оценивал потенциал
российско-японского
партнерства.

Министр иностранных дел
Комура Дзютаро, поставивший
подпись под Портсмутским
мирным договором, придержи-
вался того же мнения.

Российский посол в Японии
в 1908—1916 гг. Николай Мале-
вский-Малевич запросто бесе-
довал с токийскими нотаблями.

Харизматический лидер
«Общества реки Амур»
Утида Рехэй питал
к России чувства, пере-
ходившие в симпатию.

И даже маршал Ямагата
Аритомо, старейшина
японских милитаристов,
больше не рвался воевать
с Россией.

Однако его однофамилец Утида
Косай, посол в Лондоне, Вашинг-
тоне и Петрограде, а также
неоднократный глава МИД,
не любил Россию.

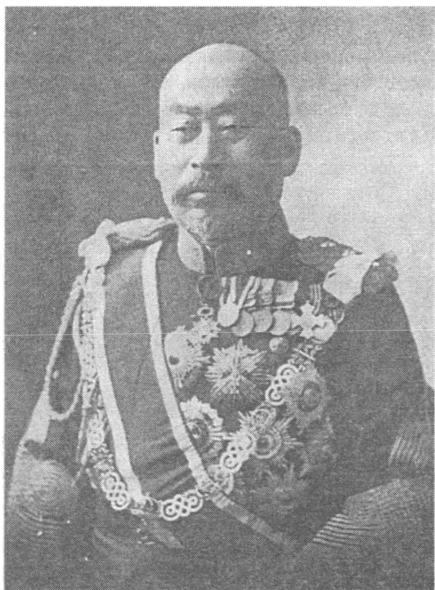

Лидер японских либералов
«легкомысленный старец» Окума
Сигэнобу в бытность премьером
не очень заботился об отноше-
ниях с Россией...

Василий Крупенский,
последний царский посол
в Японии, знаток Азии.

...зато его преемник ге-
нерал Тэраути Масатакэ
осенью 1916 г. поручил
русофилам ключевые
посты в своем кабинете.

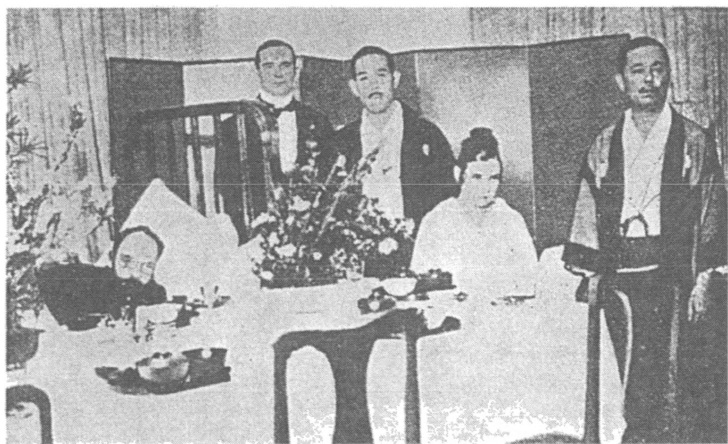

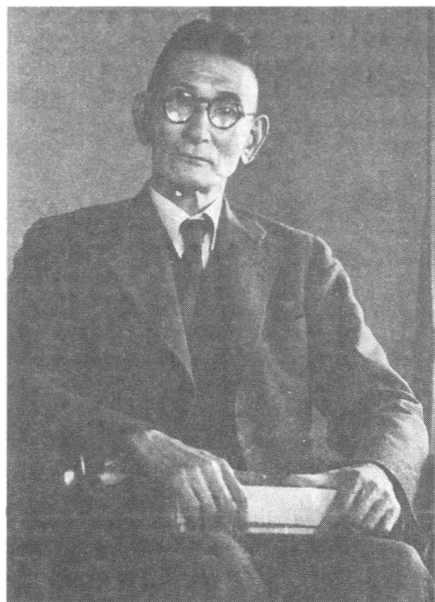
Ведущий японский атлантист, дипломат и пиарщик Като Такааки.

По части коварства глава британской дипломатии сэр Эдуард Грей явно превосходил своих предшественников. ❖

Посланец «красной» России Адольф Иоффе (крайний слева) вел переговоры в Токио в 1923 г. будучи тяжело больным.

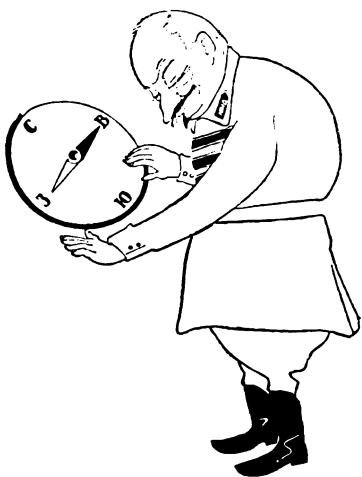

Проповедник паназиатизма Окава Сюмэй призывал к совместным действиям Японии и России против «белого империализма».

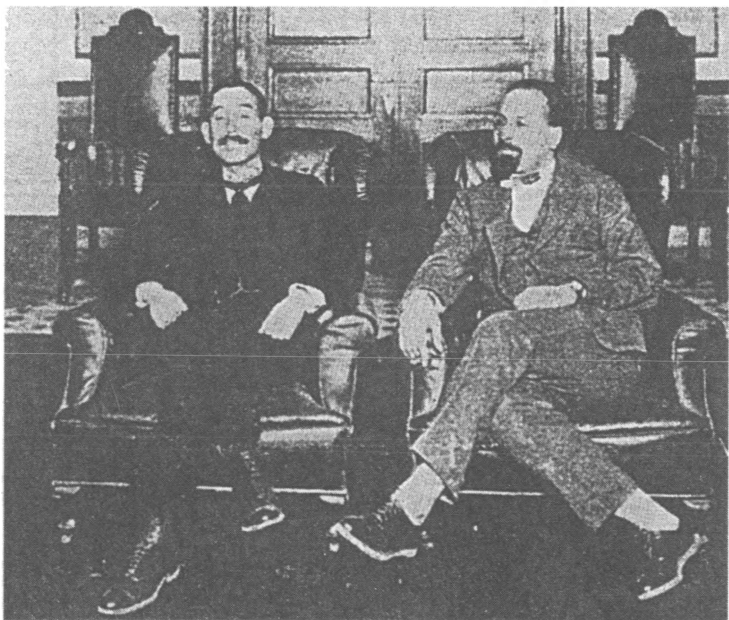

А его единомышленника Накано Сэйго противники издевательски называли «товарищи» — «товариш» на японский лад.

«Стрелка поворачивает
на Восток» — дипломатия
Чичерина глазами
«Правды».

Ёсидзава Кэнкити и Лев
Карахан во время переговоров
о нормализации советско-
японских отношений.

Подписание Пекинской конвенции Ёсидзава и Караханом.
Повредивший ногу, японский посланник не мог встать с кровати.

Танака Токити, первый японский посол в «красной» Москве
(со шляпой в руках). Рядом советник Сато Наотакэ (руки в карманах),
служивший в России в 1906—1946 гг. — с перерывами, во время
которых успел побывать послом в Париже и занимать пост
министра иностранных дел.

Русско-японская война и японская интервенция на Дальнем Востоке — наиболее известные события в отношениях между двумя странами. Но почему только они сохранились в народной памяти? Что же остается за их вычетом? Ведь были и другие, не столь драматические, но не менее интригующие события в истории первой трети XX века. Им и посвящено это исследование.

В книге можно найти ответы на многие вопросы. К примеру, кто из японских государственных деятелей выступал за сотрудничество с Россией и почему? Как большевики пытались нормализовать отношения с Японией? Кто на Западе мешал сближению между Россией и Японией? Почему Токио отказался покупать Северный Сахалин, который Москва хотела продать? Почему японские «ультраправые» были за улучшение отношений с «красными»? О чем разговаривали за блинами советский полпред и японский премьер? Почему некоего пожилого японца, прибывшего в Москву в канун 1928 года с сугубо частным визитом, принимали все первые лица, включая Сталина?

В этой книге использованы российские, японские, европейские и американские источники, но главное — материалы из архивов Москвы и Токио, оставшиеся до последнего времени не опубликованными.

